ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

1978

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

4 И
Т 98

В очередном выпуске «Тюркологического сборника» рассматриваются вопросы истории, источниковедения, художественной литературы и филологии Османской империи. Сборник рассчитан на специалистов-тюркологов.

Т $\frac{0506000000\text{-}083}{013(02)\text{-}84}$ 52-84

СОДЕРЖАНИЕ

Ц. А. Абуладзе (Тбилиси). Османские грамоты в древлехранилищах Тбилиси 4

Ц. А. Абуладзе, М. Х. Сванидзе (Тбилиси). Реестры Трапезундского, Чилдырского и Карсского эялетов 1694—1732 гг. 15

В. С. Гарбузова (Ленинград). О творчестве современного турецкого поэта Текина Сёнмеза 21

Джалиле Джалил (Ереван). Новые материалы из истории курдского национального движения. Восстание в Битлисе в 1914 г. 30

Н. А. Дулина (Ленинград). Материалы к биографии Мустафы Решид-паши (1800—1858) 46

А. Д. Желтяков (Ленинград). Внутреннее положение Турции в 1909—1910 гг. при младотурках в освещении газеты «Стамбульские новости» 69

А. Д. Желтяков (Ленинград). Изучение культуры Турции в России и СССР 88

А. Д. Желтяков, С. М. Иванов (Ленинград). Исторические корни политики этатизма в Турции (постановка проблемы) 110

К. А. Жуков (Ленинград). К истории образования Османского государства. Княжество Айдын 126

Ю. А. Каменев (Ленинград). К истории реформ в османской армии в XVIII в. 140

Г. А. Клейнман (Москва). Русские архивные материалы как источник для изучения русско-турецких отношений на рубеже XVIII—XIX вв. . . 151

Е. И. Маштакова (Москва). «Турецкие письма» и пьеса «Вдовы» . . 159

А. Д. Новичев (Ленинград). Фуад-паша — турецкий реформатор и государственный деятель 50—60-х годов XIX в. 173

И. Е. Петросян (Ленинград). К истории создания янычарского корпуса . 191

Ю. А. Петросян (Ленинград). Мехмед Сабахеддин и его общественно-политические взгляды 201

Ю. А. Петросян (Ленинград). Некоторые узловые проблемы исследования истории Османской империи в новое время 215

И. Л. Фадеева (Москва). Новые тенденции в политике Порты начала 70-х годов XIX в. 224

Н. Н. Шенгелия (Тбилиси). Из истории грузино-сельджукских взаимоотношений во второй половине XIII в. 237

Н. Н. Шенгелия (Тбилиси). Османские документальные источники о крепостях Батуми и Гонио 249

Ц. А. Абуладзе

ОСМАНСКИЕ ГРАМОТЫ В ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩАХ ТБИЛИСИ

В Институте рукописей АН Грузинской ССР и Центральном историческом архиве Грузии (ЦГИАГ) хранится свыше 1200 тюркских (азербайджанских и турецких) исторических документов десяти разных формуляров. Среди них особое значение приобретают султанские грамоты — фирманы, бераты и хюкмы, общее количество которых доходит до 180[1].

Хронологически грамоты охватывают XVI—XIX вв.; самый ранний — фирман (Ar Tur d 270*) шаха Тахмаспа I о возведении беком Мехмеда сына Хусейна, выданный в 1533 г., а позднейший — берат (Ar Tur d 203) 1874 г. о назначении пенсии жителю из села Таоскари (Артвинская область). Большинство грамот относится к XVIII в. Составлены они в основном в «богохранимом» Константинополе, а отдельные — в Эдирне, Эрзеруме, Тбилиси, Карахисаре и в полевых лагерях султана. Грамоты касаются Грузии (в частности, Картли и Самцхе-Джавахети), Дагестана, Азербайджана и Армении; выданы они картлийским вельможам, князьям и азнаурам Самцхе, принявшим ислам, дагестанским ханам, ереванскому, ширванскому и шекинскому бекам.

Следует отметить, что из 185 грамот нет ни одного вакуф-наме, все они бераты, фирманы и хюкмы.

Бераты эти являются достоверным источником для изучения вопросов османской военно-ленной системы, социально-экономической истории Грузии, Армении и соседних стран, форм феодального землевладения в Ахалцихском пашалыке и в дагестанских ханствах.

Фирманы и хюкмы же содержат значительные сведения о политической жизни Грузии, взаимоотношениях Турции как с Ираном, так и с Грузией, Арменией, Азербайджаном и Дагестаном. Этими фирманами султаны призывают грузинских князей и дагестанских ханов к борьбе против Ирана (см. Tur d 34, 63; Ar Tur

---

* Ar Tur d — тюрские документы ЦГИАГ; Tur d — тюркские документы Института рукописей АН ГССР.

d 9, 10, 280, 516, 517, 521), или же, наоборот, шахи Ирана зовут дагестанцев выступить против османов (Ar Tur d 1, 4, 265). Другими фирманами лиц, состоящих на службе османов, султан освобождает от выплаты испенджи и хараджи, жалует вотчинами, феодальными должностями и почетными облачениями (Tur d 33, 60, 228, 236; Ar Tur d 12, 16—18, 518, 519, 520, 522 и др.). Фирманы затрагивают вопросы освобождения русских пленных (Tur d 237); некоторые из них являются охранными грамотами для русских купцов (Ar Tur d 53) и лиц, возвращающихся в Грузию после переговоров в Стамбуле (Tur d 15, 235).

Весьма примечательно отношение Высокой Порты к грузинской церкви. В 1649 г. султан Мехмед IV (1648—1687) жалует монаху Иоанну должность епископа в Ацкури (Tur d 14), оговаривая, что это делается «согласно ложным правилам» грузин. А в 1722 г. султан Ахмед III своим фирманом удовлетворяет ходатайство константинопольского патриарха об обеспечении безопасности паствы Доментия, католикоса Картли (Ar Tur d 78).

Султанские грамоты, касающиеся Картли, относятся к периоду «Османства», т. е. господства османской социально-политической системы в Грузии (1723—1735). Нет ни одной грамоты периода господства турок в Восточной Грузии 1578—1606 гг.[2].

В соответствии с установленной османами военно-ленной системой право на владение своими вотчинами картлийские феодалы получали султанскими бератами. Таким образом, при внедрении форм османского землевладения учитывались и наследственные права местных феодалов. Османы старались опереться на местных феодалов, поэтому крупные феодалы — Гиви Амилахори, Давид и Луарсаб Тархнишвили, Эрасти Капланишвили, Вахушти Абашидзе и другие — получали хассы и зеаметы в качестве юртлука и оджаклыка, оставаясь христианами (Tur d 32, 37, 55, 126, 281 и др.). Однако мелкие азнауры лишь с принятием мусульманства получали тимар бераты на свое же имение (Tur d 1—8, 10—15 и др.).

Стремясь к царскому трону, брат царя Вахтанга VI Иесе-Мустафа и его сыновья перешли в мусульманскую веру, поскольку принявшие мусульманство получали определенные преимущества. Из выданных на их имена бератов в наших хранилищах имеется лишь два (Tur d 8, 9), в силу которых Али, сын Иесе-Мустафы, владеет зеаметом с доходом в 21 тыс. акче в Атени, Цедиси и Бнависи (села в Горийском районе). Остальные бераты не сохранились, но их наличие зафиксировано в «Джаба дефтере Чилдырского эялета», согласно которому сыновья Иесе-Мустафы владеют (в виде юртлука и оджаклыка или зеамета) Сомхити, Атени, Ахалдаба, Сурами и др.[3].

Подавляющая часть османских бератов и фирманов, которые находятся в наших древлехранилищах, относятся к Самцхе, в частности к Ахалцихскому району, т. е. к тем местам, где османское

господство продолжалось с 1579 по 1828 г., а отдельные грамоты касаются Трапезунда, Байбурта, Фертекрека, Карса и Эрзерума. Выданы они султанами Мехмедом IV, Ахмедом III, Мустафой, Мурадом IV, Махмудом II, и здесь доминируют тимар бераты [4].

До нас дошли бераты о пожаловании хасов только в Алтун-кала (с доходом 200 900 ахче [Tur d 21, 270; Ar Tur d 37, 181]) и в Пертекреке (с доходом 200 240 акче [Tur d 185]) [5].

Со второй половины XIX в. тимар бераты уступают место бератам о назначении пенсии, выданным султанами Абдул Меджидом и Абдул Азизом (Ar Tur d 38—44, 272, 275—277, 203 и др.).

В отличие от Картли адресатами самцхийских грамот являются мусульмане; [6] однако примечательно, что омусульманившиеся грузины часто отказываются от участия в походе против Грузии, что обходится им потерей тимара: «Давуд, владелец тимара с доходом в три тысячи акче в селе Верхнее и Нижнее Мамачихети, отказался от участия в походе на Грузию. По сей причине его тимар освободился» (Tur d 152). В 1695 г. в силу султанского берата зеаметом с доходом 20 тыс. акче вместо его прежнего владельца Мустафы, по своей воле отказавшегося от зеамета из-за нежелания участвовать в походе, завладел некий Исхак (Ar Tur d 62), и др.

Османское административное правление и налоговая система в Южной Грузии детально отражены в составленном в 1595 г. «Пространном реестре Гюрджюстанского вилайета» [7]. Находящиеся же в нашем распоряжении бераты, уточняя эти сведения, являются, в частности, важным источником изучения политической и социально-экономической истории Южной Грузии последующего за «Реестром» периода (XVII—XIX вв.).

Особо следует отметить, что в наших хранилищах нет ни одного тимар берата, относящегося к Западной Грузии, [8] — видимо, потому, что она была связана с Турцией ежегодной данью. Горные же области (Лечхуми, Рача, Сванети) находились вне опасности османского нашествия [9].

Почти все османские грамоты, находящиеся в Институте рукописей АН Грузинской ССР, являются подлинниками. Из них лишь три копии, которые снабжены специальной формулой засвидетельствования на арабском языке: «Соответствует тому, что записано в подлиннике. Переписал странник Аллаха, слава ему, велик он, тбилисский кади Ас-Сейд Мехмет Тули, да помилует его Аллах» или же «Копия Высочайшего приказа». Очевидно, они переписаны местными кади сразу же при получении грамот (те же лица упомянуты в датированных документах).

Копии османских фирманов и бератов хранятся в ЦИАГ, в частности:

1. В материалах Экспедиции суда и расправы (ф. 1450, кн. 57) содержится 10 фирманов и один берат. Фирманы относятся к 1565—1597 гг. и касаются вопросов водоснабжения и взимания налогов в Ереване, Эчмиадзине и в селе Карби [10], а берат дати-

рован 1635 г. и касается передачи Сабаратиано (Нижний Картли) христианину (зимми) Шалве в качестве юртлука и оджаклыка. Документы переписаны одной рукой — специфическим дагестанским насхом, зарегистрированы, и заверена точность копии.

2. В архиве канцелярии Главного управления Закавказским краем (ф. 2, оп. 2, № 1414) хранятся 14 копий османских фирманов, все они — первой половины XVIII в., написаны твердым каллиграфическим почерком, заверены Берже, Ахундовым и Галибовым. Прилагается русский перевод, к которому приписано неразборчивым почерком: «перевел подполковник Ахундов»[11].

Переписанные и переведенные Ахундовым османские фирманы в основном адресованы правителю Шеки Али-паше. Султан Махмуд-хан поручает ему усилить антитурецкие выступления в Гяндже и Сигнахи, приказывает отнять Цахурское и Кахское владения у Мехмед-паши. В большинстве фирманов султан призывает Али-пашу к борьбе против Ирана, посылает его в Тебриз и Ардебиль, назначает правителем Гянджи, жалует почетный халат и другие награды[12].

В коллекции османских документов (ф. 1453) хранятся около 100 грамот, из них более 30 копий. Султаны Осман, Мурад IV, Махмуд I, Мустафа и Ахмед закрепляют в качестве оджаклыка земли за ханами Кайтака, Табасарана, Цахура, Рутула и др., жалуют им почетные халаты и должности, одновременно призывают к борьбе против шиитов, а также требуют быть начеку с «неверными» русскими.

Наряду с грамотами османских султанов здесь хранятся тюркоязычные фирманы шахов Аббаса I и Надира (Ar Tur d 3, 4, 7, 11, 20—24, 26, 265, 270), адресованные к бекам Рутула, Цахура и Ширвана[13]. В них либо призыв к войне против «румелийского войска», либо пожалование наград и должностей в ответ за «услуги»; некоторые же касаются выплаты налогов.

Таким образом, в фондах Института рукописей хранятся в основном оригиналы османских грамот, а в ЦИАГ наряду с оригиналами имеются и копии (обнаружить местонахождение соответствующих оригиналов пока нам не удалось). Такое распределение вполне естественно: в Институт рукописей указанные грамоты попали из фондов Общества распространения грамотности среди грузинского населения (80-е годы XIX в.), из библиотеки Института кавказоведения (позднее — Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили), часть документов приобретена Институтом в Ахалцихе, несколько грамот переданы потомками прежних их владельцев — выходцев из грузинских княжеских родов — Эристави, Тархнишвили, Абашидзе и др. А в ЦИАГ коллекция османских грамот образовалась путем изъятия документов, ранее хранившихся в архивах и делах бывших кавказских административных и сословных учреждений, таких, как канцелярии Главноуправляющего Закавказским краем, Начальника главного управ-

ления Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, наместника на Кавказе, наместника по военно-народному управлению; здесь же находятся регистрационные книги фонда Экспедиции суда и расправы.

Как было отмечено, в грамотах доминируют бераты, и все они с тезкире (так называемые тезкирели). Притом формуляр документа иногда не соответствует содержанию текста. Несколько актов инвеституры реализованы формуляром фирмана. Таковы, например, фирманы о пожаловании Эрасти Капланишвили и его братьям вотчины (Tur d 35, 37), о назначении Омера санджакбеком в 1635 г. (Tur d 44), об утверждении монаха Иоанна епископом в Ацхури (Tur d 14), о назначении жалованья кетхуде горийского рабата и его свите (Tur d 33); имеется даже фирман о пожаловании тимара (Ar Tur d 234) и оджаклыка (ф. 2, оп. 2, № 1414).

Грамоты тбилисских древлехранилищ почти не содержат ничего существенного, что осталось бы незамеченным в трудах, касающихся османской дипломатики и палеографии[14]. Однако для создания общей картины все же остановимся на некоторых моментах.

Большая часть грамот, преимущественно хюкмы, фирманы и тимар-бераты, написаны на плотной белой бумаге с водяными знаками, а бераты о пожаловании хассов и зеаметов — на тонкой желтой глянцевитой бумаге[15].

В соответствии с выработанным в османской дипломатике правилом, правая полоса находящихся в наших хранилищах грамот чиста, текст начинается через 5—10 см. Во избежание возможных попыток подлога строки растянуты до конца и лукообразно закругляются кверху. Особо бросается это в глаза в бератах, где последняя буква дотянута до края бумаги наклонной линией. А когда графическое начертание последней буквы не дает этой возможности, в виде лигатуры вписана هو, где و удлиняется.

Текст грамоты никогда не переходит на оборот листа. Посередине на арабском языке написана дата составления документа — год (словами), месяц и день (цифрами), та же дата арабскими числами написана там же, в правом углу. На обороте же помещена подпись баш-дефтердара — куйруклу имза и приписка проверяющего (ёкламаджи), которые дают возможность составить определенное представление о системе османского канцелярского делопроизводства. Отметки ёкламаджи фиксированы не одним стандартом, чаще — «По повелению Высокочтимого фирман был проверен в таком-то году», «Согласно Высокочтимому священному берату был зарегистрирован»; иногда указано даже место проверки — «был проверен в самом Эрзеруме», в некоторых предъявлены определенные условия, например: «берат обновлен и зарегистрирован с условием нахождения оного в крепости». Некоторые бераты

проверены один раз, иные три, четыре и даже пять раз, притом время от проверки до следующей проверки разное — три, четыре, пять, шесть лет.

Редко на обороте по-грузински излагается приблизительное содержание документа: «Фирман Эрасти дианбегу о пожаловании дохода двух селений борчалойского края» (Tur d 35). «Письмо султана, когда Гиви Амилахори и картлийские князья послали к султану Давида Тархана» (Tur d 15), «Указ султана и книга вотчин Саатабаго» (Tur d 57), «Сей берат написан на имя Ахмеда о пожаловании дохода от сел: Сатредо и Чхиквта» (Tur d 8). Когда документ не касается Грузии, добавляется: «грамота султана, однако наши имена отсутствуют», «принадлежит другому мелику», «татарская» (Tur d 93) и др. Грузинские приписки являются поздними — встречаются русизмы.

Как известно, после смещения султана происходило обновление (теджидид) грамот, выданных прежним султаном, что обычно отмечалось в тексте новых грамот:

تخت عالی بخت عثمانی اوزره جلوس همایون سعادت مقرونم واقع اولوب عموما
تجدید احکام و برات و فرمان اولنغین

«Так как ныне случилось мое счастливое царственное восхождение на высокий престол Османов и в связи с этим происходит общее обновление хюкмов, бератов и фирманов, поэтому...» (Tur d 270). Но часто, хотя не издана новая грамота, между второй и третьей строками старой грамоты почерком «ени дивани» вписано специально ...جلوس اولمشدرفی — «по случаю восхождения на престол произошло обновление в...» (Tur d 1 и др.) или еще проще ...جلوس همایون ایچون تجدید اولنمشدرفی — «взошел на престол». Следует отметить, что, видимо, предусмотренное османским законодательством обновление грамот не удавалось провести в масштабе всей империи. Оставление грамот без обновления было явлением частым и не вызывало потери прав тимариота. Так, Хамид Мехмед в 1829 г. владел в селении Одиси тимаром в 10 тыс. акче в силу берата, выданного в 1715 г.[16].

Часть грамот сопровождается краткими аннотациями на русском языке (приписанными рядом с тугрой на свободной части документа). А к копиям прилагается полный перевод на отдельных листах [17].

Обычно исторические документы содержат богатый и надежный материал (из-за обилия форм народной разговорной речи и наличия дат) для изучения исторического развития грамматического и лексического строя турецкого народного языка. Однако вряд ли сказанное можно распространить на османский язык. Османский литературный язык с XV вплоть до XX в. отошел от живой разговорной речи и в соответствии со вкусом высшей аристократии переполнился арабо-персидскими языковыми элементами, ограничившись минимальной турецкой лексикой и грамматически-

ми формами. В XVI—XVII вв. сложился искусственный арабско-персидско-османский письменно-литературный язык[18].

Турецкие царские грамоты — наме, хатт-и шериф или хатт-и хумаюн, бераты, фирманы и хюкмы составлялись в императорской канцелярии (дивани хумаюн калеми), в отделе бейлика и тахвила (бейлик калеми, тахвиль калеми), кятибом или калемиджи, прекрасно владеющими арабско-персидскими языками; они специально писали на «фасых тюркче», лексика и грамматика которого составляла смесь трех языков — турецкого, арабского и персидского. Язык документов, т. е. язык официально-канцелярского делопроизводства,—не что иное, как специфическая разновидность литературного языка, совершенно оторванного от разговорной речи. Из-за строго установленного шаблона и изобилия стандартных формул в таких документах появление форм живого разговорного языка почти исключено. Поэтому язык памятников канцелярского делопроизводства едва ли пригодится для изучения вопросов исторического развития грамматики и лексики турецкого языка.

Сказанное не означает, что следует отказаться от изучения языка документов. Наоборот, османский канцелярский язык нужно изучать специально (известна роль канцелярий в системе управления Османской империи), что будет иметь скорее практическое, чем теоретическое значение. Прежде всего это будет пособием для османистов, работающих в области дипломатики и палеографии, дешифрующих тексты, написанные почерком дивани и сияката. Мы полностью разделяем мнение И. Матуца о том, что особенности османского канцелярского языка должны быть установлены не в пределах османо-турецкой исторической грамматики, а в рамках развития самого канцелярского языка[19]. При этом, учитывая, что документы разных формуляров реализованы различным языковым способом, а точнее, каждый вид документа имеет соответствующее языковое осуществление, неверно судить о «языке документов» в целом.

Для выявления реальной картины мы сочли целесообразным отдельно проанализировать фирман, хюкюм и берат о пожаловании хасса, зеамета и тимара одного периода и одного географического региона. С этой целью мы разделили документы на компоненты (но компоненты так слиты, что трудно их отделить и мы не всегда ручаемся за точность) и поместили их в общей схеме условного формуляра параллельно друг другу. Таким образом, четко обозначались: 1) структура каждого формуляра, что необходимо для анализа материала на уровне дипломатики; 2) языковая (в основном лексическая) особенность не только документов разных формуляров, но и разных компонентов документа одного и того же формуляра. Подробно этот вопрос будет рассмотрен в специальной статье, здесь лишь отметим, что, во-первых, наподобие бератов, фирманы и хюкмы также не сопровождаются интитуляцией, за инвокацией и тугрой следует инскрипцио; и во-вто-

рых, как в бератах, так и в фирманах в протоколе и ескатоколе турецкий языковый элемент минимален. Превалирует он лишь в основной части документов, преимущественно в нарацио, хотя и эта часть перегружена стереотипными формулами и выражениями.

Османские грамоты в тбилисских древлехранилищах содержат значительный материал как для исторической географии Картли, Месхети, Джавахети, Армении, Дагестана, Шеки, так и для изучения грузино-турецких языковых взаимоотношений. Грузинские реалии — топонимы и антропонимы зафиксированы с учетом фонематической и фонетической системы обоих языков, с учетом степени аспирации и различий согласных по звонкости. Характерные для грузинского языка абруптивы переданы соответствующими звонкими t>د, k>ظ, ç>س, африкаты — соответствующими спирантами c> د, زك. Многосогласное грузинское имя туркизировано с включением гласного. Несколько топонимов являются простыми переводами с грузинского: Алтун-кала, Агджа-кала, Курд-кала и т. д., переведена также атрибутная часть топонима; части топонимов «нижний» и «верхний», как правило, передаются арабскими словами سفلا и عليا.

Османские бераты и фирманы кавказского региона, в частности документы Ахалцихского края, с начала XIX в. вошли в научный оборот. Так как в манифесте Александра I было сказано, что «каждый пребудет при преимуществах состояния своего и собственности своей неприкосновенно», местное население, отстаивая свои интересы, представляло в распоряжение русской администрации, как уже было сказано, и османские фирманы и бераты. Поэтому делом первой необходимости стал вопрос изучения принципов османской феодальной системы. Это определило появление таких трудов, как «Записки об ахчевом и тапном землевладении в Ахалцихском уезде» М. И. Кучаева и «Исторический очерк турецкой системы землевладения» Дм. З. Бакрадзе[20].

В наше время на основании русских переводов и аннотации османских грамот, хранящихся в фондах ЦГИАГ и ЦГИАЛ, был написан очерк о земельных отношениях Самцхе — Джавахети[21]. Изучены также, в основном с привлечением русского архивного материала, формы землевладения в Аджарии[22].

Османские грамоты (незначительное количество) кавказского региона опубликованы в «Актах кавказской археографической комиссии».

Первая научная публикация османских грамот из тбилисских хранилищ принадлежит акад. С. С. Джикия. В 1960 г. он издал берат[23] о пожаловании хасса с доходом 200 900 акче, за этим последовала публикация шести османских фирманов с грузинским переводом и комментариями[24]. Ныне над османскими грамотами интенсивно работают его ученики.

[1] Большая часть грамот до нас не дошла. Государственный Архив Восточной Грузии погиб, по-видимому, тогда же погибли и султанские грамоты. Во всяком случае, в грузинских древлехранилищах в настоящее время нет ни одной из тех грамот, которые так обильно были представлены в трудах Д. З. Бакрадзе. Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре. СПб., 1878; Исторический очерк турецкой системы землевладения.— Приложение к протоколу Кавказского юридического общества № 9. Тифлис, 1889, с. 1—33, в книге А. А. Цагарели. Грамоты и другие исторические документы (Т. I. 1891) опубликован перевод с турецкого фирмана, утверждающего Соломона царем Имеретии (с. 101—102), а оригинала и его копии нигде нет.

В ЦГИАЛ ф. 1268 оп. 1 содержится перевод на русский язык 150 османских бератов, оригиналы которых пока не удалось обнаружить.

Известно также, что некоторые русские чиновники, работавшие в Ахалцихе, предлагали «истребовать бераты от беков, пользующихся имением, и строго рассмотреть; те, кои еще при турецком правительстве потеряли свое действие, уничтожить, на прочих сделать подписи». Все это дает основания большую часть грамот считать утерянными.

[2] Как только турецкий полководец Ферхад-паша захватил Грузию и Азербайджан (1578 г.), он велел начать в фискальных целях опись страны и населения (переписали Сабаратиано, Нижний Картли), но это вызвало народное возмущение, и Ферхад-паша был вынужден прекратить опись, надеясь добиться расположения народа (см.: I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı Devletinin Merkez ve Bahriye Teşkilâtı. Ankara, 1948, с. 108).

Как видно, Ферхад-паша не сумел добиться такого доверия и не смог произвести полную перепись Картли и составить налоговую книгу.

Хотя османы превратили Гори в санджак, в Тбилиси посадили бейлербея и в крепостях поставили турецкие гарнизоны, тем не менее самоотверженная и бескомпромиссная борьба картлийского царя Симона I вынудила их отказаться от попыток установить в Грузии свой политический и экономический строй, а также османскую систему землепользования и землевладения. Поэтому в истории Грузии период с 1578 по 1606 г. нельзя называть «Османством», тем более что политическая форма зависимости Картли от Турции тогда выражалась лишь в выплате дани (см.: М. Х. Сванидзе. Из истории грузино-турецких отношений в XVI—XVII вв. Тб., 1971, с. 180; Ц. А. Абуладзе. Прошение картлийского царя Симона I на имя Мурада III.— «Мравалтави». VII. Тб., 1980, с. 154—156).

Совершенно иная ситуация сложилась в 1723—1735 гг. В июне 1723 г. османы без боя завладели Тбилиси, захватили всю Картли и установили там свои государственные порядки. Правителем был назначен паша, страна разделена на шесть районов, власть в которых передана тем феодалам, которые согласились (фиктивно или фактически) служить султану. Турки в фискальных целях описали Картли (опись под названием «Defteri Mufassal Vilayeti Tiflis» хранится в Стамбуле, в Архиве премьер-министра под № 847/418, 900/881; акад. С. С. Джикия готовит к изданию полный турецкий текст реестра с грузинским переводом и комментариями). В Гори, Тбилиси и Триалети судьями стали османские кадии (см.: С. С. Джикия. Османские юридические документы в Картли первой половины XVIII века.— «Восточная филология». Т. I. Тб., 1969, с. 165—188; «Восточная филология». Т. IV. Тб., 1976, с. 271—279; Турецкий судебный документ XVIII в.— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник, 1969. М., 1972, с. 142—144; Османские судебные документы XVIII в.— Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М., 1980, с. 139—143).

[3] См. фирман, выданный султаном Ибрагимом (1640—1648) в ответ на донесение эрзерумского бейлербея: «Я соизволил выдать сей высочайший фирман, при чем повелеваю, да владеет отныне Хосров своим санджаком на том основании, на каком грузинские беги владеют своими поместьями, и, пока он останется предан нашей особе и религии, да распоряжается наследственно и беспрепятственно принадлежащими ему замками, деревнями и крестьянами и пользу-

ется доходами со своих поместий» (Д. З. Бакрадзе. Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре, с. 30—31).

[4] Джаба дефтер Чилдырского эялета 1694—1732 гг. Тб., 1979, с. 186, 188, 192, 196.

[5] В «Джаба дефтер» зафиксированы 15 хассов по праву юртлука и оджаклыка в санджаках Артануджь, Хертвиси, Олтиси, Оцхе, Алтун-кала, Чачараки, Поцхови, Нижняя Ачара, Верхняя Ачара, Мамирвани, Ливана, Нисфи Ливана, Шавшети, Пертекрек, Ахалкалаки (см.: Джаба дефтер..., с. 84). Такие же сведения даются в «Истории Мехмеда Рашида» (т. II. Стамбул, 1865, с. 581).

[6] Земли грузинских феодалов могли быть сохранены только по османской системе землевладения, но для этого в первую очередь они должны были принять ислам. «Часть самцхийских феодалов становилась мусульманами добровольно из-за честолюбия или насилием османов, часть эмигрировала в Имеретию и Картли» (Вахушти. История Царства Грузинского. Пер. Н. Т. Накашидзе, Тб., 1976, с. 208—210).

[7] С. С. Джикия. Пространный реестр Гюрджистанского вилайэта. Кн. I, текст. Тб., 1947; кн. II, перевод. Тб., 1941; кн. III, исследование. Тб., 1958 (на груз. яз.).

[8] Хотя в архивах Болгарии доцент Тбилисского университета К. Л. Мешвелиани и доктор исторических наук проф. Н. Н. Шенгелия выявили сотни османских грамот о Западной Грузии, все они касаются лишь стоящих в западногрузинских крепостях и городах османских гарнизонов и чиновников.

[9] См.: Очерк истории Грузии. Т. IV. Тб., 1973, с. 122; Кв. Чхатараишвили. Из истории внешних сношений Грузии (первая четверть XVIII века). Вопросы истории Грузии феодальной эпохи. Кн. II. Тб., 1972, с. 43—70.

[10] См.: А. Д. Папазян. Источниковедческое значение турецких документов Матенадарана.— Средневековый Восток, история, культура, источниковедение, с. 213.

[11] В Тбилиси, в канцелярии Кавказского главноначальствующего, документы с восточных языков на русский в течение 44 лет переводил великий азербайджанский мыслитель Мирза Фатали Ахундов. Об этом писал председатель археографической комиссии А. Берже: «все восточные документы, вошедшие в первый том, переведены вновь под моею редакциею, совместно с членом комиссии Мирза Фетх Али» (Акты СКАК. Т. I. Тифлис, 1866, с. VIII).

[12] Из этих документов фирман 1607 г. на имя Али Султана Цахурского и пять фирманов на имя Али-паши опубликованы в Актах СКАК. Т. II, с. 1085, 1091, 1092; т. VI, ч. II, с. 771, 775, 776.

[13] О тюркоязычных фирманах иранских шахов см.: L. Fekete. İlk Sefevi Şahlarının Türkçe Çıkartılmış ilk senedi.— «Восточная филология». Т. III. Тб., 1973, с. 290—293.

[14] Fr. Kraelitz-Greifenhorst. Osmanische Urkunden in türkischer Sprache aus der zweiten Häfte des 15 Jahrhunderts. Ein Beitrag zur osmanischen Diplomatik. Wien, 922; L. Fekete. Einführung in die osmanisch-türkische Diplomatik der türkischen Botmässigkeit in Ungarn. Budapest, 1926; M. Guboglu. Paleografia şi diplomatica turco-osmana. Studiu şi album. Bukarest, 1958; A. Zajączkowski, J. Reychman. Zarys dyplomatyki osmansko-tureckiej. Warszawa, 1955; Б. Недков. Османотурска дипломатика и палеография. Т. I. София. 1966; т. II, 1972.

[15] Известно, что в качестве письменного материала турки употребляли не пергамент, а бумагу различного качества. Поэтому вызывает сомнение сообщение акад. Е. С. Такаишвили о том, что «в Зурзне живет бег по фамилии Орбелианов, сын Дада-бега, у которого имеется фирман султана Сулеймана Великого (XVI в.), писанный на пергаменте (см.: Материалы по археологии Кавказа. Вып. XII, 1909, с. VI).

[16] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. I, д. 149.

[17] После присоединения Грузии к России (1801 г.) надо было упорядочить владения и личные права населения (см.: В. Н. Иваненко. Гражданское управление Закавказским краем от присоединения Грузии до наместничества Ве-

ликого князя Михаила Николаевича. Тифлис, 1901, с. 181). С этой целью Верховное Грузинское правительство приступило к собиранию и изучению всех официальных документов, определению юридических норм, вытекающих из них. Позднее, при наместнике Ермолове были проверены, переведены и скопированы турецкие документы о Картли, Дагестане, Шеки и Армении, а документы Ахалцихского округа прошли эту процедуру в 30-х годах XIX в., после Адрианопольского трактата, когда были возвращены Грузии Абастуманский, Ацкурский, Чачаракский, Ахалцихский, Коблианский, Чилдырский и Поцховский районы (подробнее см.: А. Б. Авалиани. Об опыте изучения реформ танзимата в северо-восточных вилайетах Турции.— «Краткие сообщения Института народов Азии». М., 1963, № 73, с. 229—230).

[18] Подробную характеристику османского языкового «гибрида» см.: А. Н. Кононов. К истории формирования турецкого письменно-литературного языка.— «Тюркологический сборник 1976». М., 1978, с. 256—287.

[19] J. Matuz. Zur Sprache der Urkunden Süleymans des Prächtigen.— «Acta Orientalia Academia Scientiarum Hung». T. XXVI (2—3). Budapest, 1972, c. 287.

[20] См.: Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Т. V. Тифлис, 1886.

[21] Ш. В. Ломсадзе. Самцхе-Джавахети с середины XVIII в. по пятидесятые годы XIX в. Тб., 1975, с. 369—446; он же. Из истории Ахалцихского края.— Из истории социал-экономического развития Грузии (XIX в.). Тб., 1973, с. 42—94.

[22] А. Б. Авалиани. Формы землевладения в Аджарии (перед освобождением от турецкого ига 40—70 гг. XIX века). Тб., 1961.

[23] Традиционно султанские грамоты в Грузии именуются фирманами, встречаются лишь единичные случаи употребления термина «берат». Специалисты вслед за традицией, подкрепленной психологическим фактором (арабское слово «барат» получило в грузинском значении «записка»), вместо «берата» и «хюкм» употребляли слово «фирман».

[24] С. С. Джикия. Турецкий документ XVIII века об Окрос-Цихе.— «Труды ТГУ». Т. 91. Тб., 1960, с. 161—185; его же. Два турецких документа XVIII века.— Труды ТГУ. Т. 99. 1962, с. 153—172; его же. Турецкий документ относительно Цхинвали. Труды ТГУ. Т. 116. 1965, с. 243—247; его же. Мацевани и Атени в турецких документах.— «Восточная филология». Т. II. Тб., 1972, с. 210—216 и др.

Ц. А. Абуладзе, М. Х. Сванидзе

РЕЕСТРЫ ТРАПЕЗУНДСКОГО, ЧИЛДЫРСКОГО И КАРССКОГО ЭЯЛЕТОВ 1694—1732 гг.

В архивах Болгарии хранятся ценнейшие турецкие документы, относящиеся к Грузии[1]. В Восточном отделе Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия хранится документ — дефтер (ОАК 261, арх. ед. 17), содержащий реестры Трапезундского, Чилдырского и Карсского эялетов.

Описание упомянутого дефтера имеется в каталоге, составленном болгарскими специалистами. Это первичное описание, и, следовательно, в нем отсутствуют подробные сведения об источниках. И в данном случае (оп. 358) указан только лишь первый по порядку Трапезундского эялета реестр, относительно же реестров Чилдыра и Карса ничего не сказано. В каталоге этот дефтер представлен как фрагменты реестров — тезкере владельцев тимаров и зеаметов Трапезундского эялета[2]. Вместе с тем в этом же каталоге идентичный дефтер (ОАК 128) санджака Фаш (на территории Болгарии) обозначен как йоклама дефтер[3]. Документ 261 (арх. ед. 17) содержит 243 л.: с 1 по 25 л.— реестр Трапезундского эялета, с 25 по 153 — реестр Карсского эялета, а со 153 и до конца — реестр Чилдырского эялета.

В этих трех реестрах, как и в других дефтерах, материал расположен вертикально, поэтому они имеют длинный и узкий формат. Количество строк на каждом листе одинаково, в среднем — 25, пагинация кустосами, почерк — сиякат, чернила — черные.

В упомянутых реестрах зафиксированы ленные владения Трапезундского, Чилдырского и Карсского пашалыков: хассы, зеаметы, тимары с указанием их годового дохода. Весь материал расположен по хронологическому принципу, начиная с 1106 (=1694) по 1143 (=1732) г., и поэтому данные одной ливы и нахийе разбросаны по всему дефтеру. Композиционно документ не сложный: указаны нахийе, лива, имя владельца (редко — отчество), деревня и доход, рядом поставлена дата выдачи лена. Например:

«Тимар Сулеймана
Нахийе Мзваре в Олтинской ливе

село Пертасор подчиняется упомянутой ливе
в [1] 106 году
доход 3000 (акче)»

В тех случаях, когда лен — зеамет, непременно указано: «Зеамет на имя Ахмеда».

О хасских владениях даются более подробные сведения. Так, например:

«Нахийе в Нижней Аджарии в
упомянутой ливе: хасс на имя
Нижне-Аджарского мирмирана
Юсуф бега, сына Сафара, по праву
оджаклыка. Доходы [взимаемые] с красильни
и мельницы 208 959 [акче]
в [1] 117 году».

В Чилдырский реестр внесены тимары, находящиеся в совместном владении. В подобных случаях перечислены имена владельцев тимара и указано, что тимар находится в совместном пользовании.

В дефтеры внесены данные 1106—1143 (1694—1732) гг., охватывающие промежуток времени, равный 38 годам. Нет сведений, относящихся к 1106, 1109,1110, 1112 гг., но проставлено слово соответствующее «z» в современных финансовых документах[4].

В Чилдырском дефтере кое-где поставлена буква م значение которой нам пока не удалось точно определить, этой буквой обозначают слова غلام 'гулям', مجرد холостой, неженатый или محلول опорожненный, оставленный без присмотра, свободный — по нашему предположению, графема م в данном случае соответствует последнему значению.

В реестрах имеется несколько одинаковых по содержанию приписок, выполненных одним почерком («ени дивани»), датированных 1144 (1731/32) г., которые содержат сведения о возобновлении бератов или их передаче другим лицам.

Реестры Трапезунда, Чилдыра и Карса по приведенным в них данным можно сравнить с дефтери иджмалом или дефтери тимаром, однако в отличие от обычного дефтери тимара они, видимо, составлены не специальной комиссией, собиравшей данные на месте, сверявшей и уточнявшей их, а постепенно, канцелярскими чиновниками. Этим объясняется тот факт, что материал в реестры внесен в хронологической последовательности, а не по географическим пунктам. Эти реестры, видимо, являются канцелярскими журналами, в которых были зарегистрированы пожалованные султаном тимары, зеаметы и хассы. В них было указано местонахождение лена, ливы, нахийе, карийе, затем имя владельца, годовой доход и дата пожалования надела. Следовательно, здесь фиксированы сведения, которые содержат документы, выданные ведомством тахвил. Таким образом, описываемые документы являются канцелярскими реестрами типа тахвил дефтери[5].

В реестрах Чилдырского и Трапезундского эялетов имеются приписки, которые можно принять за заглавия соответствующих документов:

جبه (sic!) ايالت طره بزون ز دفتر جبۀ (sic!) ايالت چلدر

В 1461 г., после завоевания Трапезундского государства турки стали внедрять в покоренной стране свои порядки и создали здесь санджак (ливу). Страной фактически правили наследники султанского престола, например будущие султаны — Баязид I (1481—1512), Селим I (1512—1520), Сулейман I (1520—1566).

В 1582 г. турки присоединили к Трапезундской ливе Батуми и образовали Трапезундский эялет [6].

С конца XV в. турецкие чиновники не раз производили здесь переписи, в результате которых были составлены дефтеры различного типа [7].

В начале XVII в., по данным «Рисале» Айни Али, Трапезундский эялет состоял из лив (санджаков) Трапезунда и Батуми. Всего в Трапезундском пашалыке было 56 зеаметов и 498 тимаров, из них в Трапезундской ливе — 13 зеаметов и 326 тимаров, в Батумской ливе — 13 зеаметов и 172 тимара [8].

В 1653 г., по данным Али Чауша из Софии, Трапезундский эялет состоял из двух санджаков. Заимы и владельцы тимаров представляют 554 кылыджа. По закону численность войска с джебелю 2 тыс. человек [9]. Эти сведения совпадают с данными Кочи-бея [10].

Эвлия Челеби отмечал, что Трапезундский эялет состоял из пяти санджаков: Джанха (Джаник), Нижний Батум, Верхний Батум, Гонио и Трапезунд [11].

В начале XVIII в., по данным «Джиханнума» Кятиба Челеби, Трапезундский эялет состоял из трех санджаков: Трапезунд, Гонио и Батум. В Трапезундском пашалыке было 454 кылыджа, из них — 56 зеаметов и 398 тимаров. В Трапезундском эялете были следующие казы: Атина, Каба, Иергул, Акча-кала, Архаве, Офа, Филатине, Тиреболи, Гиресун, Кешаби, Куртавани, Гония, Мачка, Маири, Миавари, Иува-Иолу (иначе — Гуреле и Алча) [12].

В хранящемся в архиве Болгарии «Реестре Трапезундского эялета» упомянута лишь одна лива — Трапезунд, объединяющая следующие нахийе: Ризе, Офа, Джаник, Куршун, Сурмене, Мачка, Акчаабад, Имра и Торул. Всего в «Дефтере» зарегистрировано 229 ленов, из них 25 зеаметов и два тимара, находящиеся в совместном владении. Этот «Реестр», составленный в первой четверти XVIII в., не является полным, в нем отсутствуют сведения о Батумской ливе, а также не зафиксированы некоторые данные самой Трапезундской ливы.

В начале XVI в. между Турцией и Ираном разразилась продолжительная и кровопролитная война (1514—1555) за господство на Ближнем Востоке. Одной из главных арен военных действий стали страны Закавказья. Турция захватила часть территории

Западной Армении и Юго-Западной Грузии, где турки стали насаждать свои порядки [13].

В 1540 г. на захваченной турками территории Западной Армении был создан Эрзерумский эялет (пашалык).

В 1534 г. турки захватили Карс. В 1555 г., по Амасийскому турецко-иранскому мирному договору, г. Карс и его окрестности остались за Турцией, однако она была обязана разрушить крепость Карс, запрещалось ей также строительство укреплений в этом районе.

Во время второй турецко-иранской войне 1578—1590 гг. Турция захватила страны Восточного Закавказья и принялась насаждать свои порядки. Султанское правительство создало здесь пашалыки, приступило к переписи стран и составлению дефтеров. Так, в 1581 г. по приказу султана был создан Карсский эялет, а в 1588 г. турки составили «Пространный реестр Карсского эялета» [14]. В Карсский эялет вошла часть территорий, ранее входившая в состав Эрзерумского пашалыка.

В начале XVII в., по данным «Рисале» Айни Али, Карсский эялет состоял из следующих санджаков: Карс, Артаан, Гачеван, Зарушат, Кагизман и Басиан. Басианский санджак был резиденцией паши. В Карсском эялете было 1206 кылыдж тимаров, однако в рассматриваемом источнике нет сведений о количестве зеаметов [15].

По сведениям Али Чауша из Софии, эялет Карс имел 6 санджаков. Заимы и владельцы тимаров представляли 819 кылыджей. Численность войска эмиров вместе с законными джебелю составляла 2,5 тыс. человек. Кроме того, имелись отряды войск на жалованье. Санджаки следующие: Карс, Малый Артаан, Кагизман, Зарушат [16], Гачеван [17] и Ходжеван [18].

Исследуемый нами дефтер Карсского эялета составлен, как и другие дефтеры, в 1694—1732 гг.

По данным «Карсского дефтера» эялет состоял из следующих лив: Карс, Гачеван, Кагизман, Зарушат и Шурагели.

В дефтере Карсского эялета всего зарегистрировано 1392 лена, из них зеаметов — 41, остальные же — тимары. Как и в Трапезундском дефтере, и здесь не учтены хассы и лены, находящиеся в общем пользовании.

По сведениям Эвлия Челеби, ранее Карс был санджаком Эрзерума. Карсский вилайет состоял из следующих лив: Карс, Малый Артаан, Худжуджан, Зарушат, Гачеван и Веришан. Карс — резиденция паши, там 7 зеаметов и 102 тимара. В Карсском вилайете 10 каз, и в каждой казе 8 нахийе [19].

В начале XVIII в., по данным «Джихан-нюма» Кятиба Челеби, в Карсском эялете было 6 санджаков. Столица — Карс. Эялет состоял из следующих лив: Малый Артаан, Ходжеван, Зарушат, Кагизман и сопредельный с Кагизманом Гачеван. Вилайет этот, пишет Кятиб Челеби, грузинский [20].

С середины XVI в. на завоеванной территории Юго-Западной Грузии были созданы санджаки. В 1579 г. в результате объединения этих санджаков и присоединения к ним захваченных в 1578 г. территорий был создан Чилдырский (Ахалцихский) эялет[21]. Турецкие чиновники с целью отуречивания края и взимания налогов с населения произвели перепись. В 1595 г. был составлен «Пространный реестр Гюрджистанского вилайета»[22]. Являющийся предметом нашего внимания реестр Чилдырского эялета содержит сведения за 1694—1732 гг.[23].

По данным этого дефтера, Чилдырский (Ахалцихский) пашалык состоял из следующих лив: 1. Ахалцихе, 2. Ахалкалаки, 3. Чрдили, 4. Поцхови, 5. Хертвиси, 6. Аспиндза, 7, Алтункала, 8. Оцхе, 9. Чачареки, 10. Артануджи, 11. Олти, 12. Мамирвани, 13. Панаки, 14. Диди (Большой) Артаани, 15. Патара (Малый) Артаани, 16. Земо (Верхняя) Аджара, 17. Квемо (Нижняя) Аджара, 18. Шавшети, 19. Ливана, 20. Нисфи Ливана, 21. Пертекрек.

По сведениям Айни Али, Кочибея Гориджели, Али Чауша и Эвлия Челеби, в первой половине XVII в. Чилдырский пашалык насчитывал 13—14 лив.

Из анализа «Реестра» видно, что в Чилдырском эялете преобладало крупное феодальное землевладение, так как более 60% феодалов имели годовой доход свыше 5 тыс. акче.

В «Дефтер-и джаба» упомянуты азнауры — отпрыски грузинских феодальных фамилий, сохранившие земельные владения и некоторые привилегии.

В Чилдырском пашалыке, по данным «Реестра», санджакбей владел хассами по праву юртлука и оджаклыка — по наследству. Эти сведения подтверждает официальный летописец первой четверти XVIII в. Мехмед Рашид.

Несомненно, большинство санджакбеев Чилдырского пашалыка были принявшие ислам крупные грузинские феодалы, ставшие на службу султанов. Они сохранили по наследству свои владения в качестве юртлуков и оджаклыков.

В упомянутых реестрах все ленники — мусульмане в отличие от дефтеров, составленных (для этих же территорий) в XVI в., где некоторые владельцы тимаров — христиане (зимми). Видимо, к этому времени (XVIII в.) процесс исламизации среди феодалов был завершен, в то время как основная масса крестьян оставалась христианской.

Таковы в основных чертах реестры Трапезундского, Чилдырского и Карсского эялетов, имеющие важное значение для изучения политической и социально-экономической истории и ономастики данного региона.

[1] Впервые на них обратил внимание К. Л. Мешвелиани (см.: Османские документальные источники о Грузии в архивах Болгарии.— «Труды ТГУ», 127. 1968, с. 413—421. Н. Н. Шенгелия. Османские документальные источники истории Грузии в Болгарии.— «Известия АН Груз. ССР», 1979, № 1. Фотокопии

этих документов привез из Болгарии К. Л. Мешвелиани и любезно передал нам, за что приносим глубокую благодарность.

[2] Опис на тимарски регистри. София, 1970, с. 64.

[3] Там же, с. 48, 49.

[4] L. Fekete. Die Siyaqat-Schrift. T. I. Budapest, 1955, c. 110.

[5] M. Sertoğlu. Muhteva bakımından Başvekâlet Arşivi. Ankara, 1955.

[6] I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı Tarihi. T. III. Ч. 2. Ankara, 1959, c. 189—190.

[7] Ö. L. Barkan. 894 (1488/1489) yılı cizyesinin tahsilatına ait muhasebe bilânçoları. Belgeler. T. I/1. Ankara, 1964, c. 110; M. T. Gökbilgin. XVI yüzyıl başlarında Trabzon livası ve Doğu Karadeniz bölgesi.— «Belleten». T. XXVI, № 154. Ankara, 1967, c. 293—337; Irène Beldiceanu-Steinherr, M. Berindei, G. Veinstein. Attribution de timar dans la province de Trebizonde (fin du XV siècle). Turcica, T. VIII/1. 1976, c. 279—290; N. Beldiceanu. Le timar de Muslih ed-din, precopteur de Selim Sah.— «Turcica», VIII/2, c. 91—92.

[8] M. F. Kırzıoğlu. Osmanlıların Kafkas Ellerini fethi (1451—1590). Ankara, 1976, c. 91—110; Ayni Ali. Kanunname-i ali Osman... Ankara, 1963.

[9] Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. Документы и материалы, составление, перевод и комментарии А. С. Тверитиновой. М., 1963, с. 95.

[10] А. С. Тверитинова. Второй трактат Кочибея.— Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. IV. 1953, с. 250.

[11] Эвлия Челеби. Т. II, с. 83 (на турецк. яз.).

[12] دستور العمل في اصلاح الخلل كاتب چلبی. Русский перевод: А. А. Папазян. «Джихан-нюма» и «Фезлеке» Кятиба Челеби как источник по истории Армении. Ер., 1975, с. 168.

[13] М. К. Зулалян. Армения в первой половине XVI в. М., 1971.

[14] M. F. Kırzıoğlu. Osmanlıların Kafkas..., c. 322.

[15] Ayni Ali. Osmanlı Devleti arazi kanunları, sene 1018 (1602). Ankara, 1962, c. 7, 326.

[16] Трактат Али Чауша из Софии, у А. С. Тверитиновой — Зард-Шад.

[17] У А. С. Тверитиновой — Геджран.

[18] У А. С. Тверитиновой — Джуджван.

[19] Эвлия Челеби, с. 331, 332.

[20] Кятиб Челеби, с. 408. См.: Г. Г. Аласания. Сведения Кятиба Челеби о Грузии и Кавказе. Тб., 1978, с. 139.

[21] М. Х. Сванидзе. Из истории грузино-турецких отношений в XVI—XVII вв. Тб., 1971, с. 128 (на груз. яз.).

[22] С. С. Джикия. Пространный реестр Гюрджистанского вилайета. Кн. I, текст. Тб., 1947; кн. II, перевод, Тб., 1941; кн. III, исследование, Тб., 1958 (на груз. яз.).

[23] Джаба дефтер Чилдырского эялета, 1694—1732 гг. Турецкий текст с грузинским переводом подготовила к изданию Ц. А. Абуладзе, исследованием снабдил М. Х. Сванидзе. Тб., 1979 (на груз. яз.).

В. С. Гарбузова

О ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ТУРЕЦКОГО ПОЭТА ТЕКИНА СЁНМЕЗА

Среди современных турецких поэтов особого внимания заслуживает Текин Сенмез. Произведения Текина Сенмеза, являясь типичными для турецкой литературы демократического направления последних лет, показывают нам, по какому пути пойдет дальнейшее развитие поэзии в Турции.

Со стихами Текина Сенмеза читательские круги Турции смогли познакомиться уже во второй половине 50-х годов нашего столетия, когда различные газеты и журналы начали их публиковать на своих страницах. В 60-х и особенно в 70-х годах произведения Текина Сенмеза стали выходить отдельными сборниками.

На первый взгляд по форме стихотворения Текина Сенмеза близки произведениям таких современных турецких поэтов, как Орхан Вели, Рыфат Ылгаз, Бехчет Неджатигил, Фазыл Хюсню Дагларджа и некоторых других. Но, рассмотрев его произведения более внимательно, можно заметить, что они резко выделяются чертами яркой индивидуальности.

Свободный ритмический стих Текина Сенмеза имеет свой, несколько отличающийся от стихов его предшественников и современников, новый принцип рифмовки. Часто на протяжении всего произведения — как правило, не длинного,— заключающего 6—12 строк, рифма встречается один, два, реже — три раза. Остальные же строки подчинены лишь ритмико-мелодическому звучанию стихотворения в целом. Иногда применяется ступенчатая строка. Многие стихотворения имеют строфическую композицию, причем в строфах различное количество строк. Лексика изобилует диалектизмами и словами, редко встречающимися в литературной речи. Метафоры и сравнения — чаще всего необычны, точны, ярки и многообразны.

Почти все стихотворения рассчитаны на декламацию. В некоторых преобладают элементы песенности. Все эти особенности стихотворного творчества указывают на незаурядное поэтическое дарование Текина Сенмеза.

С формой стихов Текина Сенмеза хорошо гармонирует и их

содержание, благодаря которому поэта можно отнести к наиболее передовым представителям турецкой литературы.

В ранних произведениях[1], созданных примерно до середины 60-х годов, преобладает гражданственная тематика. Поэт воспевает родину, нелегкую долю трудового народа — крестьян и мелких ремесленников. С тяжелой жизнью этих людей Текин Сенмез хорошо знаком с самого раннего детства.

Отец Текина Сенмеза[2] был родом из деревни Гёрешкен, находящейся у подножия горного хребта Соганлы (Восточная Анатолия). С большим трудом он сумел получить среднее образование в Эрзуруме и затем учительствовал в начальных школах, а в 1942 г. был призван на военную службу. Своего малолетнего сына, будущего поэта Текин Сенмеза, он отправил к своим родственникам в Гёрешкен (мать Текина Сенмеза умерла незадолго до этого).

В деревне мальчика взял к себе в дом брат отца — кузнец и землепашец. Здесь Текин Сенмез прожил до 1949 г. Школы в деревне не было. Мальчик помогал дяде в его нелегком труде. Постоянно общаясь с жителями деревни, Текин Сенмез познакомился с песнями турецких крестьян Восточной Анатолии. Влияние народного песенного творчества можно заметить во многих поэтических произведениях Текина Сенмеза.

Позднее, в ранних стихах Текин Сенмез воспел своего дядю-кузнеца, как видно, человека незаурядного, которым поэт искренне восхищался. Его памяти посвящен сборник ранних стихов Текина Сенмеза, названный «кузнец зари»[3]:

1. По огненной стали молотом бил мой дядя,
Меха раздувая, я пламя сеял в очаг,
И тогда в нем зажигалась заря, созревая,
И угли мерцали, соком граната сочась,
Казалось — это раздавлены вишни на наковальне,
И песнь моя, уносясь прочь, с синей дымкой сливалась,
А в пасти щипцов внезапно загоралось солнце,
Но вдруг захлебнулись меха и померк зари багрянец.
Сталь плюнула шлаком. Все омеркло. Потом
Алмазами снова я черные угли во тьме украшал.
2. Сталь закалял слезами мой дядя,
Я осторожно мехами воздух вдувал,
Сталь кровь испустила, сердце мое пропитав,
И мне показалось — миг счастья меня вдаль умчал,
Но эта кровь меня сжала, скрутила и смяла,
Затем отпустила. Я тихо стонал.
3. Искусный кузнец среди жителей гор — мой дядя,
И ночь отступала, лишь дверь раскрывал он на заре,
И искры надежды вспыхивали всегда перед нами,
И яхонты эти мы затем всем раздавали.
Да, каждое утро в сердцах заря зажигалась
И каждое утро — ночь укрощал мой дядя[4].

В другом стихотворении, где говорится о дяде как о сельском труженике, Текин Сенмез говорит о том, что дядя погиб «за свободу жителей гор»:

1. Косою косил луга мой дядя,
А я бродил в высокой траве,
Фиалки ресницами в ней мерцали,
И песнь гиацинтов звучала везде,
От взмахов косы все вокруг звенело,
И сталь, умываясь, сражала траву,
Шурша, обнажалася грудь земная,
Тонули глаза мои в изумрудах...
2. Капельки пота у дяди на лбу
В струйках сливались, как ручейки гор,
А он шел вперед, и падали маки.
С детским восторгом на все я взирал,
Ягоды спелые собирал,
Падал на скошенную траву.
Отблески солнца играли на стали,
На заре мы с дядею землю пахали.
Чрево земли ласкал мой дядя,
А после с легким треском всходили побеги,
Вспыхнув, огнем загорались цветы,
Так длилось все до ночной темноты.
3. Дядя свет сеял для жителей гор,
Страх и боязнь разбивал он плечом,
В наших сердцах расцветали цветы,
Мы жизнь создавали для будущих дней,
И, всю тяжесть гор взвалив на себя,
Жизнь за свободу жителей гор отдал мой дядя [5].

В обоих приведенных выше стихотворениях третьи строфы содержат основную мысль, которую поэт выражает иносказательно, что можно объяснить соображениями цензурного порядка.

Как видно, дядя погиб в 1949 г., и с этого времени, по словам Текина Сенмеза, начинается его нелегкая борьба за существование. Он переезжает в Сарыкамыш, где работает мальчиком на побегушках у одного золотых дел мастера. Текину Сенмезу было в то время 12—13 лет, рабочий же день его длился четырнадцать часов. Позднее Текин Сенмез работает подмастерьем у богатого ювелира в Карсе, рабочий день здесь был шестнадцать часов. Приходилось исполнять всевозможную работу не только в мастерской хозяина, но и у него дома.

В 1952 г. хозяин вместе с подмастерьями переехал в Анкару, но здесь жить и работать было еще труднее. Текин Сенмез уехал в Эрзурум, где снимал за одну лиру в день койку в комнате вместе с рабочими-курдами. Днем он работал, по вечерам посещал школу для взрослых. В этот период ему часто удавалось слушать курдские песни, и влияние курдского фольклора можно заметить на многих стихотворениях Текина Сенмеза. Именно тогда Текин Сенмез, которому было 17—18 лет, начал сочинять стихи, подражая при этом курдским песням.

В 1962 г. Текин Сенмез переехал в Карс, где, наконец, сумел закончить третий класс лицея. Затем, поселившись в Стамбуле, он продолжал образование в вечерней школе, а днем зарабатывал на жизнь.

К этому времени Текин Сенмез уже опубликовал ряд стихотворений в журналах «Тюрк Дили», «Варлык» и др. Внимание турецкой общественности обратили на себя не только те его произведения, в которых воспевался труд крестьян, но и те, где поэт живо откликался на события, происходящие далеко за пределами его родины. Так, например, когда 4 апреля 1968 г. был убит Мартин Лютер Кинг, турецкий поэт опубликовал стихотворение, в котором он с упреком обращается к погибшему:

Что же ты думал, что песни твои
Оружием станут в борьбе за прогресс?
И разве вся суть только в цвете кожи?
Различия классов не понял ведь ты!
И ты решил, что твои напевы
Будет петь город Мемфис, Мартин Лютер Кинг? [6]

Таким образом, рассматривая поэтические произведения Текина Сенмеза 60-х годов, можно сделать вывод, что поэт, исходя из реального жизненного опыта, стихийно подошел к пониманию ряда проблем социального порядка.

Следующий этап в развитии мировоззрения Текина Сенмеза начался после того, как он, познакомившись с произведениями Назыма Хикмета, узнал, что представляет собой истинная «политическая поэзия» [7]. Стихи Назыма Хикмета, впервые увиденные им в журнале «Ён», просто ошеломили Текина Сенмеза. Он понял, каким должен быть идейный смысл стихов.

Известно, что в 1950 г. турецкие власти под давлением прогрессивной общественности выпустили Назыма Хикмета на свободу, однако преследования великого поэта у него на родине продолжались, и в 1951 г. он уехал в СССР. Но даже тогда, когда имя Назыма Хикмета приобрело мировую известность, а произведения его были переведены более чем на шестьдесят языков, на родине поэта все еще опасались публиковать хотя бы избранные образцы его творчества. Только после переворота 1960 г., приведшего к некоторым изменениям в стране, наиболее смелые турецкие издательства начали печатать стихи Хикмета. Так, журнал «Ён» поместил даже статью турецкого литературоведа профессора Таньола, в которой утверждалось, что Назым Хикмет не враг Турции, как это пытались доказать представители власти, а подлинно национальный поэт, своим творчеством прославивший родину [8].

Подобные публикации усилили интерес передовых людей Турции к Назыму Хикмету. Среди них оказался и Текин Сенмез, который не побоялся открыто объявить себя последователем Хикмета и с удвоенной энергией стал работать над совершенствованием своих стихов.

Но когда на произведения Назыма Хикмета снова был наложен запрет, это привело к тому, что уже в 1968 г. ни одно издательство не решалось печатать сборники стихов и Текина Сенмеза,

в первую очередь сборник стихов «Неожиданно раскрывшийся день», имеющих острую социальную направленность, в котором поэт прямо говорит о влиянии на него произведений Назыма Хикмета.

Правда, лично познакомившись в Стамбуле с писателями и поэтами демократического направления, такими, как Рыфат Ылгаз, Х. И. Динамо, А. Кадир, Эрджюмонт Бехзат и другими, Текин Сенмез заручился их поддержкой и в конце концов смог напечатать сборник за свой счет (первое издание — в 1968 г., второе издание — в 1974 г.).

Среди стихов этого сборника интерес представляют такие антиимпериалистические произведения, как «Мусульманские торговцы» и «Моя страна».

Мусульманские торговцы [9]

...Над нами несутся
С напалмом и газами,
Разинув пасти.
С жадными взорами,
Разъяренные, взмыленные
захватчики,
Вскормленные капитализмом
летучие мыши!
И вот они уже идут
по нашей земле!
В патронташах у них — разрывные пули!
А банкиры, покуривая трубки и болтая
об исторических проблемах,
Улыбаются, видя, как на бедноту дождем
сыпятся эти пули,
С каждым днем возрастает гнет!
С каждым днем в стране растет эксплуатация!
Борцы-дервиши среди нас редки, они одиноки,
Но зато много молодчиков с атомным оружием!
Газелями шейх-уль-ислам воскрешает
османскую кадриль,
А последователи Патрона Халиля
стали в сторонку,
Приверженцы шариата
предают мусульман!
Общество наше непрерывно кровоточит,
Нашу страну постоянно грабят,
Все в ней продается:
Женщина, спасшаяся от тайной продажи,
Пальцем молча указывает
на свою грудь
Сдерживая рыдания.
Ребенок прижимается к моим ладоням,
Всхлипывает, точно взрослый.
Но куда ему бежать?
Разве он может скрыться от захватчиков?
А в стране моей — весь день, до глубокой ночи —
Суетливо, спешно
все продается [10].

Моя страна [11]

Что осветит новый день твой,
моя страна?
Что этот день нам покажет?
Месят жизнь
наши натруженные руки,
Каждое утро они.
Железо куют,
ткани ткут,
рис собирают.
А больной ребенок в поисках хлеба
Готов все проглотить, что можно жевать!
Как же твои богатства ты делишь,
моя страна?
Чем объяснить гнет свой ты можешь,
моя страна?
Почему нас всегда угнетают?
Почему мы всегда бедны?
Ведь велик урожай всей твоей земли!
Но и горы голода велики!
Даже Бог устал на все это взирать,
А люди давно обозлены
И готовы уже убивать!
Как ты все это объясняешь,
моя страна?
И за что же любить нам тебя,
моя страна?
Но мы любим тебя, и своим трудом
мы тебя, моя страна,
создаем!
А ты все отдаешь на продажу,
не жалеешь наш труд,
И повсюду тебя
покупатели ждут,
И давно обагрен
кровью алой Свободы наш дом,
Независимость наша — в сетях,
А писатели наши — в цепях,
Ну, проснись же,
ведь Новая Эра близка,
Мы создаем тебя заново
И полюбим
еще сильнее, моя страна [12]!

Однако Текина Сенмеза беспокоит не только тяжелое положение, в котором находится его родина. Живо откликаясь на международные события, он создает в 1976 г. поэму-ораторию «Дестан о Чили и Викторе Хара» [13], где с болью, горечью и гневом рассказывает о трагических событиях в Чили, о последних стихах В. Хара, написанных им на страшном для памяти человечества стадионе в Сантьяго незадолго до гибели. Эта поэма Текина Сенмеза заслуживает особого, отдельного изучения.

В 1977 г. Текин Сенмез опубликовал новый сборник лирических стихов «Земля — любовь моя» [14], в котором поместил произведения, созданные в 1974—1977 гг.

В начале сборника помещено стихотворение, которое является программным:

Горькие слова я в землю обронил,
Затем, наклонившись, внимательно взглянул на нее.
Веточка зеленая тянулась вверх, к небу.
Она тянулась, чтобы о тебе, земля, рассказать.
Истратил я все свои слова,
Стихи написал, чтобы о тебе рассказать.
Пахнущую розами грудь земли
Вскормила красота ее недр.
И смех юных роз, все преграды превозмогая,
В небо взлетел, чтобы о тебе рассказать.
Истратил я все свои слова,
Стихи написал, чтобы о тебе рассказать [15].

Далее следуют стихи, в которых Текин Сенмез рассказывает обо всем, что он любит на родной земле,— горы, цветы, отары овец, людей труда и т. д. В сборнике помещены также произведения, носящие явно автобиографический характер, написанные в 1975 г., когда Текин Сенмез вместе с другими писателями демократического направления подвергался у себя на родине преследованиям.

Шум

Только хотели мы выйти, послышался шум,
Заглянули за занавеску, а там два человека,
Вооружены. Один засуетился и вдруг
Пошел прочь. Второй возле двери растерянно как-то
Стоял. Одна рука на эфесе шашки, другою
Он пот утирал со лба. Смотреть
Больше времени не было. Мы бросились к двери
И быстро наружу
скользнули...
А за нами,
за нами
топали,
медленно
топали они [16].

Допрос

У стен, изрешеченных пулями,
У пулями изрешеченных стен
Есть нечто безмолвное, как фотоснимок,
Как фотоснимок, есть нечто безмолвное.
Если я даже скажу или напишу «привет»,
Если «привет» напишу или скажу,
Я даже не услышу его в этом шуме,
В этом шуме не услышу даже я.
Как тяжело — навалилось столько вопросов,
Давят эти вопросы — так тяжело.
А тот передо мной весь в поту, а все спрашивает,
Спрашивает да спрашивает тот предо мной [17].

В некоторых стихотворениях Текин Сенмез, критически оценивая международную обстановку прошлых лет, говорит о том, что

его родина стала для него чужбиной, а сам он, находясь вдали от нее, продолжает любить ее и тосковать по ней:

Чужбина, с которой разлучен я

Что бы там ни было! К примеру, скажу:
Международные гангстеры тайно,
Тайно Гитлер и Муссолини
Готовили виселицы, тюрьмы,
И даже туман был ими пропитан, и вот...
Для журналистов теперь — лишь намыленные петли.
Что бы там ни было! К примеру, скажу,
По милости генералов — любимцев банкиров,
На улицах — батальоны смерти, проволочные заграждения,
Шпорами кровь проливают,
Вокруг, как никотин...
Наша родина нам стала чужбиной.
Что бы там ни было! К примеру, скажу,
Буря, зима, словно конец света,
Заглушают горечь разлуки с чужбиной,
А трусливой ночью наваливается на нас
Холодный страх, словно стужа, и вот...
Увядают яркие розы и герань [18].

Завершается сборник стихотворением «Перед нами есть пути».

Перед нами есть пути

Перед нами есть пути, есть дороги,
Ты, как невеста, любимый мир; из груди своей
Не урони на кинжал мое сердце,
Не покинь у начала пути, на середине пути.
Волк и ягненок пока лишь присматриваются друг к другу.
Перед нами есть пути, есть дороги.
Перед нами есть пути, ночью и днем
На дорогах мы познаем любовь, гнев, ненависть,
Кровь, надежду, воздух, солнце и небо,
Так пойдемте ж рука в руке, плечо к плечу!
И в конце пути повеет ароматом земли на Заре,
И в конце пути повеет ароматом земли на Заре [19].

Нельзя представить полную картину всего поэтического творчества Текина Сенмеза в небольшой статье, настоящая публикация носит лишь предварительный, чисто информационный характер. Однако даже при беглом ознакомлении с произведениями Текина Сенмеза можно сделать вывод: все творчество поэта лишний раз убеждает нас, что, пока наиболее талантливые и прогрессивные поэты, черпая вдохновение из народного творчества и принимая эстафету у лучших поэтов старшего поколения, будут изображать в своих произведениях жизнь народа, развитие любой поэзии, в том числе турецкой, безгранично и ее дальнейшие перспективы носят самый оптимистический характер.

[1] См. его сборники стихов: Boşuna değil yaşamak («Жить не напрасно»). İstanbul, 1970; Şafağın Demircisi («Кузнец Зари»). İstanbul, 1971; Ağıt yok («Нет слез»). İstanbul, 1973, 1974.

[2] О жизни поэта мы знаем пока лишь то, о чем он сам рассказывал в интервью, опубликованных различными журналами. См., например: Tekin Sönmez. Günün apansız açıklanması («Неожиданное раскрытие дня»). İstanbul, 1974, с. 7—16.

[3] Приводимые здесь и ниже подстрочные переводы, к сожалению, не могут в достаточной степени отразить всего поэтического своеобразия произведений Текина Сенмеза, яркости и самобытности его образов и сравнений.

[4] Tekin Sönmez. Şafağın Demircisi. İstanbul, 1971, с. 8.

[5] Там же, с. 26.

[6] Там же, с. 70.

[7] Tekin Sönmez. Günün apansız açıklanması, с. 11.

[8] К. Познаньска. Старая и новая Турция. М., 1974, с. 166.

[9] Дается с сокращениями.

[10] Tekin Sönmez. Günün apansız açıklanması, с. 23—26.

[11] Дается с сокращениями.

[12] Tekin Sönmez. Günün apansız açıklanması, с. 30—36.

[13] Tekin Sönmez. Sili'nin ve Yra'nın destanı. İstanbul, 1976.

[14] Tekin Sönmez. Yeryüzü sevdiğim. İstanbul, 1977.

[15] Там же, с. 60.

[16] Там же, с. 63.

[17] Там же, с. 38.

[18] Там же, с. 70.

[19] Там же, с. 75.

Джалиле Джалил

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ КУРДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. ВОССТАНИЕ В БИТЛИСЕ В 1914 г.

Первые годы после прихода к власти младотурок ознаменовались оживлением общественной и политической жизни турецких курдов; был создан ряд курдских политических, культурных и общественных организаций, таких, как «Курд таавун ва таракки джамиати», «Курд нешр маарифи», «Хива»; выходили периодические издания: «Курд», «Курдистан» и «Рожа курд». Однако по мере усиления шовинистической политики эти организации и издания стали подвергаться притеснениям и в скором времени были запрещены.

Младотурки, успевшие за короткое время обнаружить свою неспособность решить социальные, национальные и политические проблемы, которые были унаследованы ими от режима султана Абдул-Хамида, очень скоро оттолкнули от себя подвластные народы, вызвав с их стороны антитурецкие выступления.

Национальное движение курдов в сложившейся обстановке росло и крепло; в результате его в курдской среде наметились разные политические пути и ориентации. Группа курдских деятелей во главе с шейхом Абдул-Кадером придерживалась более умеренной линии. Значительная часть лидеров курдского движения боролась за независимый бейлик в составе Османской империи — автономную область Курдистан. В то же время Абдуррезак Бадрхан и его сторонники ориентировались на Россию, провозгласив радикальную программу борьбы. Но, как бы ни отличались друг от друга программы обеих групп, общим для них была непримиримость к турецкому владычеству.

Одним из ярких проявлений неприятия курдскими массами шовинистического режима младотурок было восстание курдов Битлисского района накануне первой мировой войны, которое вызвало серьезную тревогу в правящих кругах империи. Курдская феодально-племенная аристократия и трудовые массы курдов, принимавшие участие в восстании, естественно, преследовали различные классовые цели.

Несмотря на значимость этого события, оно еще не нашло достаточно подробного освещения в отечественной и зарубежной курдоведческой литературе [1].

Поражения иттихадистского правительства в Триполитанской и Балканской войнах 1911—1912 гг. повлекли за собой острый политический кризис в самой Турции. Активизировали борьбу против младотурецкой власти все оппозиционные силы. По утверждению многих наблюдателей, именно в этот период курдское движение входит в новую фазу. Армянский политический журнал «Арарат» писал: «Курдские лидеры инстинктивно чувствовали, что рано или поздно партия младотурок урежет их права и выкажет пренебрежение к их национальному духу; они понимали, что настоящий момент — момент турецкого бессилия — благоприятен для начала действия» [2].

В этот период предпринимаются практические шаги к объединению разрозненных политических групп и организаций. В мае 1912 г. была созвана всеобщая курдская ассамблея с участием представителей всех политических и общественных группировок турецких курдов. Единогласно принимается решение об организации единой, сильной партии, способной представлять интересы курдского народа в Турции в целом. На ассамблее была намечена главная цель движения и определена платформа, на которой предполагалось осуществить объединение.

Уже в августе 1912 г. в донесениях русского посла в Стамбуле Гирса в министерство иностранных дел встречаются сведения о существовании среди курдов тайной организации «Иршад», которая возглавляет подготовку восстания. Руководство организации находилось в восточных районах страны, среди курдского населения. Под лозунгом «бейлика Курдистан» выступали почти все представители курдской духовной и феодально-племенной аристократии, недовольные турецкой властью, ущемлявшей их национальные и социально-экономические интересы.

Независимо от деятельности «Иршада» во всех районах, где проживали курды, имело место глухое брожение масс и велись приготовления к восстанию. Русский консул в Битлисе доносил послу Гирсу, что «движение среди курдов замечается и в Мосульском вилаете, в местностях, лежащих ближе к границе Диарбекирского санджака Битлисского вилаета. Там, в местности Дехок, также происходило совещание курдских беков и шейхов» [3].

В ряде районов местные руководители курдов стремились к объединению антитурецких сил армянского и курдского народа. Особенно заметны были шаги в этом направлении в Битлисском районе. Молла Селим, один из лидеров курдов района Битлиса, в 1913 г. наладил практические контакты с представителями армянского движения, посещая под предлогом путешествия различные места, населенные армянами.

Правящие младотурецкие круги с тревогою следили за ходом

приготовления курдов. Неминуемость курдского восстания стала наглядной особенно после того, как правительством было объявлено о новом увеличении налогов, пошлин и т. п. Увеличился налог на овец («агнам-русумати»), плата за право торговли («теметю») выросла на 20%, судебные сборы и пошлины — вдвое[4]. Русская газета «Кавказ» по этому поводу писала: «Вслед за окончанием Балканской войны вместо прежних поблажек, сразу же, по указке из Стамбула, были усвоены по адресу курдов меры крупные и небывалые»[5]. Размер подушной подати устанавливался (в переводе на русские деньги) свыше 5 руб., причем взиманию этого налога подвергались даже подростки. По замечанию газеты, тяжелым бременем для курдов стал и «зерновой налог, доходивший до 10 рублей». Изменяется также срок давности взимания недоимок — с 10 до 20 лет. В результате недоимки достигли громадных размеров. Выколачивались они, по словам газеты, с невиданной жестокостью[6].

Размер взыскиваемых налогов зависел от прихотей местных властей и во много раз превышал размер, введенный правительством. Повышение налогов резко сказалось на политической жизни районов Битлиса и Диарбекира. Массовое возмущение в ряде мест стихийно перерастало в вооруженные столкновения со сборщиками налогов. Особое недовольство среди курдов вызвало увеличение налога на овец. Русский вице-консул в Битлисе Ширков сообщал послу: «Надо полагать, что введение увеличенного налога „агнам русумати“ (с баранов и овец) натолкнется на большие препятствия со стороны курдского населения, которое платит налоги вообще с огромным неудовольствием, и отношение к туркам после всякого прибавления налогов вряд ли пройдет благополучно»[7].

Предположение Ширкова вскоре подтвердилось. Когда вали отправил в Нахие сборщиков налогов, курды отказались платить, заявив, что они не согласны с увеличением налога. В казе Модке и нахие Хоюде прибывшие из Битлиса сборщики были выгнаны курдами[8]. За отказ крестьян платить налоги власти направили в деревню солдат и вооруженных жандармов. Европейские телеграфные агентства отмечали массовый отказ курдского населения от уплаты новых налогов в районах Трапезунда, Диарбекира, Мосула и др. В районе Баязета курды с оружием в руках оказывали упорное сопротивление правительственным войскам[9]. Около Ризе часть солдат курдского происхождения присоединилась к восставшим[10].

Губительно отражались на экономическом положении крестьян новые наборы в армию. Зимою 1913—1914 гг. младотурки при поощрении и прямой поддержке Германии энергично готовились к войне против России. Набор в армию вызывал среди курдского населения открытое возмущение, поскольку он непосредственно отражался на хозяйстве крестьян, лишавшихся трудоспособной мужской силы[11].

В напряженной ситуации, создавшейся в районе Битлиса, курды вели энергичные приготовления к восстанию. Вали Битлиса решил восстановить свой пошатнувшийся авторитет, арестовав влиятельного руководителя готовившегося восстания Моллу Селима. Узнав об аресте Моллы Селима, большой отряд курдов устроил засаду у селения Арзуенк и, разогнав конвой, освободил арестованного. Молла Селим укрылся в укрепленной деревне Кумач. Это событие, происшедшее 23 февраля, ознаменовало переход курдов к открытому вооруженному восстанию [12]. После неудавшегося ареста Моллы Селима хизанский каймакам, боясь возмездия, бежал в Битлис и долгое время не осмеливался возвращаться к своим обязанностям.

Молла Селим предпринял активные меры по защите деревни Кумач: вокруг нее были выкопаны рвы и траншеи. Соседи курдов — армянские крестьяне в домашних условиях изготовляли для восставших различное холодное оружие [13]. Среди курдского населения распространялись листовки с призывом к восстанию.

Вскоре восставшие подняли в Кумаче курдский флаг [14]. В районах Татик, Хизан и других власть перешла в руки повстанцев. Все пути и дороги были перекрыты, курды охотились за турецкими чиновниками и обезоружили всех местных турецких солдат и жандармов.

К восставшим стекались вооруженные курды из разных мест: в Кумаче ожидалось прибытие руководителей движения, в особенности Юсуфа Кямил-бей Бадрахана, активного агитатора и организатора восстания. Молла Селим поддерживал тесные контакты с курдами Битлиса, с которыми он вел постоянную переписку. В одном из писем битлисскому населению разъяснялась причина недовольства курдов и причина восстания [15].

10 марта Молла Селим обратился от имени курдских повстанцев со специальным письмом к религиозному главе армян города Битлиса. Он заверил его, что «курды будут покровительствовать армянам и защищать их», и что курдские отряды, проезжая через армянские села, должны брать у населения хлеб только за деньги [16]. С аналогичным письмом Молла Селим обратился к армянскому патриарху Турции, заверяя его, что «восстание будет направлено исключительно против младотурок», и призывал армян к сотрудничеству с курдами [17]. Ссылаясь на очевидцев, корреспондент армянской газеты «Оризон» сообщал, что к восставшим присоединились многие армяне [18].

Паника охватила турецких чиновников в Битлисе, когда стало известно, что восставшие приближаются к городу. Вали, не имея под рукой достаточной военной силы, пытался урегулировать конфликт путем переговоров с Молла Селимом или же по крайней мере выиграть время с их помощью, пока не подоспеют подкрепления из соседних районов. Он отправил к Молле Селиму депутацию из почтенных граждан, которые, не добившись опре-

3 Зак. 737

деленных результатов, предложили Молле Селиму прибыть в их сопровождении в Битлис для личной встречи с вали. Молла Селим согласился. Прибыв в Битлис 29 февраля, он остановился у одного из своих близких и, несмотря на троекратное требование вали явиться к нему, заявил, что, если тот имеет какое-либо дело, пусть сам явится к нему. Оскорбленный такой дерзостью, вали приказал Молле Селиму немедленно покинуть город, и тот возвратился в Кумач.

Перед отъездом Молла Селим заявил турецким представителям, что если недавно курды в стычке с турецкими солдатами защищали свою честь, то «в ближайшем будущем все курды восстанут для защиты своих прав». Требования же курдов, по словам Моллы Селима, заключались в том, чтобы из курдского района была удалена турецкая администрация, которая разоряет курдов [19].

События требовали от властей экстренных мер. От управления вилаетом был отстранен вали Мазхар-бей, обвиненный в пассивности, а на его место временно назначен сииртский мутасериф Мустафа Абдул Халил-бей, родственник Талаат-бея, министра внутренних дел [20]. Новый вали Битлиса снарядил военную экспедицию против восставших, но многие солдаты отказались от участия в ней, заявив, что не будут стрелять в курдов, которых считают своими братьями [21]. Отказались идти против курдов и солдаты, срочно вызванные из Вана.

В городе было введено военное положение. В середине марта турецким жандармам удалось под Битлисом, близ армянского монастыря Хндракатар, арестовать четырех человек из окружения Моллы Селима. Арестованных связанными доставили в Битлис. По словам очевидцев, в тюрьму они шли гордо, весело и бодро: «Курды действительно были убеждены в святости и справедливости своих требований, они умеют радостно и смело идти навстречу опасности. Уже четыре дня, как курды арестованы, но все еще не перестают петь» [22].

Молла Селим потребовал немедленного освобождения арестованных, угрожая захватить в качестве ответной меры 25 вооруженных жандармов. Новому вали Битлиса с трудом удалось сколотить небольшой отряд из 400 солдат и жандармов, которых 19 марта, отправили против Кумача. Предстоящее неминуемое поражение отряда и как следствие возможное нападение восставших на Битлис вызвали панику среди турецкого населения города. Торговцы сразу же закрыли свои лавки, что еще более усилило переполох.

Восставшие были предупреждены о посылке турецкого отряда и решили нанести удар противнику на пути его продвижения. Курды укрепились в ущелье р. Езни [23]. Около 700 курдов под командованием Моллы Селима атаковали солдат [24], и к вечеру те вынуждены были отступить вниз на равнину Сеидова, а оттуда

к Сииртскому шоссе. Курды неотступно до самых стен города преследовали отступавших. Битлис лихорадило.

Шейх Шехабеддин, один из руководителей курдов, через специального посланника письменно потребовал от вали немедленной передачи в руки повстанцев городского арсенала и административных учреждений, увольнения всех турецких чиновников и освобождения заключенных; в противном случае он грозил штурмом города [25].

Под покровом темноты отряды повстанцев проникли в город, а в квартале Зейдане, населенном курдами, сторонники Молла Селима подняли флаг восстания [26]. К утру 20 марта нападавшие заняли все важные узлы города и к ним присоединились местные курды. В городе началась отчаянная схватка между повстанцами и турецкими солдатами, которые встретили восставших курдов картечью. С большими потерями курды рассеялись, заняв позиции в окружающих домах. Схватка продолжалась и на следующий день.

Действия восставших носили неорганизованный характер. Их командиры не могли осуществлять контроль и четкое руководство из-за того, что к восстанию присоединились народные массы. По свидетельству очевидцев, восставшие представляли собой «массу голодных и босых людей, которые рвались вперед, следуя за своими знаменосцами. Многие были в одной рубашке, босыми; вооружены они были кинжалами, саблями, топорами, а многие лопатами и батогами». Среди восставших были и женщины, которые помимо того, что доставляли повстанцам пищу и боеприпасы, сражались бок о бок с мужчинами [27]. Восставшие отчаянно дрались весь день, проявляя храбрость и отвагу, о чем «все говорили с восхищением» [28].

Военные действия велись в самых неблагоприятных для курдов условиях; так, весь день до поздней ночи им приходилось сидеть, окопавшись в снегу. Несмотря на все это, в городе не отмечалось ни одного случая грабежа со стороны повстанцев. Как свидетельствовали корреспонденты армянских газет, курды подчеркнуто выражали дружбу и уважение к армянскому населению и даже отказывались от добровольно предложенного армянами хлеба. Они брали у армян только топливо и то при крайней необходимости. «Это обстоятельство значительно успокоило армян»,— писала газета «Оризон» [29].

Восстание грозило перекинуться и в другие курдские районы. Совет министров Турции собрался для принятия экстренных мер. Было решено немедленно отправить из соседних районов на помощь Битлису войска [30]. Начальником войск по подавлению восстания назначался командующий гарнизоном в Муше Ихсан-паша.

Опытный каратель, Ихсан-паша перед походом на курдов решил спровоцировать армяно-курдскую вражду, что не только скомпрометировало бы курдское движение, но и ослабило бы под-

держку повстанцев со стороны армянского населения. Он обратился к руководству армянской общиной г. Муша с требованием выделить вооруженный отряд для участия в подавлении курдов. Один из участников событий тех лет в своих воспоминаниях писал, что намерения Ихсан-паши были ясно поняты армянами, но во избежание осложнений с властями армяне вынуждены были дать формальное согласие, всячески оттягивая его исполнение[31]. При этом они тайно известили повстанцев об обстоятельствах дела.

Собрав войска, Ихсан-паша без промедления отправился в карательную экспедицию. На пути к Битлису турецкие солдаты беспощадно сжигали курдские дома, убивали мирных жителей[32].

События в восточных районах Турции тревожили правительственные круги ряда заинтересованных западных держав, в первую очередь союзника Турции Германию. Усердно готовящееся к войне германское правительство с первых же дней курдского выступления заняло по отношению к курдам резко враждебную позицию. Германский посол в Турции фон Вагенгейм настойчиво требовал от турецкого правительства принятия крутых мер для быстрого подавления восстания[33]. Генерал фон Сандерс, находившийся в тот момент в Малой Азии с целью инспектирования турецких войск, прервал под воздействием битлисских событий командировку, с тем чтобы немедленно отправляться в районы Эрзерум и Эрзин[34].

В то же время события в Битлисе разворачивались не в пользу восставших. Стихийность и неорганизованность действий курдов сказались в сражениях с отрядами регулярных турецких войск, продолжавших обороняться на подступах к административным зданиям города. Затяжной характер событий был на руку турецким властям, так как из соседних районов к Битлису шли подкрепления.

В решающий момент некоторые влиятельные курды Битлиса, изменив движению, перешли на сторону турок[35]. Ихсан-паша, подоспевший к обороняющимся, помог им вытеснить курдов из Битлиса. Военная обстановка так резко ухудшилась для курдов, что некоторые руководители восстания даже не успели покинуть город; сам Молла Селим с рядом своих сподвижников нашел убежище в русском консульстве Битлиса. Десять курдов, укрывавшихся в консульстве, при попытке незаметно выйти из здания были схвачены турецкими солдатами[36]. Туркам в качестве трофеев достались пять флагов восставших, три из которых, изготовленные из грубого материала, несли изречения из Корана. Армянский журнал «Мшак» писал, что курдские повстанцы, покидая город, прощались с армянами[37].

В городе начались облавы, в результате которых было арестовано много курдов. В районе Битлиса повстанцы оказывали сопротивление еще в течение 18 дней. Страшась мести, курды массами уходили в горы.

Для обеспечения успешного завершения экспедиции против курдов Ихсан-паша согласовал свои действия с ванским вали, войска которого ударили по курдским повстанцам с севера.

В селе Гайде был арестован шейх Саид Али, обвиненный в причастности к восстанию. При аресте он не оказал сопротивления, несмотря на то что при нем находился большой отряд вооруженных курдов. При обыске в его доме нашли петицию, написанную Моллой Селимом русскому консулу и подписанную тысячами курдов [38].

За два месяца экспедиции (апрель, май) были арестованы тысячи курдов и сровнены с землей деревни, принимавшие участие в восстании [39]. 21 июня немецкий консул в Эрзеруме Андерс с удовлетворением сообщал своему начальству, что Ихсан-паша арестовал в районах Симек, Хизан, Гузалдара и Шатах не только участников восстания, чуть ли не 50% всех ранее разыскиваемых «преступников», но и 2500 курдов, уклонившихся прежде от воинской повинности [40].

При допросе курдов применялись пытки. Ширков сообщал своему послу: «Вчера, 10 апреля, один из курдов был выведен из тюрьмы в комнату для допроса в совершенно здоровом состоянии, а оттуда его вынесли с окровавленной головой, покрытой известью... Битлисская тюрьма переполнена, и положение заключенных как армян, так и мусульман, не поддается описанию... Битлисская тюрьма представляет собою нечто такое, от чего нормальный человек может сойти с ума» [41].

Около трехсот женщин, жен арестованных, собравшись со всех окрестных деревень, провели в конце апреля в Битлисе демонстрацию протеста, требуя освобождения заключенных. Демонстрация была разогнана отрядом турецких жандармов [42].

Аресты продолжались, а тюрьмы в Битлисе уже не вмещали арестованных, несмотря на то, что действовавшие военные суды очень часто выносили смертные приговоры [43].

К тюремному заточению приговаривались и многие армяне, обвиняемые в доставке курдским повстанцам продовольствия [44]. Репрессий не избежала, в частности, издававшаяся в Стамбуле армянская газета «Азатамарт», закрытая властями из-за публикации статей и сообщений о курдском восстании [45].

По приговору судов были повешены и руководители восстания: шейх Сеид Али, Шахабеддин и др. Для устрашения народа были воздвигнуты виселицы на городской площади Битлиса и на базаре, повешенных охраняли солдаты. Говорить о казненных в городе запрещалось — разрешалось лишь взглянуть на них и уйти [46]. На груди всех повешенных были дощечки с надписью: «Приговорен военным судом к смертной казни за то, что осмелился побудить часть населения взяться за оружие против своего правительства с целью изменить форму нынешней системы правления» [47]. Приговоры были утверждены ирадэ султана.

На казнь курды шли с гордо поднятой головой. Один из приговоренных к смерти — Молла Расул — перед казнью обратился к турецким солдатам и чиновникам со словами, в которых выражал надежду на скорое и неминуемое освобождение курдского народа от турецкой тирании [48].

Для устрашения населения 27 апреля в Муше был издан приказ, который гласил, что если курды, заочно приговоренные к тюремному заключению, не сдадутся в руки властей до 1 июня, то они будут приговорены к смертной казни; та же участь ожидала и тех, кто предоставит им убежище [49].

Руководящие круги Турции обращали особое внимание на полную и окончательную ликвидацию последствий восстания. Так, на заседании Комитета партии «Единение и прогресс» от 4 апреля (22 марта), посвященном событиям в Битлисе, рассматривались пути «урегулирования» курдского вопроса. Председатель Комитета Мидхат Шукри подробно остановился на мерах, предпринятых правительством для подавления курдского восстания. По его признанию, после провозглашения конституции 1908 г. мало кто из курдского населения поддерживал новое правительство, за исключением некоторых «культурных» курдов, живущих в столице. Причину этого как председатель, так и остальные участники заседания видели в «подстрекательстве извне», а именно со стороны бывшего полковника Саффет-бея, Кямила Бадрхана, Симко и других курдов, которые пользовались покровительством русских консулов [50]. Мидхат Шукри извещал членов Комитета, что «правительство решило воздействовать на самих курдов и постарается привлечь их на свою сторону отчасти путем денежных субсидий, отчасти через посредство находящихся в Константинополе и занимающих более видные должности их единоплеменников» [51].

Во время прений было выражено мнение, что для успокоения курдов следовало бы в качестве компромисса некоторых преданных властям курдских вождей избрать в меджлис или назначить сенаторами. Это предложение, однако, не нашло поддержки ввиду опасения, что «попавшие таким образом в столицу курдские вожди будут и здесь продолжать подготовление своих планов» [52].

Комитет одобрил меры, предпринятые Талаат-беем для ликвидации последствий восстания. Талаат-бей обратился к великому везиру со специальным письмом, в котором предлагал сделать серьезные представления русскому и персидскому правительствам о недопущении Абдуррезака, Симко и других лиц оказывать воздействие на турецких курдов [53]. Великий везир потребовал от русского посла Гирса немедленной передачи в руки властей скрывающихся в русском консульстве в Битлисе Моллы Селима и его сподвижников. Гирс отклонил требование везира, мотивируя это тем, что курдское движение носит политический характер и, следовательно, его участники имели полное право воспользоваться покровительством иностранного консульства [54].

По некоторым источникам, Молла Селим, находясь в консульстве, призывал курдов «принять русское подданство и просить поддержки у русского правительства»[55]. Объясняя при встрече с русскими и армянскими представителями главные причины курдского выступления, он ссылался на тяжелое экономическое положение народа, бесчинства и жадность турецких чиновников[56].

Политическое убежище, предоставленное повстанцам, беспокоило и немецких дипломатов, заинтересованных в быстром подавлении восстания. Они совершали частые поездки по курдским районам с целью собрать сведения о положении дел на востоке Турции. 11 июня через Харпут и Муш в Битлис прибыл немецкий консул в Эрзеруме Андерс, который добился аудиенции с Ширковым. О впечатлении, полученном от беседы с Андресом, Ширков сообщал Гирсу: «Андерс очень интересовался положением курдских дел и неоднократно, но безуспешно пытался узнать, какой будет исход дела известного Молла Селима и его товарищей, не будут ли они отправлены в Россию под русскую защиту и т. п.»[57].

Чтобы заставить русских дипломатов выдать курдов, турки прибегали к политическому шантажу, возбуждая в стране антирусскую кампанию. В стамбульских газетах «Сабах», «Танин», «Икдам» и других утверждалось, будто курдское восстание — «результат каких-то посторонних, заграничных воздействий и внушений»[58], подразумевая под ними деятельность русских. Выдвигались обвинения в том, что русское консульство в Битлисе якобы покровительствует разбойникам и мародерам, а не политическим преступникам, поскольку укрывшиеся в нем курды обвиняются в убийствах и грабежах. Более того, вали Битлисского района отправил составленные в соответствующем духе мазбаты в курдские и армянские деревни для подписи. Ширков в очередном своем донесении послу отмечал, что к нему из деревень приходили крестьяне с жалобами, что «подписи собираются насильным и обманным образом»[59].

С объявлением войны в ноябре 1914 г. турецкие солдаты ворвались в помещение русского консульства, сорвали русский флаг, разграбили имущество, схватили укрывавшихся там Моллу Селима и других курдов и немедленно привели в исполнение смертный приговор[60].

Однако жестокость турецких властей не столько устрашила курдов, сколько углубила ненависть к османскому игу. Во многих районах продолжалось вооруженное сопротивление. В Эрзерумском вилаете курдское население продолжало уклоняться от уплаты налогов. Волнение охватило и район Эрзинджана[61]. «Среди курдов,— сообщал Ширков,— царит возбуждение и из многих округов вилаета сюда дошли сведения, что курды... усиленно приобретают оружие, подготовляя новое восстание»[62].

Сам председатель Комитета партии «Единение и прогресс» на вышеупомянутом заседании вынужден был признать, что, несмот-

ря на официальное сообщение о подавлении Битлисского восстания, «курдский вопрос далеко не является исчерпанным»[63]. Докладывая о положении в восточных районах Турции, он писал: «Благодаря посланным в достаточном количестве войскам, как в Битлисском вилаете, так и в соседних с ним провинциях водворилось относительное спокойствие»[64].

Министр внутренних дел Талаат-бей с целью предотвращения новых выступлений курдов телеграфировал правителям вилаетов Вана и Битлиса о принятии всех возможных мер, уполномочив их при необходимости объявить от имени правительства военное положение в вилаетах[65]. В районах Муша и Битлиса повсюду спешно строили новые казармы[66].

Опровергая успокоительные сообщения битлисских властей, Ширков писал, что «тишина и спокойствие в стране, о которых доносит вали Битлиса Порте, вовсе не водворены, строгие меры турок лишь ожесточили курдов, которые стараются отплатить теперь и властям и солдатам равною монетою»[67]. Немецкий консул в Трапезунде Бергфельд в это время с тревогой извещал о начавшихся новых выступлениях курдов в Битлисе и Дерсиме[68].

В июне 1914 г. столкновения между курдами и войсками происходили в казах Модке и Гарзан. Причиной возмущения продолжали оставаться налоговые поборы. Солдаты, отправленные из Битлиса в село Куран для конфискации скота крестьян за неуплаченные долги, встретили там сильное вооруженное сопротивление. Отряду было спешно послано подкрепление в 100 солдат. Туда же направились из Муша два батальона с пулеметами[69]. На пути продвижения турецкие солдаты грабили население, угоняли крупный рогатый скот и овец для продажи с аукциона в Битлисе за неуплату налогов. «Настроение курдов,— замечал русский вице-консул в Битлисе,— теперь еще более враждебно к туркам. Я слышал, что многие битлисские курды, выражая свое желание перейти в российское подданство, заявляли, что курды вообще, несмотря на все, даже самые строгие меры турецких властей, будут продолжать вести вооруженную борьбу с турками»[70].

Какие бы энергичные меры ни предпринимало правительство для успокоения курдского населения и привлечения его на сторону властей[71], воздействуя на их «патриотические чувства»[72], недовольство курдского населения, вызванное в первую очередь ухудшением его социально-экономического положения, продолжало оставаться крайне напряженным и еще неоднократно выливалось в вооруженные выступления.

* * *

Восстание курдов в марте — апреле 1914 г. было жестоко подавлено. Турецкие власти, с их «прославленной» традиционной политикой заигрывания и «милостивым» прощением за «непослу-

шание» и «дерзости», на этот раз были беспощадны, карая смертью всех — и руководителей и рядовых участников восстания. Ширков справедливо заметил, что «если бы курды при нынешних событиях обрушились на армян, как того, вероятно, с нетерпением ожидало турецкое правительство, и устроили бы резню их — то можно быть уверенным, что никто из первых не был бы повешен»[73].

Несмотря на ясность характера и целей восстания, проявленную в ходе выступления, курдское движение было как в турецкой, так и в европейской (в том числе подчас и русской) прессе умышленно представлено в искаженном виде, а иностранные корреспонденты, оценивая курдское восстание как реакционное движение, связывали его с недовольством курдов теми «благоустройствами», которые намечались властями для христианского населения восточных вилаетов Турции, противопоставляя тем самым курдов армянскому населению.

Так, корреспондент «Дейли Телеграф» прямо писал, что «руководители курдского восстания объявили священную войну армянам»[74]. А влиятельная французская газета «Тан» посвятила курдскому восстанию большую редакционную статью. Чтобы показать «реакционный» характер восстания, в статье подчеркивалась тяжелая участь армянского населения в Турции, причем вся вина за это возлагалась на курдов. Оправдывая жестокость турецких властей, газета удовлетворенно констатировала «энергичные меры» младотурок, предпринятые для погашения курдского пожара, и цинично заявляла, что власти будто бы проявили... глубокое понимание необходимости осуществления реформ в стране!

Некоторые русские газеты, наоборот, считали восстание делом рук турецких властей, не желающих проводить реформы благоустройства в восточных районах. В объемистой статье «Армяне, курды и младотурки», опубликованной в ведущей русской газете «Новое время», подавление турецкими войсками Битлисского восстания толковалось не более как маневр младотурок с целью скрыть свои настоящие замыслы, направленные против России[75].

Что же касается турецких и немецких газет, то в оценке курдского восстания и его причин они были единодушны. Общей и характерной для тех и других была антирусская тенденция — обвинение русских в том, что будто бы это они инспирировали курдское восстание. Духом неприкрытой враждебности к курдам выделялась немецкая газета «Берлинер Тагеблат», часто помещавшая на своих страницах материалы о Битлисском восстании.

От европейских, турецких и русских газет положительно отличались армянские. Помимо того, что они систематически публиковали сообщения о курдском восстании, армянские газеты печатали также крупные статьи, в которых делались попытки объективно проанализировать предпосылки, цели и характер восстания[76]. В статье «Курдское восстание или преддверие армянских погро-

мов?», помещенной в газете «Мшак», подчеркивалось, что восстание курдов в Битлисе носило чисто антитурецкий характер. Опровергая утверждения западной прессы о якобы реакционном характере движения, его антиармянской направленности, автор замечает, что восстание явилось результатом национального пробуждения курдов[77]. Отвечая на вопрос, помещенный в заглавии статьи, он убежденно заявляет, что «курдское движение было восстанием против младотурок и не было направлено против армян и их благоустройства»[78]. Наоборот, отмечал автор, армяне, по мнению курдов, добились решения об их благоустройстве в результате долголетней борьбы, ценой крови[79].

Восстание курдов проходило под лозунгами шариата. Это обстоятельство давало определенное основание европейским журналистам, не вникая в социальную и экономическую подоплеку этих лозунгов, приписывать движению чисто религиозные мотивы, характеризуя его как реакционное и антиармянское. Автор статьи «Курдское восстание в Битлисе», опубликованной на страницах «Мшак», писал по этому поводу: «Шариат, конечно, внешняя сторона курдского восстания; его внутреннюю сторону можно больше всего отнести к национальным, нежели религиозным побуждениям»[80].

Редактор газеты «Мшак» А. Аракелян, обобщая на основе множества корреспонденций, полученных редакцией от очевидцев, содержание курдского восстания, причиной его назвал политические мотивы. «Постепенно выясняются обстоятельства курдского движения,— писал он.— Исходя из до сих пор полученных нами отрывистых, неясных и порой противоречивых известий, можно заключить, что это движение имеет политический характер и его побудительные причины заключаются не в грабеже или религиозном фанатизме, не в желании присвоить плоды труда мирного населения, как это до сих пор утверждалось, а преимущественно в стремлении курдов к национальному становлению, вплоть до создания автономного органа управления»[81].

Жестокое подавление курдского восстания в Битлисе в атмосфере массовых антитурецких настроений курдов не стало прелюдией новых крупных выступлений народных масс из-за разрозненности и ограниченности действий повстанцев, отсутствия единого и авторитетного руководящего центра, способного прямым воздействием направлять движение. Младотурецкое руководство, сконцентрировав в своих руках большие воинские контингенты, умело воспользовалось всеми просчетами повстанцев и сумело решительными контрмерами подавить курдское движение.

Поражению восстания способствовали следующие основные факторы: во-первых, несмотря на стремление курдских лидеров придать восстанию всеобщий характер, этому серьезно помешали отсталые феодально-патриархальные отношения, господствовавшие в курдском обществе.

Во-вторых, несмотря на то что налицо были глубокие антитурецкие настроения, неблагоприятно сказалась племенная разрозненность курдов. Большим влиянием среди курдов еще пользовались многие преданные султанскому режиму курдские феодальные и духовные круги.

Немаловажную роль в поражении восстания сыграли и тактические и стратегические ошибки. Отряды курдских повстанцев состояли из оборванных и голодных людей, в том числе детей и женщин, что придавало восстанию еще большую неорганизованность и стихийность.

Ограниченность территории, охваченной восстанием, дала возможность властям без особого затруднения перебросить из соседних районов воинские силы против повстанцев.

Руководство восстанием не сумело также снискать полного расположения и решительной подержки соседних с курдами народов.

В силу вышеуказанных причин курдское восстание в очень короткий промежуток времени было разгромлено.

Однако, несмотря на поражение, оно показало всю глубину социального и национального угнетения курдских народных масс, а также их ненависти к османскому игу.

[1] Отдельные стороны этого вопроса затронуты в общих чертах в трудах М. С. Лазарева, Е. К. Саркисяна и А. Амбаряна (М. С. Лазарев. Курдистан и курдская проблема. М., 1964; он же. Курдский вопрос (1891—1917). М., 1972; Е. К. Саркисян. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье. Ереван, 1962).

[2] «Ararat». L., 1913, № 3, с. 78.

[3] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1912—1914, д. 3573, л. 110.

[4] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1914, д. 1406, л. 11—11 об.

[5] «Кавказ» (Тифлис) 15.IV.1914; М. С. Лазарев. Курдский вопрос, с. 214.

[6] «Кавказ», 15.IV.1914.

[7] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1914, д. 1406, л. 11 об.—12.

[8] Там же.

[9] «Мшак» (Тифлис), 27.III.1914 (на арм. яз.).

[10] «Новое время», 21.III.1914.

[11] «Азатамарт» (Стамбул), 29.V.1914 (на арм. яз.).

[12] «Оризон» (Тифлис), 20.IV.1914 (на арм. яз.).

[13] «Азатамарт», 27.III.1914, № 66.

[14] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1914, д. 1406, л. 22 об.

[15] Там же.

[16] «Оризон», 27.III.1914.

[17] М. С. Лазарев. Курдский вопрос, с. 215—216.

[18] «Оризон», 18.III.1914.

[19] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1912—1914, д. 3573, л. 339 об.—340.

[20] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1914, д. 1406, л. 24.

[21] Там же.

[22] «Оризон», 26.III.1914.

[23] «Оризон», 22.IV.1914.

[24] По некоторым источникам, на стороне курдов выступало около двух тысяч человек.
[25] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1914, д. 1406. л. 50—56 об.
[26] Там же, л. 41 об.—92.
[27] «Оризон», 12.IV.1914.
[28] Там же.
[29] «Оризон», 10.IV.1914.
[30] «Оризон», 1.IV.1914.
[31] К. Сасуни. Кюрт азгаин шаржумнер ев ай-кюртакан араберутюннер. Бейрут, 1969 с. 214 (на арм. яз.).
[32] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1914, д. 1406, л. 40.
[33] «Мшак», 30.III.1914.
[34] «Оризон», 30.III.1914.
[35] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1914, д. 3753, л. 362.
[36] «Оризон», 2.IV.1914.
[37] «Мшак», 13.IV.1914.
[38] «Оризон», 26.IV.1914.
[39] Е. К. Саркисян. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье. Ер., 1962, с. 85.
[40] Deutschland und Armenien Sammlung Diplomatischer Aktenstücke. Potsdam, 1919, с. 13.
[41] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1914, д. 1406, л. 43.
[42] «Арев». Баку, 30.IV.1914 (на арм. яз.).
[43] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1914, д. 1406, л. 51.
[44] Там же. Среди заключенных были армяне — кузнец из деревни Култик, изготовивший секиры для повстанцев, некий Акоп из той же деревни, обвиняемый в материальной поддержке повстанцев и др. Одного молодого армянина уличили в посредничестве между курдскими повстанцами и армянской политической организацией с целью координации их действий и целей. («Арев», 23.V.1914).
[45] «Оризон», 1.IV.1914.
[46] «Оризон», 7.V.1914.
[47] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1914, д. 1406, л. 58.
[48] М. С. Лазарев. Курдский вопрос, с. 216.
[49] Deutshland und Armenien..., с. 15. Е. К. Саркисян. Экспансионистская политика..., с. 85.
[50] Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. Т. II, с. 296. См. также: М. С. Лазарев. Курдский вопрос, с. 218—219.
[51] Международные отношения..., с. 297.
[52] Там же, с. 298.
[53] Там же, с. 299.
[54] «Оризон», 1.IV.1914.
[55] «Арев». 1914, № 22.
[56] «Арев». 1914, № 17.
[57] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1406, л. 61 об.—62.
[58] Там же, л. 55 об.
[59] Там же, л. 58 об.
[60] Ала ад-Дин Суджади. Шорешакани курд ва комари Ирак. Багдад, 1959, с. 520 (на курд. яз.).
[61] М. С. Лазарев. Курдский вопрос, с. 217.
[62] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1914, д. 1406, л. 59об.—60.
[63] АВПР, ф. Политархив, 1914, оп. 482, д. 3311, л. 27.
[64] Там же.
[65] Международные отношения..., с. 298.
[66] Deutschland und Armenien..., с. 15.
[67] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1914, д. 1406, л. 63.
[68] Deutschland und Armenien..., с. 17.
[69] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1914, д. 1406, л. 64.
[70] Там же, л. 68—69.

[71] «Мшак», 10.IV.1914.
[72] АВПР, ф. Политархив, 1914, оп. 482, д. 3311, л. 27.
[73] М. С. Лазарев. Курдский вопрос, с. 216.
[74] «Оризон», 28.III.1914.
[75] «Новое время», 24.III.1914.
[76] См.: Характер и предпосылки курдского движения.— «Арев». 1914, № 13. 19, 23; Г. Базе. Курдское движение.— «Арев». 1914, № 5; А. Аракелян. Идея Курдистана.— «Мшак», 17 и 19.IV.1914; В. Навасардян. Предпосылка и цель курдского восстания.— «Мшак», 20.IV.1914.
[77] «Мшак», 12.IV.1914.
[78] Там же.
[79] Там же.
[80] «Мшак», 13.IV.1914.
[81] «Мшак», 17.IV.1914.

Н. А. Дулина

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ МУСТАФЫ РЕШИД-ПАШИ (1800—1858)

Имя Мустафы Решид-паши широко известно не только специалистам по новой истории Османской империи, но и тем, кто занимается изучением политических, дипломатических и экономических проблем европейских держав в XIX в. Мустафа Решид был талантливым дипломатом, основателем новой дипломатической системы, а также инициатором реформ Танзимата.

Период, охватывающий сознательную деятельность Мустафы Решид-паши (20—50-е годы XIX в.), был насыщен целым рядом событий, которые свидетельствовали о сложном внутреннем и внешнеполитическом положении Османской империи. Ширились национально-освободительные движения и антиправительственные восстания, имели место сепаратистские выступления пашей. Страна пережила две войны, вызванные обострением Восточного вопроса (в 1828—1829 и 1853—1856 гг.). В 1830 г. произошло отторжение Алжира Францией. И, наконец, в этот период, в годы царствования Махмуда II (1808—1839) и Абдул Меджида (1839—1861), осуществлялись важные государственные реформы.

Деятельность Мустафы Решид-паши, занимавшего высокие государственные посты, имела прямое отношение к мерам султанского правительства, предпринимавшимся для разрешения названных выше внутренних и внешнеполитических осложнений.

Хотя во всех исследованиях новой истории Османской империи упоминается имя Мустафы Решид-паши, но все обстоятельства его жизни, а также взгляды по вопросам идеологии, экономики, внешней политики известны еще недостаточно хорошо.

Источники и литература, специально посвященная биографии Мустафы Решид-паши, в основном указаны в турецкой «Энциклопедии ислама» [1]. На русском языке эта литература немногочисленна. Из новейших работ назовем книгу А. Д. Новичева «История Турции» [2], в которой ряд страниц содержит биографические данные о Мустафе Решид-паше.

В данной статье жизненный путь Мустафы Решид-паши излагается кратко. Автор пытался дополнить его изложение малоиз-

вестными фактами и рядом новых оценок отдельных сторон его деятельности, принадлежащим авторам работ последних лет по истории Османской империи.

Даты важнейших событий жизни и деятельности Мустафы Решида уточнены по источникам, изданным главным образом Р. Кайнаром[3]; мусульманское летосчисление переведено в европейское в соответствии с хронологическими таблицами Ф. Р. Уната и И. А. Орбели[4].

Продвижение Мустафы Решида по служебной лестнице было традиционным; как и многие другие сановники, он начал его с низших должностей в канцеляриях Порты. Но его незаурядные способности, а также удачно сложившиеся обстоятельства (прежде всего долгое пребывание в европейских столицах в качестве посла) позволили ему объективно оценить степень отсталости государственной организации и уровня экономического развития Османской империи от передовых европейских стран и наметить пути ее преодоления. Успехи на служебном поприще, занятие высших государственных должностей (министра иностранных дел, великого везира и др.) и наличие единомышленников позволили Мустафе Решид-паше осуществлять преобразования, в которых нашли отражение потребности времени.

Мустафа Решид родился в Стамбуле 13 марта 1800 г. Его отцом был Мустафа-эфенди, казначей (ruznamçeci) вакуфов Баязида II. Прадед — Велиюддин-ага — принадлежал к ашрафам (почетным, именитым гражданам) города Кастамону. О более далеких предках сведений нет.

Читать и писать Мустафу Решида научил отец. Ему не исполнилось и десяти лет, когда отец умер. Какое-то время мальчик продолжал посещать уроки в медресе, но закончить его не смог из-за материальных затруднений. «Знания его в арабском и персидском языках, к которым питали большую склонность в то время, остались недостаточными»[5].

В течение всей жизни он пополнял свои знания самообразованием. В книге венгерского ученого и путешественника А. Вамбери, жившего в Стамбуле в 1857—1862 гг. и хорошо знавшего быт и нравы турецких семей, содержится интересное наблюдение, касающееся восточных дипломатов того времени: «Наши (европейские) дипломаты обучаются годами и обыкновенно выбираются из среды аристократии; на Востоке же, напротив того, министрами и дипломатами часто становятся люди, принадлежащие незадолго перед тем к духовенству, к писарям или даже рабочему сословию. Их образование и познания очень незначительны... и тем не менее персидский или турецкий дипломат никогда не теряется в присутствии своего английского, немецкого, русского или французского коллеги, хотя, конечно, ему и случается иногда сделать неловкость... Самого кратковременного пребывания в Европе или самого поверхностного сношения с европейцами уже достаточно для ту-

рецкого или персидского дипломата, чтобы поставить его на один умственный уровень с европейскими коллегами»[6]. Это наблюдение по праву может быть отнесено и к Мустафе Решиду.

Оставшись сиротой, особым расположением и любовью Мустафа Решид пользовался у своего зятя, мужа двоюродной сестры, Испарталы Сейида Али-паши. В 1819—1820 гг., будучи садразамом, Али-паша определил Мустафу Решида на первую неофициальную должность — хранителя своей печати. В 1821 г., после начала греческого восстания, Али-паша был назначен сераскером в Морею; с собою он взял и Мустафу Решида[7]. Восстание греков против турецкого господства заставило юношу задуматься о его причинах, так же как и о причинах упадка Османской империи[8].

После увольнения Сейида Али-паши с поста сераскера в 1822 г. Мустафа Решид вынужден был поселиться в старом, стамбульском доме. Родители не оставили ему никаких средств к существованию, и потому, лишившись службы, он впал в нужду. Сбережений хватило ненадолго, и Мустафа Решид был вынужден вести затворнический образ жизни[9].

Спустя некоторое время, очевидно в 1825 г., Мустафа Решид женился на дочери чиновника египетского дивана, дом которого находился в Стамбуле. Мустафа Решид переселился туда, став «домашним зятем». От этого брака родился сын Мехмед Джемиль. В 1827 г., спустя некоторое время после смерти зятя Испарталы Сейида Али-паши, Мустафа Решид развелся с женой и добился согласия на брак с одной из наложниц покойного паши[10]. Причины этого шага неизвестны, но, очевидно, зависимое положение в доме тестя не способствовало его семейному счастью. Второй брак оказался счастливее. Сохранилось теплое письмо Мустафы Решида к жене, написанное им во время поездки в Лондон в 1839 г., куда он отправился с целью заключения военного союза с Англией против восставшего Мехмеда Али. К тому времени у него было уже семеро детей: от второго брака родились пять сыновей[11] и дочь[12]. В Лондон с ним ездили три старших сына, в том числе и сын от первого брака.

После вторичной женитьбы Мустафа Решид попытался поступить на службу, но ему это удалось не сразу. Найти место без протекции было трудно. И только получив возможность обратиться к бейликчи[13] Акиф-эфенди, другу покойного Сейида Али-паши, он был назначен в 1827 г. чиновником[14] в одну из канцелярий Высокой Порты.

26 апреля 1828 г. Россия объявила войну Османской империи, требуя возобновления русской торговли через Проливы, восстановления льгот и преимуществ Молдавии, Валахии и Сербии, уступок восставшей Греции и др.[15].

В начале войны Решид-бей был направлен в действующую армию секретарем. По рекомендации Акиф-эфенди, которого благоволивший ему султан Махмуд II просил подыскать заслуживающе-

го доверия человека для личных письменных докладов ему о положении дел в румелийской армии, Мустафа Решид-бей стал также исполнять почетную должность хранителя печати вместо заболевшего Нафи-эфенди [16]. Донесениями из действующей армии Мустафа Решид обратил на себя внимание султана. По высочайшему повелению ему было повышено жалованье (до 1500 курушей); тогда же он был зачислен на службу в канцелярию амеди [17], также на должность старшего чиновника.

Русско-турецкие переговоры о перемирии под Шумлой в июне 1829 г. было доверено вести в качестве турецких представителей Мустафе Решид-бею и Нури-эфенди [18]. С обеих сторон переговоры были предварительными и закончились безрезультатно. Позднее, в конце августа 1829 г. Мустафа Решид был в составе турецкой делегации по заключению мирного договора с Россией [19].

С момента возвращения из армии в Стамбул у Мустафы Решид-бея завязались дружественные отношения с Пертев-пашой, бывшим в то время одним из влиятельнейших сановников Османской империи. Пертев-паша был признанным главою сторонников постепенных реформ, улучшения государственных учреждений и приспособления их к потребностям времени. По словам английского офицера Слейда (впоследствии адмирала), долгое время служившего в османском флоте, все считали Пертев-пашу «последним из истинных турков». Он не терпел лести, любил искренность, знал цену достоинству без гордости и спеси [20]. Он сумел оценить способности Решид-бея и покровительствовал ему вплоть до своей последней отставки в 1836 г. Эта дружба послужила причиной враждебного отношения к Мустафе Решид-бею Акиф-паши — врага Пертева. Осенью 1837 г. Пертев-паша был отправлен в ссылку в Скутари (в Албании) и по дороге туда внезапно умер в Эдирне, будучи отравленным на званом обеде по приказу султана Махмуда II [21].

До провозглашения Гюльханейского хатта в 1839 г. султан казнил и миловал своих «рабов», в том числе непосредственно служивших ему военных и чиновников, без суда, так как по законам мусульман-суннитов являлся халифом [22] и великим имамом. Результатом постоянных дворцовых интриг были смещения с должности, конфискации имущества, отравления и казни без суда и следствия. Султан не только имел право конфисковать имущество «провинившихся», ему по закону принадлежало все состояние умерших сановников [23]. Широкими правами обладали и губернаторы провинций, представлявшие помимо административной также и военно-полицейскую власть. Они имели право вынести смертный приговор и немедленно привести его в исполнение, а также конфисковать имущество казненного [24].

О произволе в ту эпоху писали все современники. Беспричинное доверие султана к одним сановникам и такое же безосновательное недоверие к другим приводили к тому, что фавориты име-

4 Зак. 737

ли возможность обманывать султанов, удовлетворять свое корыстолюбие за счет казны, физически уничтожать своих соперников, действовать во вред государству, если его польза противоречила их личной выгоде.

После этого небольшого отступления о порядках и нравах, царивших при дворе султана и в среде чиновничества, снова вернемся к непосредственным событиям жизни Мустафы Решида.

В июне 1830 г. Мустафа Решид-бей, продолжавший служить в канцелярии амеди, был назначен в свиту, сопровождавшую Пертев-пашу в Египет. Пертев-паша имел поручение султана к наместнику Египта Мехмеду Али, которому султан предложил подавить восстание греков на о-ве Крит, требовавших присоединения к только что получившей независимость Греции.

Вскоре после возвращения Мустафы Решид-бея из Египта оказалась вакантной должность главы канцелярии амеди. Из двух претендентов на освободившийся пост предпочтение было отдано Мустафе Решид-бею. В 1831 г. он стал векилем (главою) канцелярии, а в начале июня 1832 г. приступил к исполнению новых обязанностей, которые непосредственно касались внешнеполитических проблем Османской империи.

После того как восставший против власти султана Мехмед Али в конце 1832 г. захватил Сирию и вступил на территорию Малой Азии, Мустафе Решид-бею было поручено в январе 1833 г. сопровождать Халиля Рифат-пашу в Египет для переговоров с мятежным наместником. Вслед за тем, в конце марта — начале апреля он вел переговоры с сыном Мехмеда Али — Ибрагимом, который во главе египетской армии продвинулся в Малой Азии до Кютахьи, угрожая самому Стамбулу.

Затянувшийся конфликт с наместником Египта, которого султан не мог привести к покорности собственными силами, заставил Порту обратиться за помощью к европейским державам, в результате чего Османской империи пришлось отказаться от политики государственной обособленности и учредить в европейских столицах свои постоянные посольства[25]. Султанское правительство намеревалось при этом использовать соперничество европейских держав для решения насущных внешнеполитических проблем, уже будучи не в силах отстаивать целостность страны самостоятельно.

В июне 1834 г. Мустафа Решид-бей был назначен послом среднего ранга (orta elçisi, чрезвычайным посланником) в Париж с сохранением за ним должности главы канцелярии амеди. Последнее свидетельствовало, что новое назначение еще не носило постоянного характера. В конце июля Мустафа Решид выехал из Стамбула в Париж через Венгрию и Австрию. Его сопровождали личный секретарь Нури-эфенди и переводчик, бывший преподаватель школы для морских офицеров Рухиддин-эфенди, так как французского языка Мустафа Решид не знал. В Париже он был

любезно встречен французским королем Луи Филиппом, первая аудиенция у которого весьма польстила турецкому послу[26].

Мустафа Решид быстро освоился с жизнью в незнакомой стране и со своими новыми обязанностями. Как свидетельствуют его современники, очень скоро он стал пользоваться славой лучшего турецкого дипломата не только у себя на родине, но и в Европе[27]. Хорошей школой дипломатического искусства были для него беседы с государственными деятелями и послами европейских государств, а также их советы[28].

Мустафа Решид-бей сумел оценить значение постоянных турецких посольств в европейских столицах. Он писал в донесениях Порте, что помимо уже существующих посольств в Париже и Лондоне их следует учредить в Петербурге и Берлине, так как эти посольства будут снабжать Порту своевременной информацией обо всех колебаниях и изменениях в политических курсах европейских держав. Посол отмечал, что даже такие мелкие государства, как Бавария и Вюртемберг, а также новое греческое правительство имеют своих послов и что из-за отсутствия до сего времени (т. е. до 1834 г.) турецких посольств в европейских столицах Мехмеду Али удалось привлечь общественное мнение европейских государств на свою сторону во вред султанской Турции[29].

«Приезд Мустафы Решида в Париж в 1834 г.,— писал А. Убичини,— произвел сенсацию. Это был первый турецкий посол, которого видели во Франции со времени миссии Мухаммеда Саид Галиб-эфенди в 1802 г. Обращающая на себя внимание внешность молодого дипломата, его живость, изящные возражения в спорах, непринужденные манеры, такие далекие от представлений, которые имели место о посланнике султана, вызвали увлечение им. В течение двух зим он был львом сезона. Он бывал на собраниях и давал вечера, о которых много говорили. Усердно показываясь при дворце, у министров, на вечерах дипломатов, он в то же время не пренебрегал более дружескими собраниями: часто посещал фойе театров, поддерживал знакомства с литераторами, журналистами, известными критиками и просил Жюля Жанена обучать его французскому языку. Год пребывания в Лондоне тоже в качестве посла завершил его европейское образование»[30].

Английский посол в Османской империи Стрэтфорд Каннинг, знавший его еще в начале 30-х годов, говорил, что это был молодой человек с чувством собственного достоинства, умный и живой. Внешне похожий на черкеса, небольшого роста, он обладал привлекательной наружностью и веселым нравом[31].

А. Убичини отмечал, что Решид-бей обладал талантом внушать веру в свое превосходство, а также тактом и деликатностью, скрываемыми под внешним добродушием. Этот автор сообщал о хорошем знании послом планов и интересов европейских правительств, о его замечательной легкости восприятия и еще более замечательном даре речи[32].

Перед турецким послом в Париже в 1834 г. ставились две задачи: рассеять «ложные представления о Турции» среди политических деятелей Европы и попытаться разрешить египетскую проблему в соответствии с правом и пользой государства [33]. Решид-бей имел также третье — неофициальное — поручение: осуществить секретные переговоры с французским правительством о возврате Алжира [34] (оно не было официальным потому, что французский посол в Стамбуле Руссен не одобрил его).

Политические деятели и общественность в европейских странах преувеличивали в то время экономические и культурные достижения Египта под властью Мехмеда Али и мало знали о положении Османской империи, в том числе о реформах Махмуда II. Поэтому задание «рассеять ложные представления о Турции», поставленное Портой перед своим послом, было весьма актуальным. От его успешного решения в определенной степени зависело благоприятное отношение к враждующим сторонам — султанскому правительству и Мехмеду Али — не только общественного мнения Европы, но и европейских правительств.

После подавления Мехмедом Али вспыхнувшего в мае 1834 г. и поддержанного султаном [35] восстания в Ливане и Палестине, вызванного жестоким обращением египтян с местным населением, Мехмед Али сделал попытку добиться независимости дипломатическим путем, которая великими державами была отвергнута. Мустафа Решид считал, что если Мехмед Али станет добиваться независимости Египта с помощью оружия, то намерение Порты вернуть Алжир окажется для него слишком маловажной задачей по сравнению с предписанием правительства добиваться наиболее благоприятного разрешения египетской проблемы [36]. Этой оценкой он и руководствовался во время своей посольской деятельности.

В апреле — мае 1835 г. Мустафа Решид вернулся в Стамбул «в отпуск» [37]. Султан тепло принял вернувшегося посла, пожаловал ему титул посла высшего ранга (чрезвычайного посла-büyük elçi) [38] и повысил его в чине до чиновника первого класса второй ступени [39].

Он вновь отправился в августе 1835 г. во Францию. В конце сентября 1835 г. Мустафа Решид-бей еще находился в Вене по пути в Париж; вскоре он приступил к исполнению своих обязанностей в Париже, где находился до осени 1836 г.; 13 сентября 1836 г. он получил указание Порты поменяться постами с послом в Лондоне Нури-эфенди [40]; одновременно Мустафе Решид-бею было пожаловано звание советника по иностранным делам [41]. Обмен послами был произведен потому, что на Мустафу Решида, как более искусного дипломата, возлагались большие надежды, связанные с желанием султана добиться благоприятного и скорейшего разрешения турецко-египетского конфликта и других проблем. Оказала влияние и протекция Пертев-паши [42].

В те годы и сам Мустафа Решид считал, что все политические

вопросы решаются в Англии, даже разногласия турок с французами [43].

Исторические источники, относящиеся к 30—50 годам XIX в., наводят на мысль о предоставлении Портой турецким послам того времени достаточных возможностей для проявления инициативы, которыми пользовался Мустафа Решид при Махмуде II (в 1834—1839 гг.) и при Абдул Меджиде (в 1841—1845 гг.). Его докладная записка султану, направленная в 1837 г., наполнена массой сведений о международных отношениях тех лет, которые, очевидно, были неизвестны другим представителям султанского правительства. Такая компетентность ставила посла в особые условия, возвышавшие его над другими сановниками. Очевидно, немалую роль сыграла новизна поручавшегося послам дела — установления постоянных дипломатических контактов с Европой при Махмуде II и Абдул Меджиде. Границы инициативы послов, определявшиеся наряду с их личными качествами отношением к ней Порты, по всей видимости, были связаны с проводившимися реформами. Позднее, особенно в последней четверти XIX в., при султане Абдул Хамиде (1876—1908), напротив, все нити государственного управления сосредоточились во дворце и, как говорил тогда лорд Солсбери, «беседовать с турецкими послами на политические темы значило терять время» [44].

В июне 1837 г. Мустафа Решид-бей был назначен министром иностранных дел, это было признаком складывавшейся англо-турецкой коалиции. Одновременно ему был пожалован чин мюшира. Однако отъезд на родину задержался. Возможно, какое-то время Порта считала необходимым пребывание Решид-бея в Лондоне в новой должности с целью решения египетской проблемы, являвшейся тогда для Порты главной [45].

Мустафа Решид-бей вернулся в Стамбул в сентябре 1837 г. Махмуд II встретил его благосклонно. Для зачтения фирмана о назначении Мустафы Решида на новый пост во дворце состоялась торжественная церемония [46]. Однако в целом обстановка во дворце была для него неблагоприятной. Только что был смещен и отправлен в ссылку его покровитель Пертев-паша. Недругу Пертев-паши Акиф-паше удалось добиться от султана назначения Мустафы Решид-бея вновь послом в Париж при сохранении за ним должности министра иностранных дел.

Сведения источников об этих обстоятельствах несколько разнятся и вместе с тем дополняют друг друга. Первый биограф Мустафы Решида Селяхеддин-бей сообщал, что после возвращения в Стамбул Мустафа Решид пытался приспособиться к сложным дворцовым взаимоотношениям, но не сумел умерить враждебности к нему Акиф-паши [47]. По словам прусского дипломата Г. Розена, после назначения Мустафы Решид-бея министром иностранных дел он несколько месяцев не вступал на этот пост, так как был обвинен в преступных связях с Пертев-пашой и интригах при чу-

жих дворах против султана. Пост он получил лишь в ноябре[48], когда Англия и Франция рассеяли сомнения султана на этот счет. Махмуд II в это время был ослаблен болезнью, что способствовало усилению борьбы между дворцовыми группировками[49]. Турецкий историк Дж. Байсун добавляет, что векили опасались явно возросшего влияния Мустафы Решида и искали возможность удалить его из столицы[50].

Мустафе Решид-бею удалось, однако, отвести непредвиденное и на этот раз нежеланное им назначение: вскоре было признано, что он нужнее в Стамбуле, чем в Париже, и назначение послом во Францию было отменено. Одновременно, в январе 1838 г.[51], ему был пожалован титул паши и звание везира. Когда в конце марта 1838 г. Акиф-паша был смещен с поста министра внутренних дел, судим за взяточничество и сослан, влияние Мустафы Решид-паши при дворе заметно усилилось[52].

Несмотря на небольшое число единомышленников, Мустафа Решид намеревался посвятить себя решению не только внешнеполитических, но и внутренних проблем. Тот факт, что инициатором реформ стал министр иностранных дел, свидетельствует о стремлении Порты в определенной мере подражать Западу. Он показывает также, что реформы были вынужденными и объяснялись отсталостью Османской империи от Европы.

Свои соображения Мустафа Решид-паша изложил в докладной записке (ляихе) султану[53]. Ее содержание показывает, что автор был глубоко и всесторонне знаком с восточной политикой европейских держав. Дав оценку восточной политики каждой страны в отдельности, он предложил путь разрешения турецко-египетского конфликта с помощью Англии. Значительное внимание Решид-паша уделил мерам, необходимым, по его мнению, для возвращения оккупированного Алжира, а также внутренним реформам.

В 1838 г. по инициативе Мустафы Решида был создан специальный Совет общественных работ для изучения возможностей развития сельского хозяйства и промышленности, а также оказания помощи этим отраслям хозяйства. Для борьбы со злоупотреблениями чиновников по инициативе Решид-паши было создано новое уголовное уложение 1838 г., которое содержало статьи о запрещении взяточничества. С целью пресечения злоупотреблений при сборе налогов была начата перепись населения и его имущества.

Мустафа Решид-паша создал два Высших совета (меджлиса): Высший совет юстиции и Консультативный совет при Порте, которые должны были подготавливать проекты реформ во всех областях. Высший совет юстиции также был обязан рассматривать должностные преступления чиновников.

В мае 1838 г., после подавления восстания в Сирии, Мехмед Али вновь объявил о своем намерении провозгласить независимость Египта. Еще будучи послом в Лондоне, Мустафа Решид-па-

ша добивался согласия Англии оказать военную поддержку султану против Мехмеда Али. 16 августа 1838 г. султанское правительство заключило с Англией выгодный для нее торговый договор, рассчитывая, что ему будет сопутствовать заключение военного договора против непокорного наместника Египта. В подготовке текста торгового договора принимал участие и Мустафа Решид-паша[54].

Договор отменял системы государственной монополии, государственной регламентации и принудительных закупок по пониженным ценам, а также разрешал свободную торговлю как английским подданным, так и подданным султана на всей территории Османской империи[55].

Договор имел далеко идущие и важные последствия для развития османской экономики. Ликвидация средневековой экономической системы способствовала развитию капиталистических форм хозяйства. Вместе с тем свободный импорт дешевых английских товаров вел к разорению местную ремесленную промышленность. Вновь создаваемые текстильные предприятия капиталистического типа не могли по многим причинам производить более дешевые, чем ввозные, товары. В целом договор усилил развитие капиталистического уклада, хотя зависимость от европейского рынка сковывала это развитие определенными рамками[56].

Мустафа Решид-паша был сторонником заключения договора не только по внешнеполитическим причинам. Он рассчитывал, что договор повысит благосостояние населения Османской империи и будет способствовать развитию ее экономики[57]. Султан и Рашид-паша надеялись также, что ликвидация системы государственных монополий подорвет экономическую мощь Мехмеда Али (который пользовался монополиями в особенно широких масштабах), поскольку условия договора распространялись и на Египет.

После подписания торгового договора Мустафа Решид по совету английского посла в Стамбуле Понсонби отправился в Лондон для заключения военного союза с Англией против Мехмеда Али. Но надежды султанского правительства не оправдались. Англия, хотя и продолжала поддерживать султана, уклонилась от заключения такого договора. Уже в 1838 г. она начала готовить почву для общеевропейской дипломатической конференции по Востоку. При этом, чтобы сделать такое совещание неизбежным, она подталкивала султана к военному столкновению с Мехмедом Али[58].

Разочарованное неудачей переговоров в Лондоне, султанское правительство решило вернуть Мустафу Решида в Стамбул, а затем назначить его снова послом в Париж, откуда он должен был руководить также турецким посольством в Англии. При этом Порта просила султана лишить Мустафу Решид-пашу должности министра иностранных дел. Однако Махмуд отказался это сделать, написав в резолюции, что тот был обманут лордом Понсонби и

нуждается в защите, как человек, попавший в затруднительное положение[59].

Из Лондона Мустафа Решид-паша поехал в Париж для переговоров с французским правительством, где узнал о начале военных действий между войсками султана и Мехмеда Али. В битве при Незибе 24 июня 1839 г., когда Решид-паша уже был в Париже, султанская армия потерпела поражение. Еще до того, как весть о поражении достигла Стамбула, 1 июля 1839 г. умер султан Махмуд II, а 4 июля турецкий адмирал Ахмед Февзи сдал султанский флот Мехмеду Али.

С воцарением шестнадцатилетнего султана Абдул Меджида произошли изменения в правительстве. Место садразама Рауф-паши занял Хосрев-паша. Чтобы разрешить египетский кризис, молодой султан прибег к не раз применявшемуся султанским правительством способу примирения — «простил» Мехмеда Али. Но тот требовал присоединения к своим владениям всех захваченных им земель.

Векили, потерявшие присутствие духа перед такими событиями, как смерть султана Махмуда, поражение армии и сдача флота, готовы были удовлетворить все требования Мехмеда Али, считая, что только примирение с ним может спасти страну.

В это время Меттерних, желая ввести решение конфликта в «дипломатические рамки», т. е. не дать России возможности реализовать Хюнкяр-Искелесийский договор 1833 г. и оказать Порте вооруженную помощь, а Мехмеду Али — развить свой успех, предложил султану в конце июля 1839 г. возложить решение конфликта на великие державы[60]. Султан принял предложение.

При жизни Махмуда II Мустафа Решид откладывал свое возвращение на родину, но после его смерти вернулся в Стамбул[61]. Его современник Саид-эфенди, в свое время министр внутренних дел, рассказывал своему сыну о причинах задержки Мустафы Решид-паши за границей следующее. Махмуд II был недоволен Решид-пашой, не добившемся заключения военного договора с Англией. Этим воспользовался противник Мустафы Решид-паши Хосрев-паша, который имел большое влияние во дворце. Он сумел добиться приказа султана о казни Решид-паши и затем вызвал его в Стамбул. Но один из друзей Мустафы Решид-паши сообщил ему в Лондон об угрожавшей опасности, а также о болезни султана и посоветовал по возможности затянуть его возвращение.

По прибытии в Стамбул Мустафа Решид-паша нанес визит Хосрев-паше. Садразам принял его очень ласково и в конце встречи попросил передать султану какую-то написанную им тут же записку. Когда, принимая Решид-пашу, султан ознакомился с запиской, он дал прочитать ее и Решид-паше. В записке было сказано следующее: «Вручивший Вам это аризе Решид-паша является человеком, которого Ваш блаженной памяти отец приговорил к смерти. И так как он снова нанес вред государству, Вам следует

приказать немедленно исполнить волю отца». Абдул Меджид успокоил растерявшегося министра, сказав, что его жизнь в безопасности[62].

С этого времени Решид-паша получил беспрепятственный доступ к султану. Он рассказывал ему о положении дел в Европе, а также о реформах, необходимых, по его мнению, для возрождения государства, просил отменить ряд обычаев, которые являлись причиной произвола и угрожали жизни невиновных.

Пользуясь доверием султана, министр иностранных дел сосредоточил свои усилия на двух задачах: во внутренней сфере — на подготовке к провозглашению Гюльханейского хатта, во внешней — на разрешении египетского кризиса.

Гюльханейский хатт открыл новую эпоху в истории османского государства — эпоху, ставшую преддверием капиталистического развития страны.

Мустафа Решид-паша писал, что основные положения Гюльханейского хатта составил султан Абдул Меджид (что нужно рассматривать как дань этикету) и что он сам приложил немало усилий в его разработке. Кроме того, по его словам, весьма облегчили дело министры, выразившие свое согласие с идеями хатта и способствовавшие его осуществлению; без их поддержки он, Мустафа Решид-паша, был бы бессилен[63].

Хотя реформы исходили от имени султана, их исполнением руководил Мустафа Решид-паша, который возглавлял административную группу «людей Танзимата»[64].

Накануне Решид-паша не был уверен, останется ли в живых после провозглашения хатта[65], так как ряд его положений противоречил шариату и традициям (например, о равенстве мусульман и немусульман перед законом), а также затрагивал материальные интересы бюрократии. Но он считал, что эти положения, будучи провозглашенными от имени султана, могут стать нормой жизни османского общества, принеся ему немалую пользу[66]. Положения о безопасности жизни, чести (неприкосновенности личности) и имущества, о равенстве перед законом всех сословий, а также немусульман с мусульманами, о преобладании закона над желаниями султана, справедливых налогах, всеобщей воинской повинности и ограничении срока военной службы и т. п. имели целью внедрение буржуазной законности во все сферы жизни.

Гюльханейский хатт и реформы Танзимата, последовавшие после поражения при Незибе, смерти Махмуда II и вступления на престол Абдул Меджида, можно считать результатом внешнеполитических затруднений, которыми воспользовались инициаторы реформ, с тем чтобы добиться согласия на их осуществление со стороны многочисленных противников. Вместе с тем реформы Танзимата имели целью укрепить государство, усилить его внутреннюю консолидацию[67]. Но незаинтересованное в реформах чиновничество всячески стремилось препятствовать их осуществлению, в том

числе путем их компрометирования собственными злоупотреблениями. Им удалось вызвать противодействие реформам со стороны различных слоев населения, что и было одной из главных причин малой эффективности этих реформ. И все же, несмотря на это, реформы Танзимата оказали серьезное влияние на османское общество, произведя «революцию в его идеологии»[68].

Неутомимость Мустафы Решид-паши в осуществлении преобразований казалась его современникам неистощимой. Вместе с тем меморандум, отправленный им австрийскому канцлеру Меттерниху в марте 1841 г., показывает, что он не отдавал себе отчета в размерах сопротивления реформам[69].

Стремясь разрешить конфликт с Мехмедом Али, Мустафа Решид использовал Хюнкяр-Искелесийский договор, как фактор, усиливавший соперничество западноевропейских держав с Россией. Порта сумела дипломатическим путем добиться поддержки европейских держав (исключая Францию) и сохранить Египет в составе Османской империи. В этой долгой борьбе (1831—1841) Мустафа Решид-паша проявил незаурядные дипломатические способности и фактически руководил ею. 10 марта 1841 г. султан в качестве признания заслуг Решид-паши наградил его бриллиантовой звездой, которую лично приколол ему на грудь, а также денежным подарком в 1 тыс. кесе.

Однако 31 марта 1841 г. Мустафа Решид-паша, слывший «душою правления при великом везире Эмине Рауфе» (с 8 июля 1840 г.)[70], был неожиданно отрешен от должности. Источники называют различные причины его падения. Очевидно, главная из них состояла в том, что теперь египетская проблема была разрешена и можно было обойтись без Решид-паши, реформаторская деятельность которого увеличила число его недоброжелателей в среде высших сановников. Поводом для отставки послужило либо недовольство Меттерниха затянувшимися переговорами европейских послов с Решид-пашой из-за условий турецко-египетского урегулирования[71], либо разногласия при обсуждении нового коммерческого кодекса, который некоторые члены Совета нашли противоречащим шариату[72].

Некоторое время Мустафа Решид-паша был не у дел, а в начале июля 1841 г. его вновь назначили послом высшего ранга в Париж. К месту назначения он прибыл 19 ноября[73].

В инструкции Порты послу вменялось в обязанность прилагать усилия для укрепления дружественных отношений между Францией и Англией, так как взаимный союз этих двух держав признавался полезным для Османской империи; искать пути для ликвидации подстрекательств со стороны появившегося во Франции грекофильского общества (куда входила и часть депутатов французского парламента), члены которого были сторонниками полной независимости христианских подданных султана; предупреждать нежелательные действия французов, сочувствовавших агитации Гре-

ции, призывавшей греческих подданных султана бороться за присоединение их территорий к Греции[74].

В период исполнения обязанностей посла в Париже Мустафа Решид-паша способствовал, в частности, улаживанию конфликта между маронитами и друзами в Ливане, который из-за вмешательства европейских держав превратился в часть Восточного вопроса[75]. Он прилагал также усилия для урегулирования отношений Порты с тунисским беем, в которые энергично вмешивалась Франция, стремившаяся укрепить свое влияние в Тунисе.

В это время Мустафа Решид стал часто болеть, ему нужно было переменить климат, и с июня 1842 г. он стал просить позволения вернуться в Стамбул[76]. 17 декабря 1842 г. после временного улучшения, наступившего в друзско-маронитских отношениях в Ливане, Мустафа Решид-паша был освобожден от посольских обязанностей и в начале марта 1843 г. вернулся в Стамбул.

Садразам Риза-паша, опасаясь его пребывания в столице, предложил Мустафе Решид-паше должность губернатора в Эдирне, от которой тот отказался. Около года Решид-паша был не у дел, что привело его к долгам. 14 ноября 1843 г. ему вновь был предложен пост посла в Париже. Получив разрешение взять с собою двух старших сыновей в качестве секретарей посольства, он отправился в Париж, куда и прибыл 27 января 1844 г.[77].

Проблемы для турецкого посла в Париже оставались прежними: Греция, Тунис, Ливан. Мустафа Решид продолжал поддерживать знакомства с французскими политическими деятелями и пользовался известностью в парижском обществе[78].

24 октября 1845 г. Мустафа Решид-паша вновь был назначен министром иностранных дел. Этим назначением султан хотел укрепить доверие западноевропейских держав к своему правительству[79], пошатнувшееся из-за ряда внешнеполитических осложнений, в том числе волнений в Ливане, а также добиться более эффективного осуществления реформ[80].

Приезд Мустафы Решид-паши в Стамбул в конце 1845 г. способствовал активизации реформаторской деятельности в стране во всех областях[81].

Менее чем через год, 28 сентября 1846 г., Решид-паша был назначен садразамом, а министром иностранных дел стал его воспитанник и приверженец Аали-эфенди (Али-эфенди). В хатте Абдул Меджида о новых назначениях говорилось, что султан постоянно стремится активизировать преобразования и самым подходящим кандидатом для их осуществления является Решид-паша[82].

Назначение Мустафы Решид-паши на высший пост в государстве было связано с желанием Порты реабилитировать себя в глазах общественного мнения Европы после жестокого преследования турецкими властями албанских католиков, тайно исповедовавших свою веру, но выдававших себя за последователей ислама[83]. Оно

должно было служить символом проведения либеральных преобразований, что создавало Решид-паше исключительное положение.

В связи с вопросом о том, чем руководствовался султан при назначении или смещении высших сановников, напомним замечание по этому поводу турецкого историка Э. З. Карала: «В период Танзимата султан уже не мог сместить великого везира только в соответствии со своим желанием или загадывая на ночь... Время требовало садразамов нового типа, знающих иностранные языки, знакомых с положением в Европе и, особенно, признанных в Европе»[84]. Однако Абдул Меджид не всегда подавлял свои желания во имя государственных интересов: на практике наблюдались смещения и назначения без веских оснований, когда султан прибегал к своим традиционным привилегиям[85].

В январе 1847 г. у Порты произошли серьезные разногласия с Грецией из-за оскорбления в Афинах турецкого посла Мусуруса[86], приведшие к разрыву дипломатических отношений. В этом конфликте, в котором проявились давние взаимные турецко-греческие разногласия, не обошлось без вмешательства европейских держав. Порта, возглавляемая Решид-пашой, заняла решительную позицию и одержала явную дипломатическую победу: ее требования были удовлетворены.

Февральская революция 1848 г. во Франции и последовавшая через несколько недель революционная буря в Австро-Венгрии были встречены Мустафой Решид-пашой «оптимистически», «в падающей звезде Австрии он видел новую эпоху славы для Турции»[87]. Такое отношение объяснялось, в частности, тем, что Порта опасалась захвата Австрией территорий, принадлежащих Османской империи[88].

Мустафа Решид-паша попытался использовать революционные волнения в Дунайских княжествах, чтобы умалить в них влияние России, но потерпел неудачу[89], и 28 апреля 1848 г. он и Али-паша были смещены со своих постов. На этот раз поводом к отставке послужило обвинение, исходившее от сераскера дамада Саид-паши, в намерении Мустафы Решида-паши установить в стране республику. Однако, несмотря на то, что Мустафа Решид и Аали должны были отправиться в ссылку, новый садразам Сарым-паша вскоре назначил Мустафу Решида членом Высшего совета юстиции[90]. Снисходительное отношение к «вине» Мустафы Решида свидетельствовало о том, что упомянутое обвинение не воспринималось всерьез[91].

Революция в Дунайских княжествах, которая, очевидно, и была действительной причиной отставки Мустафы Решид-паши, не сумевшего принять энергичные меры для ее подавления, заставила, однако, султана вновь вернуть ему пост великого везира через три с половиной месяца — 12 августа 1848 г. «Энергичная агитация проявлялась среди райя (в Дунайских княжествах), и нужно было опасаться, что она постарается сбросить ярмо, подобно итальян-

цам в Ломбардии. Султан понял, что должен приблизить к себе людей, более способных вести дела. Риза-паша стал военным министром, а Решид-паша великим везиром» [91].

На почве общей борьбы против революционного движения в княжествах [92] Николай I рассчитывал сблизиться с Портой и усилить в ней влияние России. В сентябре 1848 г. царь предложил султану союз. 1 мая (19 апреля) 1849 г. между Россией и Турцией была заключена на семилетний срок Балта-Лиманская конвенция, подписанная с турецкой стороны Мустафой Решид-пашой. Княжества потеряли многие из своих привилегий, приобретенных с помощью России после Адрианопольского мира 1829 г.[93]. По словам А. Ф. Миллера, «Танзимат оказался бесплодным и в той своей части, которая имела целью примирить нетурецкие народы империи с турецким господством» [94].

Однако вера в торжество либеральных идей на Западе проявилась у Мустафы Решид-паши в его отношении к политическим беженцам — участникам польского восстания 1830—1831 гг. и венгерской революции 1848—1849 гг.[95]. Требования Австрии и царской России выдать политических беженцев на основе статьи Кючюк-Кайнарджийского договора были отклонены Решид-пашой, который рассчитывал на поддержку в этом вопросе западноевропейских держав, в большинстве своем затронутых революционным движением 1848 г. Он понимал, что уступчивость повредила бы престижу Османской империи. Поддерживая Порту, Англия и Франция оказывали противодействие царской России, с тем чтобы умалить ее влияние на Востоке [96].

Хотя Россия объявила о разрыве дипломатических отношений с Портой, они не были прерваны, так как специальная турецкая миссия, возглавлявшаяся Фуад-эфенди, была направлена в Петербург и заверила Николая I, что политические эмигранты в Турции будут лишены возможности проводить какую-либо враждебную России деятельность [97]. Оценив серьезность могущих возникнуть международных осложнений, Россия и Австрия отказались от своих требований. Эта дипломатическая победа, также как и другая, одержанная в споре с Грецией в 1847—1848 гг., повысила престиж Порты [98].

В начале 50-х годов XIX в. резко ухудшилось финансовое положение Османской империи [99]. В результате в стране снова оживились реакционные силы, которые добивались возвращения к древним традициям ислама, называя Танзимат бедствием, которое разрушит империю. Внутренние затруднения, в которых обвиняли Мустафу Решид-пашу, «заставили усомниться в его уме, честности и предусмотрительности, т. е. в качествах, которыми до сих пор общественное мнение так щедро его одаривало» [100].

Финансовый кризис был, по-видимому, главной причиной смещения Решид-паши с поста садразама 27 января 1852 г. Непосредственным поводом для отставки послужили раздоры с зятем сул-

тана мюширом Фехти-пашой, который чувствовал себя обиженным из-за того, что его не избрали членом общества «Энджюмени даныш» [101].

В течение сорока дней после отставки Мустафа Решид-паша исполнял обязанности председателя Высшего совета юстиции, а 4 марта ему была возвращена должность садразама. На этот раз высший пост в государстве принадлежал ему только пять месяцев. Причиной смещения были дворцовые интриги [102].

5 августа на пост великого везира был назначен бывший воспитанник и единомышленник Решид-паши, исполнявший при нем должность министра иностранных дел, Аали-паша. Источники сообщают, что до этого дня Аали-паша и Фуад-паша были самыми близкими помощниками и преданными сторонниками Мустафы Решида. После назначения Аали-паши садразамом союз этих трех государственных деятелей распался. Турецкие источники утверждают, что Решид-паша счел возвышение своего бывшего протеже унизительным для себя и с этого времени был противником всех его начинаний. Современники отмечали, что разногласия Мустафы Решида с Аали-пашой привели, как и в прежние времена, к разделению всех чиновников на две партии — сторонников и противников Решид-паши [103].

А. Вамбери, лично знавший всех трех сановников, заметил, что остроумные и недружелюбные замечания Аали и Фуада в адрес Мустафы Решида казались ему безосновательными. «К сожалению,— писал он,— даже в этом немногочисленном круге лиц, относившихся к реформам доброжелательно, борьба личных самолюбий и взаимное соперничество были очень велики» [104].

Английский историк С. Шоу также обращает внимание на наличие в 50-е годы разногласий между поколениями «людей Танзимата», связанных с осуществлением реформ в Османской империи. Среди сторонников реформ, воспитанных Мустафой Решидом, возвысилась новая бюрократия, руководимая Аали-пашой и Фуад-пашой, которая считала преобразования, осуществлявшиеся Мустафой Решидом, слишком медленными, тесно связанными с прошлым и подвластными случайным обстоятельствам. Новое поколение считало поэтому, что оно должно сменить прежних лидеров [105].

Вскоре в стране возникла тревожная обстановка из-за разногласий с Россией по поводу «святых мест», грозившая войной [106]. Это заставило султана по прошествии девяти месяцев после отставки Решид-паши вновь прибегнуть к его услугам, назначив его 13 мая 1853 г. министром иностранных дел [107].

Непримиримая позиция как царской России, так и Англии, сказавшаяся во время переговоров послов обеих держав, Меншикова и Редклифа, с Решид-пашой в Стамбуле весной 1853 г., привела в конце концов Османскую империю к новой войне с Россией, которая была объявлена Турцией 29 сентября 1853 г.[108].

12 марта 1854 г. Мустафа Решид-паша заключил союзный договор с Англией и Францией, позднее к нему присоединилась Сардиния. Со времени назначения его министром иностранных дел в 1853 г. Решид-паша фактически стал главой правительства, а с 23 ноября 1854 г. и формально. В этот период он пользовался большим влиянием при дворе и начал много внимания уделять дворцовым интригам, от чего страдали государственные дела. У него появилась также страсть к богатству. Мустафа Решид приложил немало усилий, чтобы сделать своего второго сына, Али Галиба, зятем султана, что ему и удалось в 1854 г.

Война еще не окончилась, когда 4 мая 1855 г. Мустафа Решид-паша получил отставку. Причиной ее были англо-французские разногласия из-за прорытия Суэцкого канала. Англия была противницей реализации этого плана, так как боялась потерять свое преимущество в морских сношениях с Индией, которым она обладала благодаря сильному морскому флоту; прорытие же канала позволило бы другим державам конкурировать с нею[109]. Мустафа Решид поддерживал Англию и парализовал осуществление французами их проекта. Он опасался, что с прорытием канала неизбежно должна была усилиться независимость египетского паши[110]. Французский поверенный в делах Бенедетти решительно протестовал против такой позиции Порты. Протест Франции, активного союзника Османской империи в продолжавшейся Крымской войне, султан не мог оставить без последствий. Мустафа Решид-паша вновь был заменен Аали-пашой.

Какое-то время он был не у дел. После опубликования 16 февраля 1856 г. Аали-пашою хатт-и хумаюна о реформах Мустафа Решид-паша подал султану ляиху, в которой критиковал действия Аали-паши и в качестве турецкого представителя на Парижском конгрессе и особенно за обещание осуществить реформы для немусульманских подданных, утверждая, что хатти-хумайюн 1856 г. несовместим с независимостью государства, противоречит его правам, пользе и достоинству[111].

1 ноября 1856 г. министр иностранных дел Фуад-паша и великий везир Аали-паша были смещены со своих постов, а Мустафа Решид-паша вновь назначен садразамом. Аали-паше был предложен пост министра иностранных дел, но, «будучи чувствительным к критике Мустафы Решид-паши, он не смог его принять», в результате чего он вместе с Фуад-пашой был назначен членом Высшего совета юстиции[112].

Перемены в правительстве были связаны с внешнеполитическими осложнениями, вызванными проблемой объединения Молдавии и Валахии. Парижский трактат 1856 г. отменил русско-турецкий Балта-Лиманский договор 1849 г. о Дунайских княжествах[113], и возник вопрос об объединении Молдавии и Валахии, поставленных под коллективный протекторат европейских держав, в одно государство. Франция, Россия и Пруссия положительно относи-

лись к объединению румынской нации; Турция же, Англия и Австрия, временно оккупировавшая княжества, хотели сохранения существовавшего положения. Выборы, состоявшиеся в Молдавии и Валахии в июле под контролем каймакамов Порты, оказались под их давлением благоприятными для противников объединения. Тогда Франция, Россия и Пруссия потребовали признания выборов недействительными, угрожая разрывом дипломатических отношений [114].

Порта и султан отреагировали на это новой заменой постов высших сановников: 1 августа 1857 г. Мустафа Решид-паша, как противник объединения (оно было шагом к их независимости) [115], был уволен в отставку и назначен председателем Совета Танзимата, а через месяц и вовсе отстранен от дел. 6 августа выборы были признаны недействительными.

Но 22 октября 1857 г. Мустафа Решид занял — в последний раз — пост великого везира, как сообщают источники, после личной беседы с султаном, во время которой он сумел снова поразить его своей политической прозорливостью. Беседа состоялась во время визита, который Абдул Меджид сам нанес смещенному сановнику. На этот раз Аали-паша не отказался от поста министра иностранных дел, и до кончины Мустафы Решид-паши они служили вместе.

Через два месяца Мустафа Решид-паша заболел. Когда ему стало немного легче, он возобновил прием послов. Вечером 7 января 1858 г. после возвращения с очередного приема он скончался от разрыва сердца [116].

Тюрбе Решид-паши находится в Стамбуле недалеко от мечети Баязида. Польский эмигрант М. Чайковский наблюдал, как в день похорон все население Стамбула вышло на улицы, выражая печаль в связи с кончиной Мустафы Решид-паши [117].

[1] İslâm ansiklopedisi. Ч. 98. İstanbul, 1963, с. 701—705.

[2] А. Д. Новичев. История Турции. Т. II. Ч. 1 (1792—1839). Л., 1968, с. 272; он же. История Турции. Т. III. Ч. 2 (1839—1853). Л., 1973.

[3] R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat. Ankara, 1954.

[4] И. А. Орбели. Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летоисчисление. Л., 1940; F. R. Unat. Hicrî tarihleri milâdî tarihe çevirme kılavuzu. Ankara, 1959.

[5] C. Baysun. Mustafa Reşit paşa.— Tanzimat. İstanbul, 1940, с. 1—2.

[6] Г. Вамбери. Очерки жизни и нравов Востока. Перев. с нем. СПб., 1877, с. 144.

[7] M. Süreyya. Sicili Osmanî. T. III. İstanbul, 1312 (1894/95), с. 560; R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 42.

[8] M. Selâheddin. Bir türk diplomatının evraki siyasiyesi. İstanbul, 1306 (1888/89), с. 8; R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 42.

[9] E. B. Şapolyo. Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat devri tarihi. İstanbul, 1945, с. 10.

[10] Selâheddin. Bir türk diplomatının..., с. 9; R. Kaynar. Mystafa Reşit paşa..., с. 44.

[11] R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 44, 147.

[12] E. B. Ş a p o l y o. Mustafa Reşit Paşa..., c. 8.

[13] Бейликчи калеми — одна из канцелярий Порты, в обязанности которой входило отправлять по назначению все решения правительства и вести им подробную опись. Здесь же составлялись различные документы (фирманы, бераты и др.), исходившие от имени султана, за исключением финансовых. Канцелярия бейликчи ведала исполнением законов и международных договоров.

[14] Должность называлась «мектуби хулефа» (см.: R. K a y n a r. Mustafa Reşit paşa..., с. 46). Халифе — чиновник.

[15] А. Д. Н о в и ч е в. История Турции. Т. II, с. 159; В. И. Ш е р е м е т. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975, с. 24—26.

[16] C. B a y s u n. Mustafa Reşit paşa, c. 2.

[17] Амеди калеми — канцелярия Порты, ведавшая вопросами внешней политики, а также обеспечивавшая связь и переписку между ведомствами великого везира и дворцом. Амеджи — глава канцелярии — был заместителем государственного секретаря, вел протоколы переговоров реис-эфенди с иностранными послами. В его обязанности входил также сбор налогов с новых владельцев военных ленов, которым он выдавал квитанции с надписью «амд» — «уплачено» (от этого слова и произошел термин).

[18] Tarih-i Lütfi. T. II. İstanbul, 1291 (1874), с. 26; В. И. Ш е р е м е т. Турция и Адрианопольский мир..., с. 93—94.

[19] См.: Tarihi Lütfi. T. II, с. 121—122. R. K a y n a r. Mustafa Reşit paşa..., с. 47; В. И. Ш е р е м е т. Турция и Адрианопольский мир..., с. 108—113.

[20] Цит. по: R. K a y n a r. Mustafa Reşit paşa..., с. 48—49.

[21] Tarihi Lütfi. T. V. İstanbul. 1302 (1884/85), с. 156—159; R. K a y n a r. Mustafa Reşit paşa..., с. 30—36 (докладные записки Акиф-паши султану, письмо Пертев-паше от казначея монетного двора и некоторые другие документы); Д. Г. Р о з е н. История Турции. Ч. I. СПб., 1872, с. 279—280.

[22] О правах и обязанностях халифа см.: И. П. П е т р у ш е в с к и й. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966, с. 152, 191. О правовом положении турецких султанов см.: M. C. D'O h s s o n. Tableau général de l'Empire Othoman. T. III. P., 1820, c. 3—6.

[23] См.: М. Д'О с с о н. Полная картина Оттоманской империи. Пер. с франц. СПб., 1895, с. 413.

[24] О границах власти губернаторов см.: M. C. D'O h s s o n. Tableau général..., с. 384—388. О военно-полицейских судах см.: И. П. П е т р у ш е в с к и й. Ислам в Иране..., с. 197—198, 156.

[25] Впервые постоянные посольства были основаны при Селиме III (1789—1807), но просуществовали недолго и их деятельность не была успешной. См.: Н. А. Д у л и н а. Изменения в османской дипломатии (тридцатые годы XIX в.).— Тюркологический сборник 1973. М., 1975, с. 62—67.

[26] R. K a y n a r. Mustafa Reşit paşa..., с. 64.

[27] Д. Г. Р о з е н. История Турции. Ч. I, с. 271; С. П а л а у з о в. Мустафа Решид паша.— «С.-Петербургские новости». 1858, № 14, с. 19; то же, отд. отт.; С. С. Т а т и щ е в. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887, с. 411—412.

[28] R. K a y n a r. Mustafa Reşit paşa..., с. 84—91 (докладная записка Мустафы Решида султану Махмуду).

[29] R. K a y n a r. Mustafa Reşit paşa..., с. 67.

[30] M. A. U b i c i n i. La Turquie actuelle. P., 1855, c. 156—157.

[31] S. L a n e - P o o l e. The Life of the Stratford Canning. T. II. L., 1888, c. 104—105; R. K a y n a r, Mustafa Reşit paşa..., c. 164.

[32] M. A. U b i c i n i. La Turquie..., c. 160.

[33] M. S e l â h e d d i n. Bir türk diplomatının.... c. 15—16; R. K a y n a r. Mustafa Reşit paşa..., c. 63.

[34] E. K u r a n. Cezayirin bransızlar tarafından işgali karşısında osmanlı siyaseti (1827—1847). İstanbul, 1957, c. 35.

[35] E. Z. K a r a l. Osmanlı tarihi. T. V. Ankara, 1956, c. 139; Д. Г. Р о з е н. История Турции. Ч. I, с. 235—237.

[36] R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 65.

[37] Там же, с. 77, 80.

[38] В Османской империи в XIX в. постоянные послы имели два ранга: orta elçi (посол среднего ранга) и büyük elçi или fevkalâde elçi (посол высшего ранга). Первый ранг соответствовал положению чрезвычайного посланника, второй — чрезвычайного посла в Европе.

[39] О введенном Махмудом II табели о рангах см.: В. Теплов. Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе. СПб., 1897, с. 144—152.

[40] İslâm ansiklopedisi. Ч. 98, с. 701; См. также: C. Baysun. Mustafa Reşit paşanın siyasî yazıları.— «İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Dergisi», 1959, № 14, с. 61.

[41] R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 82.

[42] M. Selâheddin. Bir türk diplomatının..., с. 18; R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 83.

[43] R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 83; C. Baysun. Mustafa Reşit paşa, с. 7.

[44] S. Kuneralp. Bir osmanlı diplomatı Kostaki Musurus paşa. 1807—1891.— «Belleten». T. 34. Ankara, 1970, № 135, с. 422.

[45] Tarihi Lütfi. T. V, с. 118—119.

[46] «Takvimi Vekayi» (1837). № 157 (цит. по: R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 95).

[47] M. Selâheddin. Bir türk diplomatının..., с. 19; R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 97.

[48] С. С. Татищев называет декабрь. См.: С. С. Татищев. Внешняя политика..., с. 413.

[49] Д. Г. Розен. История Турции. Ч. I, с. 279—280, 294—295.

[50] C. Baysun. Mustafa Reşit paşa, с. 8.

[51] İslâm ansiklopedisi. Ч. 98, с. 702; C. Bilsel. Tanzimatın harici siyaseti.— Tanzimat. İstanbul, 1940, с. 35.

[52] R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 115.

[53] Текст см.: R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 84—93; перевод и оценку докладной записки см.: Н. А. Дулина. Докладная записка (ляиха) Мустафы Решида паши султану Махмуду II.— Письменные памятники Востока. М., 1981, с. 30—46.

[54] R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 126.

[55] Текст договора см.: Muahedatı Umumiyeti mecmuası. T. 1. İstanbul, 1294 (1877), с. 271; а также: J. C. Hurewitz. Diplomacy in the Near and Middle East. T. 1. Princeton, 1956, с. 110—111.

[56] Подробнее о договоре см.: Н. А. Дулина. Англо-турецкий договор 1838 г. и его влияние на экономическое развитие Османской империи.— «Народы Азии и Африки». 1976, № 3, с. 69—80.

[57] Tarihi Lütfi. T. V. с. 111—112; R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 129.

[58] См.: Н. А. Дулина. Турецкая дипломатия в период турецко-египетского конфликта 1831—1841 гг.— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока (ПП и ПИКНВ) X годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1974, с. 19—22.

[59] R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 150—151.

[60] I. Testa. Recueil des Traités de la Porte Ottoman avec les Puissances Etrangéres. T. II. P., 1872, с. 417; С. Горяинов. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907, с. 45.

[61] Точная дата возвращения в Стамбул неизвестна. 12 августа 1839 г. Мустафа Решид еще беседовал в Лондоне с Пальмерстоном (см.: Fr. Ed. Bailey. British Policy and the Turkish Reform Movement. Cambridge, 1942, с. 271). Переезд в Стамбул занял не менее месяца.

[62] R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 161.

[63] Рукописный ответ Мустафы Решида на памфлет М. Дестриля (M. Destrilhes. Confidences sur la Turquie. P., 1855). Цит. по: R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., с. 165).

[64] St. J. Shaw. The Central Legislative Councils in the XIXth Century Ottoman Reform Movement.— «International Journal of Middle East Studies». L., 1970, № 1, c. 58. См. также: C. Baysun. Mustafa Reşit paşa, c. 12.

[65] C. Baysun. Mustafa Reşit paşa, c. 12.

[66] Fr. Ed. Bailey. British Policy..., c. 271.

[67] См.: Н. А. Дулина. О программе реформ Мустафы Решида паши (1838—1858 гг.) см. ПП и ПИКНВ, XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1976, с. 12—17.

[68] См.: Ed. Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat. Ч. I. P., 1882, c. 37.

[69] N. Milev. Réchid pacha et la réforme ottomane.— «Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte». T. II. Тетр. 3. B., 1912, c. 382—398.

[70] Д. Г. Розен. История Турции. Ч. II, с. 32.

[71] А. Дебидур. Дипломатическая история Европы. Перев. с франц. Т. I. М., 1947, с. 413; C. Baysun. Mustafa Reşit paşa, c. 13; C. Bilsel. Tanzimatın haricî siyaseti, c. 16.

[72] А. Д. Новичев. История Турции. Т. III. Ч. 2, с. 128; Fr. Ed. Bailey. British Policy..., c. 201.

[73] İslâm ansiklopedisi. Ч. 98, c. 702.

[74] R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., c. 392—393, 492.

[75] См.: И. М. Смилянская. Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в. М., 1965, с. 84—121.

[76] R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., c. 396—397.

[77] Fr. Ed. Bailey. British Policy..., c. 212, R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa..., c. 403—406.

[78] R. Kaynar. Mustafa Reşit paşa.., c. 407.

[79] А. Д. Новичев. История Турции. Т. III. Ч. 2, с. 135; Ed. Engelhardt. La Turquie..., c. 79.

[80] Д. Г. Розен. История Турции. Ч. II, с. 94—95; E. Z. Karal, Osmanlı tarihi. T. VII, c. 119; Ed. Engelhardt. La Turquie..., c. 75.

[81] А. Д. Новичев. История Турции. Т. III. Ч. 2, с. 136—198; Д. Г. Розен. История Турции. Ч. II, с. 97; Ed. Engelhardt. La Turguie..., c. 79—80.

[82] C. Baysun. Mustafa Reşit paşa, c. 16.

[83] Д. Г. Розен. История Турции. Ч. II, с. 103—108.

[84] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. T. VI, c. 281.

[85] Ф. Ш. Шабанов. Государственный строй и правовая система Турции в период Танзимата. Баку, 1967, с. 106—107.

[86] Д. Г. Розен. История Турции. Ч. II, с. 117—120; С. С. Татищев. Внешняя политика..., с. 613; S. Kuneralp. Bir osmanlı diplomatı..., c. 428—429.

[87] Биограф Мустафы Решид-паши Дж. Байсун сообщает о тезкере, составленном Мустафой Решидом в связи с Великой французской революцией, в котором он высказывал положительное отношение к ней (см.: C. Baysun. Mustafa Reşit paşa, c. 16). Тезкере напечатано в кн.: Ali Fuad bey. Ricali muhimme-i siyasiye. İstanbul, 1928. Книга оказалась для нас недоступной.

[88] Ed. Engelhardt. La Turquie..., c. 85.

[89] Д. Г. Розен. История Турции. Ч. II, см. 127. См. также: Революции 1848—1849. Т. I. М., 1952, с. 815.

[90] C. Baysun. Mustafa Reşit paşa, c. 17; İslâm ansiklopedisi. Ч. 98, c. 703.

[91] Ed. Engelhardt. La Turquie..., c. 86.

[92] См.: Революции 1848—1849. Т. I, с. 815—816.

[93] История дипломатии. Т. I. М., 1959, с. 589; Революции 1848—1849. Т. II, с. 194—196.

[94] А. Ф. Миллер. Краткая история Турции. М., 1948, с. 76. См. также: Fr. Ed. Bailey. British Policy..., c. 271—276, 280—286; N. Milev. Rechid pacha..., c. 382—398; Ed. Engelhardt. La Turquie..., c. 43—140; Cevdet Paşa. Tezakir. № 10, Ankara, 1953, c. 76—82; Н. А. Дулина. Отношение Мустафы Решид-паши к проблеме статуса христианского населения Османской империи.— Тюркологический сборник 1976. М., 1978, с. 66—74.

[95] См.: Революции 1848—1849, с. 196—198; С. С. Татищев. Внешняя политика..., с. 598; Д. Г. Розен. История Турции. Ч. II, с. 135, 139.

[96] См.: К. Маркс. Русская политика в отношении Турции.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 9, с. 171, 584—585; История дипломатии. Т. I, с. 589.

[97] Дипломатический словарь. Т. III. М., 1964, с. 356—357.

[98] C. Bilsel. Tanzimatın haricî siyaseti, с. 35.

[99] Л. С. Семенов, В. И. Шеремет. Внешнеэкономические связи Турции эпохи Крымской войны.— «Вестник ЛГУ. История — языкознание — литература». Вып. 3. Л., 1973, с. 47; Ed. Engelhardt. La Turguie..., с. 99—101; M. A. Ubicini. Lettres sur la Turquie. Ч. I. P., 1853, с. 319; E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. T. VI, с. 205.

[100] E. Z. Karal, Osmanlı tarihi. T. VI, с. 99, 103.

[101] Общество «Энджюмени даныш» («Encümeni danış») — своего рода академия, созданная в июле 1851 г. Главная цель его — написание учебников для университета, который предполагалось открыть в те годы.

[102] C. Baysun. Mustafa Reşit paşa, с. 18—19.

[103] Там же, с. 19.

[104] Г. Вамбери. Очерки жизни..., с. 124—125.

[105] St. J. Shaw. The Central Legislative Councils..., с. 63.

[106] См.: Е. В. Тарле. Крымская война. Т. I. М.—Л., 1950.

[107] Там же.

[108] См.: Е. В. Тарле. Крымская война. Т. I, с. 185—186, 189—194 и др.

[109] См.: К. Б. Виноградов. Фердинанд Лессепс и строительство Суэцкого канала. — «Вопросы истории». 1969, № 11, с. 139—154; Н. А. Ерофеев. Англо-французская борьба за Суэцкий канал (1854—1875).— Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957, с. 590—614; В. Б. Луцкий. Новая история арабских стран. М., 1966, с. 136—139; Д. Г. Розен. История Турции. Ч. II, с. 147—150; E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. T. VI, с. 90—94, 264.

[110] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. T. VI, с. 93—94.

[111] Текст ляихи см.: Cevdet paşa. Tezakir. № 10, с. 76—82. См. также: E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. T. VI, с. 7—8, 22.

[112] İslâm ansiklopedisi. Ч. 5, 1941, с. 337. На решение султана назначить Мустафу Решид-пашу великим везиром, очевидно, оказала влияние протекция английского посла в Стамбуле С. Каннинга. Англия в то время вместе с Австрией выступала против объединения Дунайских княжеств, что было выгодно Турции. См.: W. E. Mosse. The Return of Reshid Pasha. An Incident in the Career of Lord Stratford de Redcliffe.— «The English Historical Review». 1953, № 269, с. 546—573.

[113] История дипломатии. Т. I, с. 589.

[114] В. Я. Гросул, Е. Е. Чертан. Россия и формирование Румынского независимого государства. М., 1969, с. 83—100.

[115] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. T. VI, с. 53—58.

[116] M. Selâheddin. Bir türk diplomatının..., с. 219.

[117] Записки Михаила Чайковского (Мехмед-Садык-паши). Пер. с польск.— «Русская старина». Т. 103. СПб., 1900, с. 222—224.

А. Д. Желтяков

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТУРЦИИ В 1909—1910 гг. ПРИ МЛАДОТУРКАХ В ОСВЕЩЕНИИ ГАЗЕТЫ «СТАМБУЛЬСКИЕ НОВОСТИ»

В поисках новых материалов для изучения истории, общественно-политических движений и культуры Турции в новое и новейшее время советские тюркологи в течение последних двух десятилетий все чаще обращаются к периодическим изданиям; одновременно самостоятельным объектом исследования становится турецкая печать. Плодотворность этого нового направления научных изысканий в советской тюркологии подтверждена уже рядом публикаций [1], хотя в изучении этой очень большой и трудоемкой темы сделаны только первые шаги. В этой статье речь пойдет о газете на русском языке — «Стамбульские новости», толчок к изучению которой дало обнаружение одного ее номера в Архиве внешней политики России.

В архивном деле единственный, второй номер газеты «Стамбульские новости» от 30 октября 1909 г. был приложен к донесению русского посла в Стамбуле министру иностранных дел. В этом документе, датированном 21 ноября того же года, говорилось: «За все время существования Турции это первая русская газета, возникшая в Константинополе. Выход ее является для нас несомненным культурным успехом...» [2]. Об издателе газеты Джелаледдине Коркмасове было сказано только, что он — русский подданный.

Уже содержание имевшегося номера и некоторые материалы архивного дела, о которых будет сказано ниже, показывали, что «Стамбульские новости» были отнюдь не рядовым изданием, предпринятым для информирования немногочисленной русской колонии в турецкой столице. Газета была тесно связана с Россией, и довольно скоро — вразрез с мнением посла — она вызвала столь резкое неудовольствие царских властей, что в июне 1910 г. они запретили ее ввоз в пределы Российской империи.

В поисках сведений, способных пролить свет на это издание, выяснилось, что газета «Стамбульские новости», в сущности, неизвестна исследователям истории Турции [3]. С ее, по-видимому, пол-

ной коллекцией автор получил возможность ознакомиться только в 1976 г. при содействии сотрудницы библиотеки ЛО ИВ АН СССР И. П. Лемешевой. В библиотеке имеется 33 номера, начиная с первого, вышедшего в свет 23 октября 1909 г., до последнего, датированного 4 июня 1910 г. В каждом номере 16 страниц «журнального» формата. Газета выходила по пятницам и распространялась в Турции, а также «в России и за рубежом» (20 коп. за номер). Своих агентов[4] по распространению и подписке еженедельник имел в Киеве, Одессе, Ялте, Казани, Баку и Коканде. Тираж его по турецким масштабам тех времен был весьма значительным, составляя в мае 1910 г. 1 тыс. экземпляров[5].

Для оценки материалов, публиковавшихся на страницах «Стамбульских новостей», большое значение имеет вопрос о составе их издателей, и в первую очередь личности главного редактора, биография которого более всего проливает свет на историю создания газеты. Джелаледдин Коркмасов — дагестанец. Он родился в 1878 г. в семье крестьянина селения Кумторкала нынешнего Буйнакского района. Учился сначала в реальном училище г. Темир-хан-Шуры, затем в Ставропольской гимназии, после окончания которой поступил на естественный факультет Московского университета[6]. В годы учебы много занимался общим и политическим самообразованием. Ввиду угрозы ареста за участие в выступлениях революционно настроенных студентов Д. Коркмасов уехал в Париж, где посещал некоторое время лекции на юридическом факультете Сорбонны, но в 1899 г. из-за отсутствия средств возвратился в Дагестан.

Когда началась революция 1905 г., Коркмасов принял участие в организации Крестьянского центра в Темир-хан-Шуре, осенью 1906 г. был арестован и сослан в Олонецкую губернию, но в начале 1907 г. бежал и вновь оказался в Париже. Там он включился в рабочее и социалистическое движение, познакомился с Жоресом, ездил в Лондон на встречу с В. И. Лениным. В те годы Париж являлся важнейшим центром турецкой политической эмиграции, и Д. Коркмасов скоро познакомился и сблизился с видным турецким социалистом, будущим организатором КПТ Мустафой Субхи и по его приглашению в 1909 г. переехал в Стамбул.

В Стамбуле Джелаледдин Коркмасов принял участие в работе недавно организовавшихся турецких социалистических кружков, писал статьи для младотурецкой газеты «Шура-и уммет», выступал перед рабочими и молодежью с лекциями о социализме и рассказами о революционном движении в России. Однако гонения на рабочее и социалистическое движение со стороны младотурецкого правительства и запрещение созданной в 1910 г. Османской социалистической партии вынудили Коркмасова в 1912 г. вновь переехать в Париж, где он пробыл до мая 1917 г.

В середине 1917 г. Д. Коркмасов возвратился на родину и принял самое активное участие в борьбе за установление Советской

власти в Дагестане. Он занимал посты председателей Военно-Революционного Комитета, Дагестанского облисполкома, комиссии по выработке конституции ДАССР (в 1918—1920 гг.); затем работал советником полпредства РСФСР в Турции и как член ВЦИК вместе с Г. В. Чичериным подписал Московский договор «О дружбе и братстве между РСФСР и Турцией» от 16 марта 1921 г.; позднее он возглавлял СНК ДАССР (в 1921—1922 гг.) и Комитет ЦИК СССР по национальному алфавиту (в 1932—1937 гг.) [7].

Для нас здесь особенно важно то, что Д. Коркмасов был одним из тех деятелей российской революционной эмиграции, которые содействовали распространению социалистических идей в Турции. В годы своей жизни в Турции Д. Коркмасов еще не был сформировавшимся марксистом. Однако под влиянием событий русской революции 1905—1907 гг. и в результате сближения с социалистическим движением во Франции он постепенно освобождался от мелкобуржуазной ограниченности левоэсеровского толка и искал свой путь в РСДРП. Несомненно, что к началу издания «Стамбульских новостей» Д. Коркмасов уже обладал опытом революционно-массовой работы и агитационно-пропагандистской деятельности. Через свой еженедельник он стремился выразить мнения и настроения турецкой революционной демократии и способствовать распространению в Османской империи идеалов рабочего и социалистического движения. Конечно, каковы бы ни были взгляды Д. Коркмасова в то время, не он один определял политическое направление еженедельника.

Согласно принятому Портой в июле 1909 г. новому закону о печати [8], главную ответственность за содержание любого органа политической периодики нес «ответственный директор», которым мог быть только отвечавший определенным требованиям турецкий подданный. «В Стамбульских новостях» им стал Ахмед Джевад, активный деятель движения младотурок и участник младотурецкой революции, в прошлом сотрудник или издатель ряда младотурецких газет, в том числе главного органа Комитета «Единение и Прогресс» — газеты «Танин». На страницах русского еженедельника Ахмед Джевад часто выступал как представитель радикальной части Комитета, считавшей, что свержение абсолютизма не самоцель, а только первая ступень в борьбе за социальный и экономический прогресс Турции [9].

Многие материалы, публиковавшиеся в «Стамбульских новостях», вышли за подписью таких известных уже в то время журналистов, как Хюсейн Джахид, Исмаил Кемаль и Д. Нури. Среди русских корреспондентов значились Вл. Александров, М. Нежданов, Данилов, А. Ширинский, несомненно знакомые с турецкой действительностью и по личным впечатлениям. Почти в каждом номере «Стамбульских новостей» выступали журналисты, имена которых скрыты за очевидные псевдонимы или аббревиатуры: Османлы, Махзун, М. С-ий [10]. Многие политические статьи, а также

аналитические отчеты о работе парламента публиковались анонимно. Значительное место в каждом номере отводилось литературному отделу, где в русском переводе печатались рассказы, очерки, стихи видных турецких писателей — Махмуда Экрема, Тевфика Фикрета, Ахмеда Мидхата, Ахмеда Хикмета, Халидэ Салих Ханум (Халидэ Эдиб) и др. Важными документами, раскрывающими политическую и культурную жизнь Турции того времени, являются многочисленные и хорошо выполненные фотографии.

В своем обращении «К читателям» редакция нового издания сообщала, что она «заручилась сотрудничеством выдающихся знатоков Востока и наиболее видных представителей турецкой прессы, политики, литературы и искусства» и с их помощью надеется и будет стремиться познакомить всех желающих с «развитием и направлением умственной, экономической и общественной эволюции» Турции, интерес к которой повсюду возрос «под влиянием последних событий, так неожиданно давших блестящее опровержение всем общепринятым суждениям» о медлительности восточной жизни. Тем самым редакция в слегка завуалированной форме давала понять читателям России, где царизм торжествовал свою победу над первой русской революцией, что «Стамбульские новости» будут рассказывать о революционных событиях в соседней Турции.

Политическая обстановка в Турции того времени, когда появилась и выходила газета «Стамбульские новости», была напряженной и противоречивой. Хотя контрреволюционный мятеж 31 марта/13 апреля 1909 г. был подавлен, Комитет «Единение и Прогресс» не отменил объявленного в связи с ним чрезвычайного положения, а использовал его для полной ликвидации сложившегося после июльского переворота 1908 г. двоевластия [11], захвата всех органов государственного управления и проведения крутых мер против оппозиции. Двусмысленным оказалось и положение печати. Юридически ей предоставлялась значительная свобода, так как конституция и новое законодательство декларировали отмену всех форм предварительного контроля печати; на деле же все большую силу набирала военная цензура, которая лишала конституционные декларации их смысла.

После того, как в конце апреля 1909 г. младотурки подавили прессу, открыто выступавшую за восстановление самодержавного режима, их политика в вопросах печати стала преследовать две основные цели: не допустить развития пропаганды в пользу национального самоопределения угнетенных народов империи и пресечь распространение идей революционного рабочего и социалистического движения. Естественно, что редакция «Стамбульских новостей» должна была считаться с существовавшими нормами деятельности прессы и не давать властям повода для закрытия еженедельника.

«Стамбульские новости» регулярно давали своим читателям в России, а отчасти и в Европе и Турции разнообразную и интерес-

ную информацию по многим вопросам внутреннего и международного положения Османской империи. Материалы, публиковавшиеся в газете, нередко являются важным источником по экономике, общественной и культурной жизни страны, политике ее правящих кругов в период, когда Комитет «Единение и Прогресс» превращался в главную правящую партию, защищавшую интересы турецких помещиков и национальной буржуазии. Ряд ее публикаций проливает дополнительный свет и на историю младотурецкого движения и революции 1908 г. К их числу относятся прежде всего переводы отрывков из мемуаров зачинателя вооруженного восстания под Ресной, «героя свободы» Ахмеда Ниязи[12]. Но, конечно, главное внимание уделялось текущим делам и проблемам.

В каждом номере «Стамбульских новостей» печатались материалы о работе турецкого меджлиса, вторая сессия которого открылась 1 ноября 1909 г. во дворце Чираган[13]. Эти отчеты ярко отражают ограниченность всей государственной деятельности младотурок. Вместе с тем в них отчетливо прослеживается поддержка редакцией газеты тех мероприятий и начинаний Комитета, которые были направлены на защиту нового, конституционного режима и отвечали интересам народных масс Турции.

Так, в феврале 1910 г. Ахмед Джевад резко выступил против требования сенатора, зятя султана, Дамада Ферид-паши ревизовать конституцию, исключив из нее статьи, ограничившие прерогативы монарха. Требуя возвращения к тексту 1876 г., Ферид-паша выражал сожаление, что «участие в национальном суверенитете даровано другим расам империи наравне с турками», призывал полностью «освободить» султана-халифа от необходимости «повиноваться закону» и предоставить ему, в частности, право единолично формировать весь состав сената (№ 7 от 12.II.1910, с. 3—6). В своем выступлении Ахмед Джевад подчеркивал, что сенатор сожалеет не о том, что младотурецкий парламент на своей первой сессии летом 1909 г. внес изменения в конституцию 1876 г.[14], «но вообще о самом существовании конституции» (№ 7, от 12.II.1910, с. 4).

Отмечая, что Ферид-паша хочет уничтожить «самые существенные принципы нового режима», «Стамбульские новости» опубликовали подборку откликов на дебаты по этому вопросу из других турецких газет, выступивших в защиту конституции 1909 г.[15]. Поскольку Ферид-паша аргументировал необходимость восстановления прежних прерогатив султана ссылками на шариат, газета приводила мнение видного мусульманского богослова Мусы Кязыма о том, что «принцип народного суверенитета вполне согласен с религией», а халиф сам «должен повиноваться закону» (№ 8 от 19.II.1910, с. 12). Одобряя провал предложений Ферид-паши в меджлисе, обозреватель еженедельника высказывал сожаление, что османские сенаторы сделали это «почти без прений», т. е. без достаточной критики (там же, с. 11).

Острые стычки в меджлисе разыгрались вокруг вопроса о том, что делать с «джурналджи» — доносчиками, по наветам которых Абдул Хамид II за 30 лет своего деспотического правления казнил, заточил в тюрьмы, сослал на каторгу многие тысячи противников его режима. Как сообщали «Стамбульские новости», в архивах дворца и государственных учреждений было обнаружено до 300 ящиков таких доносов (№ 6 от 27.XI.1909, с. 10). Среди лиц, избранных депутатами, было немало доносчиков, и они всячески старались замять дело. Другие же объявляли доносительство неотъемлемым свойством любой османской администрации, с которым невозможно бороться, и предлагали ограничиться публикацией имен «джурналджи», «невзирая на то, окажутся ли они среди министров, сенаторов или депутатов». Иттихадист Хюсейн Джахид призвал меджлис принять превентивное решение об исключении из числа депутатов всех тех, чьи доносы будут в дальнейшем обнаружены.

Против любых радикальных мер выступил великий везир, который сослался на трудность «классификации» такого множества «джурналджи» и вообще поставил под сомнение необходимость их обнародования (№ 19 от 7.V.1910, с. 6). В итоге комиссия, назначенная для отбора доносов, которые следовало опубликовать, не выполнила поручения меджлиса [16].

Как уже отмечалось, младотурецкий парламент уделял мало внимания даже обсуждению проблем, более всего волновавших широкие массы народа. Оценивая куцые и робкие законодательные предложения различных министерств меджлиса относительно облегчения положения трудящихся, один из постоянных корреспондентов «Стамбульских новостей», подписывавшийся «Османлы», в марте 1910 г. писал: «Уже судя по самому характеру реформ, выработанных всеми министерствами, можно заключить о полной дезорганизации страны, однако действительность далеко превосходит всякие предположения в этом отношении. В особенно плачевных условиях находится Азиатская Турция. Там есть уголки, куда еще совершенно не заглядывала цивилизация, и о ней не имеют даже самых элементарных понятий... Маленькие деревушки в 20—30 домов поражают грязью и бедностью. В жилищах по большей части нет печей, и люди спят в одной комнате со скотом». Он отмечал также бездорожье в этих местах, оторванность от центров, отсутствие промышленности, плохую обработку земли, грабежи и разбои на больших дорогах. «Прибавим к этому господство богатых ага, которые держат в руках все население, и продажность чиновников, остающихся еще от старого режима, и перед нами встанет вся мрачная картина народной жизни в отдаленных уголках прекрасной Анатолии» (№ 12 от 19.III.1910, с. 3).

Еженедельник подчеркивал не раз, что именно бедственное положение основной части населения — крестьянства — нередко толкает его к выступлениям против нового режима. Так, анти-

турецкие выступления в Македонии имеют своей причиной «обострившийся до последней степени» аграрный вопрос (№ 11 от 12.III.1910), а волнения в Курдистане есть прежде всего следствие того, что курдские массы, лишившиеся земли из-за захвата ее племенными вождями, живут в крайней бедности, и «до сих пор константинопольское правительство не предприняло ничего, чтобы отнять эти земли у этих тиранов Анатолии и возвратить их бедным курдским крестьянам». Курдские же депутаты в меджлисе «не обмолвились словом о страшной нужде курдского населения» (№ 11 от 12.III.1910, с. 11; перепечатка из газеты «Азадамар»).

«Стамбульские новости» указывали на крайнюю медлительность и осторожность правительства в делах, касающихся «реформы устаревшей податной системы» (№ 11 от 12.III.1910, с. 7). Весной 1910 г. во время дебатов по проекту бюджета депутат армянин Вартакес[17] внес предложение приостановить взимание с крестьян налога на мелкий скот — агнама, названного им «несправедливым и тягостным для бедных классов», однако меджлис поддержал требование министра финансов Джавид-бея о немедленном взыскании этого налога (№ 10 от 5.III.1910, с. 7). В то же время по предложению того же министра и под давлением великого везира меджлис утвердил смету бюджетных ассигнований для мужей принцесс крови (№ 18 от 30.IV.1910, с. 7).

Учитывая нарастание недовольства крестьянских масс, даже умеренные депутаты выступали с предложением простить турецким крестьянам все недоимки за годы, предшествовавшие революции. Так, выступая 15 апреля 1910 г. в сенате, видный сановник империи Норадунгиан-эфенди говорил о невозможности руководствоваться существующими цифрами неуплаченных налогов, поскольку они фальсифицированны и к тому же частично уже покрыты в результате незаконных вымогательств. «С другой стороны,— продолжал он,— турецкий крестьянин ожидает от нового режима результатов для улучшения его жизни. Каково же будет его разочарование, если этот режим заставит его не только регулярно платить новые налоги, но, кроме того, вносить все старые и тем еще более ухудшит его трудное положение» (№ 16 от 16.IV.1910, с. 12). С решительным требованием отменить все недоимки и наделить землей беднейших крестьян выступила 6 мая 1910 г. в Салониках македонская «левица» Яне Санданского (№ 21—22 от 21—28.V.1910, с. 15)[18].

Однако младотурецкое правительство осталось глухим ко всем призывам облегчить положение задавленных нуждой земледельцев и скотоводов. Местные организации Комитета «Единение и Прогресс» обратились в конце мая 1910 г. к крестьянам Турции с воззваниями, в которых призывали их к «единению и труду» (№ 21—22 от 21—28.V.1910, с. 11—12). Комментируя эти призывы, «Стамбульские новости» едко замечали, что потребуется весьма много времени, чтобы научить пользоваться принципами народовластия

«народные, темные массы, измученные нищетой, подавленные и эксплуатируемые еще до сих пор феодалами, беями, ага и чиновниками, не забывшими порядков старого режима» (там же, с. 13). На недовольство деревни меджлис ответил принятием «закона о бандитизме», который давал правительству широкие полномочия на террор в отношении не только повстанцев, но и членов их семей и всех «сочувствующих» в районе восстания (№ 2 от 8.I.1910, с. 9; № 11, от 12.III.1910, с. 3—5).

Столь же бесплодными оказались и разговоры в парламенте насчет необходимости выработать закон «о защите рабочих против работодателей». Когда в апреле 1910 г. с подобным предложением выступил депутат Аршин, ссылавшийся на жалобы рабочих, особенно работниц Бурсы и Адапазары, великий везир Хаккы-паша решительно отверг его на том «основании», что рабочий класс Турции слаб и малочислен, а главное потому, что «патриархальные нравы» Турции якобы оберегают его от безжалостной эксплуатации (№ 17 от 23.IV.1910, с. 7—8). Комиссия палаты депутатов рекомендовала «доверить обсуждение и решение этого вопроса ведению исполнительной власти», согласившись с мнением великого везира, что в Турции «хозяева исполнены по отношению к своим рабочим отеческих чувств» (№ 19 от 7.V.1910, с. 8—9). Поддерживая правительство, орган младотурок «Жён Тюрк» увещевал все же Хаккы-пашу «позаботиться о рабочем законодательстве, так как во многих местностях не только мужчины, но и женщины и даже дети работают при условиях тем более жестоких и несправедливых, что не существует никакого закона и никакого регламента, чтобы обуздать жадность и произвол хозяина», тем более что часто эксплуататорами являются иностранные капиталисты (№ 19 от 7.V.1910, с. 9).

Как раз в те дни, когда меджлис и правительство отказали рабочим в праве на защиту их интересов, с Стамбуле происходили забастовки трамвайщиков и портных. Сообщая об их требованиях (основание пенсионной кассы, повышение зарплаты и др.), «Стамбульские новости» особо отмечали, что «бастующим рабочим открыто сочувствует публика и пресса» (№ 20 от 14.V.1910, с. 11). Распространение в Турции социалистических идей, писала газета, вовсе не является случайностью, его база — рабочее движение. И хотя турецкий рабочий класс немногочислен, стачки, которые в 1909 г. охватили «все отрасли производства и железнодорожный персонал, доказали, что в Турции достаточно наемных рабочих, способных сформировать кадры рабочей партии». Процесс развития рабочего и социалистического движения в Турции исторически неизбежен, и его успех, подчеркивал автор статьи (подписавшийся «М»), будет обеспечен классовой солидарностью османских рабочих разных национальностей — турок, греков, евреев, армян, болгар (№ 10 от 5.III.1910, с. 9).

Весной 1910 г. меджлис приступил к обсуждению правитель-

ственного законопроекта о налоге на недвижимость, который предусматривал взимание 12% с валового дохода независимо от размера последнего и освобождал от налогов все постройки, владельцы которых получили некогда соответствующие султанские фирманы. В противовес этому проекту группа «депутатов из левых» (Вартакес, Зохраб) выступила с защитой принципа прогрессивного и пропорционального налога. Чтобы переложить часть налогового бремени с мелких ремесленников и торговцев на более богатый слой буржуазии, они предложили следующую шкалу для исчисления подоходного налога: владельцы имущества, дающего доход 2,5—10 лир в год, платят 8%, 10—30 лир—10, 30—100 лир—12, 100—500 лир — 14, свыше 500 лир — 16%.

«Это предложение,— писали „Стамбульские новости" в № 16 от 16.IV.1910 г.,— вызвало целую бурю возмущения». Самыми горячими его противниками выступили председатель партии «Единение и прогресс» Халиль-бей и министр финансов Джавид-бей, которые увидели в предложенной системе «приложение принципов „социализма", что является для них олицетворением самых ужасных несчастий, которые могли бы когда-либо встретить Турцию». При этом, писала газета, оба высокопоставленных оратора «доказали полное отсутствие хотя бы поверхностного знакомства с теорией научного социализма». Меджлис почти единодушно поддержал правительственный проект, защищавший интересы крупных собственников.

Ряд материалов, опубликованных в «Стамбульских новостях», показывает бессилие османского парламента в его робких попытках ограничить хозяйничанье иностранного капитала в Турции. Меджлис не смог добиться передачи ему узурпированных кабинетом прав решать вопросы, связанные с предоставлением концессий иностранцам (№ 7 от 4.XII.1909, с. 10), запрещения ввоза из-за границы невиноградного спирта, что стало причиной кризиса сбыта местного, виноградного (№ 8 от 11.XII.1909, с. 11) [19], отмены поставок некачественных патронов и пороха из Германии (№ 9 от 18.XII.1909, с. 10) и т. д. Хотя неравноправные торговые договоры Турции с западными державами, заключенные в 1861 г., у ряда депутатов вызывали острое недовольство, выступивший от партийной фракции Джавид-бей воспротивился их пересмотру, поскольку теперь-де «Турция переживает слишком серьезный момент, чтобы вызвать необдуманными или спешными мерами неудовольствие держав» (№ 8 от 11.XII.1909, с. 11). Сообщая об этих фактах, парламентский обозреватель «Стамбульских новостей» указывал и их причину: «Общественное мнение жалуется, что ни один значительный закон не проходит без того, чтобы какое-нибудь посольство не выразило своего сопротивления» (№ 8 от 11.XII.1909, с. 11).

Яркое впечатление оставляют публикации еженедельника о некоторых сторонах военной политики младотурок. В первую оче-

редь это относится к шумихе, поднятой в правительственных кругах и прессе в связи с фирманом Мехмеда V от 18 октября 1909 г. о привлечении немусульман к службе в рядах турецкой армии. Как показывают материалы газеты, младотурки стремились таким путем не только увеличить численный состав вооруженных сил, но и вытравить национальное самосознание у угнетенных христианских народов, заразить их идеями османского шовинизма и использовать для укрепления своей власти, а также в целях агрессии. Листая страницы еженедельника, можно хорошо представить себе ход раздувания в стране военной истерии вокруг планов создания мощного военного флота. На закупку современных боевых кораблей пожертвовал свое месячное содержание (20 тыс. лир) султан, сделали отчисления его двор и гарем. По постановлению руководства партии «Единение и прогресс» обязаны были отдать на строительство флота свое месячное жалованье партийные функционеры, депутаты меджлиса, государственные служащие; с той же целью устраивались аукционы и спектакли, собирались пожертвования. На деле, писала газета, все эти «добровольные пожертвования» превратились, из страха быть уволенным или прослыть неблагонадежным, во всеобщую налоговую повинность (№ 2 от 8.I.1910, с. 9).

Весьма разностороннее представление дают «Стамбульские новости» об экономическом положении Турции. Это прежде всего живые свидетельства корреспондентов, основанные на личном знакомстве с различными сторонами хозяйственной жизни турецкой деревни и некоторых городов, статистические данные о торговле, финансах, бюджете и, наконец, отдельные обзорно-аналитические статьи по проблемам экономики страны. В одном из таких обзоров Д. Коркмасов пытается выявить первопричины экономической отсталости Турции, которые он видит в жестоком налоговом угнетении трудового народа, коррупции господствующего класса, и огромных военных расходах, и довольно подробно останавливается на разных аспектах экономической политики младотурецкого правительства (№ 4 от 13.XI.1909 и № 5 от 20.XI.1909).

Он пишет об огромной финансовой зависимости Турции от западных кредиторов и показывает крайнюю недостаточность мероприятий нового режима для экономического подъема страны [20].

В обширной статье Махзуна, написанной на основе отчетных данных русского генерального консула в Стамбуле П. Е. Панафидина [21], рассматривается структура внешней торговли Турции в начале века. Показывая интенсивное расширение ввоза на турецкий рынок товаров Германии, Австрии и Италии, корреспондент отмечает три причины этого явления: дешевизну импортируемых ими товаров, предоставление долгосрочного кредита местным купцам-посредникам и тот факт, что турецкая таможенная политика «до сих пор задавалась целями преимущественно фискального характера, а не протекционистского» (№ 11 от 12.III.1910, с. 5—6).

Интересна статья Нежданова о Земельном банке («Зираат банкасы»). Отметив, что «аграрный вопрос является одним из самых жизненных и вместе больных вопросов империи», автор продолжал: «Трудное положение турецкого земледельца обусловливается неправильным и несправедливым разделом земли, отсутствием всякой рациональной системы земледелия, а главным образом недостатком кредита, который позволил бы крестьянину удовлетворить без помощи ростовщика свои настоятельные нужды, купить скот, орудия или семена» (№ 14 от 2.IV.1910, с. 6). Созданный в 1888 г.[22] Земельный банк не оправдал возлагавшихся на него надежд, так как не пользовался доверием и никто не вносил в него деньги, а правительство произвольно растрачивало предназначенные для банка доходы от повышения ставки ашара. К тому же банк выдавал ссуды земледельцам только под залог недвижимого имущества или же под солидное поручительство, и, следовательно, малоимущие или неимущие крестьяне его кредитом воспользоваться не могли. Из 1 582 424 закладчиков, получивших от банка ссуду в 1907 г., имущество 11 229 человек было продано с торгов (там же).

Одной из ведущих тем «Стамбульских новостей» было освещение национального вопроса в Османской империи. Еженедельник приводит много интереснейших материалов, вскрывающих великодержавный шовинистический характер османизма и показывающих те конкретные политические и военные средства, которые применяли младотурки для удушения национально-освободительных восстаний в Македонии, Албании, Ираке, Йемене и Курдистане[23].

Весьма значительное место в «Стамбульских новостях» занимал отдел культуры. В целом ряде специальных статей турецких и русских авторов рассказывалось об истории и современном состоянии в Османской империи литературы, театра, живописи, просвещения, музеев[24], библиотек, о проектах реформ турецкого языка и алфавита; публиковались разнообразные материалы, характеризующие положение печати,— парламентские прения, декреты правительства, постановления военных судов о репрессиях против неугодных властям газет и журналистов, обзорные статьи по истории турецкой прессы. В каждом номере под рубрикой «Фельетон» помещались переводы новелл или стихотворений преимущественно молодых турецких литераторов, биографии или справки о творчестве основоположников новой турецкой литературы, рецензии на наиболее значительные книжные новинки и т. д. Думается, что в самом подборе этих разнообразных материалов о культуре Турции отразился широкий культурный кругозор Д. Коркмасова, который с молодых лет увлекался литературой и еще на школьной скамье читал произведения и древних греков, и французских просветителей, и западных и русских классиков.

Даже краткий перечень редакционных сообщений и заметок об авторах, чьи имена вошли в историю борьбы против султанского

деспотизма, дает достаточные свидетельства литературных и политических симпатий еженедельника к прогрессивным силам турецкого общества. Так, уже в № 2 «Стамбульских новостей» была опубликована похвала таланту и деятельности Намыка Кемаля как литератора и патриота (30.X.1909, с. 11); в № 3 помещена рецензия на мемуары «отца турецкой конституции» Мидхат-паши (6.XI.1909, с. 11—13); в № 4 — рецензия на книгу одного из руководителей вооруженного восстания в 1908 г., Ниязи-бея, и его большой фотопортрет (13.XI.1909, с. 11—13); в № 8 — биография Тевфика Фикрета (11.XII.1909, с. 12) и т. п.

Революция 1908—1909 гг. дала сильный толчок движению за реформу турецкой письменности и языка. По этому «больному вопросу» турецкой культуры «Стамбульские новости» публиковали материалы, которые проливают дополнительный свет на историю реформы, проведенной позднее, в 20-х годах. Так, в № 9 (18.II.1910 г.), была помещена статья Ахмеда Мидхата[25], в которой писатель анализировал проект, представленный комиссией министерства просвещения. Проект отвергал идею коренной реформы алфавита на том основании, что она могла бы отделить турок «от остальной массы всей мусульманской нации, состоящей из 20 различных народов, которые все употребляют один и тот же алфавит», и предлагал ввести лишь некоторое количество облегчающих чтение знаков и полное написание гласных в собственно турецких словах, оставив в неприкосновенности орфографию слов арабских и персидских. Ахмед Мидхат соглашался с такой реформой «отуречения» языка, без ослабления его связи с письменностью и языком Корана, поскольку «мы не перестаем считать себя прежде всего мусульманами, а потом уже турками и оттоманами» (№ 9 от 18.II.1910, с. 6). Но в том же номере еженедельника публицист Джеляль Нури заявлял о целесообразности замены арабского алфавита латинским, что крайне облегчило бы изучение турецкого языка (№ 9 от 18.II.1910, с. 13).

Дискуссия о реформе турецкого алфавита приобрела особую остроту в начале 1910 г., когда в Албании стала печататься на латинском алфавите новая газета — «Албанец» и албанские депутаты-мусульмане призвали правительство запретить этот алфавит. «Стамбульские новости», отметив, что «главные албанские депутаты» стоят за латинский алфавит, поместили следующую выдержку из «Танин»: «Вместо того, чтобы вмешиваться в вопрос, который исключительно касается албанцев, в интересах Турции было бы хорошо, если бы мы, насколько возможно, последовали примеру албанцев; облегчая нашу неудобную, трудную азбуку, мы значительно ускорим прогресс нашего народа» (№ 3 от 15.I.1910, с. 13—14). В специальной статье корреспондента еженедельника Джеляль-бея отмечалась большая заслуга турецкой прессы в упрощении письменного литературного языка, приближении его к народно-разговорному. К тому же самому автор призывал и моло-

дых турецких литераторов (№ 9 от 26.II.1910, с. 3—6). Не называя конкретных имен, он упрекал писателей в слепом подражательстве декадентской и бульварной литературе Запада.

В освещении вопросов народного образования «Стамбульские новости» выступали в поддержку развития светской школы. В статье «Задачи народного просвещения в Турции» Ахмед Джевад указывал на причастность учащихся и преподавателей медресе к реакционному мятежу 31 марта/13 апреля 1909 г.: он отмечал обусловленную религиозным фанатизмом косность многих сотрудников ведомства просвещения и с одобрением отзывался о тех планах нового министра просвещения, Эмруллах-эфенди, которые могли содействовать укреплению светских тенденций в народном образовании. Вместе с тем Ахмед Джевад не одобрял чрезмерного внимания младотурецких реформаторов к вопросам военно-политической подготовки учащихся в ущерб изучению предметов, полезных для экономического развития страны (№ 14 от 2.IV.1910, с. 3—4; см. также: № 6 от 5.II.1910, с. 12).

Сохраняя в неприкосновенности религиозные учебные заведения, младотурки старались вытравить в них дух оппозиции новому режиму. С той же целью правительство усилило контроль над частными, иностранными и общинными школами и приняло меры к «туркизации» последних (№ 4 от 13.XI.1910, с. 14; № 6 от 5.II.1910, с. 12; № 10 от 5.III.1910, с. 13).

Значительное внимание «Стамбульские новости» уделяли театральному и изобразительному искусству Турции. Статья Нежданова «Театр в Турции» рассказывает преимущественно об истории формирования национального турецкого театра и о влиянии, которое оказали на него местные армянские и приезжие европейские труппы (№ 7 от 4.XII.1909, с. 4—8). Напротив, автор второй статьи (М. С-ий), «Константинопольские театры», останавливается главным образом на характеристике современной театральной жизни столицы, рассказывает о наиболее известных профессиональных труппах тех лет: труппе «известного турецкого комика» Хасана; труппе первого турецкого драматического актера, получившего образование в Париже, Бурханеддина, который «стремится развивать и направлять вкус публики и знакомить ее с лучшими произведениями национальной литературы»; об одном любительском кружке, который «предполагает ставить вещи современные и реалистические», а также о театрах стамбульских армян и греков и о гастролировавших в то время труппах французской комедии и венской оперетты (№ 8 от 19.II.1910, с. 8—11). Оба автора отмечают, что серьезный профессиональный театр пользуется еще очень незначительным вниманием турецкой публики, которая в своей массе более охотно идет в балаганы Карагёза, особенно в мусульманские праздники [26].

Материалы об изобразительном искусстве, опубликованные в еженедельнике, связаны преимущественно с именем художника

Хамди-бея (1842—1910), директора и основателя Османского музея живописи, скульптуры и прикладного искусства. Сын великого везира Эдхем-паши, он получил образование в Париже, первым из турецких живописцев стал писать маслом картины, отображающие живую природу, выставлялся в Европе. Статьи о современной турецкой живописи нередко сопровождаются в еженедельнике великолепными фоторепродукциями картин Хамди-бея и других художников (№ 5 от 21.I.1910, с. 9, 11; № 9 от 26.II.1910, с. 6—8; № 17 от 23.IV.1910, с. 4—5; № 18 от 30.IV.1910, с. 1, 5—7). Вместе с тем «Стамбульские новости» выступали в защиту тезиса о самобытном происхождении и характере турецкого искусства, выражая несогласие с теми ориенталистами Европы, которые смотрят «на турецкое искусство как на слепое подражание персидскому, арабскому и византийскому» (№ 10 от 25.XII.1909, с. 4—6).

«Стамбульские новости» постоянно знакомили своих читателей с турецкими обычаями, нравами, повседневной жизнью турецкой семьи и праздниками[27].

Важное значение еженедельник отводил проблеме положения турецкой женщины, выступая за ее общественно-политическое и семейно-бытовое раскрепощение. Уже в первом номере «Стамбульских новостей» редакция перечисляла имена «смелых пионерок эмансипации» — Халидэ Салих-ханум (Халидэ Эдиб), Семийе Ханум, Фатьмы Алийе Ханум, Селимы Ханум, сообщала, что в Стамбуле и Салониках появилось несколько журналов, издаваемых женщинами, писала, что «роль гаремных кукол уже давно не удовлетворяет турецкую женщину» (№ 1 от 23.X.1909, с. 14).

В своей статье «Женский вопрос в Турции» Махзун доказывал, что затворничество турчанок, являющееся главной причиной ее семейной и общественной приниженности, пришло к османам не от Корана, а от Византии и Персии (№ 4 от 13.XI.1909, с. 6—8). Затворничество и полигамия, писал он в одном из следующих номеров газеты, практиковались «почти исключительно среди зажиточных классов населения. Условия жизни не позволяли низшим классам смотреть на женщину как на игрушку... жена являлась полезной, часто необходимой, помощницей. Тяжелая работа, совместно вынесенные испытания давали крестьянину или ремесленнику возможность оценить в женщине человека. Нечего и говорить, что в этой среде многоженство являлось и является совершенно незначительным исключением» (№ 6 от 27.XI.1909, с. 4). Констатируя, что и после революции «какая бы то ни было общественная деятельность недоступна для турчанки», Махзун советует, однако, не слишком торопиться с эмансипацией, дабы не давать повода реакционерам и фанатикам еще раз поднять мятеж подобный «событию 31 марта 1909 г.»

С более решительным требованием эмансипации турчанок выступила Халидэ Эдиб. Видя основную причину векового рабства и унизительной зависимости турецких женщин в господстве пер-

сидской философии, а также поэзии, которые в последние десятилетия, по ее словам, вытесняются столь же бесплодным подражательством «красивым и праздным французским фантазиям», писательница призывает женщин привилегированных сословий учиться, накапливать рациональные знания, необходимые для активной деятельности во всех сферах современной жизни и помощи своим сестрам из простого народа (№ 8 от 19.II.1910, с. 5—7).

Многие литературные и публицистические произведения, опубликованные в «Стамбульских новостях», показывают, в сколь бесправном положении находилась турецкая женщина того времени.

Богатейший материал дают «Стамбульские новости» для изучения положения печати в Османской империи. В каждом номере еженедельник помещал подборки высказываний разных, часто нам недоступных, органов турецкой и инонациональной периодики тех лет по самым разным вопросам политической, общественной и культурной жизни страны. Его страницы пестрят сообщениями о репрессиях в отношении османских газет — турецких, армянских, болгарских, греческих. Декларированная конституцией 1909 г. «свобода печати в рамках закона» постоянно попиралась военными трибуналами при открытом одобрении правительства под предлогом, что «военный суд, как и обыкновенный, отправляет правосудие» (№ 14 от 2.IV.1910, с. 10). Наиболее распространенный повод для закрытия неугодной газеты — «нарушение единения элементов империи» (№ 2 от 8.I.1910, с. 9). Личному составу армии, а затем и государственным чиновникам было вообще запрещено выступать в политической прессе (№ 6 от 5.II.1910, с. 13). Все протесты газет, как и отдельных членов парламента, против произвола военных судов оставались без внимания (№ 14 от 2.IV.1910, с. 10).

Однако, как видно из специальных корреспонденций «Стамбульских новостей», властям тогда еще не удалось полностью подавить свободу печатного слова. К тому же сами репрессии, будучи поначалу весьма жестокими, как, например, подавление мятежа в апреле 1909 г., затем несколько ослабевали, а точнее, «продолжая существовать официально, [были] фактически отменены» (№ 10 от 5.III.1910, с. 5). Подобное временное ослабление преследований произошло зимой 1910 г., и еженедельник характеризовал положение прессы и общества так: «...турецкий журнализм растет и обогащается с каждым днем. Все эти новые органы не отличаются большим объемом: но, затрагивая самые разнообразные вопросы философии, политики, морали, критики и литературы, финансов, торговли и различных наук, они лучше всего отражают эту лихорадочную усиленную работу мысли, которая охватила всю страну с политическим переворотом... Сегодня все сословия желают как бы вознаградить себя за этот вынужденный застой всякой умственной жизни: в издании новых органов принимает участие главным образом молодежь,— мужчины и женщи-

ны, чиновники, учителя, ходжи, военные, молодые писатели, студенты и другие» (№ 9 от 26.II.1910, с. 8).

Среди упомянутых выше новинок турецкой периодической печати был и орган Османской социалистической партии журнал «Иштирак» («Содружество»)[29], который характеризуется как первый в истории Турции «сборник статей по теоретическим вопросам социализма». В связи с его выходом «Стамбульские новости» опубликовали статью о распространении социалистических идей в Турции, об организации и деятельности первых рабочих и социалистических групп. Отметив, что недавние «большие железнодорожные и фабричные стачки возвестили о наличии в Турции благоприятных данных для развития идей социализма», еженедельник знакомил русского читателя с содержанием «Иштирака» и определял его как орган, который «по своим основным идеям приближается к марксизму. Однако благодаря слабому развитию производства и общей отсталости страны рабочие еще недоразвились до классового сознания... Излагая сущность социализма и его историю, журнал проводит как бы некоторую грань между доктриной и ее реализацией,— поэтому его практическая программа стушевывается, вопрос борьбы классов отступает на второй план, а для улучшения участи рабочих „Иштирак" советует прежде всего не выходить за рамки, установленные законом. Провозглашая себя гражданином вселенной, социалистический орган неоднократно на своих же страницах красноречиво доказывает, что он далеко не чужд оттоманизма и любви к отечеству» (№ 10, от 5.III.1910, с. 8—9). Представляется, что возглавляемая Д. Коркмасовым редакция дает здесь в целом правильную характеристику этому первому органу Османской социалистической партии, в руководстве которой большим влиянием пользовались оппортунистические элементы.

Более одобрительно еженедельник отзывался о выходившей до «Иштирака» «Рабочей газете» («Амеле газетеси») — органе «Социалистической федерации»[30],— поскольку она «имела более определенное социалистическое направление и ставила своей целью защиту прав трудящихся и интересов рабочих без различия их религий и национальностей» (№ 10 от 5.III.1910, с. 8—9).

Таковы в главных чертах темы и проблемы, нашедшие отражение на страницах еженедельника «Стамбульские новости». Его анализ позволяет характеризовать газету как народническую, близкую к революционной демократии. С позиций сил, выражающих интересы широких народных масс Турции, она освещала важные вопросы борьбы за укрепление конституционного строя и правопорядка, разоблачала шовинистическую национальную политику младотурок, выступала в защиту женской эмансипации, поддерживала прогрессивные светские тенденции в культуре, с большим сочувствием рассказывала о нуждах трудящихся масс деревни и города, о поднимающейся классовой борьбе рабочих и зарожде-

нии социалистического движения в Османской империи. Газета и ее редакция являлись связующим звеном между возникшими группами молодых турецких социалистов и революционной социал-демократией России и Европы.

Это общее демократическое направление «Стамбульских новостей» не отвечало реакционному политическому и идеологическому курсу младотурок. Весной 1910 г. они начали новую серию репрессий против оппозиционной печати; их первыми жертвами стали орган ОСП «Иштирак», запрещенный 13 июня 1910 г., и «Стамбульские новости», последний номер которых вышел неделей раньше.

Бесспорно, что еженедельником было недовольно и царское правительство. Министерство финансов России еще в мае 1910 г. отклонило просьбу редакции «Стамбульских новостей» об освобождении издания от уплаты весьма высокой ввозной пошлины — свыше рубля золотом с каждого килограмма печатного текста[31], а в начале июня министерство внутренних дел запретило ввоз газеты в Россию под тем предлогом, что она дает «преувеличенное представление о могуществе Османской империи и ее культурном развитии»[32]. Этой надуманной формулировкой царские власти прикрывали истинную причину их нежелания допустить распространение в России, только что вышедшей из полосы революционных потрясений, такого печатного органа, который с сочувствием писал о революции и прогрессивных преобразованиях в соседней Турции. Прекращение ввоза в Россию лишило «Стамбульские новости» основной массы читателей, а также и важного источника получения средств для существования.

Таким образом, первая русская газета в Турции была ликвидирована совместными усилиями турецкой и российской реакции. Перелистывая ныне страницы «Стамбульских новостей», современный историк отмечает с благодарностью большой труд российского революционера Джелаледдина Коркмасова, который семь десятилетий назад внес свой вклад в дело политического просвещения, взаимного ознакомления и культурного сближения народов России и Турции.

[1] Э. Ю. Гасанова. К вопросу о развитии идеологии буржуазного национализма в Турции (по материалам журнала «Тюрк юрду»). Баку, 1961; Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908—1914). Баку, 1966; Н. М. Фарфутдинов. Группа «Кадро» и ее роль в общественно-политической жизни Турции 30-х годов. М., 1974; А. Х. Ибрагимов. Печать Турции. М., 1965; Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение (вторая половина XIX— начало XX в.). М., 1971; А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972.

[2] АВПР, ф. Турецкий стол (новый), 1909 г., д. 6891, л. 2.

[3] По одной ссылке на нее найдено в работах: А. А. Алимов. Революция 1908 г. в Турции.— Пробуждение Азии. 1905 г. и революции на Востоке. Сборник статей. М., 1935, с. 44; В. И. Шпилькова. Из истории младотурецкой революции (контрреволюционный мятеж 1909 г. и его разгром).— Проблемы осво-

бодительных движений и международных отношений в новое и новейшее время. Сборник трудов МГПИ. М., 1973, с. 154; она же. Младотурецкая революция 1908—1909 гг. М., 1977, с. 219 (в двух последних случаях в дате цитируемого № 16 вместо 1910 г. ошибочно указан 1909 г.); А. Гаджиев. Из истории общественно-политической и философской мысли в Дагестане.— УЗ ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Т. XI. Серия историческая. Махачкала, 1963, с. 83—84. (Здесь дата единственного упоминаемого номера — от 20.X.1909 г. также ошибочна, поскольку тогда газета еще не выходила.)

[4] В основном это были представители торговых фирм России, имевших свои филиалы в Стамбуле и печатавших в газете рекламные объявления.

[5] АВПР, ф. Турецкий стол (новый), 1909 г., д. 6891, л. 17.

[6] Отметим, что тремя десятилетиями раньше Ставропольскую гимназию окончил другой дагестанец — Гаджи-Мурад Амиров (Мурад Мизанджи), видный деятель младотурецкого движения (см.: «Советский Дагестан». 1968, № 1).

[7] О Д. Коркмасове см.: Борцы за власть Советов в Дагестане. 1917—1921. Махачкала, 1957, с. 37—38; А. Гаджиев. Из истории общественно-политической и философской мысли в Дагестане, с. 79—86; Дж. Ахмедов. Периодическая печать Дагестана. 1900—1940. Махачкала, 1963, с. 19; А. М. Магомаев. Имена, овеянные славой. Дагестанцы — кавалеры первого ордена Страны Советов. Махачкала, 1971, с. 67; Б. О. Кашкаев. Гражданская война в Дагестане. 1918—1920 гг. М., 1976, с. 124, 127 и др.

[8] О законе см.: В. И. Шпилькова. Выборы в турецкий парламент и его деятельность в 1908—1909 гг.— УЗ МГПИ. Т. 440. М., 1971, с. 177—178. А. Д. Желтяков. Режим печати при младотурках.— Проблемы истории Турции. М., 1978, с. 82—92.

[9] Эти взгляды Ахмед Джевад развивал в книгах: Ахмед Джевад. Хакк-ы инкиляб. Истанбул, 1326/1908; он же. Иктисадда инкиляб. Истанбул, 1328/1910 (араб. шрифт).

[10] Подробнее сказать о них, как и о названных выше русских корреспондентах, пока не представляется возможным.

[11] См. об этом: В. И. Шпилькова. Младотурецкая революция, с. 129—134, 242.

[12] «Воспоминания Ниязи-Бея» были опубликованы всего в двух номерах еженедельника, перед самым его закрытием; см. № 21—22 от 21—28.V. и № 23 от 4.VI.1910 г. (далее сноски на материалы «Стамбульских новостей» даются в тексте).

[13] Выбор этого здания для заседаний меджлиса был весьма символичен, так как именно здесь 20 мая 1878 г. разыгралось драматическое «Чираганское событие» («Чираган вакаасы»), когда горстка сторонников Али Суави совершила под его руководством отчаянное нападение на эту первую резиденцию Абдул Хамида II, душителя первой турецкой конституции, но потерпела неудачу. В январе 1910 г. этот великолепный дворец сгорел дотла. Пожар, как отмечалось в газетах, оказался как нельзя кстати для многих высокопоставленных лиц, заинтересованных в уничтожении компрометирующих их документов (в том числе доносов султану), которые предполагалось представить меджлису.

[14] О них см.: В. И. Шпилькова. Выборы в турецкий парламент и его деятельность в 1908—1909 гг., с. 173—176.

[15] Так, «Танин» подчеркивала, что не допустит возвращения власти султану-деспоту. «Икдам» призывала халифа обрядиться в скромные одежды бедуина. Армянская «Пюзанцион» оценивала проект Ферид-паши как попытку поставить у власти «правительство Дамадское, которое было бы только новой формой Гамидского (т. е. деспотического режима Абдул Хамида.— *А. Ж.*)».

[16] Незначительная часть этих доносов была издана лишь спустя полвека; см.: F. Demiroğlu. Abdülhamide verilen jurnaller. İstanbul, 1955; A. Tuğay. Abdülhamide verilen jurnaller ve jurnalciler. İstanbul, 1961.

[17] В газете он назван «социалистом».

[18] Подробнее о ее программе см.: В. И. Шпилькова. Младотурецкая революция, с. 177—180.

[19] Для успокоения депутатов министр иностранных дел Рифат-паша заявил: «Нужно ожидать, что державы не будут настаивать на ввозе вредного спирта»(!).

[20] Автор указывает, например, что введение государственной монополии (на алкоголь, спички, керосин, папиросную бумагу) даст казне дополнительно не более 27 млн. фр., в то время как в бюджете было выделено 180 млн. фр. на погашение внешнего долга и 180 млн. фр. на военные нужды, что вместе составляло $^{2}/_{3}$ его расходной части.

[21] П. Е. Панафидин. Обзор русской торговли в Турции и причины ее слабого развития. Константинополь, 1910.

[22] В статье годом основания Банка ошибочно назван 1886 год.

[23] Подробнее см.: А. Д. Желтяков. Газета «Стамбульские новости» о политике младотурок в национальном вопросе.— Источниковедение и историография стран Азии и Африки. Вып. V. Л., 1979.

[24] См., например, статью Нежданова «Прогулка по Старому Сараю» (№ 1 от 1.I.1910, с. 5—9).

[25] Редакционное предисловие к статье рекомендовало Ахмеда Мидхата как писателя, много сделавшего для привития турецкой публике вкуса к чтению, хотя и не являющегося передовым мыслителем (№ 9 от 18.II.1910, с. 5—6).

[26] Наблюдения и впечатления автора этой корреспонденции во многом совпадают с тем, что можно найти в книге: В. О. М-ский. Константинопольские увеселения. Тифлис, 1903.

[27] См., например: М. С-ий. Рамазан и байрам в Стамбуле (№ 1 от 23.X.1909, с. 10—14).

[28] См., например: Халидэ Салих Ханум. Мать Раика (№ 3—8 от 6.XI—11.XII.1909); Ахмед Хикмет. Монолог турецкой девушки (№ 9 от 18.XII.1909); он же. Грех Салихи (№ 3 от 15.I.1910); он же. Разоренное гнездо (№ 5—10 от 29.I—5.III.1910); Халид Зия. За веером (№ 1 от 1.I.1910); он же. Свадебная ночь (№ 2 от 8.I.1910); он же. Летом (№ 11—14, 17—19 от 12.III.—7.V.1910); Мехмед Рауф. Под зонтиком (№ 1 от 19.VI.1910); Хюсейн Джахид. Деревенская свадьба (№ 10 от 25.XII.1909); он же. Гёрюджю (из турецких нравов) (№ 20, 21/22 от 14—28.V.1910).

[29] Редакция перевела это название словом «Коммунизм» (№ 9 от 26.II.1910, с. 8).

[30] О ее программе см.: В. И. Шпилькова. Младотурецкая революция, с. 161—163.

[31] АВПР, ф. Турецкий стол (новый), 1909 г., д. 6891, л. 6.

[32] Там же, л. 19.

А. Д. Желтяков

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ТУРЦИИ В РОССИИ И СССР

Турецкая национальная культура формировалась при участии многих народов Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы, в течение многих веков она испытывала на себе влияние различных культур Востока и Запада. Как одно из интересных явлений мировой цивилизации, турецкая культура с каждым годом привлекает к себе все большее внимание исследователей самых разных специальностей во многих странах мира. Важное место в ее изучении принадлежит ученым России и СССР.

Предлагаемая статья имеет целью дать тематико-хронологический обзор и подвести некоторые итоги дореволюционных русских и особенно советских исследований по проблемам культуры Турции в ее историческом прошлом и настоящем[1]. Материал статьи сознательно ограничен теми проблемами, которые входят в компетенцию историка; вопросы турецкой художественной литературы автор затрагивает лишь попутно.

Долгое время культурная жизнь османских турок не была в России предметом специального изучения; сведения о ней, проникавшие в Русское государство, носили более или менее случайный характер. Однако начиная со времен Петра I и особенно с середины XVIII в. правительство и общество России по целому ряду причин (политических, экономических, военных) стали проявлять все более глубокий и постоянный интерес к своему сильному и беспокойному южному соседу. Помимо военно-политических и экономических вопросов этот интерес постепенно распространился и на такие стороны жизни турецкого народа, как влияние ислама на общественную, семейную и культурную жизнь турок, их занятия и досуг, праздники и развлечения, состояние просвещения и искусств в Турции и т. п.[2]. Разрозненные сведения об этом, накопленные стараниями целых поколений паломников, купцов, дипломатов, военных и пленных[3], вошли важной составной частью в общий комплекс практического знания турецкого Востока.

Зарождение научной тюркологии в России, как показал акад. А. Н. Кононов, относится к началу XVIII в.[4], тогда же были предприняты и первые попытки научного исследования турецкой

культуры, а именно культуры музыкальной. Они принадлежат одному из соратников Петра I, молдавскому ученому-энциклопедисту, известному историку, географу, востоковеду и музыканту Дмитрию Кантемиру (1673—1723). Дмитрий Кантемир, который провел свои молодые годы в Стамбуле (в качестве заложника), хорошо знал турецкую музыку и песню, сам играл на турецких музыкальных инструментах. Он разработал специальную систему буквенной нотной записи восточной музыки и написал труд «Введение в изучение турецкой музыки». Благодаря его записям и творчеству как композитора турецкие музыкальные произведения второй половины XVII — начала XVIII вв. дошли до современности. Ныне часто исполняются в Турции[5].

Первые успехи в изучении культуры народов Востока, в частности турецкой, были связаны с деятельностью ученых-востоковедов Российской Академии наук (основана в 1724—1725 гг.). С начала XIX в. востоковедение, в том числе тюркология, заняли важное место в университетах России — в Харькове, Казани, Москве, Петербурге, в Лазаревском институте восточных языков (Москва), в ряде специальных учебных заведений[6]. Общие усилия ученых Академии и университетов выдвинули научное востоковедение России в XIX в. на первое место в Европе[7].

Хотя русское научное востоковедение той эпохи обычно мало интересовалось проблемами современности[8], ученые Академии и особенно университетов, занимавшиеся Ближнем Востоком и систематически ездившие в Османскую империю с научными целями, не оставались равнодушными к турецкой культуре. Свидетельством тому являются научные отчеты о поездках по Турции и исследования таких известных русских востоковедов и тюркологов, как И. Н. Березин (1818—1896)[9], В. Ф. Диттель (1816—1848)[10], В. Д. Смирнов (1846—1922)[11], а позднее А. Е. Крымский (1871—1942), В. В. Бартольд (1869—1930), А. Н. Самойлович (1880—1938) и В. А. Гордлевский (1876—1956).

Важное место в историко-культурных исследованиях русских дореволюционных ориенталистов занимала мусульманская религия. Эти исследования очень важны для понимания как истории, так и современного состояния турецкой культуры, поскольку догматы ислама имели в Османской империи значение политических, гражданских и уголовных законов, пронизывали всю общественную и интеллектуальную жизнь турок. Помимо общих работ по истории ислама и его догматики русскими учеными был написан ряд специальных исследований, в которых анализировалось отношение ислама к просвещению, науке, европейской цивилизации[12].

На втором по числу и значимости работ месте стоят разнообразные исследования, очерки, свидетельства очевидцев об архитектурных памятниках домусульманского и турецкого Константинополя и некоторых других древних городов Турции. Во многих работах на эту тему дается детальное описание (часто с иллю-

страциями) истории строительства, современного состояния, внутреннего убранства, росписи и мозаик храмов и других монументальных сооружений византийской эпохи, а также наиболее известных мечетей, дворцов, павильонов, гробниц, воздвигнутых в османское время. Нередко в этих работах описание достопримечательностей перемежается с живыми рассказами о повседневном быте горожан [13].

Другой важной темой, которая постоянно привлекала внимание русских исследователей, было народное образование в Турции. В довольно многочисленных статьях и научных заметках освещались реформы Танзимата, а позднее младотурок в области просвещения, развитие новых общеобразовательных школ и специальных учебных заведений [14], а также деятельность иностранных колледжей в Турции [15].

Значительное число работ русских ученых и путешественников знакомило читателей с театральным искусством османской Турции в самых разных его видах — народным теневым театром Карагёз, уличными представлениями орта-оюну, водевильными импровизациями темаша-и таклид, спектаклями турецких и других местных, а также иностранных профессиональных трупп [16].

Из других работ, относящихся к области культурной жизни османской Турции, следует назвать публикацию В. Миллера о турецких песнях (записанных им по исполнению странствующего стамбульского певца и музыкантов в г. Сочи в 1901 г.) [17], заметки в ЖМНП о стамбульских библиотеках [18], отдельные статьи о турецком книгопечатании и прессе [19]. Среди последних особый интерес представляют обзоры А. Н. Самойловича о журнале «Тюрк юрду», подшивку которого он собрал во время научной командировки в Стамбул в 1911 г., а также материал о газетах и журналах в «Очерках по новой османской литературе» В. А. Гордлевского [20].

По материалам своих поездок в Турцию в 1904—1908 и 1912—1913 гг. В. А. Гордлевский написал и частично опубликовал в дооктябрьский период ряд статей о народном образовании, песенном творчестве и турецких народных рассказчиках — меддахах [21].

Также упомянем здесь ценные записки русского врача Артемия Рафаловича о состоянии здравоохранения в Стамбуле и Измире и карантинной службе в Османской империи [22].

Наконец, в ознакомлении русского читателя с культурной жизнью Турции, особенно Стамбула, свою роль сыграла еженедельная газета «Стамбульские новости», которую в 1909—1910 гг. издавал дагестанец-социалист Джелаледдин Коркмасов [23].

Разнообразные сведения о культурной жизни Турции, накопленные практиками и учеными, неоднократно излагались в обзорно-систематическом виде как в пособиях для изучающих Восток студентов [24], так и в ряде публикаций для широкого читателя; из последних лучшая принадлежит перу публициста И. И. Голобо-

родько[25]. Культурная жизнь турецкого общества эпохи нового времени нашла отражение также во многих произведениях русской публицистики и художественной литературе[26].

Все сказанное свидетельствует о серьезном и устойчивом интересе ориенталистов дореволюционной России к событиям культурной жизни Турции, к культурному наследию турецкого народа. Исследования русских ученых по вопросам турецкой культуры, опиравшиеся на изучение материалов первоисточников, на знание литературы вопроса, а также на личное знакомство со страной и ее народом, были серьезным вкладом в востоковедение той эпохи, а многие из них сохраняют свое научное значение и поныне.

Принципиально новые задачи в изучении Турции поставил перед учеными Советской страны Великий Октябрь. Вся научная работа в советском востоковедении была перестроена на базе марксистско-ленинской методологии. На первый план исследований были выдвинуты такие кардинальные проблемы, как эволюция социально-экономических формаций, положение широких народных масс, классовая борьба, национально-освободительные движения, становление национальной культуры и культурное строительство.

Дружеские отношения, сложившиеся при участии В. И. Ленина и М. К. Ататюрка между молодой Советской Россией и новой Турцией, успешное развитие их при жизни первого турецкого президента послужили хорошим фундаментом как для налаживания советско-турецких культурных связей, так и для изучения в СССР культуры Турции, и в первую очередь культурной политики республиканской власти.

В изучении проблем культуры Турции советскими исследователями можно выделить два основных периода: довоенный (20—30-е годы), когда неотложные задачи дня обязывали еще немногочисленный в то время отряд советских тюркологов разрабатывать в первую очередь актуальные проблемы турецкой революции 1918—1923 гг., политического и социально-экономического развития Турецкой Республики, а культурные вопросы рассматривались ими чаще попутно; и послевоенный (с конца 40-х годов до настоящего времени), когда исследование проблем культуры Турции стало осуществляться в СССР специально, систематически, по широкой программе.

В 20—30-х годах советские исследователи культуры Турции уделяли главное внимание изучению тех процессов, которые играли определяющую роль в формировании новой турецкой национальной культуры как фактора строительства независимой Турецкой Республики. Этим объясняется большой интерес советских ученых к таким вопросам, как реформа народного образования, развитие школ в городах и сельской местности, обучение женщин, ликвидация неграмотности, реформа письменности и язы-

ка. Эти проблемы волновали тогда и советскую общественность, особенно в национальных республиках советского Востока, хотя, конечно, культурная революция в нашей стране решала свои задачи в условиях, обеспечивавших более быстрый успех.

В освещении этих принципиальных вопросов культурного строительства Турецкой Республики ведущую роль играл орган Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР журнал «Новый Восток». Много ценных материалов было опубликовано также в журналах «Народное просвещение», «Просвещение национальностей», «Высшая школа» и других общественно-политических журналах и газетах, а также в академических органах и научных сборниках.

Самый живой отклик на страницах этих изданий нашел вопрос о реформе турецкой письменности. В специальных статьях акад. А. Н. Самойловича, журналистов Константина Юста, Йолджу и других авторов были освещены предыстория этой реформы, ее причины, ход борьбы за замену старого, арабо-турецкого алфавита новым, латинизированным, роль Мустафы Кемаля в осуществлении реформ. Особо отмечалось влияние на Турцию реформы письменности в тюркоязычных областях Советского Союза. Внимательно следя за развитием и итогами реформы турецкой письменности и языка, советские ученые неизменно поддерживали в этом вопросе политику прогрессивных кругов Турции во главе с Ататюрком, подчеркивали необходимость этих преобразований для культурного и хозяйственного подъема молодого турецкого государства[27].

Советские специалисты подробно освещали также ход перестройки на светской основе всей системы народного образования в Турции. Основные вехи школьной реформы в Турции, начало которой положил Закон о едином обучении 1924 г., развитие женского образования, профессионального обучения, высших учебных заведений были описаны и проанализированы в ряде работ сотрудников советских организаций народного образования[28].

Особый интерес для изучения культурной жизни Турецкой Республики 20—30-х годов имеют путевые очерки и дневниковые записи ездивших в эту страну деятелей советской культуры. Художник Е. Е. Лансере, писатели Л. Сейфуллина, П. Павленко, Л. Никулин, журналисты Д. А. Лебедев и Ю. Тишанский в своих книгах доносят до читателей живые картины борьбы турецких прогрессивных сил, новой национальной интеллигенции против неграмотности, невежества, религиозного фанатизма. Они рассказывают о своих встречах с многими видными деятелями турецкой культуры, литературы, искусства, науки, о работе культурно-просветительских организаций и учреждений Турции и т. д.[29]. Для современных советских исследователей эти путевые заметки и очерки сохраняют значение свидетельств о событиях первого десятилетия существования Турецкой Республики, когда она переживала период самых радикальных в своей истории реформ. Для понимания пере-

мен, происходивших в Турции того времени, достаточно сравнить, например, книгу Л. Сейфуллиной, которая в мае — июле 1924 г. еще видела своими глазами радения вертящихся дервишей, с очерками П. Павленко (1927 г.) и Л. Никулина (1933 г.), когда мусульманское духовенство было уже сильно урезано в своих правах и возможностях влиять на культурную политику государства.

Работники культуры молодого Советского государства проявляли большой интерес к музыкальному и изобразительному искусству новой Турции.

В 30-х годах в печатном органе советских композиторов и музыкантов появились первые работы о турецкой музыке. Специальную статью о ней, с фрагментами нотных записей, опубликовал известный советский музыковед В. Беляев [30]. Позднее там же был напечатан перевод статьи известного деятеля турецкой музыкальной культуры Махмуда Рагыба об истории распространения в Турции произведений западноевропейских композиторов. В предисловии к этому переводу В. Беляев рассказывал об обстоятельствах и особенностях приобщения турецкого общества XIX — начала XX в. к музыкальной культуре Европы и выразил свое мнение о задачах музыкальной реформы в Турецкой Республике [31], одобряя начатую в этой области работу. Известный советский композитор и знаток музыки и песен народов Востока М. М. Ипполитов-Иванов на страницах журнала расценил новаторские начинания молодых турецких композиторов и собирателей народных мелодий и песен как «показатель роста турецкой новой культуры». Он подчеркивал, что соединение народного музыкального и песенного творчества с современной музыкальной техникой «сделает турецкую музыку понятной для всех национальностей и покажет всему миру, какие художественные ценности таятся в недрах турецкой народной музыки» [32].

Из работ об изобразительном искусстве Турецкой Республики заслуживает внимания построенный в основной своей части на личных впечатлениях обзор О. Бубновой. После краткой характеристики культурных реформ кемалистов автор дает ценную справку о выставках картин турецких художников в Турции с 1878 по 1933 г. и рассказывает о некоторых архитектурных памятниках Анкары [33].

Важнейшие итоги культурных преобразований в Турецкой Республике в 20—30-х годах были суммированы в работах советских туркологов Е. Л. Гальпериной (Неджибе) и А. Ф. Миллера (Мельника) [34].

В 20—30-х годах советские ученые приступили к исследованию культурного прошлого турок. Были опубликованы краткие очерки о средневековой турецкой миниатюре [35], о теневом театре Карагёз [36], уже упоминавшиеся выше культурно-этнографические этюды В. А. Гордлевского. Ряд работ был создан по истории турецкой материальной культуры. Это прежде всего исследования со-

трудников Ленинградского Государственного Эрмитажа о ремеслах, в том числе художественных ремеслах в Стамбуле XVII в.[37], А. А. Быкова — о турецких монетах[38], В. С. Гарбузовой — о стамбульских ювелирах[39]. Один из разделов своей монографии о Сельджукидах Малой Азии В. А. Гордлевский посвятил памятникам монументального искусства Конийского султаната[40].

Наконец, в тот же период по некоторым важным аспектам культурной жизни Турции были созданы первые значительные для своего времени и сохраняющие свою ценность поныне монографии: книга заведующего отделением Российского телеграфного агентства (РОСТА) в Трабзоне К. Юста об анатолийской печати периода борьбы за национальную независимость[41] и книга В. Стамбулова, посвященная виднейшему турецкому писателю и публицисту, общественному деятелю, борцу за первую турецкую конституцию Намыку Кемалю[42].

Итак, в 20—30-х годах в исследовании проблем турецкой культуры советская историография, опираясь на научную методологию исторического материализма, сделала существенный шаг вперед. Сама тематика исследований была приближена к современности, а изучение культурного наследия турецкого народа стало увязываться с задачами культурного строительства в Турецкой Республике, с потребностями ее независимого политического и экономического развития. Своими публикациями советские ученые и работники культуры неизменно поддерживали все прогрессивное в культурной политике М. К. Ататюрка, с сочувствием освещали его борьбу против реакционных пережитков в общественной и культурной жизни молодой республики.

40-е годы были неблагоприятными для изучения изысканий в области культуры Турции. За период Великой Отечественной войны ряды советских туркологов заметно поредели. Однако принятое в 1944 г. постановление правительства о развитии университетского востоковедения, образование восточных факультетов в университетах Москвы, Ленинграда и некоторых союзных республик создали благоприятные условия для изучения истории и современного положения стран зарубежного Востока. Политика КПСС и Советского правительства, основанная на ленинских принципах мирного сосуществования государств с различными социальными системами, в послевоенный период всемерно содействовала восстановлению и укреплению добрососедских отношений между СССР и Турецкой Республикой. Этот процесс нормализации отношений сопровождался значительным ростом активности советско-турецких культурных связей, что дало дополнительный толчок изучению в СССР проблем культуры Турции.

В первые послевоенные годы заметки о турецкой культуре в советской печати продолжали оставаться редкостью[43]. Но начиная с 50-х годов исследование проблем в этой области стало превращаться в одно из важнейших направлений работы советских

туркологов, специалистов и деятелей культуры. В последние 15—20 лет возникли группы по изучению культуры Турции в Москве, Ленинграде, Баку.

Наибольших успехов добились советские туркологи-литературоведы; они явились пионерами в изучении турецкой культуры на монографическом уровне. За последние 25 лет были защищены многие десятки кандидатских и докторских диссертаций по истории турецкой литературы, вышли в свет десятки книг и многие сотни статей по вопросам турецкой художественной литературы, многочисленные переводы произведений писателей и поэтов Турции. У нас в стране и за рубежом специалистам хорошо известны такие советские литературоведы-туркологи, как Л. О. Алькаева, Н. А. Айзенштейн, А. А. Бабаев, И. В. Боролина, В. С. Гарбузова, М. Х. Кямилев, Е. И. Маштакова, Ф. А. Салимзянова, И. Р. Сонина, С. Н. Утургаури, Р. Г. Фиш и др. Своей исследовательской и переводческой работой они внесли большой вклад в ознакомление народов СССР с жизнью Турции[44]. Вместе с тем они привлекли внимание историков и всех туркологов к малоизученным проблемам турецкой культуры. Результатом этого было появление ряда культуроведческих исследований, получивших известность не только в нашей стране, но и за рубежом, в том числе в Турции.

Одной из фундаментальных проблем, изучением которых прежде всего занялись советские исследователи турецкой культуры, было народное образование, особенно история возникновения и развития светской школы. Первая специальная монография по этим вопросам была опубликована в 1965 г. автором этих строк совместно с Ю. А. Петросяном[45]. В ней были даны обзор политики Порты в области образования, характеристика основных этапов его развития, анализ программ и методов обучения учащихся в светских общеобразовательных школах и специальных учебных заведениях османской Турции с конца XVIII в. до первой мировой войны. Значительное место в книге отведено истории просвещения турецких женщин. Рассмотрена история создания и деятельность наиболее известных лицеев, а также Стамбульского университета. Специальная глава характеризует работу иностранных колледжей и школ, созданных в Турции главным образом французами и американцами. Из монографии видно, что именно светские учебные заведения, возникшие в результате военных и административных реформ в Османской империи в конце XVIII—XIX в., сыграли решающую роль в формировании новой турецкой национальной интеллигенции, которая выступила с прогрессивными идеями и требованиями в области политического переустройства, экономического развития и культурных преобразований в Турции, в ней показано также зарождение националистических, шовинистических тенденций в турецкой культуре.

Значительным вкладом в изучение истории и состояния народного образования в республиканской Турции являются моно-

графии армянской ориенталистки Р. С. Даниелян[46] и азербайджанского ученого Т. П. Дадашева[47]. Первая книга начинается с общей характеристики просвещения в Османской империи на рубеже нового и новейшего времени и более подробно рассматривает реформы образования в 20—30-х годах и его развитие в два последующие десятилетия. В работе Т. П. Дадашева, написанной на основе значительного числа турецких первоисточников и исследований, дан анализ основных этапов формирования единой светской системы просвещения, подробно освещены реформы в области образования и их реальные результаты[48]. Автор особо останавливается на таком важном вопросе, как противоречащее прогрессивным реформам 20-х годов восстановление религиозного обучения в турецких начальных школах в период после второй мировой войны. Он показывает также, что к концу 60-х годов обучением в начальных школах, особенно в сельской местности, были охвачены далеко не все дети, среднее образование было доступно лишь 5% учащихся, а высшее — и того меньше. В своих общих выводах советский исследователь отмечает социальные причины нерешенности проблем народного образования в Турции.

Начавшееся с 60-х годов ускорение темпов экономического развития Турции, изменения в отраслевой структуре ее хозяйства, возникновение ряда современных отраслей промышленности выдвинули задачу подготовки квалифицированных инженеров, техников, экономистов, социологов и т. д. Проблема подготовки кадров специалистов со средним и высшим естественнонаучным, инженерно-техническим и гуманитарным образованием в современной Турции подробно исследована в статьях и диссертации Ю. А. Ли[49]. В них дана характеристика профессионально-технических школ, высших учебных заведений и курсов ремесленного и фабрично-заводского обучения, проанализированы главные тенденции развития профессионального образования, выявлены диспропорции в подготовке и потребности в таких кадрах. Особая глава диссертации рассказывает о профессиональных и политических аспектах подготовки турецких специалистов в иностранных учебных заведениях в Турции и за рабежом.

Весьма ценные справочные сведения о современной системе всего народного образования в Турции дает брошюра, изданная в 1976 г. Отделением научной информации Научно-исследовательского института проблем высшей школы Министерства высшего и среднего специального образования СССР. В ней даются характеристики постановки образования в общих и специальных школах всех ступеней, приводятся данные о 12 турецких университетах, сведения об организации научно-исследовательской работы и международных связях Турции в области образования[50].

Кроме того, по истории и современному состоянию народного образования в Турции опубликовано весьма значительное число статей[51].

Названные выше монографии и статьи ныне существенно заполняют пробел в недавно еще мало изученной у нас области турецкой культуры. Конечно, даже здесь работы еще немало. В специальном исследовании нуждаются конкретное содержание учебного процесса, учебники, система воспитания учащихся, деятельность университетов, прежде всего стамбульских и анкарских, борьба прогрессивных деятелей турецкой культуры за демократизацию образования [52].

Значительное место в исследованиях советских туркологов занимает история турецкого книгопечатания и прессы. Первый специальный обзор послевоенной турецкой периодики опубликовал в 1951 г. А. М. Шамсутдинов [53]. Основное внимание в нем уделено борьбе прогрессивной и реакционной печати по вопросам внутренней и внешней политики Турции в 1945—1950 гг. Специальное исследование по истории турецкой прессы от ее зарождения до начала 60-х годов написал А. Х. Ибрагимов [54]. Здесь главное место отведено обзору послевоенной периодической печати, особенно ее роли в общественной жизни страны во время и после военного переворота 27 мая 1960 г.

Историко-культурный, общественно-политический и идеологический аспекты развития турецкого книгопечатания и периодических изданий османской Турции на протяжении многих лет являются предметом изучения автора этих строк. В его докторской диссертации, монографии и ряде статей рассмотрена история книгопечатного дела у османских евреев, армян и греков и подробно изложена история возникновения и развития турецкого книгопечатания от Ибрагима Мутеферрика до начала XX в.[55]. Автор особо останавливается на исключительно светском характере турецкого книгопечатания в XVIII в. и его значении для распространения положительных знаний и наук в турецком обществе той эпохи.

Большая часть его монографии посвящена турецкой периодике, ее истории с 20-х годов XIX в. до младотурецкой революции. Для анализа основных этапов развития турецкой прессы, для характеристики разных ее политических и культурных органов автор имел возможность использовать многие десятки сравнительно полных комплектов турецких газет и журналов, выходивших в самой Турции или издававшихся турецкими эмигрантами за рубежом, особенно в период борьбы за конституцию 1876 г. и в годы подготовки младотурецкой революции. Весьма важное место в названной книге занимает анализ законодательства о печати и характеристика практики деятельности турецких цензурных органов. В продолжение этого исследования автором опубликовано несколько статей, посвященных изданиям периода после младотурецкой революции [56].

Специально истории книгоиздательского дела в Османской империи от его возникновения у немусульманских подданных султана до середины XIX в., особенно характеристике издательской дея-

7 Зак. 737

тельности Ибрагима Мутеферрика, посвящена монография А. Х. Рафикова[57]. В ней рассказывается также о книгопечатании арабским шрифтом в Европе начиная с XVI в. и о египетских типографиях и их продукции при Мухаммеде Али. Особенностями этой работы являются ее культурно-книговедческая направленность и наличие иллюстраций, дающих представление об оформлении первых арабографичных печатных турецких книг.

Самостоятельный интерес для туркологов представляют исследования ученых Армянской ССР (А. С. Бабаяна, К. А. Коркотяна, В. Г. Гукасяна) по истории армянского книгопечатания, прессы и публицистики в османской Турции[58]. Они позволяют по-новому взглянуть на некоторые факты истории турецкой печати, в развитие которой армянские издатели внесли немалый вклад.

Изучение истории турецкой печати в целом и отдельных ее органов в частности выявило их большое значение для исследования проблем и направлений общественно-политической мысли в Турции. На материалах турецких периодических изданий советские ученые значительно продвинулись вперед в исследовании концепций турецкого просветительства, вестернизации (европеизации), османизма и панисламизма, тюркизма и пантюркизма, которые в разные исторические периоды становились официальными политическими доктринами правящих кругов Турции и оказывали свое влияние на взгляды определенной части турецкого общества. Все большее внимание туркологи нашей страны уделяют изучению процесса распространения в Турции идеологии научного социализма. Не оставлены вниманием и идейные мелкобуржуазные экстремистские течения весьма пестрого спектра.

В настоящее время можно констатировать, что трудами советских ученых А. С. Тверитиновой, Э. Ю. Гасановой, А. Ф. Миллера, О. И. Гигинейшвили, Ю. А. Петросяна, К. А. Беловой, Ю. И. Рустамова и других положено неплохое начало изучению общественно-политической мысли османской и республиканской Турции[59]. Для изучения вопроса об истоках идеологии просветительства и зарождении новых культурных тенденций в османской Турции XVIII столетия самостоятельное значение имеют интересные и освещающие процесс с разных сторон исследования Е. И. Машковой и Н. А. Айзенштейн[60].

Одной из важных задач советских туркологов является изучение истории и современного состояния научных исследований в Турции. Начало фундаментальным исследованиям в этой области положили труды И. Ю. Крачковского о географической науке у турок в XV—XIX вв.[61]. Особый интерес представляет анализ методологии и методики гуманитарных исследований, тем более что ученые Турецкой Республики заняли ныне важное место в изучении отечественной истории и культуры. Некоторые сведения по этим вопросам содержатся в названных выше работах по истории турецкой печати, просвещения и общественно-политической мыс-

ли. Однако специальных исследований на эту тему недостаточно. Из гуманитарных наук лучше других в трудах советских ученых освещена современная турецкая лингвистика. Общий очерк истории изучения турецкого языка и характеристика основных направлений лингвистических исследований в Турецкой Республике принадлежит А. Н. Кононову[62]. Отдельные вопросы этой темы нашли освещение в ряде диссертаций и статей[63].

Среди работ советских ученых, посвященных историческим исследованиям в современной Турции, численно преобладают рецензии на отдельные труды турецких историков или органы турецкой научной исторической периодики (в основном журнал «Беллетен»). О состоянии и уровне турецкой исторической науки иногда дают представления также историографические обзоры в монографиях по отдельным проблемам истории Турции[64], но чаще специальные статьи о книгах, о разработке турецкими историками отдельных периодов и проблем общей и национальной истории[65]. Источниковедческо-историографические характеристики являются обязательной принадлежностью всех советских публикаций и переводов турецких исторических памятников[66]. Принципиальные методологические и политические вопросы развития современной турецкой исторической науки рассматриваются в монографиях Ю. И. Рустамова и М. К. Зулаляна. Книга Ю. И. Рустамова, посвященная современной турецкой буржуазной социологии, представляет для историка интерес критикой философских основ концепций турецких ученых, ведущих свои исследования в русле официальной историографии. Историографическое исследование М. К. Зулаляна содержит подробный и основательный анализ научных и политических аспектов трудов ведущих историков Турции в освещении древней и средневековой истории армянского народа[67]. Перед советскими историками стоит важная задача обобщить имеющиеся исторические публикации и создать крупные монографические исследования, посвященные всестороннему анализу исторической науки Турции.

За последнюю четверть века в СССР значительно продвинулось вперед изучение турецкого искусства. Турколог-искусствовед Ю. А. Миллер в своей монографии «Искусство Турции» показал процесс развития турецкой архитектуры, миниатюрной живописи и многих художественных ремесел — керамики, ковроделия, художественной обработки металла, резьбы по дереву, тиснения, вышивки, инкрустации с XV до начала XIX в. Ему же принадлежат специальные исследования о художественном оружии и художественной керамике средневековой Турции[68]. Ученые-искусствоведы опубликовали ряд работ о современном турецком изобразительном искусстве[69]. На уровне монографии написана глава И. Ф. Бородиной о турецкой архитектуре и строительном искусстве в XII—XIX вв.[70], а также первая у нас книга о кино А. А. Гусейнова[71]. Появились новые интересные исследования о музыке, театре, биб-

лиотеках, а также о путях развития искусства в Турецкой Республике[72].

Важным показателем роста внимания советских турколога к проблемам турецкой культуры является включение разделов о ней в ряд вузовских учебных пособий по истории Турции[73]. Культура и наука занимают все более значительное место в академических справочниках о современной Турции, в советских энциклопедиях[74]. В этих изданиях сообщаются подробные сведения о просвещении, научных обществах и организациях, научной периодике, о литературе, театре, кино, музыке, изобразительном искусстве и архитектуре, печати, радио и телевидении, библиотеках, архивах и музеях, а также о здравоохранении, туризме и спорте.

В 70-х годах вышла серия очерков о турецких городах — Стамбуле, Анкаре и Измире[75]. В этих книгах, написанных специалистами-туркологами, уделено большое внимание культурной жизни этих крупнейших центров страны. Так, в книгах Ю. А. Петросяна и А. Р. Юсупова о Стамбуле и Измире дается довольно детальное описание древних (домусульманских) архитектурных и художественных памятников, а также турецких мечетей, дворцов, музеев и других монументальных сооружений. В книге Н. Г. Киреева об Анкаре уделено большое внимание современной культурной жизни турецкой столицы. Она дает представление об учебных заведениях, научно-исследовательских учреждениях и обществах, других просветительских и культурных центрах, средствах массовой информации, а также местах развлечений и отдыха анкарцев. С культурной жизнью современной Турции 60—70-х годов читателей хорошо знакомят также путевые заметки и дневники писателя Мехти Гусейна, туркологов Р. Г. Фиша, Д. Е. Еремеева, В. И. Данилова[76].

За истекшие шесть десятилетий изучения Турции в Советском Союзе в различных наших изданиях накопился большой материал о советско-турецких культурных отношениях, о научных и научно-технических связях. Уже в 20—30-х годах такие отношения и связи были установлены и успешно развивались в области просвещения, агрономии, медицины, ветеринарии, в изучении истории, в лингвистике, музыкальном творчестве, киноискусстве, проектировании промышленных комплексов (в Кайсери и Назилли), в здравоохранении и различных видах спорта. Регулярно встречались писатели обеих стран. Связи и контакты в этих областях благоприятно отражались на отношениях между СССР и Турцией в целом.

Впервые вопрос о советской технической помощи Турции был поднят еще в конце 1921 г. во время встречи М. В. Фрунзе с Мустафой Кемалем в Анкаре. Важную роль в установлении связей советской науки с новой Турцией сыграли ученые. Так, профессор ботаники П. М. Жуковский в 1925—1926 гг. совершил восьмимесячную поездку по Анатолии. Результаты его работы, изложенные в ряде статей и выступлений, а также в фундаментальной моно-

графии, оказали немалую помощь государственным органам Турции, ведавшим вопросами сельского хозяйства[77]. Выдающийся советский исследователь истории и культуры мусульманского Востока акад. В. В. Бартольд в 1926 г. читал лекции в Стамбульском университете и знакомился с работой научных центров Турции[78]. Тогда же турецкие ученые, в том числе историк и литературовед М. Ф. Кёпрюлюзаде, приняли участие в работе I Тюркологического съезда в Баку и знакомились с проектами реформы письменности тюркоязычных народов СССР. В том же году в Москву приезжала делегация министерства просвещения Турции для ознакомления с постановкой дела народного образования в СССР[79]. К десятилетию Турецкой Республики, в 1933 г. вышел на экраны обеих стран советско-турецкий кинофильм «Анкара — сердце Турции»[80].

В первой половине 30-х годов советско-турецкие научные связи значительно расширились. При подписании советско-турецкого соглашения 7 мая 1932 г. о предоставлении Турции советского кредита на развитие ее текстильной промышленности была достигнута договоренность и об укреплении советско-турецких культурных связей. В результате этой договоренности в СССР было организовано обучение турецких специалистов для разных отраслей хозяйства. Как сообщал в 1933 г. академик-секретарь С. Ф. Ольденбург, Академия наук СССР «учредила при себе особый комитет из академиков и других научных работников, поставив ему задачей наилучшую организацию совместных советско-турецких научных исследований и создание постоянной научной информации о ходе научных работ»[81]. Она предложила также обмен аспирантами. В предложении установить научное сотрудничество отразились принципы равноправия, на которых наша страна строила свои взаимоотношения с Турцией.

В 1935 г. в Турцию приезжали с научными целями академики Н. Я. Марр и А. Н. Самойлович. Отчет Н. Я. Марра, который читал в Турецком лингвистическом обществе цикл лекций по лингвистике, содержит ценные свидетельства о деятельности ряда турецких научных организаций и о культурных процессах в стране[82].

Большой интерес для оценки советско-турецких культурных отношений и научных связей имеет отчет А. Н. Самойловича о его последней, шестой по счету поездке в Турцию в августе — сентябре 1936 г.[83]. Выдающийся советский турколог, приглашенный участвовать в работе III конгресса Турецкого лингвистического общества, рассказывает о своих встречах с первыми учеными-турчанками — историком Афет Инан и химиком Ремзийе, которая была делегатом на Менделеевском химическом конгрессе в СССР, о беседах с поэтом-сатириком Фазылом Ахмедом, с ректором Стамбульского университета Джемилем Бильселем, выступавшим за развитие взаимного обмена учеными и студентами, с известным историком И. Х. Узунчаршилы,— участником Международного кон-

гресса по иранскому искусству в Ленинграде и Москве летом 1935 г., с М. Ф. Кёпрюлюзаде.

В послевоенный период советско-турецкие культурные и научные связи восстанавливались и развивались также при активном участии советских ученых, писателей, деятелей искусств, работников здравоохранения, спортсменов и т. д. Расширение торгово-экономических связей между СССР и Турцией в 60—70-х годах поставило на солидную основу их научно-техническое сотрудничество и стимулировало развитие культурных отношений. Выступая на торжественном заседании в Баку, посвященном 50-летию Советского Азербайджана, Л. И. Брежнев отмечал, что СССР придает «большое значение... развитию культурных и иных связей с нашими иранскими и турецкими соседями» [84].

Ныне советские научные учреждения оказывают Турецкой Республике помощь в проектировании и строительстве целого ряда крупных промышленных объектов, а в учебно-производственных центрах СССР налажены обучение и стажировка турецкого инженерно-технического персонала и рабочих. Не вызывает сомнения, что возможности для развития культурных отношений, для укрепления связей в области науки и техники между двумя нашими странами далеко не исчерпаны.

В настоящее время сведения о культурных отношениях, научных связях и техническом сотрудничестве между СССР и Турцией разбросаны по десяткам журналов, газет, информационных изданий различных советских ведомств и учреждений; немало их и в наших центральных и республиканских архивах. Однако обобщающих научных исследований по этим вопросам недостаточно. В довоенный период такую попытку предпринял, пожалуй, только А. Н. Самойлович [85]. После войны к теме советско-турецких культурных отношений обращались многие, но преимущественно по отдельным вопросам или периодам. Научные контакты и культурные связи между СССР и Турцией в 20—30-х годах освещаются в одном из разделов монографии А. Е. Иоффе [86], в статьях М. М. Софиева [87] и Т. П. Дадашева [88].

Для характеристики наших научных связей с Турцией в послевоенный период мы располагаем рядом отчетов советских ученых — А. Н. Кононова, А. А. Ализаде, А. Ф. Миллера, П. П. Моисеева, Ю. А. Петросяна, М. Х. Сванидзе и других, которые принимали участие в различных научных конференциях, происходивших в Турции, или ездили туда с научными целями [89]. Обобщению опыта советско-турецких научных связей и культурных отношений в этот период посвящены насыщенные интересными материалами и выводами разделы монографий С. Г. Корнеева и И. Ф. Черникова, коллективного труда группы московских историков Турции и обзорная статья А. К. Сверчевской [90].

Создание обобщающего труда, в котором будет дан анализ советско-турецких культурных отношений во всем их многообразии

и историческом развитии за прошедшие шестьдесят лет, является, несомненно, одной из важнейших задач советских ученых. Выполнение ее явится важным вкладом в науку и вместе с тем будет содействовать дальнейшему росту взаимопонимания между советским и турецким народами, укреплению добрососедства между СССР и Турецкой Республикой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЖМНП — «Журнал министерства народного просвещения».
ИИА — «Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки».
НАА — «Народы Азии и Африки».
НВ — «Новый Восток».
ОЗ — «Отечественные Записки».
СМ — «Советская музыка».
ТС — Тюркологический сборник.
УЗ — Ученые записки.

[1] Настоящая статья является значительно расширенным изложением доклада, прочитанного в мае 1977 г. в Тбилиси на Всесоюзной научной конференции (см.: А. Д. Желтяков. Советская историография истории культуры Турции: вклад и задачи.— Великий Октябрь и Турция. Тезисы и резюме докладов и сообщений научной конференции. М., 1977, с. 102—106; имеется также турецкий перевод: Anatoliy Jeltiyakof. Sovyetler Birliğinde Türk kültürünün incelenmesi.— Nesin Vakfı. Edebiyat yıllığı. İstanbul, 1979, с. 338—405). Выражение «культура Турции» здесь и ниже употребляется в значении «турецкая культура».

[2] Заметки на эти темы регулярно появлялись уже в выходивших с 1702 г. петровских «Ведомостях».

[3] См.: Б. М. Данциг. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965.

[4] А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, с. 25 и сл.

[5] Тибериану Александру. Кантемир и музыка Востока.— СМ. 1974, № 12, с. 130—133.

[6] Этот вопрос подробно исследован А. Н. Кононовым в указанном выше сочинении, с. 96—179; см. также: Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Под ред. и с введением А. Н. Кононова. М., 1974.

[7] Бартольд. Изучение Востока в Европе и России. Л., 1925, с. 232.

[8] Впрочем, были и исключения. Так, на Факультете восточных языков Петербургского университета профессора А. К. Казембек (1802—1870) и А. О. Мухлинский (1808—1877) в своих курсах по истории Ирана и Турции весьма подробно рассматривали события XIX в. Кроме того, А. К. Казембек написал ряд исследований о Бабидских восстаниях в Иране и движении горцев под руководством Шамиля (см.: А. Д. Желтяков. Изучение и преподавание истории стран Ближнего Востока на Факультете восточных языков СПб. университета [по архивным материалам]. УЗ ЛГУ, № 395. Вып. 20. Востоковедение. Т. 4. Л., 1977, с. 62—82.

[9] И. Н. Березин. Обзор трехлетнего путешествия по Востоку.— ЖМНП. Ч. 55, № 7, с. 1—24. И. Н. Березин отмечает в этой работе, что в течение года (июль 1844— июнь 1845 г.) в Стамбуле, этом «лучшем из виденных мною восточных городов», он занимался турецким, арабским, персидским языками, знакомился с учебными заведениями и библиотеками, а также нравами и обычаями турок.

[10] В. Диттель. Очерки путешествия по Востоку с 1842 по 1845 г.— «Б-ка

для чтения». 1849, № 5, с. 1—56; № 6, с. 191—210. После возвращения из этой поездки В. Ф. Диттель впервые в Петербургском университете начал читать систематические курсы истории и географии Турции.

[11] В. Д. Смирнов. Турецкая цивилизация, ее школы, софта, библиотеки, книжное дело (из поездки в Константинополь летом 1875 г.).— «Вестник Европы». Кн. 8. 1876, с. 527—566; кн. 9, с. 7—57.

[12] И. Н. Березин. Мусульманская религия в отношении к образованности.— ОЗ. 1855, № 1, с. 1—40; № 2, с. 81—108; А. Казембек. История ислама.— «Русское слово». 1860, № 2, с. 19—152; № 5, с. 267—306; № 8, с. 129—162; № 10, с. 270—302. А. Крымский. Мусульманство и его будущность. М., 1899; он же. История мусульманства. Ч. 1—2. М., 1904; ч. 3, 1912; А. Е. Шмидт. Очерки истории ислама как религии.— «Мир ислама». 1912, № 1, с. 32—55; № 2, с. 185—202; № 4, с. 564—581.

[13] См.: И. Березин. Посещение цареградских достопримечательностей во время пребывания в Константинополе вел. князя Константина Николаевича в 1845 г. СПб., 1854; И. Захаров. Путевые записки русского художника. Ч. 3. Константинополь с его жителями, их нравами, обычаями, обрядами, церемониями, гаремами и проч. СПб., 1860. Н. Кондаков. Мозаики мечети Кахрие-Джамиси в Константинополе. Одесса, 1881; он же. Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1886. А. П. Витман. Воспоминания о Константинополе. Из дневника сибирячки. Путеводитель по Константинополю и его окрестностям. Одесса, 1890. Б. Корженевский. По Востоку. М., 1897, с. 17—61. П. В. Безобразов. Трапезунт, его святыни и древности. Пг., 1916.

[14] См. особенно: А. Миштольт. О турецких военных госпиталях и медицинской школе в Константинополе.— Морской сборник. 1860, № 6, с. 150—172; Кс. Пангалос. Турция и просвещение. СПб., 1862; А. Чайковский. Несколько слов о турецких военных школах и о корпусе офицеров турецкой армии.— Военный сборник. 1876, № 12, с. 399—410; Д. В. Путята. Записка о Малой Азии. СПБ., 1896, А. Петряев. Школьное дело в Турции.— Сборник консульских донесений. Ч. II. 1903, с. 72—94; Н. Каринцев. Школа в Турции.— «Русская школа». 1909, № 2, с. 71—84; он же. Школьная реформа в Турции.— «Русская школа». 1910, № 5—6, с. 100—121.

[15] Например: К. Д. Мачавариани. Колледж Роберта в Константинополе. Батум, 1902.

[16] См.: А. В-ий. Константинополь в 1798 и 1839 г.— ОЗ. Кн. 12. 1840, с. 95—101; С. Уманец. Театр в Турции.— «Исторический вестник». 1893, № 9, с. 764—794; Театр в Турции и Персии.— «Кавказский вестник». 1902, № 8—9, с. 143—163. В этой статье помещены записки Ваграма Папазяна; В. О. М-ский. Константинопольские увеселения. Из летних впечатлений. Тифлис, 1903; Н. Мартинович. Турецкий театр «Карагез». СПб., 1910.

[17] Б. Миллер. Турецкие народные песни. Музыка, тексты, перевод. М., 1903.

[18] К. Базили. Константинопольские библиотеки.— ЖМНП. 1836, № 1, с. 141—159; № 6, с. 518—531; Константинопольские публичные библиотеки.— ЖМНП. 1854, № 4, с. 85—88. См. также сноску 11.

[19] Книгопечатание в Турецкой империи.— «Телескоп». 1832, № 4, с. 616—620; Журнализм в Константинополе.— «Заграничный вестник». 1864. Т. III. Вып. 8, с. 405—412.

[20] А. Н. Самойлович. Османская печать в Турции.— «Мир ислама». 1912, № 2, с. 284—287; № 3, с. 484—492; № 4, с. 633—644; Вл. Гордлевский. Очерки по новой османской литературе. М., 1912, с. 13—17, 29—41, 117—119.

[21] В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Т. II—III. М., 1961—1962. См. также библиографию его работ в кн.: А. П. Базианц. Владимир Александрович Гордлевский. М., 1979.

[22] Артемий Рафалович. Записки русского врача, путешествующего на Востоке.— ОЗ. 1846, № 11—12, с. 83—122; 1847, № 3—4, с. 37—62.

[23] См. статью о газете «Стамбульские новости» в настоящем сборнике, с. 69—87.

[24] См., например: В. Д. Смирнов. Очерк истории турецкой литературы.

СПб., 1891; А. Крымский. История Турции и ее литературы. Т. 1. М., 1916.

[25] И. И. Голобородько. Старая и новая Турция. М., 1908; он же. Турция. Изд. 2. М., 1913, с. 24—123. Е. Водовозова. Как люди на белом свете живут. Турки. СПб., 1894. Ю. Кази-Бек. Современная Турция. Очерки и рассказы о царстве османов. СПб., 1897.

[26] См. об этом: Б. М. Данциг. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973.

[27] Иолджу. Борьба вокруг алфавита (Письмо из Константинополя).— НВ. 1926, № 15, с. 293—301; С. Ш. Реформа алфавита в Турции.— НВ. 1929, № 25, с. 249—257; К. Юст. Реформа алфавита в Турции.— «Культура и письменность Востока». Кн. IV. 1929. с. 18—48; А. Н. Самойлович. Языковое строительство в Турции.— «Письменность и революция». Кн. 1. 1933, с. 187—191; Гр. Янский. Четырехлетие латинизации в Турции.— «Революция и письменность». 1933, № 1 (16), с. 142—158.

[28] Мирный. Школьный вопрос в Константинополе. Письмо из Константинополя.— НВ. 1924, № 5, с. 378—387; А. Г. Готалов-Готлиб. Народное образование в Турции.— «Коммунистическое просвещение». 1934, № 2, с. 147—156; Л. Симский. Школа в Турции.— «Народный учитель». 1934, № 1, с. 111—114; И. Нероведкий. На культурном фронте современной республиканской Турции.— «Вестник знаний». 1935, № 7, с. 523—524; Л. Рыжова. Высшая школа в новой Турции.— «Высшая школа». 1937, № 4, с. 105—108.

[29] Е. Е. Лансере. Летом в Ангоре. Рисунки и заметки из дневника поездки в Анатолию летом 1922 г. Л., 1925; Л. Сейфуллина. В стране уходящего ислама. Поездка в Турцию.— Собрание сочинений. Т. III. М.— Л., 1929; П. Павленко. Стамбул и Турция. М., 1930; Л. Никулин. Стамбул, Анкара, Измир. М., 1935. Д. А. Лебедев. В новой Турции. М., 1928; Ю. Тишанский. По новой Турции. М., 1935.

[30] В. Беляев. Турецкая музыка.— СМ. 1934, № 5, с. 54—62; вторично напечатано в его книге: О музыкальном фольклоре и древней письменности. М., 1971, с. 163—176.

[31] Махмуд Рагыб. Западноевропейская музыка в Турции. Предисловие В. Беляева.— СМ. 1933, № 6, с. 136—141.

[32] Беседа с народным артистом М. М. Ипполитовым-Ивановым.— СМ. 1934, № 12, с. 84—85. Там же продолжение перевода статьи Махмуда Рагыба (см. предыдущую сноску).

[33] О. Бубнова. О турецком искусстве. Путевые заметки.— «Новый мир». 1934, № 1, с. 266—272.

[34] Неджибе. Десять лет культурного строительства в Турции.— «Просвещение национальностей». 1934, № 1, с. 60—64; А. Мельник. Турция. М., 1937, с. 143—150.

[35] Б. Денике. Искусство Востока. Очерк истории мусульманского искусства. Казань, 1923, с. 148—161.

[36] Г. Крыжицкий. Экзотический театр. Л., 1927, с. 44—48.

[37] А. А. Аджян. Ремесленная промышленность Константинополя в первой половине XVII века (Тезисы). Л., 1936.

[38] А. А. Быков. Турецкие монеты XVI—XVII веков. Л., 1939.

[39] В. С. Гарбузова. Эвлия Челеби о стамбульских ювелирах XVII в.— Труды Отдела Востока (Государственный Эрмитаж). 1940, т. III, с. 313—324.

[40] В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.— Л., 1941, с. 130—136.

[41] К. Юст. Анатолийская печать. Тифлис, 1922.

[42] В. Стамбулов. Намык Кемаль. М., 1935.

[43] Из публикаций о культуре Турции, появившихся в первые пять послевоенных лет, можно упомянуть: О. Гуревич. Народное образование в Турции.— «Народное образование». 1948, № 4, с. 53—61; также соответствующие разделы в кн.: А. Ф. Миллер. Очерки новейшей истории Турции. М.— Л., 1948, с. 149—158. Б. Данциг. Турция. М., 1949, с. 138—140.

[44] Некоторые сведения о работах турколагов-литературоведов см.: М. С. Ми-

хайлов. Об изучении турецкой литературы в отечественной тюркологии.— «Вопросы языка и литературы стран Востока». М., 1958, с. 275—320; А. Сверчевская. Обзор советских исследований в области турецкой литературы (1950—1972).— Problemy literatur orientalnych. Materialy II Miedzinarodowego Sympozijum. Warzawa—Krakow, 22—26 maja 1972. Warszawa, 1974, с. 167—174; см. также: А. К. Сверчевская, Т. П. Черман. Библиография Турции (1917—1958). М., 1959, № 2823—3127.

[45] А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX веков). М., 1965.

[46] Р. С. Даниелян. Просвещение в Турции. 1923—1960. Ер., 1971; см. также ее фундаментальную статью «Армянская школа во второй половине XIX века и политика османского правительства».— Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Т. X. Турция. Ер., 1979, с. 111—135; там же серия статей «Из истории армянской туркологии», с. 217—329 (на арм. яз.).

[47] Т. П. Дадашев. Просвещение в Турции в новейшее время (1923—1960). М., 1972.

[48] В характеристике реформы письменности автор опирался на статью: А. Н. Кононов. Реформа алфавита в Турции.— УЗ ЛГУ. Вып. II. 1959, № 282, с. 158—169.

[49] Ю. А. Ли. Подготовка кадров средней и высшей квалификации для народного хозяйства Турции (1960—1970 гг.). Автореф. канд. дис. М., 1975.

[50] [К. Н. Цейкович]. Система образования в Турции. Обзорная информация. Серия: Высшее и среднее образование за рубежом. М., 1975.

[51] Из не вошедших в «Библиографию Турции» (см. сноску 44) и в списки литературы в названных здесь монографиях отметим статьи: Е. Смирнова. Образование в Турции.— «Народное образование». 1972, № 2, с. 89—91. И. Л. Фадеева. Из истории системы образования и научных знаний в Турции в конце XIV—XV вв.— История и идеология стран Востока. М., 1978, с. 212—227.

[52] Последняя тема частично затронута в книгах: А. А. Гусейнов. Профсоюзы в Турции (1960—1970). М., 1978, с. 119—129; И. А. Ахундов. Современная Турция и борьба против империализма. Баку, 1977, с. 105—113.

[53] А. М. Шамсутдинов. Печать Турции на службе американского империализма.— «Труды МИВ». 1951, № 6, с. 87—116.

[54] А. Х. Ибрагимов. Печать Турции. М., 1965.

[55] А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972; есть турецк. издание: A. D. Jeltyakov. Türkiye'nin sosyo-politik ve kültürel hayatında basın (1729—1908 yılları). Matbaacılığın 250 kuruluş yıldönümüne armagan. [İstanbul, 1979].

[56] А. Д. Желтяков. К истории зарождения турецкой социалистической печати.— ТС. 1973. М., 1975, с. 192—203; он же. К истории возникновения политического плаката в Турции.—Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 247—257; он же. Режим печати при младотурках.— Проблемы истории Турции. М., 1978, с. 82—92.

[57] А. Х. Рафиков. Очерк истории книгопечатания в Турции. Л., 1973.

[58] А. С. Бабаян. Армянская книга. Ер., 1956; К. А. Коркотян. Армянская печатная книга в Константинополе (1567—1850). Ер., 1964 (на армянск. яз.); то же на русском яз. Автореф. канд. дис. Ер., 1966; В. Г. Гукасян. Формирование константинопольской армянской печати и публицистики. 1832—1853. Ер., 1975 (автор этих строк знаком с материалами данной работы по русскоязычному варианту, подготавливаемому в качестве докторской диссертации).

[59] А. С. Тверитинова. Младотурки и пантюркизм.— «Краткие сообщения Института народов Азии». XXVI, 1956, с. 66—74; Э. Ю. Гасанова. К вопросу о развитии идеологии буржуазного национализма в Турции (по материалам журнала «Тюрк юрду»). Автореф. канд. дис. Баку, 1961; она же. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908—1914). Баку, 1966; она же. Из истории распространения марксистских идей в Турции (конец XIX—начало XX в.) — Марксизм и страны Востока. М., 1970, с. 144—152; О. И. Гигинейшвили. Из истории идеологии турецкого общества XIX—XX вв.— Во-

сточный сборник. Т. 1. Тб., 1966, с. 207—236 (на груз. яз.); Э. Ю. Гасанова. Ленинизм и развитие прогрессивной общественной политической мысли в Турции.— Ленинизм и развитие демократической мысли народов Востока. Баку, 1973. с. 266—279; Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1971, с. 103—136; 254—278; он же. Из истории пропаганды доктрины османизма на Балканах (по материалам библиотек и архивов Сараева).— ТС. 1973, М., 1975, с. 142—149; он же. Идеи «европеизации» в общественно-политической жизни Османской империи эпохи нового времени.— ТС, 1976. М., 1978, с. 120—129; А. Д. Желтяков. Печать..., с. 96—142, 239—291; К. А. Белова. Основные идеологические течения в современной Турции.— Проблемы экономики и истории стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1966, с. 181—194; она же. Идеологическая борьба в культурной жизни Турции 60-х годов.— Идеологическая борьба и современная культура. М., 1972, с. 351—367; Н. М. Фарфутдинов. Группа «Кадро» и ее роль в общественно-политической жизни Турции 30-х годов. Автореф. канд. дис. М., 1974; Э. Ю. Гасанова. Влияние ленинских идей на общественно-политическую мысль Турции.— Идеи Ленина и развитие прогрессивной мысли народов Востока (Иран, Турция, Ирак). Баку, 1970, с. 82—138. См. также статьи об антикоммунизме в современной Турции Г. З. Алиева, Э. Ю. Гасановой, Б. М. Карабаева, Э. Э. Замановой в кн.: Национально-освободительное движение и современная идеологическая борьба. Баку, 1973, с. 89—109, 130—143; Ю. И. Рустамов. Ислам и общественная мысль современной Турции. Баку, 1980.

[60] Е. И. Маштакова. Новые явления в турецкой культуре XVIII в. (К постановке вопроса).— Проблемы истории Турции. М., 1978, с. 34—54; она же. Сефаретнаме как жанровая форма турецкой литературы XVIII в.— ТС, 1973. М., 1975, с. 214—222; она же. О турецких сефаретнаме.— Problemy literatur orientalnych..., с. 115—129. Н. А. Айзенштейн. К вопросу о просветительстве в Турции. Просветительство в литературах Востока. М., 1973, с. 7—30.

[61] И. Ю. Крачковский. Морская география в XV—XVI вв. у арабов и турок. Турецкая географическая литература XV—XIX в.—Избранные сочинения. Т. IV. М.— Л., 1957, с. 547—656.

[62] А. Н. Кононов. Очерк истории изучения турецкого языка. Л., 1976, с. 63—85; он же. О тюркском языкознании в Турции.— НАА. 1965, № 6, с. 225—228.

[63] Л. Н. Рыньков. Разоблачение пантюркистской сущности современной турецкой лингвистики. Автореф. канд. дис. М., 1951. Г. И. Антелава. Реформа современной турецкой лексики. Автореф. канд. дис. Тб., 1971; Э. В. Севортян. Турецкое языкознание к VIII съезду турецких лингвистов.— СВ. 1958, № 2, с. 130—142; Л. Н. Старостов. Языковая революция в современной Турции.— Проблема изучения языковой ситуации в странах Азии и Африки. М., 1970, с. 113—120; А. Н. Баскаков. Языковая политика Турецкого лингвистического общества.— Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975, с. 20—26.

[64] См., например: Д. Е. Еремеев. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971, с. 5—45; С. Ф. Орешкова. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971, с. 3—25. Однако нередко такие обзоры отсутствуют либо неоправданно кратки и не дают достаточного представления ни о научной базе исследования, ни о его задачах и месте в ряде других работ на эту тему.

[65] Объем и задачи данной статьи не позволяют характеризовать весьма многочисленные историографические статьи, опубликованные в нашей печати. Отметим лишь, что в настоящее время наиболее продуктивно в области изучения современной турецкой историографии работает М. С. Мейер, которому принадлежит большая часть обзоров в выпусках Реферативного журнала ИНИОН АН СССР «Общественные науки за рубежом. Серия 9. Востоковедение и Африканистика». См. также: А. С. Тверитинова. Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии.— «Византийский временник». Т. VII, 1953, с. 9—31; она же. Фальсифицированная версия о турецком хали-

фате.— «Известия Отдела общественных наук АН Таджикской ССР». Вып. 5, 1954, с. 167—180; А. Д. Новичев. Средневековая история Турции в современной турецкой историографии.— ИИА. Вып. I, 1965, с. 113—125; А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение в трудах турецких историков.— НАА. 1965, № 5, с. 56—65; А. Д. Желтяков. К вопросу о вестернизации Турции в новое время (по концепции турецкого историка Тарыка Туная).—ИИА. Вып. 2, 1968, с. 125—135; С. Ф. Орешкова. «Кризис» исторической науки и некоторые новые направления исторических исследований в современной Турции.— Великий Октябрь и Турция..., с. 61—65.

[66] См., например: Хюсейн. Беда'и ул-века'и (Удивительные события). Ч. I. М., 1961, с. 5—23 (введение А. С. Тверитиновой); Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. I. Земли Молдавии и Украины. М., 1961, с. 5—24 (введение А. С. Тверитиновой, А. Д. Желтякова, В. В. Мавродина); он же. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979, с. 5—22 (введение А. П. Григорьева); Г. В. Путуридзе. «Книга путешествия» Эвлии Челеби. Вып. II (исследование и комментарии). Тб., 1973 (на груз. яз.); Ц. А. Абуладзе. «Книга завоевания Тбилиси» Гюрджизаде. Тб., 1975, с. 5—82 (на груз. яз.).

[67] Ю. Рустамов. Современная турецкая буржуазная социология (критический очерк). Баку, 1967; М. К. Зулалян. Вопросы древней и средневековой истории Армении в освещении современной турецкой историографии. Ер., 1970.

[68] Ю. Миллер. Искусство Турции. М—Л., 1965; он же. Художественное производство оружия в Турции в XVI—XVII вв. Автореф. канд. дис. Л., 1953; он же. Художественная керамика в Турции. Л., 1972. См. также: В. С. Гарбузова. Из истории производства малоазийских фаянсов XVI—XIX вв.— УЗ ЛГУ. Вып. 7. 1958, № 256, с. 21—40; Б. В. Веймарн, А. Г. Подольский. Искусство Турции.— Всеобщая история искусств. Т. II. Кн. 2. М., 1961, с. 54—65.

[69] Б. Веймарн. Проблема национального своеобразия в современной турецкой графике.— «Искусство». 1966, № 6, с. 56—59; А. Житомирский. По Турции.— «Искусство». 1970, № 10, с. 47—50. См. также: Р. Фиш. В гостях у Ибрагима Балабана.— Иностранная литература. 1966, № 5, с. 243—251.

[70] И. Ф. Бородина. Архитектура Турции XII—XIX вв.— Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969, с. 427—476.

[71] А. А. Гусейнов. Турецкое кино. История и современные проблемы. М., 1978.

[72] В. Виноградов. На фестивале в Стамбуле.— СМ. 1975, № 6, с. 114—120; И. Е. Фадеева. Первый турецкий профессиональный театр.— НАА. 1972, № 3, с. 139—145; А. Х. Рафиков. Национальная библиотека Турции.— Труды БАН СССР и ФБОН СССР. Т. 5. М.—Л., 1961, с. 229—244; Э. Заманова. Борьба двух художественных тенденций в эстетике современной Турции.— УЗ Азербайджанского университета. Серия: история и философия. Баку, 1964, № 1, с. 87—98.

[73] А. Д. Новичев. История Турции. Т. I. Л., 1963, с. 160—174, 247—254; т. II, ч. 1. Л., 1969, с. 251—263; т. IV, ч. 3. Л., 1978, с. 178—203.

[74] Современная Турция. М., 1958, с. 203—266; Современная Турция (справочник). М., 1965, с. 251—314; Турецкая Республика (справочник). М., 1975, с. 451—537; Турция.— Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973, с. 592—594.

[75] А. Р. Юсупов. Стамбул. М., 1970; Ю. А. Петросян, А. Р. Юсупов. Измир. М., 1973; они же. Город на двух континентах. Византий. Константинополь. Стамбул. М., 1977. Н. Г. Киреев. Анкара. М., 1972.

[76] Мехти Гусейн. Месяц и один день. Путевые заметки. М., 1965; Р. Г. Фиш. Турецкие дневники. Встречи. Размышления. М., 1978; Д. Е. Еремеев. Страна за Черным морем. М., 1968; он же. На стыке Азии и Европы. Очерки о Турции и турках. М., 1980. В. И. Данилов. 7000 километров по Турции. М., 1975.

[77] П. М. Жуковский. Земледельческая Турция. М.— Л., 1933.

[78] В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Турцию.— Сочинения. Т. 8. М., 1973, с. 462—464.

[79] См.: «Народное просвещение». 1926, № 8, с. 117—129.

[80] Л. Арнштам, П. Кальварская, С. Юткевич. Сердце Турции. Л.—М., 1934.

[81] С. Ф. Ольденбург. Коллективная научная работа советских и турецких ученых.— «Фронт науки и техники». 1933, № 12, с. 95.

[82] Н. Ф. Марр. О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье. М.—Л., 1934.

[83] А. Самойлович. Стамбульские впечатления 1936 г.— «Звезда». 1936, № 12, с. 161—167.

[84] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Статьи и речи. Т. 3. М., 1972, с. 148.

[85] А. Н. Самойлович. Второй лингвистический конгресс в Турции и советско-турецкие научные отношения.— «Вестник АН СССР». 1935, № 1, с. 17—28.

[86] А. Е. Иоффе. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917—1932. М., 1975, с. 362—372; см. также: П. Моисеев, Ю. Розалиев. К истории советско-турецких отношений. М., 1958, с. 51—53.

[87] М. М. Софиев. Участие Закавказской Федерации в советско-турецких культурных связях.— НАА. 1975, № 6, с. 149—156.

[88] Т. П. Дадашев. Великий Октябрь и установление советско-турецких культурных связей (20—30-е годы).— «Известия АН АзССР. Серия истории, философии и права». Баку, 1977, № 5, с. 60—68.

[89] См., например: З. В. Удальцова. X Международный конгресс византинистов в Истанбуле.— «Византийский временник». Т. X. 1956, с. 236—253; А. Н. Кононов. VIII конгресс Турецкого лингвистического общества.— СВ. 1957, № 4, с. 195—197; он же. XI конгресс Турецкого лингвистического общества.— НАА. 1967, № 1, с. 238—240; А. А. Ализаде. VI Турецкий исторический конгресс.— Проблемы современной Турции. М., 1963, с. 207—214; А. Ф. Миллер. VII Турецкий исторический конгресс.—НАА. 1971, № 3, с. 233—236; М. Сванидзе. VIII конгресс Исторического общества Турции.— «Известия АН ГССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства». Тб., 1977, № 2, с. 214—215; П. П. Моисеев, Ю. А. Петросян. В университетах и научных центрах Турции.— НАА. 1969, № 2, с. 249—252. Ю. А. Петросян. В центрах исторической науки и библиотеках Турции.— НАА. 1973, № 3, с. 238—241.

[90] С. Г. Корнеев. Научные связи АН СССР со странами Азии и Африки. М., 1976, с. 187—201; И. Ф. Черников. В интересах мира и добрососедства (о советско-турецких отношениях в 1935—1970 гг.). Киев, 1977, с. 49—58, 148—175; А. К. Сверчевская. О советско-турецких культурных связях.— Турция: история и экономика. М., 1978, с. 60—71; СССР и Турция. 1917—1979. М., 1981, с. 86—89, 113—119, 209—211, 248—249, 276—282.

А. Д. Желтяков, С. М. Иванов

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОЛИТИКИ ЭТАТИЗМА В ТУРЦИИ
(постановка проблемы)

В исследованиях советских и зарубежных авторов, посвященных анализу общественно-политического развития республиканской Турции, основное внимание до сих пор уделялось процессам модернизации, а точнее, буржуазным преобразованиям в этой стране после победы кемалистской революции. Значительное число работ, выполненных у нас и за рубежом под этим углом зрения, свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в настоящее время сложилась определенная направленность исторического мышления большинства специалистов по новейшему периоду турецкой национальной истории.

В то же время, и это следует подчеркнуть, сравнительно мало внимания уделяется тем аспектам изучения страны, которые позволили бы показать и оценить влияние исторических традиций, их преломление в социально-экономическом и политическом развитии республиканской Турции. По крайней мере в советской исторической науке нам неизвестна работа, которая ставила бы своей основной целью проследить на турецком материале, если можно так выразиться, «наследственность и изменчивость» различных общественных институтов и форм проявления политической жизни, т. е. известную «связь времен», прошедших и нынешней эпох. А между тем выполнение подобного рода исследования представляет, на наш взгляд, несомненный интерес, поскольку оно открывает возможность показать, что изменилось, а что, напротив, «проросло» в общественно-политическую, культурную и экономическую жизнь республики из османского прошлого; расширяет и обогащает наши представления об историческом развитии Турции; избавляет их от возможного налета односторонности и схематизма [1].

Вспомним в связи с этим известное замечание В. И. Ленина, который указывал, что «самое надежное в вопросе общественной науки... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть,

чем данная вещь стала теперь»[2]. Диалектика исторического процесса, по мысли В. И. Ленина, выражается, следовательно, в том, что, с одной стороны, общество развивается скачкообразно, в результате этого возникает новая форма его социально-политической организации, но в то же время эта новая форма длительное время еще «переваривает» прежнее содержание, тот социальный материал, который был унаследован от прошлого. При этом старое содержание отнюдь не пассивно, оно, в свою очередь, пытается подчинить или приспособить к себе возникшие формы общественно-политической жизни. И в этом отношении общественное развитие эволюционно, преемственно, исторично.

Мы остановились на этих общеизвестных положениях, поскольку ниже хотели сконцентрировать внимание на одном из аспектов преемственности и историзма в развитии экономических функций государства в османско-турецкой истории. Интерес к постановке подобного рода вопросов у авторов этих строк возник не случайно.

Марксистские исследования, проведенные в последние годы по проблемам типологии развивающихся стран, выявили значительную группу афро-азиатских государств, где определяющим укладом общественной эволюции стал национальный капитализм[3]. На это обстоятельство было обращено внимание в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, когда при характеристике основных направлений социально-экономического и политического развития афро-азиатских стран, в частности, указывалось: «Одни из них после освобождения пошли по революционно-демократическому пути. В других утвердились капиталистические отношения»[4].

Как известно, капитализм в странах зарубежного Востока в сравнении с его «классическими» западными образцами имел на этапе своего становления определенные особенности. Заметные отличия наблюдаются и в образовании его современных форм. Многие из этих особенностей подробно обсуждались и нашли исчерпывающее освещение в работах советских и зарубежных специалистов, другие лишь сравнительно недавно стали объектом пристального внимания.

К числу последних относятся и проблемы, связанные с появлением государственно-монополистических тенденций в ряде стран Азии. В случае дальнейшей капиталистической эволюции этих стран государственно-монополистические тенденции в них, несомненно, будут усиливаться, что в перспективе способно привести к формированию в отдельных регионах азиатского мира восточного варианта государственно-монополистического капитализма. Естественно предположить, что подобного рода структурная перестройка экономической системы повлечет за собой серьезные изменения и в общественно-политической жизни Азии в целом. Причем характер этих изменений во многом будет определяться спецификой становления азиатской модели государственно-монополистического капитализма, той спецификой, которая, в свою очередь, в значитель-

ной степени обусловливается особенностями функционирования государства в рассматриваемых странах.

В чем же эта специфика? Какова роль государства в общественно-политической и экономической жизни этих стран? В чем выражается практика государственной административно-хозяйственной деятельности, а следовательно, что представляет собой государственный бюрократический аппарат, политически активная часть (элита) господствующих классов в странах Азии? Каков потенциал, характер, социальная направленность и в целом возможная социальная эффективность деятельности государственно-бюрократического аппарата? Вот далеко не полный перечень вопросов, удовлетворительные ответы на которые могут быть найдены, как нам представляется, лишь в результате пересечения горизонтальных (социологических) и вертикальных (исторических) исследований.

Авторам этих строк близка позиция советского ученого Р. Г. Ланды, который в одной из своих последних работ отметил следующее: «Обычно в странах афро-азиатского мира, даже завоевавших независимость революционным путем, наблюдается более или менее длительная преемственность в составе и социальном характере госаппарата... Такого рода преемственность способствовала живучести старых методов управления, норм и стиля колониальной бюрократии... Одной из негативных черт традиционной бюрократии колониальной школы является ее кастовая замкнутость, самодовлеющий характер... Это во многом объясняется исключительной престижностью близости к руководству государством, исторической ролью государства на Востоке, а также новой тенденцией экономической технократии к самоутверждению, к превращению ее не только в независимую от других общественных групп, но и в господствующую над ними силу»[5]. Не случайно поэтому, добавим мы от себя, одной из важнейших типологических черт и отличительных особенностей капитализма в странах зарубежного Востока все чаще признается его государственно-бюрократический характер[6].

В чем причина зарождения и развития в Азии именно такой «бюрократической» модели капитализма? Не ставя перед собой цели определить, насколько полно эта проблема решена советской востоковедной наукой в целом, можем лишь заметить, что на материалах османско-турецкой истории этот вопрос нашими специалистами далеко еще не разработан.

В самом деле, до сих пор в советской научной литературе, посвященной вопросам экономического развития Турецкой Республики, проблема возникновения государственного капитализма (этатизма) рассматривалась главным образом в плоскости горизонтальных связей. Освещались прежде всего те объективные условия хозяйственной жизни этой страны в 20—30-е годы, которые, по мысли исследователей, и привели к феноменальному расширению экономических функций государства, т. е. обращалось внимание

на слабость национальной буржуазии, отсутствие у нее предпринимательского опыта, неразвитость экономической и социальной инфраструктуры, специфику положения в мировом капиталистическом хозяйстве во время «великой депрессии» и т. д. Область же вертикальных, исторических связей, приведших Турцию к этатизму, оставалась практически вне поля зрения наших специалистов. И лишь в последней работе Ю. Н. Розалиева, посвященной экономической истории республиканской Турции, связывается экономическое строительство в этой стране в XX в. с ее османским прошлым, но делается это довольно лапидарно, в сущности, лишь одной фразой: «Государственный капитализм как особая форма капиталистических отношений,— пишет Ю. Н. Розалиев,— появился задолго до кемалистской революции, но подлинный расцвет его падает на послереволюционный период»[7]. Можно выразить сожаление, что автор этой содержательной монографии, тема которой априори предполагает некоторый исторический экскурс в предмет исследования, не обосновал выдвинутый им тезис.

На наш взгляд, возникновение этатизма в Турции было определено не только объективными социально-экономическими условиями существования молодой республики, но и унаследованной от османского прошлого двоякой исторической традицией, корни которой уходят в средневековье и даже еще глубже, в другие, более ранние эпохи. Мы имеем здесь в виду: 1) традиционное, в значительной мере воспитанное условиями жизни по догматам ислама пренебрежение к капиталистической предпринимательской деятельности; 2) общеисламскую, и османскую в том числе, традицию государственного регулирования хозяйственной жизни страны. Этатизм, в нашем понимании, не был «чистым продуктом», специфическим порождением кемалистского режима, неким «третьим путем развития», создание которого часто приписывается турецкими авторами М. К. Ататюрку и его ближайшим соратникам. Этатизм и возникшая на нем современная, имеющая тенденцию превращения в государственно-монополистический капитализм социально-экономическая система могут рассматриваться как продолжение исторических традиций, сохранение традиционных для османского прошлого функций государства по регулированию экономической жизни общества. Сами по себе эти функции были унаследованы кемалистским государством от империи, изменилось лишь социальное содержание и классовая направленность экономической активности государства.

Разумеется — мы подчеркиваем это,— подобное утверждение делается нами лишь в порядке общей и предварительной постановки вопроса. И тем не менее уже сейчас хотелось бы сослаться на отдельные результаты или фрагменты исследований зарубежных и советских востоковедов, прямо или косвенно подтверждающих, на наш взгляд, выдвинутые нами положения. При этом нас будет интересовать интерпретация этими авторами проблем преемствен-

ности в общественно-политических структурах османской и республиканской Турции по двум основным направлениям: 1) место государства в обществе и 2) характерные черты его административно-хозяйственной деятельности.

Исходя из поставленных задач, наше внимание привлекла прежде всего книга известного в Турции публициста и историка И. Джема «История отсталости Турции»[8]. Автор делает попытку проследить возникновение и развитие социально-экономической отсталости Турции на протяжении средневековья, нового и новейшего времени.

Нельзя не заметить, что И. Джем явно идеализирует османское средневековое прошлое. Но в то же время отдельные положения его работы, и прежде всего касающиеся специфики места и роли государства в экономической, общественно-политической и идеологической жизни Османской империи, применительно к затронутой теме заслуживают, как нам кажется, внимания. Например, автор утверждает, что в османской административной традиции понятия религии и государства были едины и неразделимы. Все государственные учреждения и законы были облегчены в форму, требуемую Кораном и мусульманским правом. А поскольку Коран не просто декларировал религиозные обязанности, но и самым детальным образом определял общественное устройство и мировоззрение мусульман, то в этих условиях государство превращалось во всепроникающую и всерегулирующую силу[9].

Особенно настойчиво эта мысль проводится автором при анализе экономических функций государства по регулированию хозяйственной жизни империи. Для взглядов И. Джема весьма характерно то, что, описывая административно-хозяйственную деятельность государства времен империи, он употребляет тот же термин «девлетчилик» (этатизм), что и для экономической системы кемалистской Турции[10]. «Для существования и функционирования османской экономической системы,— пишет он,— государство должно было ограничивать бесконтрольную деятельность индивидуумов, дабы обеспечить в общине безопасность, равенство и справедливость; сохраняя в своих руках собственность на землю, соблюдать порядок в производстве и не допускать увеличения числа деребеев; контролировать ремесла, организовывать цехи, регулировать внутреннюю и внешнюю торговлю, обеспечивать снабжение больших городов продовольствием... контролировать склады и рынки, организовывать крепкую вакуфную систему и тем самым в какой-то мере обеспечивать социальную помощь и поддержку и т. д.»[11].

В дальнейшем автор на конкретном материале прослеживает, используя первоисточники и многочисленные исследования турецких и западных специалистов, регулирующие действия государства по всей цепочке общественного воспроизводства: производство — распределение — обмен — потребление. Так, он указывает на то, что османское государство вынуждено было с целью решения про-

блем снабжения продовольствием населения больших городов следить за производством и потреблением сельскохозяйственной продукции. Возможность для подобного контроля определялась наличием государственной собственности на землю (земли мири) и существованием, по выражению того же автора, специальной прослойки «служащих-воинов», т. е. сипахи. По мысли И. Джема, практиковавшаяся в Османской империи система регулирования сельскохозяйственного производства приводила к стабильному снабжению городского населения продовольствием и вместе с тем не истощала земельные ресурсы страны. Ибо крестьянин был лишен права сеять то, что он хотел, а также не засевать поле вовсе. Его произвольные действия, которые могли бы стать основной причиной неэффективности производства, решительно пресекались.

В результате установления контроля над сельскохозяйственным производством в изначальной его стадии оно осуществлялось для сугубо определенных рынков и в определенных районах. Так, например, необходимые ежедневно населению Стамбула 20—25 тыс. голов скота и 20 тыс. киле пшеницы в XVII в. доставлялись в город из заранее выбранных провинций империи [12].

Строгому контролю со стороны государства подвергалась и заготовка товаров. И. Джем пишет о том, что специальные чиновники следили за их сбором и транспортировкой на государственные склады портовых городов. Если какой-либо вид продукции предназначался для Стамбула, то государство уполномочивало для ее перевозки либо собственного чиновника, либо особо доверенного купца. Погрузка, транспортировка и выдача товаров потребителям проходили под неусыпным контролем государственных чиновников и сопровождались многими бюрократическими формальностями. При этом в первую очередь удовлетворялись нужды двора, государственных мастерских и армии [13].

Развитая система государственного регулирования, по мысли И. Джема, существовала в Османской империи и по отношению к промышленному (точнее, ремесленному) производству. Там она осуществлялась в еще более жестких формах, чем в сельском хозяйстве. Необходимую основу для государственного контроля над производством здесь предоставляла сама цеховая организация османских ремесленников и купцов. В XVII в., как пишет И. Джем, в те или иные цехи входило практически все взрослое и трудоспособное мужское население Стамбула — 126 тыс. человек. Внутри цехов поддерживалась жесткая дисциплина, призванная обеспечить строгую регламентацию производства. Государство через цехи легко устанавливало и контролировало цены и качество производимых изделий. При этом любое отклонение от принятых норм, касающихся количества и качества товаров, характеристики сырья, из которого они были выработаны, как и любая попытка получения последнего из непредусмотренных источников, неукос-

нительно пресекались, а виновные в таких нарушениях наказывались [14].

Помимо сферы производства государственному контролю в Османской империи была подвержена и сфера обращения. Внутренняя и внешняя торговля, по данным И. Джема, постоянно испытывали на себе воздействие регламентирующих функций государства. Для внутриторговых операций характерным было определение и поддержание «сверху» установленных государством оптовых и розничных цен на товары. Такому же, если не еще более жесткому, контролю подвергалась и внешняя торговля. Государство запрещало прежде всего вывоз за границу «стратегических» товаров или перевоз их из одного района в другой [15].

Заканчивая свою характеристику экономической деятельности государства в условиях «османского строя», И. Джем приходит к выводу, что возложенные на себя османским государством различные экономические функции были продиктованы стремлением «защитить порядок и оградить народ от разрушительного действия экономической стихии» [16].

Несомненно, многое можно поставить в упрек автору цитированной нами работы при разборе построенной им «модели» хозяйственной жизни в Османской империи. Не выдерживает, например, никакой критики его концепция «исламского государства», якобы пекущегося о равенстве, социальной справедливости и благоденствии своих подданных применительно к военно-деспотической организации турецкого общества эпохи средневековья [17]. Положение об органической связи и взаимопроникновении светских государственных и религиозных институтов, соединение их в неделимое «дин-у-девлет» также нуждается, на наш взгляд, в дополнительном обосновании [18]. Бросается в глаза и абсолютизация автором принципа государственной собственности на землю в эпоху средневековья и в новое время.

Однако основная ошибка И. Джема, как нам представляется, состоит в следующем. Задавшись целью определить важнейшие причины социально-экономической отсталости Турции, он не замечает или просто не осознает, что в идеализируемой им модели регулирующей деятельности османского государства как раз и кроется главнейшая из этих причин, что именно эта всеобщая зарегулированность порождает стагнацию производительных сил и производственных отношений в восточно-феодальном обществе.

В советской науке эта мысль, насколько нам известно, впервые была сформулирована И. М. Рейснером [19], позднее она была повторена В. И. Павловым в коллективной монографии «Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса». В. И. Павлов пишет: «Главная причина застойности восточнофеодальных обществ заключалась в том, что „господствующие всеобщие определения“ перешли из производства, где они уже приобрели традиционную форму, на распределение, а через него на обмен и по-

требление. Все эти четыре момента базиса оказались прочно „схваченными", урегулированными, упорядоченными законами и идеологией господствующего класса с его оценочными, производственными, потребительскими и поведенческими нормативами...»[20].

И. Джем не видит этого. Для него всеобщая зарегулированность и усредненность — это идеальный общественный строй, созданный османами в эпоху средневековья и разрушенный в более позднее время экспансией европейского капитала. В османском обществе, по И. Джему, не было социальных противоречий, а государственный административно-политический аппарат империи был «открытой системой». «Крестьянин мог превратиться в сипахи; люди, которые проявили себя в бою или при дворе, откуда бы они ни происходили, могли продвинуться до паши или везира»,— пишет он[21].

Очевидно, многие из положений И. Джема, касающиеся как его характеристики общественно-политической и экономической жизни османского общества, так и роли государства в ее организации, нуждаются не только в уточнении, но и в серьезной корректировке. И тем не менее мы сочли целесообразным подробно рассмотреть эти разделы работы турецкого автора, поскольку в них довольно полно освещается интересующая нас тема, а именно традиционная для Османской империи практика государственного регулирования хозяйственной жизни страны.

Помимо И. Джема аналогичные или сходные мысли по затронутым вопросам высказывают и другие специалисты в области экономической истории стран Ближнего Востока. Так, турецкий историк Х. Иналджик подчеркивает, что в условиях османского общества «все политические и социальные институты, а также все виды экономической активности регулировались государством»[22]. Подобной же точки зрения придерживаются Н. Беркес[23] и Г. Баер, который заостряет внимание на конкретном аспекте экономической деятельности османского государства — регулировании им ремесленного производства. Как пишет этот исследователь, «самой важной функцией цехов, выполняемой ими на протяжении многих столетий, была функция посредника между государством и городским населением»[24]. «Инструкции, касающиеся качества товаров, вырабатывались властями, и власти же наказывали производителей или продавцов недоброкачественной продукции. Цехи были призваны контролировать выполнение официальных инструкций и сообщать о нарушениях законов. Рыночные цены на товары также определялись государством, и завышение их не допускалось»[25].

Вопросы, связанные со спецификой государственной организации хозяйственной жизни Османской империи, давно уже привлекают внимание и советских исследователей. Оговоримся, что в рамках этой небольшой статьи мы не ставим перед собой задачу определить собственную позицию в отношении того или иного аспекта развернувшейся у нас дискуссии о типологических особенностях

османского феодализма. Нам важно сейчас подчеркнуть другое: советские ученые, выступая с иных, чем их западные коллеги, методологических позиций, также отмечают в качестве одной из важнейших характеристик хозяйственной жизни османского общества прямое участие в ней феодального государства.

В наиболее концентрированном виде эта мысль, как нам кажется, сформулирована в работах Н. А. Иванова и И. М. Смилянской[26]. Для нас исследования этих авторов приобретают тем большее значение, что они серьезно расширяют географический ареал той административно-хозяйственной системы, которая И. Джемом описана преимущественно на материалах имперского центра Стамбула. У Н. А. Иванова и И. М. Смилянской под действием государственной системы организации производства оказываются уже не только центральные, но и периферийные, арабские территории империи. Здесь, равно как и в Стамбуле, «государство непосредственно разрабатывало правила торговли и условия ремесленного производства, следило за поступлением сырья и его распределением, контролировало и направляло сбыт продукции»[27]. Подобная же система хозяйственной организации, как это явствует из работы крупного болгарского историка Н. Тодорова, существовала и на Балканах, сохраняясь там вплоть до второй половины XIX в.[28].

Таким образом, исходя из исследований марксистских авторов, а также работ турецких и западных буржуазных специалистов, можно заключить, что регулирующие функции государства в области экономики являются для такой страны, как Турция, глубоко укоренившейся, вытекающей из самой специфики восточного феодализма исторической традицией. Однако применительно к теме настоящей статьи уместно будет поставить вопрос и о том, что обеспечило передачу этой традиции новой, кемалистской Турции. Отвечая на него, мы хотим сконцентрировать внимание на двух основных моментах. Первый из них — это степень качественных изменений в структуре общественно-политической организации молодого кемалистского государства по сравнению с поздней империей; второй — характеристика государственного аппарата, полученного республикой в наследство от имперского прошлого.

Известно, что, придя к власти, кемалисты отстранили от управления государством улемов, лишили их права вмешиваться в административно-судебные и политические дела; политическая роль офицерского корпуса в 20—30-е годы также заметно снизилась; государственная власть в это время сосредоточивается в руках новой политической элиты — верхушки созданной М. К. Ататюрком Народно-республиканской партии. На эти сдвиги в политической жизни Турции (не говоря уж об упразднении султаната и халифата, провозглашении республики, созыве нового парламента и т. д.) неоднократно обращалось внимание в работах советских и зарубежных исследователей.

Но в то же время, как нам представляется, формирование хо-

зяйственно-политического и административного механизма Турции 20—30-х годов может рассматриваться и как некое продолжение, а в определенном смысле и кульминация тех процессов, которые обозначились значительно раньше. Изменения отдельных сторон жизни общества были, бесспорно, весьма радикальными, но нельзя забывать и того, что в существенной своей части они были эволюционными и постепенными, с минимальным разрывом с прошлым. Объясняется это тем, что и социальная база кемалистов и сами политические лидеры новой Турции были порождены и воспитаны условиями жизни в Османской империи. Известно, что в отличие от социалистических революций при революциях буржуазных не происходит полного слома старой государственной машины и ее аппарата. Поэтому если в ближайшем окружении М. К. Ататюрка были достаточно представлены новые люди, то большинство высших чиновников кемалистской Турции являлись все же выходцами из старой османской бюрократии[29]. Так, хотя М. К. Ататюрк отстранил от власти прежнюю верхушку армии, многие ее представители вошли в правительственные органы, в парламент и т. д.

Главное же заключается в том, что основные принципы и методы административной деятельности нового правительства не претерпели по сравнению с султанской Турцией существенных изменений. Так, во времена Османской империи управление ее провинциями строилось на основе жесткой централизации и подотчетности провинциальных властей непосредственно Стамбулу, что, в свою очередь, предполагало сосредоточение всей полноты административной, политической и экономической власти в руках провинциального правителя. Именно эта сложившаяся в веках система управления и была воспринята республиканской Турцией. «Ататюрк,— замечают по этому поводу в своей работе двое западных исследователей,— предприняв широкую программу преобразований, обратился к существовавшей уже централизованной административной структуре, предоставляя администраторам столько власти, сколько они могли потребовать... Структура провинциального управления, унаследованная от империи, была чрезвычайно удобной для его целей. Она включала систему административных глав провинций и районов, которые назначались и были непосредственно ответственны перед центральными учреждениями министерства внутренних дел. Эти люди были частью системы, в которой контроль был высоко централизован, их повседневная активность в большинстве случаев направлялась директивами из Анкары. С другой стороны, провинциальная и районная администрация была облечена широкой властью над местным населением. Бюрократия могла выступать по отношению к массам как принудительная сила, не боясь политических осложнений»[30].

Централизованный контроль государства над обществом, по мысли этих авторов, в республиканской Турции не только сохра-

нялся, но по сравнению с периодом империи значительно возрос благодаря расширению функций государственной бюрократии[31]. Как замечает по этому поводу видный турецкий дипломат Н. Эрен, в кемалистской Турции на смену государству неограниченной теократии времен империи пришло государство «неограниченного парламентаризма», важнейшей характерной чертой которого являлось присвоение парламентом и правительством права действия от имени нации. Известный кемалистский лозунг «хакимиет миллетиндир» («суверенитет принадлежит нации») был трансформирован государственным аппаратом в основополагающий принцип отношений с гражданским обществом, при котором политическая элита и верхушка бюрократии получила возможность заявлять: «наша воля — это воля нации»[32].

Содержание политической организации общества в кемалистской Турции не претерпело, таким образом, принципиальных изменений по сравнению с прежним режимом. Более того, как утверждают цитированные выше два исследователя, «Турецкая Республика унаследовала не только сильную бюрократическую традицию и структуру от Османской империи, но сам персонал, который составлял эту обширную структуру... Многие из этих османских чиновников принесли с собой прежние навыки администрирования, свои политические и социальные взгляды на служебные дела»[33].

В первые десятилетия существования республиканской Турции в ней сохранялись и своеобразные «передаточные механизмы» традиций османской бюрократии в виде учебных заведений, которые были созданы для подготовки гражданских чиновников при султанах. В качестве примера такой преемственной связи в системе подготовки государственных служащих специалисты указывают на сохранение основанной в середине XIX в. Школы гражданских чиновников («Мюлькие мектеби»), преобразованной позднее в факультет политических наук Анкарского университета. Авторитет этого учреждения в старой Турции был довольно высок: в последние десятилетия империи его выпускники занимали в основном средние, а нередко и высшие административные посты в провинциальной системе управления. И в республиканской Турции оно продолжало пополнять высшие и средние эшелоны гражданской бюрократии. Причем в условиях однопартийного режима питомцы «Мюлькие» — ФПН являлись одновременно партийными функционерами, а потому обладали и значительной политической властью. Так, в составе первых десяти созывов ВНСТ (1920—1954) 68% государственных служащих, выбранных в его состав, были выпускниками этого учреждения[34].

Таким образом, одно и то же учебное заведение воспитывало и османскую и республиканскую политическую элиту. Неудивительно поэтому и то, что система отношений государства и его представителей с гражданским обществом в буржуазной Турции сохра-

няла прежние, унаследованные от османского прошлого стереотипы. Свидетельства этого могут быть найдены во многих аспектах общественно-политической жизни республиканской Турции.

Интересная, на наш взгляд, ремарка по этому поводу содержится в работе известного западного ориенталиста Б. Люиса. В его интерпретации различия между англо-саксонской и турецкой практикой государственной административной деятельности проявляются, в частности, в следующем: «Роль гражданского служащего в англо-саксонской демократии, пожалуй, самым лучшим образом выражается самим термином „гражданский служащий". Турецкое же официальное лицо, по крайней мере в тех учреждениях, где осуществляется какая-то власть над народом, не является „гражданским служащим". Турецкий эквивалент этого понятия — „мемур" — означает буквально „тот, кто управляет", и это слово, конечно же, выражает отношение к власти, которой он подчиняется. Но в то же время для основной массы населения он является не слугой, а господином или в крайнем случае пастырем и в этом качестве все еще воспринимается массами... Изменения в обществе,— заключает свою мысль автор,— редко идут в ногу с изменением политических режимов, и было бы совсем не так просто вырвать остатки вековых традиций...» [35].

С мнением Б. Льюиса согласен и другой видный западный ориенталист, А. Бонне, который еще в середине 50-х годов заметил на этот счет, что провозглашение новых законов, создание корпуса гражданских чиновников, увеличение их числа и экспансия функций государства — все это само по себе не привело еще к фундаментальным психологическим сдвигам в сознании тех людей, из которых состоит государственный аппарат и которые должны отдавать свои силы эффективному служению новому государству. Для достижения подобного рода изменений, предполагающих чувство ответственности перед государством, часто требуется смена многих поколений (администраторов)» [36].

Поведенческая психология в обществе, стиль и характер административной деятельности турецкой бюрократии — далеко не все, что она вынесла из османского прошлого. При характеристике этой социальной прослойки турецкого общества хотелось бы обратить внимание еще на одну присущую ей черту: унаследованный республикой чиновничий аппарат был, так сказать, материальным носителем традиции государственного регулирования экономической жизни общества.

Вынесенная из глубин мусульманского средневековья идея экономической деятельности государства, его руководства хозяйственным развитием страны была, пишет уже упоминавшийся Б. Льюис, «хорошо понятной и знакомой в такой стране, как Турция; она вполне соответствовала унаследованным традициям и привычкам и правителей и управляемых... Для кемалистского режима, авторитарного, бюрократического и патерналистского (по своему суще-

ству), идея государственного руководства и контроля в области экономики была естественным и очевидным распространением власти, прерогатив и функций правящей элиты. Если экономическое развитие было действительно необходимо, то оно должно было осуществляться теми, кто является ответственным за это, как и за другие подобные вопросы, призванные обеспечить свободу и благополучие нации. Это слишком важно, чтобы можно было положиться на безответственных предпринимателей и крестьянство»[37].

Данное замечание Б. Льиса можно было бы воспринять и как едкую иронию по поводу умонастроений турецких государственных деятелей первых лет республики, если бы не существовало довольно веских аргументов, подтверждающих возможность в Турции того времени именно такой постановки вопроса. Обратимся, например, к творческому наследию Зии Гёкальпа, которого можно считать одним из основных идеологов кемалистского режима. В одной из его статей, написанной в 1923 г., мы можем обнаружить не только общую идею, но и развернутую программу этатизации экономики. «Народ Турции,— писал Зия Гёкальп,— оказался способным воспринять европейскую военную технику во всех ее деталях, он может поэтому освоить и наиболее современные изобретения и открытия в области промышленности. Но военная техника была введена не благодаря инициативе отдельных личностей. Это сделало государство. Наша медицина, которая также довольно развита, опять же была внедрена посредством государственных мероприятий. Следовательно, только государство может решить задачу создания в стране крупной промышленности... По своему характеру турки являются естественными этатистами. Они ждут от государства, чтобы оно осуществляло инициативу во всем новом и прогрессивном»[38].

Приведенное высказывание виднейшего буржуазного идеолога Турции, автора «Программы тюркизма», которая легла в основу идейно-политической доктрины кемализма и отразилась в практике созданной в том же, 1923 г. Народно-республиканской партии, находившейся у власти вплоть до 1950 г., представляется нам лучшим свидетельством и доказательством естественного для правящей элиты Турции стереотипа мышления, трактовки роли государства как хранителя традиционных социальных институтов и их приспособления к трансформации турецкого общества, вставшего на путь капитализма, но сохранившего полуфеодальную структуру.

Заканчивая статью, мы полагаем, что предложенный в ней исторический экскурс поможет лучше понять генезис и природу турецкого этатизма, показывает, что на экономическую политику Турецкой Республики 20—30-х годов, когда этатизм был объявлен одним из шести столпов нового турецкого государства, немалое влияние оказала и традиционная система государственного эко-

номического регулирования, веками действовавшая в Османской империи. Республиканский режим приспособил эту систему для нужд новых господствующих классов — национальной буржуазии и помещиков, интересы которых в то время представляла одна партия — НРП. Провозглашение этатизма как важнейшего принципа государственной экономической политики дало стимул для утверждения капиталистических отношений, формирования рабочего класса и буржуазии, развития классовой и политической борьбы в стране.

Нападки на этатизм со стороны ряда возникших после войны буржуазных партий (ДП, ПС и др.) отражают стремление определенных групп крупной буржуазии расширить сферу частнокапиталистического предпринимательства, но не преследуют цели добиться его полной ликвидации. Ни одна буржуазная партия не может от него полностью отказаться, поскольку госкапитализм есть та основа, которая позволяет буржуазному государству сохранять решающее влияние и в материальной и в духовной жизни общества, выступать регулятором социальных отношений и вторгаться практически во все сферы общественной жизни.

Переняв от империи прежних веков функцию контроля над экономикой, современное турецкое буржуазное государство выполняет свою основную классовую функцию, используя не только новые, но и традиционные социальные институты.

[1] Ориентация научной работы в этом направлении, заметим также, может иметь наряду с академическим и немаловажное практическое значение. Весьма показательны в этом смысле слова польского дипломата С. Пиотровского, который, по его собственному признанию, готовясь к отъезду на работу в Анкару, довольно слабо представлял себе роль, которую играет в жизни современной Турции ее османское прошлое. «Какой след оставили в сознании турка былые мощь и величие империи? Каким образом история движет (а может быть, тормозит) развитие страны? Вот вопросы, которые мучили меня и *на которые я не находил ответа* в книгах» (курсив наш.— *А. Ж., С. И.*).— С. Пиотровский. Свет и тени Турции. М., 1981, с. 8.

[2] В. И. Ленин. О государстве.— Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 67.

[3] В Азии, в частности, к этой типологической группе относят Индию, Пакистан, Турцию, Шри Ланка, Филиппины (см.: Зарубежный Восток и современность. Основные проблемы и тенденции развития стран зарубежного Востока. Т. 1. М., 1980, с. 36—46).

[4] Отчет ЦК КПСС XXVI съезду КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС т. Л. И. Брежнева.— «Правда», 24.II.1980.

[5] Государственный капитализм и социальная эволюция стран зарубежного Востока. Раздел IV. Анатомия госсектора. Глава XIII. Управленческий персонал госсектора и проблема правящей элиты (Р. Г. Ланда). М., 1980, с. 208—209.

[6] Подобного рода терминология, на наш взгляд, уместна и в отношении характеристики турецкого национального капитализма. Эта типологически важная его черта наглядно проявилась в результатах проведенных в Турции в 1960 г. исследований, когда выяснилось, что 17% предпринимателей в турецкой промышленности происходят из семей государственный чиновников (См.: Emre Kongar. İmparatorluktan günümüze Türkiyenin toplumsal yapısı. İstanbul, 1978,

с. 447). Хотя главное, безусловно, не в этом, а в той роли, которую республиканское государство и чиновничество играли и играют в зарождении и поддержке частнокапиталистического предпринимательства в стране в целом.

[7] Ю. Н. Розалиев. Экономическая история Турецкой Республики. М., 1980, с. 81.

[8] Ismail Cem. Türkiyede geri kalmışlığın tarihi. İstanbul. 1973.

[9] Там же, с. 72.

[10] Там же, с. 79.

[11] Там же, с. 75.

[12] Там же, с. 79—80.

[13] Там же, с. 81—83.

[14] Там же, с. 85.

[15] Там же, с. 85.

[16] Там же, с. 86.

[17] Не говоря уж об исследованиях советских историков-османистов, которые вскрыли сущность и показали конкретные формы системы социальной эксплуатации в средневековой Турции, концепцию И. Джема опровергают также выводы современных западных авторов. Сошлемся, например, на одну из работ Д. Эргиля и Р. Родса, где, в частности, утверждается, что первейшей обязанностью огромной сельской бюрократии (сипахи.— *А. Ж., С. И.*) было извлечение налогов с податного населения внутри страны, между тем как мощная военная машина была предназначена для грабежа за пределами империи. Результатом эволюции османского феодализма, по мнению этих авторов, явилось то, что с XVII столетия в империи устанавливается одна из наименее производительных и в то же время наиболее эксплуататорских из когда-либо существовавших аграрных систем. Центральное место в функционировании этой системы занимало государство, бюрократический аппарат которого уже с конца XVI в. захлестнула волна разложения и коррупции. (См.: D. Ergil and R. Rhodes. Western Capitalizm and the Disintegration of the Ottoman Empire.— «Economy and History». 1975, № 1, с. 43—50.)

[18] Известно, что в немарксистской историографии на этот счет высказываются различные точки зрения. Достаточно сопоставить далеко не идентичные взгляды таких специалистов, как К. Карпат, К. Финдлей и Х. Шараби. (См.: K. Karpat. An Inquiry into the Social Foundation of Nationalizm in the Ottoman State; from Social Estates to Classes, from Milletsto Natios. Princeton, 1973, с. 23; C. V. Findley. Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire. Princeton, 1980, с. 9; H. B. Sharabi. Governments and Politics of the Middle East in the Twentieth Century. N. Y., [б. г.], с. 12—13.)

[19] И. М. Рейснер. К вопросу об отставании стран зарубежного Востока.— «Вопросы истории». 1951, № 6, с. 78.

[20] Е. М. Жуков, М. А. Барг, Е. Б. Черняк, В. И. Павлов. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979, с. 201.

[21] I. Cem. Türkiyede geri kalmışlığın tarihi, с. 76. С этим утверждением И. Джема можно согласиться лишь отчасти. Историко-статистический анализ условий и принципов формирования правящей элиты Османской империи, который был проведен болгарским историком М. Тодоровой, показывает, что уже с конца XVII в. происходит изменение традиционной для средневековья системы рекрутирования политико-административной верхушки государственного аппарата. Прежняя, сравнительно открытая система «капы-кулу», допускавшая возможность восхождения к высшим административным должностям лиц из различных (зачастую низших) социальных прослоек, и условием вертикальной мобильности в которой нередко были административный опыт, талант военачальника и другие дарования личности, эта система с течением времени изменяется и становится все более «закрытой». В период реформ в XIX в., как показывает исследование М. Тодоровой, социальная прослойка, из которой формировался высший слой администрации империи, все более суживалась. По существу, османская правящая элита превратилась в замкнутую, самовоспроизводящую систему См.: M. Todorova. Composition of the Ruling Elite of the Ottoman Empire in the Period of

Reforms (1826—1878).— «Etudes Balkaniques». Sofia, 1976, № 1, с. 105—106.

[22] H. Inalcik. Capital Formation in the Ottoman Empire.— «The Journal of Economic History». 1969, № 1, с. 97.

[23] N. Berkes. 100 soruda Türkiye iktisat tarihi. Ikinci cilt. Istanbul, 1975, с. 188.

[24] G. Baer. The Administative, Economic and Social Functions of Turkish Guilds.— «International Journal of Middle East Studies». 1970, № 1, с. 33.

[25] Там же, с. 38.

[26] Н. А. Иванов. О типологических особенностях арабо-османского феодализма.— «Народы Азии и Африки». 1978, № 3; И. М. Смилянская. Структура и эволюция господствующего класса Ближнего Востока на рубеже нового времени — там же; она же. Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени (на материалах Сирии, Ливана и Палестины). М., 1979.

[27] Н. А. Иванов. О типологических особенностях арабо-османского феодализма, с. 61.

[28] Н. Тодоров. Балканский город XV—XIX веков. М., 1976, с. 84—127.

[29] В первый состав ВНСТ, например, вошло 138 чиновников османской Турции, 53 офицера бывшей султанской армии и 53 духовных лица — это почти $^2/_3$ всего состава ВНСТ.— B. Lewis. The Emergence of Modern Turkey. L., 1962, с. 452.

[30] L. L. Roos and N. P. Roos. Managers of Modernizations. Organizations and Elites in Turkey (1950—1969). Cambridge, 1971, с. 24.

[31] Там же, с. 26.

[32] N. Eren. Turkey Today and Tomorrow. An Experiment in Westernization. N. Y.— L., 1963, с. 25.

[33] L. L. Roos, N. P. Roos. Managers of Modernizations, с. 6.

[34] F. W. Frey. The Turkish Political Elite. L., 1965, с. 116.

[35] B. Lewis. The Emergence of Modern Turkey, с. 369. Конечно же, Льюис здесь идеализирует английского служащего, хотя нужно признать, что у бюрократии могут быть свои национальные черты наряду с теми общими характеристиками, которые порождаются самим по себе внутренним механизмом функционирования буржуазного административного аппарата. Советский исследователь В. В. Песчанский, например, считает, что «в английской национальной традиции нет такого культа власти и ее носителя — чиновника („бюрократического служащего" в более узком смысле), как это было в Германии. В силу этого специфическая психология „бюрократических служащих" в Англии складывается на основе реальных („материальных") особенностей „бюрократической ситуации", а не ее особого общественного престижа» (см.: В. В. Песчанский. Служащие в буржуазном обществе (на примере Англии). М., 1975, с. 169.

[36] Alfred Bonne. State and Economics in the Middle East. A Society in Transition. L., 1955, с. 31.

[37] B. Lewis. The Emergence of Modern Turkey, с. 464.

[38] Turkish Nationalism and Western Civilization. Selected Essays of Ziya Gökalp. N. Y., 1959, с. 310—311.

К. А. Жуков

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА. КНЯЖЕСТВО АЙДЫН

Период феодальной раздробленности в Малой Азии в XIII—XIV вв. относится к числу вопросов, сравнительно мало исследованных отечественным востоковедением. Между тем изучение истории бейликов, т. е. государственных образований, возникших в результате эволюции уджей Сельджукского султаната и крушения государства Сельджукидов Малой Азии после монгольского нашествия, имеет принципиальное значение для правильного понимания процесса формирования Османского государства. Разработка этой темы помогает глубже понять особенности формирования государственных и правовых институтов Османской империи, ее социально-экономической структуры, полнее проследить процесс сложения турецкой народности.

В настоящей статье делается попытка показать некоторые черты становления государственности в одном из крупнейших бейликов Западной Анатолии — бейлике Айдын на фоне его более чем вековой истории.

Военно-феодальный институт уджей, существовавший в Сельджукском султанате, представлял собой «систему рекрутируемых из родо-племенного ополчения специальных отрядов для охраны границ государства, члены которых получали в обмен за службу землю и создавали поселения в приграничной полосе» [1]. Туркмены в уджах, сконцентрированные вдоль границ Византии, вели почти независимое существование. Акад. В. Гордлевский писал: «На окраинах, в горах, авторитет центральной власти был ничтожен, там огузы чувствовали себя независимо... Там были пустые земли, на которых спокойно паслись их стада; здесь власть начальников племен — беев — была сильна» [2].

Во второй половине XIII в. неоднократно восстававшие туркменские племена под давлением монгольских войск начинают проникать на территорию Византии. Византийский историк Никифор Григора писал: «Турки, наделавшие у себя множество сатрапий, будучи преследуемы скифами (монголами.— *К. Ж.*), в свою очередь, преследовали римлян (византийцев.— *К. Ж.*) и чем слабее

становились сравнительно со скифами, тем мужественнее делались перед римлянами»[3].

Быстрота экспансии туркменских племен на запад определялась многими факторами, среди которых в первую очередь можно назвать прогрессирующий упадок военной и экономической мощи Византийской империи и наличие значительного тюркского элемента среди византийского населения Малой Азии.

Григора писал: «Когда восточные области римского (византийского.— *К. Ж.*) государства остались без войска, то турецкие сатрапы соединенными силами прошли все пространство до самого моря и завели свои поселения по самым его берегам»[4].

На завоеванных византийских землях удж-беи начинают создавать самостоятельные княжества, одним из которых явился Айдынский бейлик.

Княжество Айдын, подобно другим государственным образованиям Западной Анатолии этого периода, было создано на племенной основе как объединение в основном тюркских кочевых и полукочевых племен вокруг правящего рода, во главе которого стоял основатель будущей династии Мехмед бин Айдын (в то время являвшийся вассалом гермиянского бея) в первой декаде XIV в. В 1312 г. бей Айдына перестает быть вассалом бея Гермияна, однако зависимость княжества от государства ильханов, которая выражалась в ежегодной уплате дани и посылке воинских отрядов, сохранялась до 1335 г.[5].

При Мехмед-бее происходит территориальное оформление бейлика, максимальная площадь которого, по подсчетам турецкого историка Т. Озтуна, достигала 20 тыс. кв. км[6]. По свидетельству арабского географа XIV в. ал-Омари, в 1332 г. на территории княжества насчитывалось 60 городов и 300 крепостей, в которых были размещены 70 тыс. воинов, а население бейлика составляло около 700 тыс. человек[7]. Несмотря на приблизительный характер этих данных, можно сделать вывод о большой плотности населения и высоком уровне развития городской жизни в Айдынском бейлике. Крупнейшими городами княжества были Измир (Смирна), Айасулук (Эфес) и Бирги (Пиргион), являвшийся резиденцией самого эмира Айдына.

Энгельс писал: «При каждом завоевании более варварским народом ход экономического развития нарушается и уничтожается целая масса производительных сил»[8]. Последствия турецкого завоевания видел в 1333 г. Ибн Батута, который отмечал, что Измир лежит большей частью в развалинах[9]. Завоевателям необходимо было организовать управление захваченной территорией, наладить хозяйственную жизнь, и поэтому «органы родового строя должны были превратиться в органы государства»[10]. Беи, представители племенной феодализирующейся верхушки, начинают проводить политику консолидации власти и нормализации жизни в княжестве, опираясь на военный авторитет, которым они обладали

в качестве лидеров племен, и пользуясь услугами представителей духовенства и бюрократического аппарата, прибывающих из исламских стран. В княжестве возникают институты политической и религиозной власти, воспроизводящие соответствующие образцы мусульманского мира.

Уже в 1312 г. Мехмед-бей воздвигает в Бирги мечеть Улу джами. В 1333 г. Ибн Батута посетил медресе при этой мечети, где встретился с известным теологом Мухиддином. Арабский путешественник пишет, что тот принял его в окружении рабов, слуг и большого количества учеников [11].

Великий везир при дворах беев всегда был из духовных лиц — кади, приглашенных из городов Внутренней Анатолии [12]. До нас дошли вакуфные дефтеры Османского государства первой половины XVI в. по Айдынскому санджаку, отрывки из которых опубликованы турецким историком X. Акыном [13]. Сведения, приведенные в них, дают возможность использования их для ретроспективной оценки земельных отношений в бейлике, так как после завоевания османские султаны в некоторых случаях сохраняли в неприкосновенности сложившиеся отношения и это специально оговаривалось в документах на владение или управление землями. Из этих дефтеров видно, что при Умуре, сыне Мехмед-бея, экономическое положение духовенства в княжестве было весьма прочным. Вот отрывок из одного такого документа: «Деревня Енидже в окрестностях города Бирги была обращена в вакуф Гази Умур-пашой. Со времен неверных и до сегодняшнего дня каждый, кто является кади (в городе.— *К. Ж.*), осуществляет управление им» [14]. В следующих записях читаем, что шейх Мухиддин управлял на правах потомственного вакуфа ореховыми рощами на поле Будай-Хатун в Боздаге, а деревня Могрюгюми в окрестностях Бирги была обращена в вакуф в пользу хафизов дочерью Умур-бея Азизе Мелек-хатун, и в ней был построен дом для чтения Корана [15].

Советскими турковедами уже была поддержана мысль турецкого ученого профессора О. Баркана о том, что раздача султанами земель в полную собственность (мюльк) и образование на основе мюльков обширной системы вакуфного землевладения являлись одним из важнейших средств освоения и колонизации захваченных территорий, восстановления опустошенных в процессе завоевания земледельческих районов и организации хозяйственной жизни [16]. Вакуфное землевладение большое развитие получает при Умур-бее и бурно расширяется при его преемниках [17].

Большую помощь беям в укреплении власти на завоеванной территории оказывали дервиши, которые в конце XIII в. буквально наводнили Западную Анатолию.

Эмиры в бейликах благосклонно принимали дервишей как важнейший колонизирующий элемент, даровали им землю, налоговый иммунитет, часто строили для них текке. Ибн Батута пишет, что Умур-бей по возвращении из очередного морского похода подарил

шейху Изеддину из ордена рифаи три лошади в сбруе, большие серебряные вазы, наполненные дирхемами, и молодых рабов обоего пола[18]. Большим влиянием среди эмиров пользовался орден бекташи, проводивший активную миссионерскую деятельность в бейликах. Средневековый автор времени Селима II Юсуф бин Абдуллатиф писал, что во время походов Умур-бея гази делили между собой добычу шапками бекташи[19]. В соседнем, Гермиянском бейлике в 1321 г. бей даровал завийе Хаджим Султана, ученика основателя ордена Хаджи Бекташа, земельные владения[20].

Начало XIV в. было периодом оживленной пропагандистской деятельности ордена мевлеви, которая особенно интенсивно велась в эгейских бейликах. Руководители ордена стремились избавить завоевавших большой авторитет и силу правителей бейликов от влияния баба[21] и привлечь их на свою сторону. Так, Мехмед-бей получил от Султана Веледа титул «Вождь борцов за веру». С этой же целью внук Джеляледдина Руми Ариф Челеби предпринял поездку в княжества Гермиян, Ментеше и Айдын и встречался в г. Бирги с Мехмед-беем[22].

Несмотря на это, бейлики продолжали оставаться под сильным влиянием туркменских баба и шиитской пропаганды. В это время ислам являлся тонким налетом на старом, племенном шаманизме. Самым ярким пережитком прошлой, шаманской практики являлись человеческие жертвы — обычай, который сохранялся в течение столетий после того, как турки впервые вторглись в византийские владения[23]. Население бейликов не очень ревностно выполняло требования ислама. Так, Ибн Батута писал, что в г. Алаие на побережье Средиземного моря женщины ходили с открытыми лицами[24], а в Бирги он видел еврейского доктора, перед которым почтительно вставали кади и факих и который сидел на возвышении напротив султана. Ревностный хранитель ислама Ибн Батута открыто выразил свое возмущение по этому поводу[25]. В. А. Гордлевский следующим образом комментирует подобные сообщения Ибн Батуты: «Наблюдательный глаз араба-путешественника сразу примечал в Малой Азии уклонения от ислама. И это говорит о том, насколько велико было в Малой Азии воздействие местной, христианской среды на завоевателей-турок»[26].

Ислам в бейликах, этот «народный шиизм», как выразился проф. Вернер[27], имел тенденцию наследовать некоторые взгляды и культовые формы христианства. Бертрандон де ля Брокьер в своих мемуарах писал, что он наблюдал обряды крещения у эмиров Карамана и Рамазана. Мусульманское население бейликов восприняло культы некоторых христианских святых, подбирая к ним мусульманские эквиваленты. Так, св. Георгий превращался в Хызыр Эльяса, св. Николай — в Сары Салтыка и т. п.[28].

Говоря о большой степени синкретичности ислама в княжестве, небезынтересно отметить, что некоторые члены айдынской династии были привержены шиитству. Так, формула клятвы брата

Умура Хызыр-бея о верности договору 1348 г. с латинской коалицией является шиитской[29], а Иса-бей, преемник Хызыра, был, по мнению Озтуна, также шиитом[30].

Академик Гордлевский следующим образом характеризовал ислам Малой Азии рассматриваемого периода: «...мусульманские устои в Малой Азии были слабы, антисуннитская пропаганда, подернутая легким мусульманским налетом, всегда находила живой отклик у населения, у огузов, среди которых давно шныряли баба, и у туземцев, мусульман и христиан. Уже в эпоху Сельджуков в Малой Азии свободно бродили все эти дервиши, батыни, исподволь взрывавшие суннитство, а после падения Сельджукидов — шииты, за спиной которых скрывались всегда антимусульманские движения, загнанные исламом вглубь, подняли в Малой Азии голову»[31].

Хотя христианское население в Айдынском бейлике активно обращалось в ислам, а многие церкви были превращены в мечети (например, Ибн Батута сообщает, что огромная церковь в Айасулуке после турецкого завоевания была превращена в мечеть)[32], в Бирги (Пиргион) и в Айасулуке (Эфес) существовали митрополии, которые даже враждовали между собой. Соперничавшие группировки церковников начинают сотрудничать с местными турецкими властями, т. е. прибегают к тому, что было строжайше запрещено центральной церковью под страхом отлучения. В 1343 г. митрополит Эфеса, намеревавшийся присоединить к своей митрополии Пиргион, оклеветал своего соперника митрополита Пиргиона перед Умур-беем в посланном тому письме, в котором называл бея Айдына своим послушным сыном, а себя его отцом и советовал выдворить митрополита Пиргиона с занимаемого места[33].

Начинает сотрудничать с турками и часть местного греческого чиновничества. Известно, что еще при сельджукском дворе существовало специальное греческое «бюро», в котором были заняты чиновники-ренегаты, известные под греческим термином «нотары». Подобные «бюро» или же по крайней мере греческие писцы были сохранены в бейликах, в том числе и в княжестве Айдын[34]. Беям было выгодно наладить отношения с христианским духовенством и чиновничеством, так как это облегчало управление христианским населением бейлика.

На политическую и экономическую жизнь Анатолии с конца XIII и в XIVв. большое влияние оказывало религиозно-цеховое братство ахи. Ибн Батута отмечает чрезвычайную распространенность этого общества на территориях эмиратов Западной Анатолии[35]. В XIII в. ахи были противниками туркмен в экономическом и социальном отношениях. Так, ахи принимали активное участие в обороне г. Конья от бея Карамана в 1277 г. и в защите городов Анатолии от нападений гермиянского бея[36]. Однако в XIV в., когда города в образовавшихся княжествах начинают служить как

административные, религиозные и экономические центры и в них оседает большое количество туркмен, роль ахи меняется: теперь они стали представлять собой важнейший элемент местного управления. Ибн Батута писал: «Там, где нет султана, обязанности губернатора исполняют ахи»[37]. Признавая верховную власть бея, ахи обладали реальной властью в пределах города и его окрестностей.

Ахи благосклонно относились к дервишам и охотно примыкали к дервишеским орденам. Были среди них и поклонники мевлеви. Например, ахи Пулад приехал из Западной Анатолии в Конью и, посетив тюрбе Джеляледдина, стал дервишем, намереваясь распространять радение в бейлике Айдын[38].

Беи стремились укреплять свои отношения с братством ахи. Так, среди документов, опубликованных Х. Акыном, содержится запись о том, что Умур-беем была выдана грамота на управление вакуфом в местечке Халийя Хаджикей под г. Тире, завийе ахи-бабы[39]. Как известно, ахи-баба, т. е. верховный руководитель цехов, являлся посредником между населением и властью и находился обыкновенно во главе городского управления[40].

Власть беев, которые пользуются поддержкой мусульманского и христианского духовенства и ахи, значительно укрепляется.

Время правления Умур-бея (1334—1348) явилось периодом наивысшего могущества княжества. Умур-беем был создан сильный флот, пиратские действия которого наносили большой ущерб судоходству в бассейне Средиземного моря. Григора писал: «Турки, выстроив множество кораблей, не только стали нападать на острова, находящиеся на Эгейском море и за Эгейским, но стали также захватывать и грабить купеческие корабли. Они часто пускались в Средиземное море, как будто оно принадлежало им, не встречая ни в ком сопротивления»[41]. О масштабах операций Умур-бея на море может дать представление тот факт, что во время похода на побережье Мореи (1334—1335) флот бея Айдына насчитывал 276 судов[42].

Турецкая угроза морским коммуникациям привела к тому, что в 1344 г. против Умур-бея была создана латинская коалиция, в которую вошли папа, Венеция, Кипрское королевство и рыцари-иоанниты о-ва Родос[43].

В это время между Византией и Айдынским бейликом существовали тесные союзнические отношения. Крупные византийские феодалы намеревались с помощью Айдынского княжества избежать конкуренции со стороны итальянских торговых республик. Так, с помощью княжеств Айдын и Сарухан были изгнаны из Фокеи генуэзцы[44]. Кроме того, они видели в турках силу, которая была способна помочь им подавить народные движения во время обострения классовой борьбы в империи. В 1337 г. Умур-бей с двухтысячным войском оказал помощь императору при подавлении восстания в Албании[45], а во время гражданской войны в Визан-

тии он помог Кантакузину, с которым находился в дружеских отношениях [46].

Вмешательство в дела Византии приносило туркам непосредственную материальную выгоду, кроме того, междоусобная борьба, которая велась с их участием, ослабляла военную мощь империи.

Время правления Умур-бея было также периодом экономического расцвета княжества. Судя по османским дефтерам, бей провел упорядоченную опись земель, владельцам земель и мюльков были дарованы бераты. Он сам управлял большим количеством вакуфов в Бирги [47].

Необходимо подчеркнуть, что в экономической жизни бейлика Айдын значительную роль играло рабство. Рабы использовались как в домашнем хозяйстве, так и при обработке земель. Как сообщает митрополит Эфесский Матфей, посетивший Измир в 1340 г., количество рабов в княжестве исчислялось тысячами [48]. Беи Айдына вели активную работорговлю. Рабов продавали на крупнейшей ярмарке на о-ве Родос генуэзцам и венецианцам, которые перепродавали их мамлюкам в Египте. Работорговля была также распространена в пределах самого княжества. Ибн Батута сообщает например, что в Айасулуке он купил рабыню-гречанку за 40 динаров [49]. Сохранен в бейлике был и институт гулямов. При дворе Мехмед-бея в Бирги Ибн Батута видел двадцать молодых слуг-греков, одетых в шелковые одежды [50].

Следует отметить, что, хотя в 1307 г. папа Климент V запретил торговлю с мусульманами, итальянцы не прерывали своих торговых отношений с Малой Азией на длительный срок. Экономические интересы итальянские торговые республики ставили всегда выше политических и религиозных соображений. Поэтому, как только стабилизировалась власть беев, итальянцы стали вести торговые операции в Айдынском бейлике. Беи, в свою очередь, благосклонно относились к расширению торговых связей с Европой, и уже Умур-бей начинает чеканить монеты с латинскими надписями, являвшиеся имитацией неаполитанских «джильиати» [51].

Основной транспортной артерией княжества была р. Большой Мендерес. Ал-Омари писал: «...омывающая земли бейликов Денизли и Бирги река Мендерес полна снующих вверх и вниз по течению лодок. На ней виднеются готовящиеся к плаванию корабли гази и торговцев» [52]. В бассейне реки производились шелк, солодковый корень, ковры, выделанные кожи, шафран, кунжут, воск и мед, зерно, а из княжества Гермиян в Айдын привозили квасцы и бязь.

Город Айасулук, в котором правил Хызыр-бей, был одним из торговых центров Леванта. Европейские купцы ввозили сюда сукна, вина, мыло и другие товары. Хызыр-бей установил пошлины на большинство вывозимых товаров в размере 4% от цены. Воск облагался пошлиной в размере 2%. Мыло и вино пошлиной не облагались [53].

Княжество богатело за счет добычи, награбленной в Византии и на морских коммуникациях, а также за счет оживленной торговли. Ибн Батута описывает свое посещение дворца правителя Айдынского бейлика в Бирги. Дворец, по его словам, поражал своим великолепным убранством. Посредине зала для приема гостей находился бассейн, украшенный бронзовыми львами, из пастей которых били струи воды [54].

Беи Айдына щедро раздавали подарки своим приближенным и проезжающим чужестранцам. Ибн Батута сообщает, что, когда он покидал столицу Айдынского бейлика Бирги, Мехмед-бей подарил ему 100 динаров, 1 тысячу дирхемов, греческого раба и халат [55]. А в то время на 10 дирхемов можно было купить половину бараньей туши, а на 2 дирхема — хлеба на 10 человек на день [56].

В 1344 г. соединенный флот Венеции, Кипра и Родоса под командованием Мартино Цаккарии нанес поражение Умур-бею и захватил Измир. В 1348 г. при штурме измирской цитадели Умур-бей был убит.

Умур-бей являлся одной из ярчайших личностей среди беев эгейских княжеств. Многие порядки, заведенные им, перешли впоследствии к османам. Не случайно многие годы османы перед морскими сражениями клялись именем Умур-бея [57]. Рейды айдынского эмира на земли Византии, его участие во внутриполитической борьбе в империи прокладывали дорогу османам, которые, используя опыт и методы Умур-бея, начинают осуществлять быструю экспансию в Европе со второй половины XIV в.

После смерти Умур-бея правителем княжества становится Хызыр-бей. В том же, 1348 г. он был вынужден подписать с латинянами договор, в соответствии с которым прекращалась деятельность корсаров Айдына, их суда подлежали уничтожению и, кроме того, бей уступал членам коалиции половину таможенных сборов в портах княжества. В бейлике учреждались консульства союзных государств, в обязанности которых входили наблюдение за исполнением условий договора и охрана прав европейских торговцев, которые подлежали только юрисдикции консулов. Бей Айдына также обязался не вступать в союзы, направленные против государств коалиции. Договор был подписан между Айдынским бейликом, с одной стороны, и Венецианской республикой, Кипрским королевством и родосскими рыцарями — с другой и одобрен папой. В 1351 г. подобные права в княжестве получили генуэзцы [58].

Эти соглашения отразили начало упадка Айдынского бейлика, экономическое положение которого ухудшилось, так как из-за прекращения пиратства была потеряна возможность обогащения за счет добычи, захваченной в военных походах, а доходы от торговли не смогли компенсировать эту потерю.

Но политически княжество продолжало сохранять свое независимое положение, так как силы латинской коалиции были подорваны чумой, которая разразилась в это время в Европе (так,

на Кипре чума унесла от половины до двух третей его населения в 1348 г.[59]), и очередной войной между Генуей и Венецией, которая закончилась только в 1355 г.

Однако торговля в княжестве все более попадала в руки итальянцев, чьи товарные склады находились в Айасулуке, который при Хызыр-бее становится центром княжества. Вывоз квасцов из Кютахьи, где добыча составляла 12 тыс. кантаров (1 кантар=57,65 кг) в год, полностью производился итальянскими торговцами также через Айасулук[60]. Итальянский флорин начинает конкурировать с местной валютой. Данные примеры показывают, что в середине XIV в. между итальянцами и Айдынским бейликом существовали довольно оживленные и устойчивые торговые связи, которые не были прерваны с завоеванием османов. Забегая вперед, скажем, что в 1390 г. в Измире султан Баязид I подписал с венецианцами торговые соглашения, по которым итальянцы получали определенные льготы при ведении торговых операций на территории Османского государства. Эти соглашения были развитием соглашений 1348 и 1371 гг., заключенных беями Айдына с итальянцами, однако они не носили в отличие от тех вынужденного характера.

После смерти Хызыр-бея, последовавшей около 1360 г., к власти приходит Иса-бей. В 1371 г. он подписывает с венецианцами соглашения, являвшиеся подтверждением соглашений 1348 г.[61]. Во время правления Исы-бея между Айдынским бейликом и Османским султанатом существовали дружественные отношения. Имя Исы-бея упоминается среди имен беев, приславших посланников и дары по случаю свадьбы в г. Брусе Баязида Челеби и дочери гермиянского бея Султан-хатун (1381 г.)[62]. В битве на Косовом поле Иса-бей находился на левом фланге османского войска[63].

Завоевание Баязидом Молниеносным в 1390 г. анатолийских бейликов отмечает важную стадию в политическом развитии Анатолии и показывает, насколько османы превзошли другие княжества Малой Азии.

Средневековый поэт Ахмеди, описывая эти события в «Искандер-наме», восклицал: «Повелитель завоевал страну вплоть до Антальи!»[64].

Иса-бей не оказал сопротивления, и ему было оставлено управление частью земель, а сам он был посажен в г. Тире. Но право быть упомянутым в хутбе и чеканить монету уже принадлежало султану[65]. Баязид взял себе в жены дочь Исы-бея Хафисе-хатун, а также дочерей беев Гермияна и Карамана. Подобный шаг Баязида отражает его стремление поставить свою политику в Анатолии на более прочный фундамент, укрепив ее кровными узами с наиболее влиятельными беями[66].

В административной сфере при Баязиде доминировала система контроля, которая осуществлялась через султанских рабов (гулямов, капы-кулу) и являлась инструментом становления абсолю-

тистской власти султана в провинциях. Руководящий военный и административный аппарат формировался в основном из ич-огланов, и даже большинство тимаров в провинциях было пожаловано султанским рабам, воспитанным системой гулямов[67]. Средневековый хронист Ашик Пашазаде писал, что когда Баязид завоевал Айдынский бейлик, то Айасулук он отдал своему капы-кулу[68].

После смерти Исы-бея бейлик был включен в состав Османского государства в качестве санджака и управление им передано сыну Баязида Эртогрулу.

Однако последовавшее вскоре нашествие Тимура нарушило политическое единство Анатолии, и с 1402 г. члены династии Айдын получили возможность еще в течение некоторого времени править княжеством.

Сыновья Исы-бея Муса и Умур и другие анатолийские беи, потерявшие свои владения, бежали в ставку Тимура, где развернули активную подстрекательскую деятельность против Баязида, причем наибольшее усердие в этом проявляли беи Гермияна и Айдына[69]. Во время Анкарской битвы воины из бейликов, захваченных Баязидом, увидели своих беев в лагере Тимура и повернули оружие против османов[70]. Византийский историк Дука сообщает, что 500 тяжеловооруженных воинов Айдынского бейлика со знаменем перешли на сторону Тимура, увидев в его войске своих беев[71].

Тимур вернул управление бейликами прежним владельцам и удалился в Самарканд, в то время как между сыновьями Баязида развернулась ожесточенная борьба за власть.

В этот период анатолийские княжества получают возможность в течение некоторого времени существовать самостоятельно.

Муса-бей, которому Тимур передал управление Айдынским бейликом, умер в 1403 г., и власть перешла к его брату Умуру II, но против него выступили представители той же династии Джунейд и Кара Хасан, укрепившиеся соответственно в Измире и Айасулуке. После смерти Умура II в 1405 г. Джунейд стал единолично править княжеством, центром которого становится г. Измир.

В османской истории Джунейд оставил о себе недобрую память. В средневековых хрониках Джунейд Измироглу характеризуется как ловкий и коварный враг османов, человек, стремящийся лишь к собственной выгоде. И действительно, во время междоусобной борьбы за султанский трон он искусно лавировал между претендентами. Используя противоречия между сыновьями Баязида, бею Айдына удавалось сохранить свою власть на значительной территории, которая включала почти все земли прежнего княжества.

Джунейд поддерживал сына Баязида Ису во время борьбы последнего с Мехмедом Челеби. С помощью Джунейда в поддержку Исы была создана коалиция, в которую вошли беи Саруhана, Теке и Ментеше. В окрестностях Измира было собрано вой-

ско, насчитывающее около 20 тыс. человек, но соединенные силы потерпели поражение, и Иса бежал в Караманский бейлик. Джунейд же сумел вымолить прощение у Мехмеда Челеби, и ему были оставлены его владения, но право чеканить монету и быть упомянутым в хутбе принадлежало уже только султану [72].

В период борьбы между Мехмедом Челеби и Мусой (1410—1413) Джунейд вновь выступил против Мехмеда и был разбит. И, хотя ему и на этот раз было оставлено управление Измиром и некоторыми другими территориями, в 1415 г. Мехмед I захватил Измир и поставил айдынским вали Александра из болгарской династии Шишманов, принявшего ислам и состоявшего на османской службе, а Джунейда направил в Никополь [73].

Тем не менее власть османов в бейлике была еще слаба, и в 1416 г. в окрестностях Измира происходит событие, известное под названием «восстание Берклюдже Мустафы», а годом раньше Джунейд, заключив союз с Дюзме Мустафой (Дюзме, или Лжемустафа, выдавал себя за сына Баязида I Мустафу, пропавшего без вести во время Анкарской битвы), бежал из Никополя в Салоники [74]. В 1421 г. после смерти Мехмеда I Византия сделала попытку использовать этих мятежников в своих интересах. Дюзме Мустафа и Джунейд переправились в Малую Азию. Однако Мурад II с целью расколоть враждебное ему движение пообещал Джунейду вернуть прежние владения, и тот, покинув Дюзме Мустафу, направился в Измир [75].

В 1422 г. Джунейд в сражении под Айасулуком убил сына Умура II Мустафу, который правил в это время в бейлике. Вскоре он развивает активную антиосманскую деятельность, начинает собирать силы и чеканить свою монету с надписью «Джунейд бин Ибрахим» [76].

В 1424 г. Мурад II предпринял военный поход, во время которого были захвачены бейлики Ментеше, Айдын, Саруhан и Хамид. Бежавший в прибрежную крепость Ипсили Джунейд был осажден силами османов. Морем ему удалось вырваться из окружения и достичь княжества Караман, откуда он вновь прорвался в крепость с деньгами и пятьюстами воинами [77]. Однако позднее его положение осложнилось в связи с тем, что османы получили помощь от генуэзцев Фокеи. Блокированный с моря и с суши, Джунейд сдался и был убит. В 1426 г. был убит сын Джунейд-бея Курд Хасан [78] и Айдынский бейлик окончательно вошел в состав Османского государства как лива Айдын.

Завершая эту небольшую статью, автор хочет подчеркнуть, что рассматривает ее как первый шаг на пути изучения истории бейликов. Предварительное знакомство с рядом источников и исследований позволяет сделать некоторые, в целом предварительные выводы о том, что сравнительно быстрое развитие государственности у тюркских племен исследуемого региона, которое прошло стадии удж — бейлик — санджак, было следствием того, что под

давлением монголов тюркские племена были вытеснены в прибрежные районы Малой Азии с относительно высоким уровнем развития городской жизни. Последовавшее массовое оседание кочевников на землю привело к тому, что соотношение кочевого населения к оседлому в Западной Анатолии к XVI в. составляло один к пяти [79].

В эти же районы прибыло большое количество представителей духовенства, бюрократического аппарата и ремесленников из Центральной Анатолии, среди которых большим влиянием пользовались различные духовные ордена и братство ахи. Эти элементы представляли готовый материал для образования структуры мусульманской государственности в Айдынском княжестве, на которую сильный отпечаток наложили тесные военные, политические и экономические контакты бейлика с Европой. Западное влияние отражалось не только в латинских легендах на монетах, которые чеканили беи Айдына. Оживленная торговля с итальянскими республиками объективно способствовала усилению имущественной и социальной дифференциации, развитию товарного производства в бейлике. Временами внешний фактор непосредственно влиял и на процесс развития государственной структуры княжества. Подтверждением этому является договор 1348 г. между Айдынским эмиратом и латинской коалицией, который значительно ограничивал суверенитет княжества.

Составной частью аппарата управления бейликом стала христианская церковь. Это определялось наличием значительного христианского населения в бейлике и спецификой ислама данного периода в княжестве, который отличала большая степень синкретичности, а также сравнительной веротерпимостью беев в отношении местных христиан, продиктованной необходимостью укрепления своей власти.

Включение Айдынского бейлика в состав Османского государства происходило постепенно. Баязид I пытался наряду с укреплением своей власти в бейлике путем использования в системе управления капыкулу и раздачи им тимаров создать своеобразный союз с беями Айдына, оставив им управление частью земель и укрепив свои отношения с ними кровными узами. Последующие султаны придерживались той же политики и привлекали к себе на службу членов Айдынской династии.

Но, как показал дальнейший ход событий, сепаратизм беев Айдына постоянно противостоял централизаторским устремлениям османских султанов. В османских хрониках упоминается участие айдынского бея в смуте, наступившей в 1451 г. после смерти Мурада II. Будущему завоевателю Константинополя султану Мехмеду II пришлось приложить немало усилий, чтобы усмирить непокорных беев. В бывшие эмираты были посланы войска под командованием бейлербея Анатолии Исхака. После подавления смуты постоянным местопребыванием бейлербея Анатолии стал

г. Кютахья, который находился ближе к приморским санджакам, чем прежняя резиденция бейлербеев — Анкара[80].

[1] Р. А. Гусейнов. Уджи — военно-феодальный институт в Малой Азии в XI—XII вв.— Тюркологический сборник 1974. М., 1978, с. 220.

[2] В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии.— Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960, с. 73.

[3] Византийские историки. Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. СПб., 1862, с. 132.

[4] Там же, с. 205.

[5] T. Y. Öztuna. Başlangıcından zamanımıza kadar Türkiye tarihi. T. II. Istanbul, 1964, c. 195—196.

[6] Там же, с. 196.

[7] Там же, с. 179. См. также: İ. H. Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi. T. I. Ankara, 1961, c. 73.

[8] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20, с. 188.

[9] [Ibn Batoutah]. Voyages d'Ibn Batoutah. Text arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et B. R. Sanguinetti. T. II. P., 1854, c. 310 (далее — Ибн Батута).

[10] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21, с. 151.

[11] Ибн Батута, с. 296.

[12] A History of the Ottoman Empire to 1730. Chapters from the Cambridge History of Islam and the New Cambridge Modern History. Cambridge, 1976, c. 20.

[13] H. Akın. Aydınoğulları tarihi hakkında bir araştırma. Istanbul, 1946.

[14] Там же, с. 139.

[15] Там же, с. 136, 138.

[16] А. С. Тверитинова. Некоторые замечания о значении вакуфного землевладения.— Письменные памятники Востока. М., 1971, с. 134.

[17] H. Akın. Aydınoğulları tarihi..., c. 136, 138—140, 143.

[18] Ибн Батута, с. 311.

[19] H. Akın. Aydınoğulları tarihi..., c. 49.

[20] J. K. Birge. The Bektashi Order of Dervishes. L., 1937, c. 142.

[21] Баба, или религиозные руководители, были прямыми потомками племенных шаманов. Они представляли собой своеобразный сплав шамана и странствующего мусульманского дервиша типа календера. (См.: S. Jr. Vryonis. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Los Angeles, 1971, c. 272.)

[22] Wittek P. Das Fürstentum Mentesche. Istanbul, 1934, c. 63; B. Flemming. Landschaftsgeschichte von Pamphylien, Pisidien und Lykien im Spätmittelalter. Wiesbaden, 1964, c. 73.

[23] S. Jr. Vryonis. The Decline of Medieval Hellenism..., c. 273.

[24] Ибн Батута, с. 215.

[25] Там же, с. 205.

[26] В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии, с. 182.

[27] E. Werner. Die Geburt einer Grossmacht: die Osmanen (1300—1481). B., 1966, c. 92.

[28] S. Jr. Vryonis. Byzantine Legacy and Ottoman Forms.— Dumbarton Oaks Papers. T. 23—24. 1969—1970, c. 289.

[29] H. Akın. Aydınoğulları tarihi..., c. 52.

[30] T. Y. Oztuna. Başlangıcından zamanımıza kadar Türkiye tarihi, c. 197.

[31] В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии, с. 213.

[32] Ибн Батута, с. 308.

[33] S. Jr. Vryonis. The Decline of Medieval Hellenism..., c. 332.

[34] Там же, с. 233.

[35] Ибн Батута, с. 273—292.

[36] C. Cahen. Pre-Ottoman Turkey. L., 1968, с. 338—339.
[37] Ибн Батута, с. 289.
[38] В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии, с. 138.
[39] H. Akın. Aydınoğulları tarihi..., с. 145.
[40] В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии, с. 141.
[41] Византийские историки. Римская история Никифора Григоры..., с. 518.
[42] H. Akın. Aydınoğulları tarihi..., с. 39.
[43] G. Hill. A History of Cyprus. T. II. Cambridge, 1948, с. 299.
[44] Византийские историки. Римская история Никифора Григоры..., с. 542.
[45] История Византии. Т. III. М., 1967, с. 133.
[46] Подробнее об отношениях Византии и Айдынского княжества и о походах Умур-бея см.: I. Melikoff-Sayar. Le Destan d'Umur pacha, texte, traduction et note. P., 1954: P. Lemerle. L'Emirat d'Aydin. Byzance et l'Occident. P., 1957.
[47] H. Akın. Aydınoğulları tarihi..., с. 49.
[48] S. Jr. Vryonis. The Decline of Medieval Hellenism..., с. 345.
[49] Ибн Батута, с. 309.
[50] Там же, с. 303.
[51] A History of the Ottoman Empire to 1730..., с. 20.
[52] H. Akın. Aydınoğulları tarihi..., с. 54.
[53] W. Heyd. Histore du Commerce du Levant au Moyen-âge. T. I. Lpz., 1885, с. 542.
[54] Ибн Батута, с. 303.
[55] Там же, с. 307.
[56] Там же, с. 342.
[57] H. Akın. Aydınoğulları tarihi..., с. 49.
[58] W. Heyd. Histore du Commerce du Levant..., с. 543.
[59] G. Hill. A History of Cyprus..., с. 307.
[60] R. Lopez and J. Raymond. Medieval Trade in the Mediterranean World. N. Y., 1955, с. 353—354.
[61] H. Akın. Aydınoğulları tarihi..., с. 54.
[62] [Mehmed Neşri]. Kitab-i Cihannüma. Neşri Tarihi. T. I—II. Ankara, 1949—1957, с. 205 (далее — Мехмед Нешри).
[63] Там же, с. 290.
[64] B. Flemming. Landschaftsgeschichte von Pamphylien.. , с. 103.
[65] Мехмед Нешри, с. 312.
[66] H. Akın. Aydınoğulları tarihi..., с. 92.
[67] A History of the Ottoman Empire to 1730..., с. 28.
[68] Aşik Paşazade tarihi. Tevarih-i Al-i Osman. Istanbul, 1332/1914, с. 65 (далее — Ашик Пашазаде).
[69] Мехмед Нешри, с. 342—344.
[70] Там же, с. 350.
[71] F. Wittek. Das Fürstentum Mentesche, с. 88.
[72] Мехмед Нешри, с. 446—450.
[73] H. Akın. Aydınogulları tarihi..., с. 98.
[74] Мехмед Нешри, с. 556.
[75] Ашик Пашазаде, с. 96.
[76] Там же, с. 107; Mufassal Osmanlı tarihi. T. I. Ankara, 1957, с. 282.
[77] I. H. Uzuncarsılı. Osmanlı tarihi. T. 1, с. 72.
[78] Мехмед Нешри, с. 556.
[79] S. Jr. Vryonis. Byzantine Legacy and Ottoman Forms, с. 261.
[80] P. Wittek. Das Fürstentum Mentesche, с. 105—106.

Ю. А. Каменев

К ИСТОРИИ РЕФОРМ В ОСМАНСКОЙ АРМИИ в XVIII в.

С конца XVII в. Османская империя вступила в период быстрого упадка своего военного могущества, ослабления власти центрального правительства и роста сепаратизма местных феодалов.

Одним из наиболее ярких проявлений этого процесса стал кризис военно-ленной системы, лежавшей в основе социально-экономической структуры государства. Первые признаки ее разложения появились еще во второй половине XVI в. С того времени сборы с условных владений — тимаров — перестали покрывать военные расходы, лежавшие на их держателях — сипахи. Последние стали терять интерес к своим тимарам, их боевой дух и желание воевать также неуклонно падали.

Чтобы приостановить снижение боевой мощи сипахийского ополчения, правители страны на протяжении всего XVII века организовывали один завоевательный поход за другим, надеясь на захват новых земель и богатую добычу. Однако этим планам не суждено было сбыться. По существу, сложился порочный круг: тимариотская система утратила свое положительное значение для класса феодалов, но по-прежнему стимулировала новые войны, которые влекли за собой лишь поражения Турции, разорение податного населения и дальнейшее разложение самой системы. Русский посол в Стамбуле А. М. Обрезков в середине XVIII в. так обрисовал сложившуюся ситуацию: «Начало и основание их (турок) есть оружие, выпустя его из рук, они не знают, за что ухватиться, и бьются, как рыба на земле...» [1].

Распаду военно-ленной системы в Османской империи посвящено большое число работ [2]. Здесь нет необходимости повторять все выводы исследователей. Отметим лишь, что, по мнению советских историков, причины кризиса связаны с дальнейшим развитием османского феодализма, в частности с усилением тенденции к складыванию крупного частнофеодального землевладения. Этот процесс был ускорен рядом других факторов, в том числе увеличением численности населения в Румелии и Анатолии, революцией цен в конце XVI в., переносом основных международных торговых путей на океан, переходом к массовому использованию огнестрельного

оружия. Последнее явление изучено пока сравнительно мало, и потому на нем следует остановиться подробнее.

Характер военных формирований, как отмечали классики марксизма, определяется экономическими условиями соответствующей эпохи, а равно и социальной сущностью государства и его политики. Широкое внедрение огнестрельного оружия в османской армии в XV—XVI вв. может рассматриваться как отражение определенных процессов, происходивших в социально-экономической жизни турецкого общества. Вместе с тем сама эволюция военной техники и организации войска не может быть строго детерминирована эволюцией производственных отношений в данной стране. Являясь результатом постоянного взаимодействия обществ, находящихся на разных уровнях развития, она обладает определенной независимостью от условий данной страны и, в свою очередь, способна оказывать достаточно сильное воздействие на общественный прогресс.

К. Маркс писал, что «война достигла раньше развитых форм, чем мир» и такие экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д. развились в военной организации раньше, чем внутри гражданского общества [3]. Эта мысль К. Маркса находит свое подтверждение и в турецкой истории. Массовое использование огнестрельного оружия в Османской империи ускорило назревание кризиса существовавших здесь порядков и подтолкнуло к попыткам их преобразования.

Сложившаяся в XV—XVI вв. военно-ленная система закрепляла обычное для феодальных войск предшествующих эпох преобладание конного ополчения, вооруженного холодным оружием,— саблями, пиками, луками и т. д. На протяжении XVI—XVII вв. численность сипахийской кавалерии составляла 150—200 тыс. человек [4], тогда как пехотные части (в основном янычары) в XVI в. насчитывали не более 30 тыс., а в XVII в. порядка 50 тыс. человек [5].

Соответствующей была и тактика военных действий. Османская армия строилась в виде овала или полумесяца (выпуклой стороной к противнику), янычары и прочие регулярные подразделения располагались в центре, защищаясь окопами, пушками и повозками, т. е. образовывая «вагенбург» (построение обоза в виде четырехугольника или какой-нибудь другой формы в зависимости от местности). Сипахийская кавалерия находилась на правом и левом флангах, а также в тылу. Она должна была осуществлять стремительные и неожиданные атаки, ложные отступления, просачивание к флангам и в тыл противника и, наконец, общую атаку кавалерии [6]. Это была старая тактика арабских и тюркских кочевников, заключавшаяся в стремительной атаке, ложном отступлении и новой атаке (алкарр ва-л-фарр) [7]. Порядка и строя такая наступающая масса не соблюдала, в бою каждый воин действовал по своему усмотрению, а в случае разгрома на исходе атаки перестроиться и вновь организоваться они уже не могли [8].

С самого создания империи османским правителям приходи-

лось вести непрерывные войны на европейской территории с противником, применявшим во все возрастающем масштабе огнестрельное оружие, и потому оно очень рано появилось и в турецкой армии. Пушки отливались в Малой Азии уже с 1364 г. и использовались в войне против Караманского бейлика в 1387 г., а также в сражении на Косовом поле в 1389 г.[9]. Примерно через сто лет (к концу правления султана Мехмеда II Фатиха) в османской армии имелись все основные виды оружия, требовавшие применения пороха: осадная и полевая артиллерия, мортиры, бомбы, мины, аркебузы[10].

Соответственно возросла роль артиллерии в сражениях. Чаще всего османы устанавливали пушки перед янычарами или в интервалах пехотных порядков[11]. Победитель турок при Сен-Готарде в 1664 г. Монтекукули (1609—1681) отмечал, что османская артиллерия способна нанести значительный урон, хотя и поглощает большое количество боеприпасов и является слишком громоздкой и тяжелой при транспортировке. Общеизвестно, что применение огнестрельного оружия, прежде всего артиллерии, сыграло решающую роль в победах турецких войск в сражениях с армиями Сефевидов и египетских мамлюков.

Большую роль в обучении турок-османов передовому военному искусству и технике первоначально сыграли сербы, боснийцы и венгры, которые поступали на службу к ним в качестве артиллеристов и аркебузиров; позднее, на протяжении всего XVI века и после специалисты европейского происхождения — сперва это были главным образом немцы и итальянцы, а затем французы, англичане и датчане — стали неотъемлемой частью различных подразделений, связанных с применением пороха и огнестрельного оружия[12].

Мушкет уже не являлся новинкой к середине XV в.[13]. Относительно быстрое внедрение стрелкового оружия в османской армии объясняется, в частности, и наличием у султанов янычарской пехоты, вооруженной первоначально луками. И хотя процесс замены лука аркебузой, а затем мушкетом по времени был довольно длителен, без наличия такого корпуса перевооружение было бы еще более длительным и сложным[14].

Что касается технических характеристик различных типов вооружения, то в XV—XVII вв. они в основном были такими же, как и в странах Европы. Вплоть до XVII в. применялись фитильные ружья, мушкеты, пистолеты. Затем, при Мураде IV (1623—1640) на вооружение были приняты кремневые ружья и карабины, применявшиеся вплоть до начала XIX в.

Работы некоторых авторов позволяют констатировать, что в отношении оружия Османская империя вписывалась в общую линию развития вооружения в Европе, сохраняя присущий ему восточный характер[15]. В частности, в османской армии делался большой упор на изготовление осадных пушек огромных калибров: да-

же пушки не самых больших калибров весили около 18 т [16]. Полевой артиллерии уделялось мало внимания. В Европе уже с конца XV в. основное внимание было перенесено на изготовление легких полевых пушек. Турки не придавали полевой артиллерии большого значения, «их неоспоримое превосходство в маневренных боях и феодальная структура их армии содействовали этому отставанию... Очевидно, что они продолжали направлять основные усилия на производство осадных пушек и отстали от Запада как в производстве, так и в использовании полевой артиллерии» [17].

Пока изготовление полевых пушек не получило полного развития в Западной Европе, отставание не было так заметно. Но очень скоро технический прогресс в этой области стал столь стремительным, что в XVII в., особенно с момента создания легких трехфунтовых шведских пушек, весивших 123 кг, разрыв стал настолько большим, что османам уже не удалось догнать в этой области европейцев (в этом, в частности, проявился наступательный характер вооружения в Западной Европе) [18].

Поэтому, когда Османская империя вступила в войну с Россией в 1768 г., то у нее было очень мало полевых пушек, но зато много огромных и громоздких орудий [19], для изготовления которых требовалось очень много металла (медь, железо, олово). Хотя на территории империи имелось множество рудных месторождений (особенно медных) [20], своего металла османам не хватало, и его приходилось ввозить из Европы (из Англии, Австрии, Голландии и Дании). Правительства этих стран неоднократно запрещали вывоз металлов в Османскую империю, но «эти запреты, часто возобновляемые, оказывали мало действия: поток военного снаряжения в Османскую империю непрерывно возрастал, несмотря на все усилия Австрии, Испании, папы и рыцарей ордена Св. Иоанна на Мальте захватить хорошо вооруженные корабли, которые везли контрабанду по Средиземному морю в порты Леванта» [21]. Англичане, а позже и датчане вели весьма выгодную для себя торговлю с османами военным сырьем. Нелегальная торговля не ограничивалась одним «стратегическим сырьем», она распространялась и на продажу новых видов оружия [22].

Обращение к огнестрельному оружию, или своеобразная «пороховая революция», по выражению американского историка Мак-Нейла, привела к падению роли феодального ополчения и усилению роли постоянного войска (капыкулу), состоявшего на жалованье у султана. В него входили янычарская пехота, гвардейская конница, корпуса пушкарей (топчу), оружейников (джебеджи), артиллерийской обозной службы (топ арабаджи) и водовозов (сака). Сюда же причислялся корпус аджем-и огланов, где осуществлялась подготовка христианских детей к службе в капыкулу. На протяжении XVI в. была произведена реорганизация янычарского корпуса, превратившая стрелков из лука в мушкетеров.

Поскольку тимариоты перестали выполнять свои функции по

поддержанию порядка в провинциях, Порта была вынуждена размещать гарнизоны янычар не только в пограничных крепостях, но и во всех крупных периферийных центрах. В результате рост войска, состоявшего на регулярном денежном содержании, продолжался и к началу XVIII в. (в 1703—1704 гг.) оно насчитывало 196,2 тыс. солдат, среди них 53,2 тыс. янычар[23]. В то же время официальная численность феодального ополчения, по данным Марсильи (конец XVII в.), понизилась до 125 тыс. человек[24].

Встав на путь увеличения постоянной армии, османское правительство неизбежно должно было столкнуться с рядом серьезных трудностей. Так, прежний способ набора и пополнения янычар за счет девширме («кровного налога», взимавшегося с христианского населения) оказался явно недостаточным, и уже с начала XVII в. постоянные войска стали комплектоваться в основном из мусульман. Многие янычары были одновременно ремесленниками или занимались торговлей. Янычарские офицеры обзавелись лавками, стали обращаться к ростовщичеству. Боевую подготовку проходили только дети янычар, сами же янычары, как правило, занимались обычными делами и жили вне казарм. Все вместе они собирались лишь в дни выдачи жалованья. Ясно, что уровень боеспособности и дисциплинированности таких солдат был весьма невысок.

Еще сложнее была проблема изыскания средств для содержания столь многочисленной постоянной армии. С конца XVI в. Османское государство находилось в состоянии постоянного финансового кризиса, вызванного все увеличивавшимся разрывом между уровнем расходов и поступлений в центральную казну. При каждой задержке выплаты жалованья янычары, а также солдаты постоянной армии грозили мятежом. Подобный мятеж янычар, вспыхнувший в 1703 г., привел к низложению султана Мустафы II.

Существование многочисленного постоянного войска, вооруженного огнестрельным оружием, открывало перспективы перехода к регулярной армии абсолютистского образца. Однако осуществление такой реорганизации армии требовало не только людских ресурсов и финансовых средств, но и создания обученного офицерского корпуса, способного не только осознать необходимость перехода к новой военной организации и новой тактике ведения боя, но и реализовать эти идеи на практике. Формированию подобного корпуса препятствовала существовавшая система Османского государства. Характеризуя особенности Османской империи и других восточных деспотий, советский исследователь В. И. Павлов пишет: «Сословная незрелость восточнодеспотического общества сказалась также в попытках образовать регулярную армию абсолютистского образца. Если рядовые пехотинцы и даже артилерийская прислуга усваивала европейские приемы боевой подготовки, то командный состав оставался и в профессиональном и, тем более, в мировоззренческом и политическом отношениях на уровне

вождей феодально-племенных ополчений. На Востоке не оказалось социальной среды (типа европейского дворянства) для формирования офицерского корпуса, сплоченного духом сословного и национального единства»[25].

Таким образом, на протяжении XV—XVII вв. османы смогли заимствовать некоторые военно-технические достижения европейцев, хотя пойти дальше стадии заимствования им не удалось. Совсем по-другому стало обстоять дело тогда, когда достигнутый в Европе прогресс привел к выработке принципиально новой тактики, требовавшей применения огнестрельного оружия в тесном взаимодействии пехоты и кавалерии. Заимствовать новый комплекс идей, заложенных в тактическом построении, османы уже не смогли, так как для этого им бы пришлось коренным образом изменить структуру своих армий и даже весь механизм своей правительственной машины[26].

К началу XVIII в. отставание Османской империи от европейских стран стало очевидным; расстройство армии, упадок ее боеспособности уже не были секретом ни для султанов, ни для государственных деятелей. Необходимость реформ стала общепризнанной. Правительство пыталось поднять боеспособность армии с помощью европейских инструкторов, но их деятельность затрагивала главным образом артиллерию и саперные войска. Так, в 1734 г. граф Бонневаль (1675—1747), принявший ислам и известный как Хумбараджи Ахмед-паша[27], произвел реорганизацию бомбардирного корпуса по европейскому образцу, но после его смерти все вернулось к прежнему состоянию.

Военные поражения конца XVII — начала XVIII в. способствовали появлению идеи необходимости реформ во всей существующей организации государства, и прежде всего в военной. Видное место в процессе приобщения османов к западной культуре принадлежало венграм, участникам антигабсбургских выступлений XVIII в., нашедших убежище в Османской империи и надеявшихся с помощью ее армии вернуться на родину. Среди них был венгр, известный после принятия ислама под именем Ибрахима Мутеферрики (1674—1745)[28], который сыграл важную роль в истории турецкого просвещения, став, в частности, первым турецким книгопечатником.

Мутеферрика был одним из наиболее известных реформаторов своего времени. В 1732 г. он написал трактат «Усул ал-хикам фи низам ал-умам» («Основы мудрости в устройстве народов»), в котором логически развивалась необходимость для Турции учиться и заимствовать все новое и передовое из Европы. Он показал причины упадка Османской империи, описал современные формы правления, методы ведения войны и военную организацию европейских армий, указал средства устранения недостатков, существовавших в системе организации Османского государства. Этот трактат явился большим событием в общественной и культурной

жизни Турции того времени[29]. Нас же, в частности, интересует тот раздел его, который посвящен методам ведения войны в странах Западной Европы.

Ибрахим Мутеферрика подробно описал и впервые познакомил турок с применявшейся в то время в сражениях европейских армий линейной тактикой. Эта новая тактика давала возможность наносить мощные по тому времени фронтальные огневые удары как при атаке, так и при ее отражении в обороне. В линейном построении взаимодействовали пехота, конница и артиллерия, что выдвигало повышенные требования к командованию всех ступеней армии. В то же время силы и средства равномерно распределялись по фронту, резерв, как правило, не выделялся, боевой порядок не имел тактической глубины и поэтому сокращались возможности маневра на поле боя.

В целом же возникновение в XVII в. линейного построения армий было прогрессивным явлением в военном искусстве, новым этапом в развитии тактики[30]. Боевой порядок пехоты все более приближался к линейному строю, при котором исход битвы решался ружейным огнем. При большой неточности каждого отдельного выстрела с самого начала отказались от прицеливания и даже от обучения ему и искали достижения эффекта в возможно скорее производимом залпе за залпом, массовом огне по команде. Особенное значение придавали тому, чтобы залп был дружным, звучал как один выстрел. Предполагалось, что одновременное попадание в противника такого большого количества пуль усилит деморализующее действие огня.

Боевой строй состоял из двух эшелонов боевого порядка, каждый эшелон выстраивался в виде линии, состоявшей в большинстве случаев из шести шеренг. С появлением в конце XVII в. кремневого ружья со штыком, заряжающегося готовыми патронами, линия все больше удлинялась и все большее количество ружей вступало в действие одновременно. Эти длинные и тонкие боевые линии могли двигаться в боевом порядке только на ровной местности, где не встречалось препятствий, да и то лишь медленно, делая 70—75 шагов в минуту. Во время атаки пехота должна была, поддерживая непрерывный огонь и сохраняя первоначальное построение, продвигаться вперед и под конец броситься вперед в штыки на неприятеля, решив исход битвы одним сокрушительным ударом.

Этот способ ведения боя представлял собой неизбежное следствие двух материальных факторов. Одним из них был людской состав навербованного султаном войска, которое отчасти составлялось даже из насильно зачисленных в армию военнопленных,— оно было хорошо вымуштровано, но ненадежно, только палка держала его в повиновении. Вторым фактором являлось вооружение — неуклюжие тяжелые пушки и гладкоствольные, быстро, но плохо стрелявшие кремневые ружья со штыком[31]. Мы видим, что

рассмотренная выше тактика вполне соответствует такому контингенту армии: рядовому ничего не остается делать самому, ему надо только слушаться; он идет, маршируя в ногу, имея справа и слева по офицеру, сзади — замыкающего, которые могли заколоть или застрелить каждого заколебавшегося. При такой тактике личная воля солдата, если он только остается под контролем офицера, не играет особенной роли и можно было рисковать «подмешивать» в строй чрезвычайно разношерстные элементы [32].

Ибрахим Мутефферика называет эту новую тактику «новым устройством» («низам-и джедид»), ее сущность, по мнению автора, заключается «в удивительной организации рядов во время сражения и мгновенном повиновении (солдат офицерам)» [33].

Он правильно рисует картину сражения двух армий по принципам линейной тактики. Для примера он берет две двенадцатитысячных армии, показывает, как они строятся в две линии глубиной в шесть шеренг, каждая по тысяче человек, соблюдая при этом полное равнение. Затем по команде открывался огонь поочередно каждой из шести шеренг. «Когда первый полк приблизится к неприятелю, то тысяча рядовых... в первой шеренге одновременно стреляет... и сразу же встает на колено или отходит назад. Второй ряд переходит на его место и также одновременно стреляет», это же проделывают и остальные шеренги. «Они совершенно не делают передышки (в стрельбе)... Ряды соблюдают равнение... Ни один человек в этот момент не осмелится броситься к своему отцу или брату или под каким-либо предлогом отступить назад. Офицер беспощадно убивает того, кто попытается совершить поступок такого рода; по уставу кровь таких проливается безнаказанно» [34].

Довольно подробно описывает Мутеферрика пути победы османов над вражеской армией, которую он рекомендует «отрезать от больших рек, являющихся легким средством для подвоза провианта и снаряжения врагу... Держать вдали от лесов и заставлять передвигаться взад и вперед по открытым местам и не давать возможности (вступать) в сражение» [35]. Это описание типичной для того времени стратегии истощения, которая «предпочитает изнурить врага, отрезав его от базы, заставить его разбить себе голову об укрепленные позиции... или обходить его при помощи стратегических маневров и т. п.» [36].

К концу XVII в. в Европе выработались определенные и устойчивые формы организации пехоты. Тактической единицей был батальон, который имел от 500 до 700 человек. В трактате Мутеферрики такая единица называется «бёлюк» или «орта». В отношении количественного состава рекомендуется, что «хотя большинство (бёлюков) насчитывает 1000 или 2000 рядовых, весьма желательно, чтобы (бёлюк) состоял из 500 рядовых» [37].

В европейских армиях в то время появились поздразделения (роты) отборной пехоты (гренадеры), вооруженные вначале гра-

натами для метания перед рукопашным боем. Но вскоре на вооружении гренадер остался лишь мушкет. В армиях некоторых германских княжеств были сформированы части карабинеров [38].

В трактате это также нашло свое отражение: «...если полк состоит из 2000 рядовых, то среди них выбирают крепких и сильных солдат. 200 рядовым из каждого полка дают по три ручные гранаты. Они называются гренадерами. Их назначают и расставляют на двух флангах подразделения, используют при нападении на траншеи и при столкновении с рядами вражеских солдат» [39]. Далее описываются подразделения драгун, рейтар и кирасир, причем последние вооружены карабинами (отчего некоторые называют их карабинерами).

Важным для Ибрахима Мутеферрики был вопрос единообразия форм одежды. Во Франции в 1670 г. единообразную форму надела вся пехота, а в 1690 г. вся конница, в Австрии эта форма окончательно утвердилась в 1720 г. Ибрахим Мутеферрика указывал на преимущества единообразной формы, требовал ее введения, ссылаясь на европейский опыт [40].

Не забыт им и штык, который вытеснил пику с вооружения в австрийской армии в 1689 г., а во Франции — в 1703 г. Пехота стала состоять из одних мушкетеров, получивших на вооружение мушкет с кремневым замком и со штыком. В трактате читаем: «Только рядового пехоты называют солдатом. Его боевое оружие ограничивается лишь длинным ружьем со штыком. Солдат носит его у пояса. Когда требуется, то его примыкают к концу ружья и применяют вместо копья, когда колют. Сила и умение этого войска заключается в том, что при помощи многочисленных упражнений и долгих занятий (оно) в совершенстве выучивается организованно строиться рядами, быстро заряжать ружья и в зависимости от позиции в бою делать повороты направо и налево» [41].

Не забыт им и вопрос об офицерских кадрах. Он указывает на то, что должно быть достаточное количество офицеров: так, в батальоне из 500 человек одна четвертая часть должна приходиться на офицеров. «Солдаты,— пишет он,— находятся под командой младших офицеров, а они повинуются непосредственному старшему командиру» [42].

Вопросы денежного довольствия также не ускользнули от его внимания. Офицерам «следует выдавать (жалованье) в достаточном количестве... для того чтобы они в случае нужды не зарились на жалованье рядовых и ни один рядовой орта из-за их жадности не терпел бы (в чем-либо) убытка» [43].

Подробно рассматриваются в трактате караульный и полевой уставы и такое новшество, как пароль [44].

Таким образом, даже краткое перечисление вопросов, затронутых Ибрахимом Мутеферрикой, показывает, что он прекрасно разбирался в военных вопросах и, в частности, отлично представлял себе линейную тактику европейских армий.

Однако в силу исторических условий мысли, высказанные в его трактате, получили практическое применение лишь почти через сто лет — в 1826 г., после уничтожения янычарского корпуса, когда появились предпосылки для создания армии по европейскому образцу. Эта новая армия стала обозначаться термином, введенным Ибрахимом Мутеферрикой,— «низам-и джедид».

Тем не менее эта работа впервые познакомила турок и всех мусульман с новой тактической системой западноевропейских армий, в ней был представлен полный проект реформ, необходимых для реорганизации османской армии по новому, прогрессивному образцу.

[1] Цит. по: А. Ф. Миллер. Мустафа-паша Байрактар. М.— Л., 1947, с. 36.

[2] О политической и экономической ситуации в Османской империи конца XVII— начала XVIII в. см.: А. Д. Новичев. История Турции. Т. I. Эпоха феодализма (XI—XVIII вв.). Л., 1963; С. Ф. Орешкова. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971; Б. Цветкова. К исследованию аграрных отношений в Османской империи с конца XVI до середине XVIII в.— Труды XXV международного конгресса востоковедов. Т. II. М., 1963, с. 421—429. V. Mutafčieva, S. A. Dimitrov. Sur l'état du systéme des timars des XVII-e—XVIII-e ss. Sofia, 1968; B. Lewis. The Emergence of Modern Turkey. L., 1961; H. A. R. Gibb and H. Bowen. Islamic Society and the West. T. I—II. L., 1950—1957; I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi. T. 4. R. I. Ankara, 1959.

[3] К. Маркс. Осадное положение повсюду.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 6. Ч. 1, с. 46.

[4] По мнению Кочибея (30-е годы XVII в.), в конце XVI в. численность сипахийского ополчения была не менее 187 тыс. (см.: В. Д. Смирнов. Кочибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1913, с. 91—92). По данным Али Чауша (1653 г.), феодальное ополчение составляло 148 621 человек (см.: Трактат Али Чауша из Софии о тимариотской организации в Османской империи XV—XVIII вв.— Аграрный строй Османской империи XV—XVIII вв. М., 1963, с. 93—98.

[5] I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti teşkilâtından kapıkulu ocakları. T. I. Ankara, 1943, c. 429, 611—618.

[6] L. Warnery. Remarques sur le militaire des Turcs et des Russes. Breslau, 1771, c. 246; V. J. Parry. Harb.— The Encyclopaedia of Islam. New Edition. T. 3. Leyden—London, 1971, c. 193.

[7] Зайончковский. О стратагемах и военных уловках по турецким источникам (трактат о военном искусстве Adab-i harb).— Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. III. М., 1974, с. 9—25.

[8] L. Warnery. Remarques sur le militaire..., c. 79.

[9] I. H. Danişmend. Izahlı osmanlı tarihi kronolojisi. T. I. Istanbul, c. 73.

[10] V. J. Parry. Barud.— The Encyclopedia of Islam. T. I. 1965, c. 1062.

[11] M. Bron. Taktyka walki w polu Turkow osmanskich w XVI wieku.— «Przegląd orientalistyczny», № I(93). Warszawa, 1975, c. 68.

[12] A. Z. Hertz. Armament and Supply Inventory of Ottoman Ada Kale, 1753.— Archivum Ottomanicum. T. II. Hague, 1970. c. 98—99; C. M. Cipolla. Guns and Sails in the Early Phase of European Expansion, 1400—1700. L., 1965, c. 94.

[13] P. Wittek. Appendix to: D. Ayalon. Gunpowder and Firearms in the Mamluk Kingdom. L., 1955, c. 143.

[14] D. Ayalon. Gunpowder..., c. 102.

[15] A. Z. Hertz. Armament and Supply Inventory..., c. 97—102; H. Dj. Siruni, C. Konig. Armes turques du XVI-e au XIX-e siècles au Musée Militaire Central du Bucarest.— «Studia et Acta Orientalia». Bucarest, 1968, № 7, c. 278—

281.

[16] C. M. Cipolla. Guns and Sails..., c. 95.

[17] Там же, с. 98.

[18] Там же, с. 74; A. Z. Hertz. Arnament and Supply Inventory..., с. 102.

[19] Mémoires de baron de Tott. T. II. R. 3. Amsterdam, 1784, с. 114.

[20] H. A. R. Gibb and H. Bowen. Islamic Society and the West. T. I. Ч. I, с. 68; R. Anhegger. Beiträge zur Geschichte des Bergbaus im Osmanischen Reich. Istanbul, 1943—1945, с. 133—147, 168, 173—174, 204—220, 210—212.

[21] V. J. Parry. Materials of War in the Ottoman Empire.— Studies in the Economic History of the Middle East. N. Y.— L., 1970, с. 226.

[22] Там же, с. 226—227.

[23] W. L. Wright. Ottoman Statecraft. The Book of Counsel for Vesirs and Governors of Sari Mehmed Pasha the Defterdar. Princeton, 1935, с. 104—105.

[24] А. Ф. Марсильи. Военное состояние Оттоманской империи с ея приращением и упадком. СПб., 1737, с. 97.

[25] Е. М. Жуков, М. А. Барг, В. И. Павлов, Е. Б. Черняк. Основные закономерности всемирно-исторического процесса. М., 1979, с. 248.

[26] V. J. Parry. Warfare.— The Cambridge History of Islam. T. II. Cambridge, 1970, с. 849—850.

[27] H. Bowen. Ahmad Pasha Bonneval.— The Encyclopedia of Islam. T. I, с. 291—292.

[28] N. Berkes. Ibrahim Muteferrika.— The Encyclopedia of Islam. T. III, с. 1021—1023.

[29] Ibrahim Muteferrika. Usul al-hikam fi nizam al-umam. Istanbul, 1144/1732 (далее — Усул). Об этом трактате см.: G. Toderini. Letteratura Turchesca. T. III. Venezia, 1787, с. 97—108; F. Babinger. Stambuler Buchwesen im XVIII Jahrhundert. Lpz., 1919, с. 15; N. Berkes. The Development of Secularism in Turkey. Montreal, 1964, с. 42—45.

[30] Е. А. Разин. История военного искусства с древнейших времен до первой мировой войны 1914—1918 гг. Ч. 2. М., 1940, с. 438—439.

[31] Ф. Энгельс. Тактика пехоты и ее материальные основы 1700—1870 гг.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20, с. 656—657.

[32] Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. Новое время. М., 1938, с. 233.

[33] Усул. Лл. 33а, 21а, 17б.

[34] Там же, лл. 43а—б, 44а.

[35] Там же, л. 31а.

[36] Ф. Меринг. Очерки по истории войн и военного искусства. М., 1956, с. 150.

[37] Усул. Л. 35а.

[38] Е. А. Разин. История военного искусства с древнейших времен..., с. 491.

[39] Усул. Л. 40а.

[40] Там же, лл. 35а—б.

[41] Там же, л. 39б.

[42] Там же, лл. 36а—б.

[43] Там же, л. 37а.

[44] Там же, лл. 41а—42б.

Г. А. Клейнман

РУССКИЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX вв.

Существует обширная мировая литература, посвященная международным проблемам такой яркой исторической эпохи, как рубеж XVIII—XIX вв.— времени бурных политических потрясений, связанных с Великой французской революцией и наполеоновскими войнами. Очень широк круг произведений печати, относящихся к этой литературе: это публикации важнейших документов эпохи (многотомные собрания договоров и других документов Ф. Мартенса, Г. Норадунгяна и др.), коллекции писем, входящих в личные архивы государственных деятелей и дипломатов (сорокатомный Архив князя Воронцова, изданный в Москве в 1870—1895 гг.), воспоминания государственных и военных деятелей — участников описываемых событий, разнообразные тематические сборники документов (например, М. И. Кутузов. Т. I—V. М., 1950—1956), биографии, описания войн и, наконец, научные исследования.

Многие советские историки, в том числе специалисты по русской и всеобщей истории, балканисты, а также востоковеды-тюркологи обращались в своих исследованиях к различным аспектам истории русско-турецких отношений конца XVIII — начала XIX в. Хотя эта тема и не являлась главной для многих из этих авторов, тем не менее она получила в их работах определенное раскрытие. Вместе с тем был опубликован ряд исследований, непосредственно посвященных разработке конкретных, узловых вопросов русско-турецких отношений этого времени, в частности непродолжительному, но важному периоду в истории двух стран, когда их отношения определялись союзным договором 1799—1805 гг. Некоторые из таких работ появились в 40-х годах, другие вышли значительно позже — в 50—60-х годах. Интерес к данной проблематике не утрачен, и до сих пор еще продолжается выявление источников и материалов, которые позволяют по-новому, более глубоко изучить особенности этой эпохи.

Не ставя перед собой задачу полного охвата всей научной ли-

тературы, посвященной этой теме, назову лишь некоторые, наиболее важные, на наш взгляд, монографии и статьи: А. Ф. Миллер. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. М.—Л., 1947; Б. А. Дранов. Черноморские проливы. Международно-правовой режим. М., 1948; Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. Его подготовка и заключение. М., 1955; она же. Северное Причерноморье в 1775—1800 г. М., 1959; А. М. Станиславская. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., 1962; она же. Россия и Англия в годы второй турецкой войны 1787—1791 г.— «Вопросы истории», 1948, № 11, с. 26—49; Г. А. Клейнман. Русско-турецкий союз 1799 г.— «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ». Вып. 3. 1945, с. 9—23; А. Д. Новичев. Вторжение французов в Египет и франко-турецкая война 1798—1802 г.— Вопросы истории стран Азии. Л., 1965, с. 95—122; Э. Д. Вербицкий. К вопросу о ближневосточной политике России на рубеже XVIII и XIX веков.— Колониальная политика и национально-освободительное движение. Кишинев, 1965, с. 159—184. Из более поздних работ следует привести: А. З. Манфред. Наполеон Бонапарт. М., 1972; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX вв. М., 1978.

Документальные материалы, хранящиеся в русских архивах, несмотря на все сказанное выше, остаются неоценимо важным источником для исследователя русско-турецких отношений рассматриваемого периода. Эти коллекции сохранили и донесли до нас многие исторические сведения и свидетельства современников, их оценки событий, еще не включенные в научный оборот. Случается, что обнаруженный архивный документ позволяет по-новому увидеть, казалось бы, давно известное событие, раскрывает какие-то новые черты, характерные для того или иного исторического персонажа, даже новую интерпретацию событий вопреки мнению, распространенному в историографии.

Многие архивные документы этой эпохи стали недавно широко доступны читателям благодаря изданной в 1960—1970 гг. многотомной публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия первая, 1801—1815 гг.». В печати отмечалось, что эта публикация «является первым систематическим изданием важнейших дипломатических документов, характеризующих важнейшие внешнеполитические акции России в XIX в.» [1]. Наличие в нем множества документов, касающихся русско-турецких отношений, представляет для туркологов особый интерес. Значительную ценность данной публикации придает то обстоятельство, что она включает не только донесения русских дипломатов из стран пребывания, но и такие документы, как инструкции русским дипломатическим представителям, записки по внешнеполитическим вопросам, доклады царю, представленные ведущими чиновниками МИД'а, в том числе

и министром иностранных дел. Документы АВПР, относящиеся к 1801—1804 гг. охватывают широкий круг вопросов, возникавших между странами-союзниками — Россией и Турцией. В частности, они содержат сведения о практическом осуществлении союзных отношений, затрагивают вопрос о развитии русско-турецких торговых связей и т. п.

Исходной датой в коллекции документов АВПР, опубликованных в первой серии, является весна 1801 г. Выбор этой даты был не случайным, он связан с прошедшим в это время серьезным изменением внешнеполитического курса царского правительства (восстановление дипломатических отношений с Англией и Австрией и заключение мира с Францией). Другая причина, определившая такое хронологическое начало, связана с тем, что в 1802 г. в России было учреждено министерство иностранных дел и с этого времени начинается более полный и систематический подбор документов, хранящихся в Архиве внешней политики России.

Таким образом, в данную публикацию не вошли архивные материалы, относящиеся к интересующему нас более раннему периоду, т. е. к 90-м годам XVIII в., когда в отношениях между двумя империями произошли существенные перемены, приведшие к заключению русско-турецкого союза 1799 г.[2]. Ценные архивные документы этого времени, длительное время находившиеся в фондах Центрального Государственного Архива Древних Актов (ЦГАДА), сравнительно недавно были включены в состав Архива внешней политики России МИД СССР (АВПР)[3].

Архивные документы 90-х годов XVIII в., остающиеся пока не опубликованными, заслуживают пристального внимания исследователя, поскольку являются богатым источником для изучения внешней политики Османской империи и особенно русско-турецких отношений данного периода. Здесь находятся реляции чрезвычайного посланника России в Стамбуле В. П. Кочубея Павлу I. Приложения к ним содержат иногда очень важные, мало известные документы, например «Записка, касательно тарифа» от 17/28 февраля 1798 г. (см. ниже). Коллекция включает полный текст русско-турецкого союзного договора от 3 января 1799 г., а также документы, относящиеся к подписанию Англо-турецкого союзного договора от 5 января 1799 г. Значительный интерес представляет письмо В. П. Кочубея от 3 апреля 1798 г., содержащее инструкции его преемнику на посту посланника В. С. Томаре, приехавшему ему на смену в марте 1798 г. Можно назвать и такой документ, как текст полномочий, данных В. С. Томаре на установление нового тарифа с Турцией от 2 июня 1799 г.

Документы содержат некоторые сведения о борьбе Порты против мятежного турецкого паши Пазванд-оглу. Так, в реляциях В. П. Кочубея приводилась схема движения военных отрядов Пазванд-оглу в направлении Рущука, Белграда и Софии. Освещались и военные контрмеры Порты, например, перечислялись зада-

чи, поставленные перед боснийским пашой, бейлербеем румелийским и пашой Хотина. Говорилось и о задачах, стоящих перед капудан-пашой Кючюк Хюсейном, который был отправлен в район Варны. В. П. Кочубей сообщал и о некоторых успехах Порты, изгнавшей войска Пазванд-оглу из Ниссы и Систова (как известно, эти успехи носили временный характер и вскоре события, связанные с высадкой французов в Египте, вынудили Порту отозвать капудан-пашу с его войсками из-под Видина и направить в Сирию против французов).

Архивные материалы позволяют также судить о позиции, занятой Россией в отношении конфликта Порты с Пазванд-оглу. В рассматриваемый период, учитывая свои союзнические отношения с Турцией, Россия не оказывала поддержки пашам-сепаратистам в противовес Франции, которая вела тайные переговоры с Али-пашой Янинским и Пазванд-оглу. Считая опасным положение, сложившееся в Румелии в связи с борьбой Пазванд-оглу против Порты, Россия через своих послов в Стамбуле даже предлагала Турции свою помощь в целях подавления мятежа (в частности, речь шла о поставках провианта и военного снаряжения).

Этот выборочный перечень архивных материалов дает лишь самое общее представление об их содержании и характере. В рамках настоящей статьи не представляется возможным с достаточной полнотой рассмотреть архивные материалы этого времени, относящиеся к рассматриваемой теме, в целом. Остановимся подробнее на донесениях В. П. Кочубея, относящихся к периоду подготовки заключения русско-турецкого союзного договора, выделив ряд наиболее важных и интересных вопросов, получивших освещение в соответствующих документах.

В. П. Кочубей находился в Турции в качестве посланника пять лет — с 1793 по 1798 г.[4]. Соприкасаясь с турецкими государственными деятелями, а также с дипломатическими представителями западноевропейских держав, он вникал в широкий круг разнообразных вопросов, связанных в первую очередь с внешней политикой Турции, но в какой-то мере касавшихся и ее внутренней жизни. Большое место в его реляциях занимает оценка международного положения Османской империи, особенно в связи с завоевательной политикой Франции, с ее стремлением добиться своего господства в районе Средиземного моря[5]. Внимание В. П. Кочубея было сосредоточено на состоянии русско-турецких отношений. Он пытался дать прогноз будущего развития этих отношений, причем еще в 1797 г. предсказывал возможность заключения русско-турецкого союза, хотя и считал, что это было бы событием, «достаточно необычным в политике»[6].

В то время когда велись переговоры о заключении упомянутого союза, а также и в период осуществления союзных отношений, создались условия, благодаря которым две страны смогли мирным

путем и без постороннего вмешательства решать многие вопросы, имевшие для них первостепенное значение.

К весне 1798 г. между Россией и Турцией нерешенными оставались два основных спорных вопроса, мешавшие заключению союзного договора,— о возмещении убытков, причиненных черноморским казакам турецкими (закубанскими) черкесами, и об установлении нового русско-турецкого торгового тарифа. Первый был мирно урегулирован в апреле 1798 г., т. е. еще до отъезда В. П. Кочубея из Турции; второй также к этому времени был в принципе разрешен, но окончательное его завершение относится к 1799 г., когда послом России в Стамбуле был уже В. С. Томара.

Вопрос о русских претензиях в связи с набегами черкесов состоял в следующем. Незадолго до начала русско-турецкой войны 1787—1791 гг. в южной России было создано новое казачье войско по типу Донского. Это иррегулярное войско, получившее название «черноморские казаки», размещалось сначала на Керченском полуострове, а затем в районе между Бугом и Днестром, т. е. в стратегически важной тогда области. Черноморские казаки, живущие вместе с семьями, сочетали военную службу с хозяйственной деятельностью. Таким образом, кроме военных функций они выполняли важную задачу освоения земель южной окраины России. Во время войны 1787—1791 гг. черноморские казаки участвовали в военных действиях. По данным 1793 г., численность этого войска достигала 42 тыс. человек[7].

В 1791 г., после окончания войны, оно было переведено на территорию, простиравшуюся между реками Ей и Кубанью. Там в 1794 г. был основан город Екатеринодар (ныне Краснодар), который являлся укрепленным пунктом и административным центром Черноморского казачьего войска. Поскольку казаки бо́льшую часть времени тратили на военную службу, они не могли полностью удовлетворять свои потребности в хлебе и промышленных товарах. В связи с этим здесь получила значительное развитие внутренняя и внешняя торговля. На ярмарки, которые устраивались четыре раза в год, кроме местного населения и торговцев из внутренних губерний России приезжали также закубанские, т. е. турецкие, черкесы. Они привозили хлеб, шерсть, шкуры, войлоки и закупали у казаков соль, рогатый скот, лошадей, парусину, холсты, сахар. Раньше эти товары из России поступали сюда при посредничестве турецких купцов, теперь же установились прямые контакты, поскольку произошло территориальное сближение: за Кубанью жили городские народы, а далее шли уже турецкие владения.

Однако отношения черноморских казаков с закубанскими черкесами не всегда носили мирный характер. Архивные материалы содержат данные о том, что на протяжении ряда лет после окончания войны, особенно с 1792 по 1796 г., черкесы неоднократно нападали на казаков и наносили им большой ущерб, угоняя скот и похищая имущество.

Длительное время протесты русского посла перед Портой по поводу этих фактов оставались безрезультатными. И только в марте — апреле 1798 г., т. е. незадолго до отъезда В. П. Кочубея в Россию, ему удалось добиться положительного решения и договориться о выплате Турцией возмещения за ущерб, нанесенный набегами (оно выразилось в сумме 20312 пиастров). Желая обеспечить безопасность пограничных районов в будущем, В. П. Кочубей договорился с Портой о том, что в дальнейшем подобные конфликты будут обсуждаться в дружественном духе на местах соответствующими русскими и турецкими должностными лицами. Екатеринославский наместник В. В. Каховский должен был сноситься в подобных случаях с анапским пашой, который получал от Порты соответствующий фирман. Такое решение спорного вопроса, хотя и было достигнуто не без труда, отвечало дружественным отношениям, установившимся тогда между двумя странами.

Архивные документы позволяют восстановить ход русско-турецких переговоров и по другому важному вопросу: об установлении нового торгового тарифа. Этой теме посвящен ряд архивных документов, в том числе «Записка касательно тарифа», составленная В. П. Кочубеем в феврале 1798 г., некоторые его донесения, относящиеся к апрелю 1798 г., а также официальный документ «Проект полной мочи г. министру Томаре о постановлении с Портою нового тарифа», датированный 2 июня 1799 г.

Следует сказать несколько слов об истории этого вопроса. Торговый тариф был установлен русско-турецким торговым договором от 10 июня 1783 г. (ст. 24) [8]. В договоре были учтены постановления Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., по которому на Россию распространялись все те льготы, которыми пользовались в Турции согласно капитуляциям французские и английские купцы. Торговый договор детально определял права и привилегии обеих сторон, участвующих в черноморской торговле. Установленный в соответствии с ним тариф предусматривал уплату пошлины в 3% со стоимости товаров. Тариф был подтвержден Ясским мирным договором 1792 г.

Однако уже с 1793 г. Порта начала добиваться пересмотра русско-турецкого торгового тарифа, мотивируя это возросшими ценами на товары. Турки придавали этому вопросу очень серьезное значение, так как считали, что действующий тариф наносит им большой ущерб.

Особенно остро встал этот вопрос в 1794 г., когда Порта в резкой форме потребовала от России установления нового тарифа. В Петербурге отвергли это требование на том основании, что оно не соответствует русско-турецким договорам. Конфликт грозил перерасти в вооруженное столкновение. В связи с этим нелишне напомнить строки из одного письма В. П. Кочубея 1794 г., в котором он писал, что вопрос о тарифе может быть легко разрешен, причем главным аргументом является «шестьсот тысяч человек и

граф Суворов у границ Турции»[9]. Вопрос о тарифе возникал неоднократно и в последующие годы.

Весной 1798 г. переговоры по этому вопросу возобновились, однако в новой ситуации поведение обеих сторон значительно изменилось: переговоры на этот раз проходили в дружественном духе. Положительное разрешение вопроса о тарифе приобрело тогда особое значение, поскольку этот спор тормозил переговоры о заключении русско-турецкого союза. Учитывая это обстоятельство, русская сторона сочла возможным пойти навстречу пожеланиям Турции[10]. В донесениях В. П. Кочубея излагался ход переговоров по этому вопросу, а в упомянутой выше «Записке касательно тарифа» было указано, что можно согласиться на просьбу турок, ввиду того что изменения в тарифе не причинят убытков русским купцам, а Порте это будет и приятно и выгодно. «Записка» содержала ряд рекомендаций насчет того, как должен осуществляться переход к новому тарифу. К ней был приложен проект примерного нового тарифа, приведены сравнительные цены на товары 1782 и 1798 гг. (оптовые или средние), была также сделана соответствующая этим данным раскладка пошлин с основанием 3%.

Действуя в вопросе о тарифе таким образом, В. П. Кочубей стремился осуществить свою главную цель, которую он следующим образом определил в письме к новому русскому посланнику В. С. Томаре — крепить миролюбивое отношение Порты к России, устранять ее подозрения против России и укреплять ее веру в расположение к ней России.

В заключение следует сказать: представляется бесспорным тот факт, что широкое привлечение архивных материалов при условии их тщательной проверки, сопоставления с другими отечественными и иностранными источниками поможет исследователю выполнить его задачу — воссоздать живую, исторически правдивую картину изучаемой эпохи.

Применительно к рассматриваемой теме можно отметить, что документы из русских архивов являются убедительным свидетельством того, что союзные отношения были желательны и полезны для обеих сторон. В годы наполеоновских войн для Турции этот союз был важен, поскольку он обеспечивал безопасность ее границ, что являлось неотъемлемым условием, сделавшим возможным проведение внутренних реформ в Османской империи.

Значение союза для России заключалось в том, что она мирным путем впервые добилась прохода своего военного флота через Проливы в Средиземное море. Выход России в Средиземное море открывал новые перспективы для развития русской торговли.

[1] И. С. Достян. Документы о русской политике в отношении Турции и балканских народов периода наполеоновских войн и Венского конгресса в издании «Внешняя политика России XIX и начала XX в.».— «Études balkanique». Sofia, 1973, № 4, с. 99.

[2] В данной статье не рассматриваются причины внутреннего и внешнего порядка, приведшие в середине 90-х годов к установлению мирных, а затем и союзнических отношений между Россией и Турцией. Здесь равным образом не затрагиваются и конкретные вопросы, связанные с содержанием текста договора и осуществлением союза на практике. Эти проблемы в той или иной степени освещены в приведенной выше научной литературе. Точка зрения автора по этим вопросам изложена в статье «Русско-турецкий союз 1799 г.» и в тезисах доклада «Русские архивные материалы как источник для изучения русско-турецких отношений на рубеже XVIII—XIX вв.», опубликованных в кн.: История и филология Турции. М., 1976, с. 18—20.

[3] См.: Путеводитель ЦГАДА. Ч. 1—2. М., 1946—1947, с. 76;— Сношения России с Турцией, ф. 86 (1496—1800 гг.).

[4] Н. Д. Чечулин. Князь Виктор Павлович Кочубей. 1768—1834. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1900.

[5] В книге А. З. Манфреда «Наполеон Бонапарт» (М.. 1972, с. 173) приведены слова Бонапарта о том, что Франция «рассматривает Средиземное море как свое море и намерена на нем господствовать».

[6] Архив кн. Воронцова, кн. XIV, с. 90.

[7] Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959. с. 191.

[8] Полный Свод Законов Российской Империи. Т. XXI, № 15757.

[9] Архив кн. Воронцова, кн. XIV, с. 35.

[10] А. М. Станиславская. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., с. 99.

Е. И. Маштакова

«ТУРЕЦКИЕ ПИСЬМА» И ПЬЕСА «ВДОВЫ»

«Турецкие письма» были впервые опубликованы на французском языке в Амстердаме в 1730 г. и затем выдержали ряд изданий. Книга возникла как своего рода ответ, или, выражаясь «по-восточному», назире, на «Персидские письма» Шарля-Луи Монтескье, появившиеся в Париже в 1721 г. Подобно знаменитому французскому писателю, автор «турецкого подражания» вначале пожелал остаться неизвестным и укрылся за именами своих героев. Главный из них — Недим-ходжа (или Недим-эфенди); ему принадлежат почти все корреспонденции второго тома (18 из 21). В издании 1732 г. книга озаглавлена «Письма Недима Ходжи, секретаря посольства Мехмеда эфенди ко французскому двору, и другие письма» [1]. Первый том составляют 15 посланий из Парижа некоей Розалиды [2] к ее сестре Фатиме в Стамбул и два ответных письма последней. В переиздании, появившемся четверть века спустя, первый том получил название «Турецкие письма, просмотренные, исправленные и дополненные», а второй — «Турецкие письма, или письма Недима ходжи, просмотренные, исправленные и дополненные» [3].

На обороте титульного листа при первом выходе книги в свет в «Уведомлении» автор, стремящийся уверить читателя в реальности выведенных им лиц, пишет: «Если в „Письмах“ говорится о каких-то событиях, происшедших после того, как Мехмед-эфенди отбыл из Франции, это не должно удивлять читателя: Недим, хотя и был секретарем посольства, однако оставался в Париже до 1727 г. по частным коммерческим делам».

Мы не располагаем данными о том, назван ли здесь реальный член свиты турецкого посла ко двору Людвика XV. В известном описании своей поездки во Францию и пребывания там в 1720—1721 гг.[4] посол Мехмед-эфенди не упоминает по имени сопровождавших его лиц. Не находится никаких свидетельств и в других источниках, имеющихся в нашем распоряжении.

На протяжении без малого четырех десятков писем автор предлагает читателю все новые и новые «доказательства» подлинности переписки. Этим, в частности, он существенно отличается не толь-

ко от Монтескье, которого нимало не заботила призрачность «восточного» одеяния его книги в эпистолярном жанре. В указанном смысле автор «Турецких писем» не походит и на других французских писателей той же эпохи, которые, следуя моде на все «турецкое» (les turqueries), и не стремились к правдоподобию в изображении Востока [5].

В этом сочинении можно заметить отдельные приметы жизни Османской империи и узнать о некоторых подлинных событиях того времени. Так, первые письма Недима точно, хотя и кратко, рассказывают о передвижении турецкого посольства от порта прибытия до французской столицы [6]. За этим следуют живо представленные картины торжественного въезда посла в Париж, церемониал его следования во дворец и приема Мехмед-эфенди юным Людовиком XV, а также переезда турок в отведенную им резиденцию [7]. Достоверность передачи реальных событий подтверждается детальным их описанием в «Посольской книге» самого представителя Высокой Порты [8]. Это сефаретнаме было впервые по-французски издано в Париже в 1757 г.[9], но посол начал его писать уже во время своего пребывания там. Не значит ли это, что подлинность некоторых описаний в «Турецких письмах» могла быть следствием личного участия их автора в изображаемых событиях или же использования рассказов очевидцев? В связи с этим наше внимание привлекают, например, строки, повествующие о нескромном любопытстве, проявлявшемся французами к экзотическому посольству. В предместье, где турки пребывали до въезда в столицу, съезжались знатные дамы, специально чтобы посмотреть, как выглядят турецкие гости, какова их манера поведения и т. д. Это вызвало ироническое замечание автора письма о его готовности публично продемонстрировать парижанам, как мусульмане едят и как спят [10].

Примечательно, что о том же самом писал в своем донесении и Мехмед-эфенди, рассказывая, к каким ухищрениям прибегали французы, чтобы вблизи увидеть «живого» турка, рассмотреть, как он ест, пьет и т. п.[11]. Общность характера и смысла этих описаний представляется нам не случайной.

Специалисту-туркологу бросается в глаза несколько общих «объектов внимания» у авторов обоих названных сочинений. Это, например, французский театр, так поразивший турок, тогда еще мало знакомых с подобного рода зрелищем. Напомним, что первый турецкий посол оставил едва ли не самое раннее у турок описание парижских Оперы и Комедии, с их спектаклями, декорациями, костюмами и пр. Он же рассказал о существовании печатных текстов пьес, ставившихся на сценах, и это было первым у турок упоминанием о французской драматургии, причем особенно подчеркивалось воспитательное значение театра [12]. Автор «Турецких писем» посвятил этому две корреспонденции [13], где рассказал, в сущности, о том же, но сделал при этом ряд тонких замечаний

(об условной природе оперного искусства, отсутствии «натуральности» в стихотворной речи персонажей и др.).

В этих же книгах турки не могли обойти вниманием и Дворец инвалидов в Париже, что было совершенно естественным для представителей страны, ведшей войны на протяжении почти всей истории и не имевшей подобных домов призрения для их жертв [14]. Турок в Париже поражала совершенно иная, чем на их родине, манера поведения людей в обществе; особенно это касалось взаимоотношений мужчин и женщин, о чем жители Востока высказывались неоднократно и большей частью в отрицательном смысле (многие письма Розалиды тоже проникнуты осуждением «вольных» нравов парижан). «Письма» верно отражают суждения и впечатления турок того времени о самых различных по значению явлениях и фактах, привлекавших их внимание на Западе.

Здесь же встречаются и зарисовки их повседневной жизни на родине, которые могли появиться в результате непосредственных наблюдений. В одной корреспонденции, например, есть живое, не без юмора описание того, как ранним утром по стамбульским улицам ходят разносчики мясных обрезков и благочестивые мусульмане, направляющиеся на молитву, покупают их товар, чтобы накормить бродячих кошек, сбегающихся на привычные крики торговцев [15]. Эта и многие другие подобные сценки воспринимаются в «Письмах» как подлинные.

Турколога-литературоведа заинтересует одноактная комедия «Вдовы» (Les veuves), введенная в «Письма» в первых трех изданиях [16], где есть и письмо упомянутой Розалиды, которая, обращаясь к некоей графине пишет:

«Хотя в Стамбуле и не существует такого дома, где мужчины и женщины собирались бы, чтобы за плату смотреть публичные спектакли, однако комедии у нас есть. Их сочинили ичогланы [17], которые состязаются в остроумии между собой, а иногда и с господами, которые желают отдохнуть от более серьезных занятий. Юные одалыки [18] выступают с представлением перед султаном, и если пьеса имеет успех, ее тотчас играют в гаремах везира, командующего флотом и других знатных людей Порты. Мне вспомнилась одна, которую представляли в гареме моего отца и где у меня была роль. Пьеса даст вам более полное представление о наших турецких комедиях, чем все, что я могла бы сказать» [19].

Турколог к тому же непременно обратит внимание на рисунок заглавного листа «Писем» (издание 1757 г.), имеющий прямое отношение к этой комедии и как бы комментирующий ее. Художник изобразил сценку с тремя «действующими лицами». В центре — бородатый турок в пышной чалме и халате. Слева, чуть позади — юноша в чалме, одетый менее богато. Справа перед центральной фигурой стоит европеец, в изысканном платье, в парике и при шпаге. Старец, горделиво откинувшись, на вытянутой руке подносит к его глазам нечто вроде театральной маски, словно говоря:

11 Зак. 737

«Вот наша комедия!». Юноша в изумлении и восторге всплеснул руками, а европеец внимательно разглядывает маску.

Комедия строится на сюжете анекдотического свойства. Турок Осман влюбился в Насисе, сестру своего друга, одну из жен некоего Асана, умершего более четырех месяцев назад. Но, попав в дом на свидание с ней, он знакомится и с Неджтаби, другой вдовой того же Асана, влюбляется также и в нее и теперь страстно желает жениться одновременно на обеих. Каждая отвечает согласием. Правда, Неджтаби хочет быть у него единственной, а Насисе ставит условием, чтобы Осман сразу взял в жены обеих: она хочет в новом браке отомстить своей счастливой в прошлом сопернице, властвовавшей над покойным общим мужем. Главным действующим лицом, направляющим ход всех событий в этой матримониальной истории, оказывается еврейка, которой здесь отведена роль ловкой сводни. Предприимчивый делец, выманивающий у богатых деньги, исполняя их прихоти, она в конце концов все улаживает: Осман женится на двух женах, еврейка же за свои услуги получает двойную плату от жениха и дорогой подарок от наиболее энергичной вдовы.

Хотя все это и любопытно и просто забавно, специалист-тюрколог заметит здесь прежде всего искаженное написание некоторых имен собственных, слов и выражений, принятых в турецком языке. Это встречается и в комедии[20] и в самих «Письмах»[21]. Естественно предположить, что в подобной форме они были восприняты на слух чужестранцем. Затем турколога удивят некоторые несоответствия турецким нравам и обычаям. Так, в комедии герой объясняется в любви с первого взгляда и, как сказано в ремарке, бросается на колени перед вдовой, с которой едва успел познакомиться[22]. Пусть герой отчаянно влюбчив, но для турка XVIII в. это было бы совершенно недопустимой утратой мужского «престижа».

Еще одна деталь вызывает серьезное сомнение в том, что она возможна в турецком быту, и в брачной церемонии в частности. Кади, духовный судья, а также вершитель этого обряда, является со своей свитой в дом для заключения брака. В руках у него свадебный букет, который, как явствует из текста, должен быть вручен новобрачной[23]. При этом происходит очередная путаница — цветы сначала оказываются в руках одной вдовы, а потом другой, сумевшей отвоевать себе право первой стать женой Османа. Но такого обряда с букетом турецкий брачный ритуал не знает. О последнем в ремарке глухо сказано: «совершают некоторые церемонии, принятые у турок»[24].

Сомнение в турецкой подлинности названных сочинений, раз возникнув, нарастает, пока в поисках истины исследователь не обратится к изданиям 1762[25] и 1778 гг.[26]. Здесь все или почти все разъясняется.

«Турецкие письма» и комедию «Вдовы» написал популярный

в свое время французский писатель Сен-Фуа (Germain-François-Poullain de Saint-Foix; 1698—1776). Он довольно долго хранил тайну этой мистификации — явление не столь уж редкое в литературе того времени. Впрочем, это было вполне в духе самого автора[27].

Сен-Фуа был известен в свое время прежде всего как драматург. Среди других его двадцати пьес комедия «Вдовы» принадлежит к числу ранних. Впервые она была опубликована в Амстердаме в 1730 г. вместе с «Турецкими письмами». Издание повторилось спустя два года. В Париже «Турецкие письма», еще без имени автора, вышли из печати в 1744 г. вместе с анонимными тогда «Персидскими письмами» Монтескье. Отдельно пьеса «Вдовы» (все еще анонимно), по сведениям Керара[28], впервые была опубликована в Париже в 1743 и 1747 гг. (в издании 1747 г. она названа «Турецкие вдовы» со странным указанием на перевод с арабского)[29], а затем — в Амстердаме в 1750 г. Печатно псевдоним был раскрыт в 1762 г., еще до появления шеститомного собрания сочинений Сен-Фуа (1778 г.), составленного и просмотренного им самим, но вышедшего в свет уже после смерти писателя[30].

Под заглавием пьесы помещена справка: «Представлена в обществе 12 мая 1742 г. и сыграна итальянскими комедиантами 22 августа 1747 г.»[31]. На следующем листе находим посвящение: «Его превосходительству Саиду-эфенди, послу Оттоманской Порты». Из адресованных ему строк от автора и последующего авторского уведомления узнаем, что пьеса была сыграна в присутствии посла 12 мая 1742 г. на празднике, устроенном в его честь графиней, имя которой не называется. Устроительница спектакля обратилась к Сен-Фуа с просьбой, чтобы он написал комедию «совершенно в турецком духе». И тогда, сообщает он, «я аранжировал комедию, которую мне случилось сочинить за несколько лет до этого»[32]. Спектакль имел успех. Посол попросил у автора текст пьесы, которую тот и посвятил Саид-эфенди с его согласия.

Весьма любопытно проследить, как Сен-Фуа подошел к переложению комедии, приноравливаясь к турецкому вкусу. Оказывается, переделав первую сцену, он в остальные внес лишь небольшие изменения. Так, он убрал турецкую речь (как мы знаем, искаженную) в первом приветствии (второе, возможно, случайно осталось); изменил одну ремарку, которая теперь поясняет, что Осман только собирался встать на колени перед вдовушкой (но не встал!); обеим главным героиням даны распространенные имена Фатима и Саида (Zaïde).

Как видим, усилия автора были направлены на удаление всего того, что противоречило привычному и естественному, с точки зрения турок. К этому обязывало и обновленное заглавие «Турецкие вдовы» (Les veuves turques). Кроме того, Сен-Фуа внес несколько небольших поправок редакторского характера и дал раз-

вернутое пояснение (в словах сводни), каким образом было улажено дело. Главным намерением драматурга была перестройка начала комедии, от чего она, надо признать, много потеряла.

Типологически относящаяся к комедиям положений, пьеса «Вдовы» увлекает развитием сюжета, возрастанием напряженности действия к финалу. До последней сцены невозможно предугадать, какова будет развязка.

В пьесе есть, по существу, один яркий характер. Ранее это была женщина без имени, движимая одной страстью, полностью раскрывающейся в монологе, с которого в первой редакции начинается пьеса. «Говорят: „Я люблю только деньги". А разве можно любить что-либо иное?! Друг вас предает; любовник вас обманывает; муж часто тиран и только; родственники жаждут вашей смерти, если вы богаты, или презирают вас, если вы бедны; и лишь на деньги действительно можно полагаться. Все мои заботы, все мои желания, все мои хлопоты сводятся к тому, чтобы скопить денег...»[33].

С первых же слов этого откровенного самовыражения ощущается своеобразие персонажа. Дальнейшая речь подтверждает первоначальное впечатление: «Очень трудно в мире выбиться, когда хочешь жить по чести»[34]. Это высказывание объясняет многое. И прежде всего, например, почему чуть свет эта женщина уже на ногах и занята своим «делом». Одно перечисление «клиентов», с которых ей предстояло в тот день собрать плату за «услуги», дает представление о личности героини, размерах ее деятельности:

«Получить с ученого юнца, которого я провела в женском платье в гарем воеводы, 7 цехинов[35].

Я продала самому эфенди комментарий на Коран — 6 цехинов; забавно: человек, не уважающий Коран и на один пиастр, платит 6 цехинов за комментарий, только потому что он запрещен.

За кусочек покрова с гробницы пророка Мухаммеда, который одна бесплодная женщина прикладывает к себе, чтобы иметь ребенка, 6 пиастров. Я больше не занимаюсь подобными безделками: нынче они не стоят ничего.

За обесчещение юной танцовщицы получить с имама 12 цехинов.

За обесчещение той же самой танцовщицы получить с бостанджи[36] 16 цехинов»[37].

Женщина умеет извлекать деньги из людских пороков и невежества и не скрывает при этом иронического отношения к тем, с кем имеет дело.

Во второй редакции пьеса лишилась этого яркого монолога, а с ним и энергичного начала. Теперь действие открывается диалогом упомянутой героини, обретшей собственное имя — Саломея, и Османа. Саломея называет себя торговкой-старьевщицей. Ходя из дома в дом, она попутно выступает в роли свахи или сводни, в зависимости от обстоятельств. Ее знает весь Стамбул, что, по ее

словам, ничуть не льстит ей: «Большинство этих людей, столь знатных, столь могущественных и производящих большое впечатление в обществе, оказывается такими мелкими, такими ограниченными, когда их видишь в частной жизни»[38],— говорит Саломея и признается, что ей бывает совестно служить им. Вот, например, губернатор: важный чиновник делает вид, что занят государственными делами, и отказывает многим посетителям в приеме, а сам в это время болтает с нею, надеясь выведать последние любовные сплетни и подробности интимной жизни сограждан. Кончая разговор о столичных нравах, женщина бросает Осману колкое замечание о том, что она позволяет себе откровенно говорить с ним, пока тот не занял высокого положения в обществе.

Но эта сцена, конечно, не стоит прежнего монолога, который в начальной редакции с первых же слов великолепно представлял самого яркого персонажа и своим сочным юмором сразу создавал определенный настрой всей комедии[39].

Именно с этого монолога начинается пьеса турецкого народного театра «ортаоюну», которая и лежит в основе комедии Сен-Фуа. Ниязи Акы, а вслед за ним Метин Анд первыми из турецких ученых отметили это, не называя, впрочем, имени французского драматурга[40]. Они видят лишь небольшие различия между пьесами, беря за исходный образец ту, изложение которой содержится в очерках «Путешествие на Восток» («Voyage en Orient») французского поэта Жерара де Нерваля (1808—1855)[41]. Турецкие ученые ссылаются на мнение французских литературоведов Жана Рихтера, принимающего комедию Сен-Фуа за прямой перевод с турецкого, и Генри Леметра, усматривающего здесь лишь разные варианты одной народной турецкой пьесы.

Можно предположить, что пьесу типа «ортаоюну», существовавшую и в XVIII в., Сен-Фуа воспринял в соответствии со своими вкусами и понятиями, придал ей иное звучание и завершил другой развязкой. На пьесе лежит печать французского любовного фарса. Между прочим, Ж. де Нерваль, видевший в Стамбуле представление этой оригинальной пьесы «ортаоюну», назвал ее «фарсом-комедией, или таклидом»[42].

У Сен-Фуа герой сам одержим желанием жениться на двух вдовах разом, в то время как в народной пьесе его уговаривают, а он колеблется, понимая, в какое нелегкое дело его втягивают; здесь некоторые поступки персонажей имеют иную, чем во французской пьесе, и более убедительную реалистическую мотивировку. Так, еврейка объясняет второй вдове, что Осман якобы вынужден жениться на бывшей первой жене Асана: она, будучи богатой, ссудила юноше деньги (при посредничестве еврейки же) и тем самым спасла его от какого-то «дурного шага», а теперь ему нечем расплатиться. У Сен-Фуа же, чтобы успокоить ревнивые чувства второй претендентки и привести дело к развязке, сводня прибегает к своеобразным «аргументам»: некое «успокоительное зелье»,

подсыпанное Осману в вино, должно после свадьбы сделать его столь нечувствительным к красоте первой жены, что у второй не будет даже повода для ревности.

В пьесе «ортаоюну», насколько можно судить по словам Ж. де Нерваля, кади выполняет чисто служебную функцию, а Сен-Фуа, как истинный француз XVIII в., не отказывает себе в удовольствии по любому поводу высмеять этого духовника, поставить его в нелепое положение. Напомним, что он, заключив брак Османа с двумя вдовами, никак не разберется, кому он должен вручить свадебный букет в знак того, что эта женщина первой станет женой своего нового мужа. В турецкой пьесе букет приносит в дом еврейка, которая тоже не знает, кому его отдать, когда обе женщины тянут руки к цветам. Именно в этот момент вбегают перепуганные слуги и сообщают, что в доме ходит приведение. На сцене появляется первый муж, который считался погибшим на войне в чине бинбаши [43]. Он, оказывается, попал в плен к русским и после заключения мира был освобожден (мотив, персонаж и весь эпизод полностью отсутствуют у Сен-Фуа). Быстро оценив ситуацию, сложившуюся дома в его отсутствие, он с палкой в руках набрасывается на всех, и те спасаются бегством; серьезно досталось только кади, самому неповоротливому. Такова развязка в пьесе «ортаоюну», которая не случайно называется «Муж двух вдов» [44]. Сопоставление этой пьесы (даже в пересказе Ж. де Нерваля) с комедией Сен-Фуа показывает, что последняя многое утратила из присущих турецкому оригиналу сочного юмора, примет турецкого быта и нравов.

Каковы же могли быть у автора источники информации о Турции и вообще обо всем «турецком»? Уже в первом издании Сен-Фуа ссылался на Недима, секретаря посольства. Готовя «Турецкие письма» для собрания своих сочинений, он снова привел это пояснение. Второй том «Писем» предваряется биографической справкой, где обстоятельно и с большой симпатией рассказано о жизни и деятельности Мехмед-эфенди, турецкого посла ко французскому двору в 1720—1721 гг. и его сына Саид-эфенди, ставшего преемником отца на этом посту в 1741—1742 гг.[45]. Особо обращается внимание на то, что новый посол превосходно знал французский язык и был знаком с французской литературой. Частое общение Сен-Фуа с ним, возможно, было продолжением их знакомства в юности, когда Саид сопровождал своего отца в Париж [46]. Они были почти одногодками — двадцатилетний турок, успевший за время своего первого пребывания во Франции много повидать, увлечься ее культурой и особенно пристраститься к театру [47], и француз, вскоре (в 1726 г.) заявивший о себе как драматург. Для Сен-Фуа информатором по части турецких дел мог стать Саид или кто-то другой из свиты его отца — и не столь важно, звался ли он в действительности Недимом.

В любом случае нам представляется весьма вероятным сущест-

вование у французского писателя прямых контактов с турками еще до того, как он написал свои «Письма» и комедию из турецкой жизни. В определенной мере это подтверждается строками из посвящения пьесы Саид-эфенди. Драматург благодарит лично его за предупредительность и дружеские чувства, проявленные по отношению к нему, Сен-Фуа, в бытность его в Стамбуле [48].

Серьезной проверки требует высказанное автором (при последней подготовке им комедии к изданию) предположение о том, что эту пьесу играли в Турции. Когда ее текст с посвящением был поднесен послу Саид-эфенди, «за несколько дней до его отъезда,— пишет драматург,— я узнал, что его сын, который уже достаточно хорошо понимал наш язык, занялся переводом ее на турецкий. Наши лучшие пьесы переведены на английский, голландский, немецкий и датский языки, но, я полагаю, им еще не выпадала честь быть переведенными на турецкий. И, быть может, [эта] пьеса была уже много раз представлена во дворцах капудан-паши, реиса-эфенди или даже самого султана. Какая честь! Я восхищен этим!» [49].

Следовательно, необходимо отыскать турецкий перевод интересующей нас пьесы или по крайней мере какие-то доказательства его существования. Видимо, здесь решающее слово надлежит сказать ученым Турции, в распоряжении которых богатейшие архивы страны, а возможно, и ученым Франции.

Итак, мы знаем, что в основе пьесы «Турецкие вдовы» лежит турецкая народная комедия, а в эпистолярной повести «Турецкие письма» частично отразились реальные явления и факты турецкой жизни, подлинные нравы того времени и некоторые черты умонастроений передовых слоев турецкого общества. В рамки фабулы в духе французского классицизма — «трогательной» истории жизни полутурчанки-полуфранцуженки Розалиды и ее возлюбленного-венецианца — вместились суждения не только француза XVIII в. о своей стране и о Турции, но и современных ему турок [50]. Все это позволяет по-новому взглянуть на турецко-европейские литературные связи в XVIII в. и учитывать их при рассмотрении истории турецкой литературы.

Дальнейшие разыскания в этом направлении перспективны, что подтверждается, в частности, еще одним, уже известным науке фактом. Польский турколог М. Лабечка-Кохерова установила, что еще в последней четверти XVIII в., точнее, до 1783 г., были написаны по-турецки две комедии [51]. Турецкий ученый Фахир Из, обнаружив одну из них еще ранее, отнес время ее создания к началу XIX в. [52]. Имя автора пока не установлено. В четырехактной пьесе «Должность ходжи Насреддина. Комедия типа таклид» использован ряд известных анекдотов о ходже Насреддине, соединенных в цепь забавных поступков сметливого народного героя, прикидывающегося простачком и одурачивающего именитых и власть имущих.

Сюжет другой, трехактной пьесы «Необычайные приключения

и удивительные истории сапожника Ахмеда» строится на известных мировой литературе мотивах: путанице, происходящей от поразительного внешнего сходства двух близнецов при полной их внутренней несхожести, «999 золотых», дележе подарков и побоев и др. С помощью известного же сказочного приема — правитель вместе со своим приближенным, переодевшись в «простое» платье, неузнанными бродят по городу, чтобы выведать правду о жизни народа,— добродетель в конце концов вознаграждается, зло осуждено, и сапожник Ахмед славит справедливого пашу. Пьеса подчеркнуто дидактична. Неоспорима ее близость к турецкому народному театру, хотя время с его новыми веяниями в духе предпросветительской эпохи в Турции вносит свои коррективы в фольклорную основу.

Обе комедии написаны по европейским драматургическим канонам. Автор прибегает к речевой характеристике персонажей, для чего широко использованы турецкий разговорный язык от «низкого» стиля включительно до «высокой» книжной речи того времени. Это было новым для турецкой литературы. Можно присоединиться к основательному предположению М. Кохеровой и Метина Анда[53] о том, что первый турецкий драматург был непосредственно связан с венской Высшей школой восточных языков (XVIII в.), где пьесы эти ставились на сцене силами учащихся и преподавателей и тогда же были переведены на немецкий, французский и итальянский, а впоследствии изданы.

Теперь мы знаем, что у анонимного турецкого драматурга был в известном роде предшественник — француз, создавший на своем родном языке и на турецкой фольклорной основе комедию «Турецкие вдовы», которая, возможно, была переведена на турецкий язык. Обычно считается, что западноевропейская драматургия стала известна туркам лишь со второй половины XIX в. Между тем имеются письменные свидетельства существования турецких переводов, выполненных на столетие раньше, правда, не в самой стране. По словам Бьянки, «в декабре 1757 г. и в январе 1758 г. пьеса „Годфруа Буйонский, или взятие Иерусалима“ была сыграна на турецком и французском языках учащимися той же Высшей школы восточных языков» в Вене, и перевод был напечатан, видимо, там же в 1761 г. Тот же источник со ссылкой на известного барона де Тотта сообщает, что знаменитый Пьер Рюффин, бывший драгоманом в Крыму, около 1768 г. перевел несколько отрывков из пьес Мольера, желая развлечь крымского хана Герая (Гирея) и познакомить с неизвестным тому видом искусства[54]. В случае же подтверждения слов Сен-Фуа о переводе его пьесы на турецкий язык мы будем вправе отнести появление в Турции первого перевода французской комедии к 40-м годам XVIII в., т. е. увеличить почти на сто лет историю переводов европейской художественной литературы на турецкий язык.

Турецкая литература формировалась и развивалась в условиях

взаимодействия прежде всего с литературами ближневосточного региона, а также контактов — вначале опосредованных, позднее — прямых — с литературами другого мира, в частности европейского, и с Францией в первую очередь. На разных этапах семивековой истории эти связи приобретали различную значимость для судеб литературы. В отношении XVIII в. они остаются пока почти неизученными. Между тем вопросы литературных связей, в том числе и XVIII в., очень важны для изучения культурной жизни Турции нового времени [55].

Реформаторские идеи, развивавшиеся в Турции передовыми людьми того времени, охватывали не только военную область, но и некоторые другие, например образование, государственное правление и т. д.[56]. В ряде выдающихся сочинений этого столетия можно заметить отдельные элементы просветительских идей [57]. Своеобразный тип духовного развития порождал и потребность расширения сферы влияния художественного слова, и обогащения его видов и форм воздействия на читателя и слушателя, и — что для нас в данном случае особенно важно — создания письменной драматургии, профессионализации в будущем театра на новой основе. Правда, замедленное развитие турецкого общества в целом и его литературы в частности не позволяло тогда значительно продвинуться по этому пути. Позднее же, в новых исторических условиях, в интенсивном и многообразном взаимодействии с европейской литературой и философской мыслью Запада турецкие прогрессивные традиции в этой области получили более полное развитие. Однако предпосылки к этому, как мы видим, существовали уже в XVIII в.

[1] Lettres de Nedim Coggia, secrétaire de l'Ambassade de Méhémet Effendi à la Cour de France et autres lettres turques. Amsterdam, 1732.

[2] В оригинале Rosalide, при первом упоминании Rosalie.

[3] Lettres turques. Revües, corriqées et augmentées. Ч. I. Amsterdam, 1757.

Lettres turques ou de Nedim Coggia. Revues, corrigées et augmentées. Ч. II. Amsterdam, 1757. Это издание положено в основу статьи.

[4] Пāрис сефāретнамеси. Султāн Ахмед сāнӣ тарафындан 1132 сенесинде Фрāнса кырāлы он бешинджи Луӣ нездене сефаретле гендерилāн риджал-и Бāб-и Āлӣйеden йигирми секиз Мехмед-эфендинин такрӣридир. Константинийе, 1306 (1888/89) (араб. шрифт.). В этом издании в заглавии вместо Ахмеда III ошибочно назван султан Ахмед II.

[5] Hassan el Neuty. Le Proche-Orient dans la littérature française. Paris, 1958, с. 9. Термин «тюркери» мог пониматься весьма расширительно (в отношении произведений французской литературы, тем или иным образом связанных с «миром ислама») или же в более узком смысле (применительно к произведениям, чьи герои, их «антураж» или фабула и т. п. имеют касательство к Турции, ее истории и пр.). Об этом см., например: Andre Vovard. Les turqueries dans la littérature française. P., 1959, с. 12—18.

[6] Lettres turques..., Ч. II, с. 5—7.

[7] Там же, с. 12—17.

[8] Пāрис сефāретнамеси..., с. 52—54, 56—58.

[9] Faik Reşit Unat. Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri. Tamamlayıp yayımlıyan Prof. Dr. Bekir Sıtkı Baykal. Ankara, 1968, с. 57—58.

[10] Lettres turques..., Ч. II, с. 8.
[11] Пāрис сефāретнамеси..., с. 54—55.
[12] Там же, с. 83—89.
[13] Lettres turques... Ч. I, с. 25—34.
[14] Пāрис сефāретнамеси..., с. 74—76; Lettres turques. Ч. I, с. 184—185.
[15] Lettres turques..., Ч. II, с. 88.
[16] Там же, с. 139—197.

[17] Ичогланы — юноши, состоящие на дворцовой службе при султане в своего рода «пажеском корпусе». В обязанности этих лиц входило, в частности, развлекать хозяина на пирах и вообще на отдыхе. В среде ичогланов происходила в известной мере профессионализация рассказчиков, танцоров, мастеров разнообразных театрализованных представлений и т. д. Так было по крайней мере сто лет спустя. См.: D'Ohsson. Tableau général de l'Empire Ottoman. Т. VII. P., 1824, с. 44. См. также: Uzunçarşılı. Osmanlı devletinin saray tęskilâtı. Ankara, 1945, с. 146 и др.

[18] Одалык — женщина из гарема (не из числа жен), одалиска. См. о них, например: D' Ohsson. Tableau général..., с. 67, 109 и др.

[19] Lettres turques..., Ч. II, с. 137—138.

[20] Имя собственное Assan (искаженное Хасан); турецкая речь тоже искажена в словах приветствия «Sabaunus caïr ola» (вместо Sabahunuz hayır ola — С добрым утром!) и прощания «Acham haër ola» (вместо Akşam hayır ola — Доброй ночи!), где, кстати, одно и то же слово hayır имеет двоякое и неверное написание (Lettres turques... Ч. II, с. 145 и далее, 182, 194); имена Nassisa и Nejtabi в такой форме туркам вообще неизвестны.

[21] Hussem (Хюсейн), Cadizge (Хатидже), Abderamen (Абдурахман), Felime(?), bassa (паша), teftedar (дефтердар), Coprogli (Кёпрюлю), iman (имам), ramedan (рамазан), caimakan (каймакам), Assem (Асым—?) (Lettres turques... Ч. I, с. 6, 33, 146 и др.; Ч. II, с. 18 и др., 32, 33 и др., 54 и др., 80, 95, 99 и др.).

[22] Lettres turques... Ч. II, с. 178.
[23] Там же, с. 182, 188, 196.
[24] Там же, с. 188.

[25] Saint-Foix Germain-François-Poullain de. Oeuvres des théâtre... Т. I. P., 1762.

[26] Saint-Foix. Oeuvres complettes... Т. 1—6. P., 1778.

[27] Éloge historique de M. de Saint-Foix.— Saint-Foix. Oeuvres complettes... Т. I. P., 1778, с. III—XVI; Poullain de Saint-Foix.— «La France littéraire, ou dictionnaire bibliographique...» par J. M. Querard. Т. VII. P., 1835—1836, с. 307—309; Saint-Foix.— Grand Larousse encyclopédique en dix volumes. Т. IX. P., 1964, с. 511, и др.

[28] J. M. Querard. La France littéraire, ou... Т. VII. P., 1835—1836, с. 308.

[29] Veuves (les), comédie en un acte en prose. P., 1743; Veuves (les) turques, comédie en un acte et en prose, traduite de l'arabe. P., 1747.

[30] Очевидно, с текста, легшего в основу издания 1778 г., был сделан довольно скверный перевод комедии на русский язык: «Две турецкие вдовы, комедия из феатра господина Сент-Фуа, в одном действии. Сочинена по турецкому вкусу, представлена приватно в месяце мае 1742 года, а комедиантами в первый раз 21 августа 1747 года в Париже. С французского на российский язык перевел Ал. П. [Александр Протасов] в Санктпетербурге. Печатано иждивением книгопродавца К. В. Миллера, 1775 года». В этом издании помещено также Посвящение пьесы Саид-эфенди, датированное 3 июня 1742 г. (этой даты нет в Собрании сочинений) и Предуведомление от автора.

[31] Saint-Foix. Oeuvres complettes... Т. II. с. 111.
[32] Там же, с. 115.
[33] Lettres turques..., Ч. II, с. 141—142.
[34] Там же, с. 143—144.

[35] Цехин — старинная венецианская золотая монета; встречалась в Турции наряду с другими иностранными монетами.

[36] Бостанджи — здесь — воин дворцовой гвардии.

[37] Lettres turques..., Ч. II, с. 142—143.

[38] Saint-Foix. Oeuvres complettes... Т. II, с. 120.

[39] В 1777 г. комедия была издана на немецком языке: Die Türkische Heirath ein Schauspiel, welches nicht vorurtheilet ist, von dem Verfasser der verurtheilten türkischen Briefe.— Törkische Briefe und Gedichte nebst einer Comedie die Törkische Heirath betitelt. В., 1777, с. 207—234. Переводчик верно почувствовал преимущества монолога, открывавшего пьесу в первой редакции, и сохранил его полностью. Из последней редакции он взял новое имя одной из героинь — Фатима, а имя еврейки изменил на Сару Саломон. Кроме того, комедия сокращена главным образом за счет сцен с кади. Иными словами, немецкий перевод близок к пьесе «ортаоюну».

В названной выше книге перед пьесой опубликован также и второй том «Турецких писем» — корреспонденция Недима: Briefe des Nedim Coggia, secretairs bei der Gesandschaft des Mehemet Effendi am französischen Hofe (с. 100—206).

[40] Niyazî Akı. XIX. yüzyıl Türk Tiyatrosu Tarihi. Ankara. 1963; Metin And. Geleneksel Türk tiyatrosu (Kukla—Karagöz—Ortaoyunu). Ankara, 1969, с. 330—331.

[41] Gérard de Nerval. Oeuvres. Textes, établis aves un summaire bibliographique un étude sur Gérard de Nerval, des notices, un choix de variantes et une bibliographie par Henri Lemaitre. T. II. P., 1958, с. 543—545. Впервые «Путешествие на Восток» было издано в Париже в 1850 г. под названием «Scènes de la vie orientale».

[42] Там же, с. 535.

[43] Бинбаши примерно соответствует чину майора.

[44] Gérard de Nerval. Oeuvres... Т. II, с. 535.

[45] Saint-Foix. Oeuvres complettes... Т. II, с. 509—510.

[46] Подобное предположение не лишено оснований. Сен-Фуа был в то время в Париже: он, например, пишет о своем личном участии (в составе привилегированной части «Cornette Blanche») во встрече турецкого посла. На это автор обратил внимание в примечании к одному из «Писем» в издании 1778 г. (Там же, с. 519).

[47] На родине Саид-эфенди общался с французами, жившими в Турции, подружился с известным деятелем начального этапа реформаторского движения в стране графом Бонневалем; во время второго пребывания в Париже Саид-эфенди часто посещал Оперу и Комедию (об этом см. документированные сведения в кн.: Albert Vandal. Une ambassade Française en Orient sous Louis XV. La mission du Marquis de Villeneuve 1728—1741. P., 1887, c. 203, 421—423).

[48] Saint-Foix. Oeuvres complettes... Т. II, с. 113—114.

[49] Там же, с. 116.

[50] Эпистолярная повесть Сен-Фуа, как мы пытались показать, не является всего лишь одним из многих подражаний «Персидским письмам» Шарля-Луи Монтескье. Однако подобная оценка «Турецких писем» встречается. См., например: В. Дмитриев. Замаскированная литература. М., 1973, с. 64 (глава «Мистификация в письмах»).

[51] M. Łabęcka-Koecherowa. Urząd Nasreddina Hodży — pierwsza komedią turecką?— «Przeglad Orientalistyczny», 1970, № 4 (76); она же. Une comédie turque inconnue dans les collections polonaises.— «Les théâtre en Pologne», 1970, № 8; она же. La plus ancienne comédie turque dans des collections polonaises.— «Rocznik orientalistyczny». T. XXXVI. Ч. 2, 1974, с. 5—74.

[52] Fahir Iz. On dokuzuncu yüzyıl başında yazılmış bir piyes «Vekā'i-i Acibe ve Havādis-i Garibe-i Kefşger Ahmed».— «Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi». T. VIII, 1958.

[53] M. Łabęcka-Koecherowa. Une comédie turque inconnue dans les collections polonaises..., с. 32; Metin And. «Nasreddin Hoca'nın mansıbı».— «Türk Dili...». T. XX, № 214, 1969, с. 316—317.

[54] Bianchi. Bibliographie ou notices des ouvrages publiés dans les imprimeries turques de Constantinople, et en partie dans celles du Boulac, en Egypte, de-

puis des derniers mois de 1856 jusqu'à ce moment.— «Journal Asiatique». Сер. V, Т. XIII. P., 1858, с. 543.

[55] Ряд важных вопросов, имеющих непосредственное отношение к теме статьи, освещается в статье И. В. Боролиной: Из истории турецкой драматургии (от драмы народной — к драме авторской).— Вестник Московского университета. Серия Востоковедение. 1983, № 2.

[56] Эти вопросы представлены в монографии А. Д. Желтякова. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908 гг.). М., 1972, а также в ряде его статей, например: «К вопросу об истоках просветительства в Османской империи. Формирование и развитие светских тенденций в турецкой культуре XVIII — середины XIX в.» — «Балканские исследования». Вып. 6. М., 1980; «Культура народов Балкан в Новое время». М., 1980; в монографии (совместно с Ю. А. Петросяном) «История просвещения в Турции (конец XVIII— начало XX века)». М., 1965.

[57] Е. И. Маштакова. Новые явления в турецкой культуре XVIII в. (к постановке вопроса).— «Проблемы истории Турции (сборник статей). М., 1978.

А. Д. Новичев

ФУАД-ПАША — ТУРЕЦКИЙ РЕФОРМАТОР И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ 50—60-х годов XIX в.

После Крымской войны, в 50—60-е годы XIX в. в Османской империи, по удачному выражению посла в Константинополе А. П. Игнатьева, власть находилась в руках дуумвирата из Али-паши и Фуад-паши. Оба эти выдающиеся турецкие государственные деятели были продолжателями реформ Танзимата, инициатором которых был их учитель Мустафа Решид-паша. Личность, политические идеи и деятельность последнего освещена автором в «Истории Турции» (т. III). Краткие сведения о его названных учениках содержатся в т. IV. Специальная статья об Али-паше опубликована нами в 1977 г.[1]. В настоящей же публикации мы попытаемся дать представление о личности, политических взглядах и реформаторской деятельности Фуад-паши.

Фуад-паша родился в 1815 г. в семье, принадлежавшей к высшему слою господствующего класса Турции. Его отец одно время даже занимал пост великого везира, однако в 1828 г. он впал в немилость к султану Махмуду II, был сперва сослан в захолустный городок Сивас в Малой Азии, а в следующем году по приказу султана отравлен. Лишившись рано отца, Фуад, обучавшийся в медресе, где изучал теологические предметы, арабский и персидский языки, сразу потерял все преимущества своего знатного происхождения и вынужден был сам позаботиться о своем будущем. Оставив медресе, Фуад поступил в медицинское училище, открытое при Махмуде II в Стамбуле, в котором преподавали французы. Это позволило Фуаду изучить французский язык, наиболее употребительный тогда в дипломатическом мире и самый распространенный из иностранных в Османской империи.

В училище Фуад приобрел специальность хирурга. По его окончании он три года (1834—1837) проработал военным врачом в г. Триполи (Сирия). Честолюбивый Фуад, однако, вскоре убедился, что на этом поприще он не обеспечит себе ни высокого положения, ни материального благополучия. На опыте ряда своих сверстников и видных сановников он понял, что путь к карьере

лежит через переводческое бюро при министерстве иностранных дел. Используя свои, хотя и скромные, знания французского языка, Фуад стал добиваться должности в это бюро. Благодаря протекции одного шейха, который был знаком с министром иностранных дел Мустафой Решид-пашой, это ему удалось [2].

Уже в переводческом бюро Фуад обнаружил большие способности ориентироваться в государственных делах, усовершенствовал свои знания французского. Он быстро стал подыматься по служебной лестнице. 26 лет от роду, в 1841 г., он был направлен на службу в турецкое посольство в Лондоне, где пробыл три года. В 1845—1852 гг. он возглавил несколько ответственных дипломатических миссий, занимал высокие должности в турецких посольствах в Париже и Лондоне. В 1852 г. Фуад-бей был впервые назначен министром иностранных дел, что обеспечило ему титул паши. С тех пор он в течение 17 лет до самой своей смерти пять раз занимал этот пост и дважды (в 1861—1866, с небольшим перерывом) — пост великого везира и одновременно сераскера, т. е. командующего крупным войсковым соединением [3]. Он был также первым председателем обновленного в 1854 г. Высшего совета по реформам.

Находясь на дипломатической службе во Франции и Англии, Фуад-паша знакомился с государственными учреждениями, экономикой, культурой, идеями, бытом и другими сторонами жизни названных стран, в первую очередь Франции. Современный американский историк Танзимата Р. Н. Дэвисон верно отметил, что Фуад-паша был продуктом трех важных процессов просвещения в Турции, которые были представлены медицинским училищем, переводческим бюро и турецкими посольствами в западных странах: в этих учреждениях он получил хорошее знакомство с Западом, которое привело его к мысли о необходимости европеизации Турции [4]. По мнению современника паши — прусского дипломата в Стамбуле Мордтмана, зенита своей карьеры Фуад-паша достиг в 1861—1866 гг. [5].

Фуад-паша пользовался большой популярностью в политических кругах европейских столиц. Он был человеком талантливым, энергичным, решительным, общительным, остроумным. Представляет интерес и его взаимоотношения с другим лидером реформаторов, занимавшим первое место в управлении страной,— Али-пашой; оба были одновременно коллегами и соперниками. Они внешне отличались друг от друга: Али-паша был маленького роста, тщедушный и хилый. Фуад-паша — высокий, красивый, импозантный мужчина с тонкими манерами. Но с точки зрения государственной деятельности гораздо важнее было различие их деловых качеств и характеров. По словам Дэвисона, «коллега Али — Кечеджи Мехмед Фуад-паша был так непохож на него, что можно лишь выразить удивление, как они могли действовать вместе. Все же они прекрасно дополняли друг друга и рассматривались как

друзья и враги одновременно»[6]. Среди турецких сановников было распространено мнение, что Али-паша обладает качествами крупного политического деятеля, но лишен решительности и инициативы. Они считали Али-пашу больше кабинетным деятелем, чем человеком практики, и хотели, чтобы на посту главы правительства находился человек с характером Фуад-паши[7].

По основным вопросам, касавшимся реформ, Фуад-паша придерживался тех же взглядов, что и Али-паша. В то же время они расходились между собой по таким важным аспектам, как глубина реформ, темпы их осуществления, отношение к старым, мусульманско-турецким правовым нормам, институтам и традициям, с одной стороны, и к заимствованию западноевропейских норм, институтов, обычаев в области права, государственного управления, экономики, культуры, быта и пр.— с другой. Фуад-паша был более прозападным, чем Али-паша, и более склонен к европеизации Турции.

Вместе с тем Али-паша, Фуад-паша и их единомышленники опасались распространения в Османской империи наиболее прогрессивных идей западных мыслителей, особенно среди угнетенных народов, страдавших под османским гнетом. Под значительным влиянием этих идей на Балканах среди немусульманских народов все шире развивалось освободительное движение, усилилась борьба за независимость. Лидеры реформ Танзимата были убеждены, что предоставление равных прав немусульманам поможет им погасить национально-освободительные движения на Балканах, нейтрализуя проникающие туда прогрессивные веяния, и тем самым избежать вмешательства держав в отношения между турецкими властями и немусульманскими народами и предупредить дальнейший распад Османской империи.

Как и Али-паша, Фуад-паша придавал большое значение проведению в жизнь широко пропагандируемого ими принципа равенства перед законом мусульман и немусульман; в то же время они решительно настаивали на сохранении господства турок. Однажды при встрече с английским послом в Стамбуле Стратфордом Каннингом Фуад-паша в следующих словах высказал свое политическое кредо: «Османская империя зиждется на четырех основах, наличие которых позволяет управлять государством и продвигаться вперед, нехватка любого из них делает невозможным управление им. Эти четыре основы — мусульманская община (миллет), турецкое государство, Османская династия и столица Стамбул»[8].

Таким образом, по главному вопросу о государственном строе, тесно связанному с проблемой реформ, Фуад-паша придерживался в целом консервативных взглядов. Он высказывал твердое убеждение, что турки по-прежнему должны господствовать в империи с династией Османов во главе, не помышлял о каком-либо участии немусульманских народов в центральных органах власти. Как видно из сказанного, идеи Фуад-паши о четырех основах, на

которых покоится и должна покоиться власть в империи, в корне расходились с его высказываниями о равенстве мусульман и немусульман.

Отстаивая власть Османской династии над страной, Фуад-паша вместе с тем стремился избавить Порту от повседневного вмешательства в ее дела султана Абдул Азиза и дворцовой камарильи. Он указывал на то, что вызванные таким вмешательством частые и неожиданные отставки и назначения министров и великих везиров лишали правительство стабильности и не давали ему возможности справиться с огромными трудностями, которые переживала Османская империя. В тех случаях, когда Фуад-паша занимал пост великого везира, он старался изолировать султана от государственных дел. С этой целью он сосредоточил в своих руках функции нескольких министров, в том числе и самые сложные — финансовые; при султане и во дворце он расставил своих доверенных лиц (в их числе был даже главный имам султана — башимам) [9].

Добиваясь ограничения султанского произвола, Фуад-паша в то же время не покушался на сам принцип самодержавия. В этом отношении он и Али-паша отошли от главного принципа своего учителя Мустафы Решид-паши, который считал, что превыше власти султана — закон; ему обязан подчиняться и сам султан.

Для характеристики взглядов Фуад-паши большое значение имеют его отношение к исламу и высшему мусульманскому духовенству. На первое место в качестве опоры Османской империи, как уже было отмечено, Фуад-паша ставил мусульманскую общину; ее господствующей идеологией и руководством во всех сферах жизни он объявлял ислам. Вместе с тем он остро критиковал консерватизм духовенства, особенно высшего слоя — улемов, за его отрицательное отношение к реформам. Вопреки утверждениям улемов, что предлагаемые и проводимые реформы противоречат мусульманской религии, Фуад-паша доказывал, что они вполне согласуются с основополагающими нормами ислама. Улемов Фуад-паша называл носителями невежества. Он считал необходимым модернизацию ислама, догмы которого в течение веков оставались неизменными. «Ислам,— сказал он издателю официозной газеты „Ля Тюрки“,— в течение веков был в своей среде чудесным орудием прогресса. В настоящее же время он напоминает часы, которые отстают и требуют завода» [10].

В своей личной жизни Фуад-паша нередко пренебрегал мусульманскими нормами и обычаями. Еще в 1845 г. тридцатилетний дипломат, находясь в Мадриде в составе турецкой миссии, захотел осмотреть католический собор. Священник предупредил его, что придется снять феску. Фуад ответил, что он готов это сделать, хотя такой поступок противоречит нашему воспитанию. «Ни в мечетях, ни даже перед падишахом,— добавил он,— мы фески не снимаем» [11]. Несмотря на религиозный запрет, Фуад-паша украсил

свой сад при доме статуями. За подобные нарушения исламских догм мусульманские контерваторы прозвали его вольтерианцем [12].

В то же время он не чурался многоженства. Однажды на одном аристократическом приеме в Лондоне некая знатная англичанка спросила пашу, сколько у него, мусульманина, жен. «Две,— ответил он,— как и у вашего мужа; только он одну скрывает, а я нет» [13]. Однако у Фуад-паши был гарем.

Как пример остроумия и находчивости Фуад-паши в дипломатических кругах циркулировал рассказ о таком эпизоде. На балу, устроенном пашой в своем дворце, жена одного западного посла, пожелавшая быть представленной жене паши, направилась в его гарем. Излишне любопытный атташе посольства ее мужа вызвался ее сопровождать, но Фуад-паша остановил его у двери в гарем, сказав: «Сударь, вы аккредитованы только при Порте», т. е. при правительстве Турции. Это правительство в обиходе называли французским словом Porte, означающим «дверь». Фуад-паша остроумно использовал игру слов [14].

Для определения идейных и политических взглядов Фуад-паши, как и Али-паши и их единомышленников, наибольшее значение имеет их отношение к национально-освободительным движениям угнетенных народов Османской империи. Выше мы упоминали об их теоретических высказываниях в пользу равенства между мусульманами и немусульманами. Тем не менее они во имя сохранения целостности Османской империи и продолжения жестокой эксплуатации угнетенных народов самым суровым образом подавляли национально-освободительные движения, как и недовольство властями, если его проявляли даже мусульмане-нетурки. Еще в 1854 г. Фуад-паша жестоко подавил греческое восстание в Эпире. Так же действовал и Али-паша, подавляя греческое восстание на о-ве Крит в 1861 г. Некоторые современные турецкие историки, желая отметить достоинства Фуад-паши как руководителя и государственного деятеля, подчеркивали, что паша, не раз показавший себя крупным дипломатом, при усмирении критских повстанцев (значительно уступавших туркам в численности и вооружении) обнаружил также качества «выдающегося полководца» [15].

Не менее жестоко действовал Фуад-паша в 1860 г., тогда министр иностранных дел, при подавлении междоусобицы между друзами и маронитами в Горном Ливане и Сирии. Снабженный чрезвычайными полномочиями, имея в своем распоряжении отборные части регулярного войска, Фуад-паша учинил кровавую расправу над друзами; он казнил также 167 турецких офицеров и чиновников, служивших в Сирии, за то, что те не приняли решительных мер для прекращения войны между маронитами и друзами и не наказали участников маронитских погромов [16]. В 1858 г. при обсуждении на международной конференции вопроса о создании единой Румынии в соответствии с решением Парижской

12 Зак. 737

мирной конференции в 1856 г. Фуад-паша всячески противился объединению Молдавии и Валахии в единое государство[17].

Всеми доступными ему средствами Фуад-паша стремился устранить угрозу утраты Османской империей владений на Балканах. Но он понимал, что турецкое правительство уже не в состоянии силой заставить угнетаемые им народы примириться со своим положением и отказаться от борьбы за свою независимость; это было убедительно доказано восстаниями на Балканах в 50—60-х годах XIX в. Все ощутимее становилось и вмешательство западных держав и России в отношения между Портой и ее христианскими подданными. События на Балканах грозили Турции международными осложнениями.

Фуад-паша выражал беспокойство не только по поводу волнений на Балканах. Он высказывал опасения, что армяне и греки, преобладающие в турецкой торговле, а также в других экономических сферах, благодаря знаниям и опыту, которыми они обладают, займут господствующее положение и в административном аппарате. В своем «Политическом завещании» он высказал мысль о «слиянии» армян и греков с турками; очевидно, за этой идеей скрывалось стремление ассимилировать оба эти национальные меньшинства.

Фуад-паша усматривал решающее средство, которое обеспечит развитие Турции по пути всестороннего прогресса и сохранение власти в руках турок, в распространении среди них светского образования. Эту и другие политические идеи он широко излагает в упомянутом «Завещании». Первые издатели этого исторического документа назвали его «Политическим завещанием» (по-турецки: Vasiyetname-i siyasi). Оно представляет собой письмо султану Абдул Азизу, написанное пашой в Ницце незадолго до его смерти в феврале 1869 г. Впоследствии «Завещание» было опубликовано в европейской прессе, а в 1896 г. и на русском языке в переводе с французского[18]. С первых же месяцев после опубликования «Завещания» и до нашего времени происходят дискуссии по вопросу о его подлинности, так как оригинал отсутствует[19]. Вместе с тем исследователи документа признают, что независимо от его подлинности он наиболее полно отражает взгляды Фуад-паши, притом в том виде, в каком они сложились к концу его жизни.

«Завещание» начинается со следующей фразы: «Государь! Мне остается жить несколько дней, быть может, несколько часов. Их я хочу посвятить исполнению священного долга. Я хочу положить к подножию Вашего высочайшего трона выражение моих последних дум. Грустные эти думы, горький плод долгой и несчастной карьеры»! Фуад-паша обращается к султану с просьбой выслушать его без недоверия и призывает «проникнуться великой и горестной истиной. Империя Османов в опасности. Быстрые успехи наших соседей и непостижимые ошибки наших предков поставили нас в положение до крайности критическое. Дабы предотвра-

тить ужасную катастрофу, Вашему величеству необходимо порвать с прошлым миром и вести нас к новым судьбам»[20].

В «Завещании» подвергаются резкой критике «невежественные патриоты-консерваторы», которые уверяют султана, «будто мы нашими старыми средствами можем восстановить наше былое величие. Пагубное заблуждение! Непростительное ослепление!.. Увы, наши соседи совсем уже не таковы, какими они были два столетия назад. Все они шли вперед, и все оставили нас далеко позади... Ныне для того, чтобы удержаться в Европе, Вы должны стоять в уровень не с предшественниками Вашими, не их должны превзойти, а должны сравняться с Вашими теперешними соседями и с ними тягаться. Чтобы лучше уяснить мою мысль, я скажу, что империя Ваша обречена под страхом смерти иметь столько денег, сколько у Англии, столько просвещения, сколько во Франции, и столько солдат, сколько в России. Для нас задача состоит уже не в том, чтобы велик был наш прогресс, а, коротко и просто, чтобы он был равен прогрессу народов Европы».

Как же добиться осуществления этой огромной и труднейшей задачи? Посильна ли она для Турции? Обладает ли она необходимым для этого ресурсами? Фуад-паша отвечает на эти вопросы положительно. Он высказывает уверенность, что «наша великолепная империя предоставляет Вам все элементы для того, чтобы превзойти любую из европейских держав... Дабы достигнуть этого, одно безусловно необходимо. *Мы должны преобразовать все наши политические и гражданские учреждения. Многие законы, полезные в века прошедшие, сделались вредными в наш век. Совершенствующийся человек обязан непрестанно работать над усовершенствованием создаваемого им*» (курсив наш.— *А. Н.*) Последняя мысль, по нашему мнению, является основополагающей политической идеей Фуад-паши; она и выдвинула его на первое место среди реформаторов — его современников.

Как уже говорилось, самыми сильными и влиятельными противниками реформаторов, и прежде всего Фуад-паши, были представители духовенства, прежде всего высшего. Поэтому в «Завещании» он резко критиковал их консерватизм, а с другой стороны, старался всячески доказать, что реформы вполне совместимы с исламом,— даже пытался, отстаивая реформы, опереться на мусульманскую религию. Фуад-паша писал, что ислам, более чем любая другая религия, свободен «от всяких пут и непогрешимых правил», он даже «налагает на нас обязанность идти вперед, развивать до бесконечности наши интеллектуальные способности, искать света не в Аравии (родине ислама.— *А. Н.*), не у мусульман только, но и в чужих краях, хотя бы в Китае, до самых отдаленных стран земли... Исламу принадлежит всегда всякое полезное открытие, все новое в области знания, из какого бы места это ни исходило, от язычников или от мусульман, из Медины или из Парижа».

Развивая далее свою основную мысль, Фуад-паша писал: «Я утверждаю с самым искренним убеждением, что во всех новых учреждениях, которые мы видим в Европе, нет ничего, абсолютно ничего противного духу нашей религии. Я клянусь Вам, что благо ислама требует, чтобы мы неотложно заимствовали эти великие учреждения, без которых не может долее жить ни одна держава в Европе».

Фуад-паша не дает программы использования европейского опыта. «Это великое дело нашего возрождения,— говорится в „Завещании",— захватывает множество вопросов, разработка коих потребовала бы больше сил, чем я имею, и больше времени, чем мне осталось жить». Он рекомендует султану полностью довериться «выдающемуся человеку, которого я был другом и братом», т. е. Али-паше. При этом он все же выделяет три области — органы юстиции, строительство дорог и просвещение. Последнее паша рассматривает как «единственный базис всего социального прогресса». Противников реформ он характеризовал как людей, стремящихся «остановить движение нашего общества»; сами они «далеко не мусульмане, они не более как неверные безумцы».

Нельзя не поражаться той смелости мысли и политической отваге, которые демонстрирует в изложенном документе его автор. В условиях царившего тогда реакционного режима мракобеса султана Абдул Азиза, всесильного влияния духовенства даже такой уважаемый государственный деятель, как Фуад-паша, рисковал всем. Конечно, «Завещание» представляет собой личное письмо султану, написанное перед смертью, притом не в Стамбуле, а в Ницце. Однако документ суммирует взгляды, которые он до этого высказывал публично; и не только взгляды, но и дела.

В оценке этих дел расходились даже современники, наблюдавшие их с близкого расстояния и общавшиеся с Фуад-пашой. Так, посол России в Стамбуле в 1864—1874 гг. Н. П. Игнатьев приводит в своих «Записках» выдержку из меморандума своего министерства иностранных дел от 6 апреля 1867 г., которая гласила: «Все европейские кабинеты единодушно признают, что эти реформы (реформы Танзимата, Гюльханейский хатт и хатт-и хумайюн 1856 г., из которых последний резюмирует программу.— *А. Н.*) не проводились искренне в жизнь»[21].

Н. П. Игнатьев особенно подчеркивал роль Фуад-паши, которого он называл «главным инициатором реформ, предприимчивый ум которого дополнял слишком осторожного великого везира» (Али-пашу.— *А. Н.*). По мнению русского посла, ловкой политикой, «помпезной декламацией» о новой эре либерализма, якобы открытой административными, экономическими и другими реформами, дуумвират стремился добиться благоприятной для Турции перемены в западноевропейском общественном мнении[22].

Такая поверхностная точка зрения на реформы Танзимата была широко распространена в правящих кругах России, обнаружи-

вая непонимание сложных внутренних и внешних условий, которые вызвали настоятельную необходимость в реформах.

В. И. Ленин, определяя понятие «реформа», писал: «Всякая реформа лишь постольку и является реформой (а не реакционной и не консервативной мерой), что она означает известный шаг, „этап“ к лучшему»[23]. О реформаторах нужно судить по тому, что нового и прогрессивного они дали по сравнению со своими предшественниками[24].

После Крымской войны и до начала 70-х гдоов XIX в. был принят ряд важных правовых актов, в том числе закон о земле, окончательно ликвидировавший пережитки военно-ленной системы и остатки класса сипахиев и расширивший возможности вовлечения земли и ее продукции в рыночные отношения. Добавим, что этот закон, распространявшийся главным образом на государственные земли и на часть вакуфных земель, изымал их из юрисдикции шариатских судов и действия соответствующих правовых норм.

Прогрессивное значение имели также уголовный и гражданский кодексы, закон о вилайетах, судебные реформы, расширившие сеть светских судов и их компетенцию, коммерческое законодательство, реформы в области просвещения, культуры и др. Благодаря реформам увеличилось число грамотных и образованных (в светском смысле) людей из турок, ускорилось вызревание и формирование турецкой интеллигенции.

Осуществлению реформ препятствовали влиятельные государственные деятели феодального или полуфеодального типа, могущественное и богатое духовенство. Следы влияния этих реакционных сил можно увидеть на всех крупных актах реформ. Особенно прочно идея неприятия реформ удерживалась в мышлении широких масс мусульман, которых изуверы и фанатики ислама нередко подстрекали на погромы христианских подданных султана. В немалой степени реакционной мусульманской идеологией, а также ограниченностью политических идей самих реформаторов объясняется то, что в целом реформы Танзимата мало затронули экономические, политические и идеологические основы феодальной и полуфеодальной Османской империи и в еще меньшей степени способствовали ликвидации ее главной внутренней проблемы — национально-религиозной.

На проведении в жизнь реформ сказывалось и вмешательство западных держав в пользу христианских подданных султана. Первенствующая роль в этом принадлежала России, продолжавшей и после Парижского мирного договора 1856 г. выступать против политики статус-кво западных держав, за удовлетворение национально-освободительных чаяний угнетенных балканских народов. Это вмешательство держав давало новую пищу реакционерам в их подстрекательских действиях по натравливанию мусульманских фанатиков против реформ и их проводников — Али-паши и Фуад-паши.

С другой стороны, медлительность дуумвирата в проведении реформ вызывала недоверие к Порте у правительств западных держав, которое особенно усиливалось, когда в результате происков интриганов и по прихоти Абдул Азиза Али-паша и Фуад-паша были выведены на некоторое время из правительства (конец 1866 — начало 1867 г.) Пост великого везира занимал тогда Мехмед Рушди-паша. Но уже в январе 1867 г. он подал в отставку, заявив султану, что «только такие люди, как Фуад-паша, пользующиеся доверием Запада, могут добиться осуществления реформ» [24a].

Нам уже приходилось указывать на расхождения между Али-пашой и Фуад-пашой в вопросах о содержании реформ, темпах и методах их проведения в жизнь, об использовании западноевропейского опыта и др.[25]. Тем не менее дуумвират нес совместную ответственность за внутреннюю и внешнюю политику Порты в годы, когда он находился у власти. Однако такие сферы деятельности, как финансы, транспорт, экономические связи с иностранцами, администрация, армия, почти целиком входили в компетенцию Фуад-паши. Наряду с этим он занимал выдающееся место в вопросах внешней политики и международных отношений Турции.

Современники Фуад-паши и последующие исследователи указывали как на успехи, так и на неудачи в его деятельности.

В 1861 г., когда вступивший на престол Абдул Азиз назначил Фуад-пашу великим везиром вместо уволенного в отставку Кыбрыслы Мехмед-паши, международное положение Турции не было еще омрачено какими-либо осложнениями, но сама империя находилась в состоянии кризиса. Сельское хозяйство, промышленность, финансы переживали упадок, армия и флот были поражены коррупцией, в администрации, судах господствовало взяточничество, центральные государственные и провинциальные органы власти были заполнены толпами невежественных, бестолковых чиновников, «едва соответствующих уровню негритянских государств; уровень просвещения масс был ниже, чем в Бразилии и Абиссинии» [26].

Несмотря на столь тяжелое положение империи, ее отсталость, Абдул Азиз тратил огромные суммы из государственной (но не личной) казны на создание «мощной» армии и большого флота. «Побуждаемый своими религиозно-политическими идеями,— писал А. Д. Мордтман,— он хотел восстановить былую силу и блеск наследия Османов и, в случае необходимости, вступить в войну со всей Европой чтобы доказать, что народ Мехмеда Завоевателя и Сулеймана Великолепного еще жив» [27]. По его мнению, величайшая заслуга Фуад-паши, «за которую потомство ему обязано благодарностью, состоит в том, что он оказал значительное влияние на воинственные причуды слабого султана и мир в Европе не был нарушен. Его, пожалуй, следует благодарить за то, что Османское государство пока еще существует, так как султан серьезно на-

меревался после разгрома Черногории[28] объявить джихад всей Европе; последствия такой войны трудно предугадать»[29].

Мордтман, Миллинген и другие видят большую заслугу Фуад-паши как реформатора в разработке закона о вилайетах (Миллинген говорит о реорганизации территориальной системы управления в провинциях)[30]. Фуад-паше приписывается и главная роль в учреждении в Турции Государственного совета (Şura-i Devlet или Devlet Şurası), учрежденного указом султана 5 марта 1868 г. Совет был призван «обсуждать все административные дела». В числе его основных функций предусматривалось также «изучение и подготовка всех проектов законов и постановлений». Совет был совещательным органом при великом везире и не имел права вмешиваться в дела исполнительной власти; его члены назначались указом султана.

Государственный совет был создан по настоятельной рекомендации послов западных держав, особенно французского. Некоторые современные турецкие историки высказали мнение, что он до известной степени носил характер Национального собрания (Э. З. Карал); другой источник — Орхан Алдыкачты рассматривает создание Государственного совета как большой шаг на пути к конституции 1876 г.[31].

Фуад-паша вознамерился показать султану Европу, ее цивилизацию, дабы привлечь его на сторону реформаторов. В 1867 г. впервые за всю историю Османской династии турецкий султан пересек границу своей империи с мирными целями. Но надежды великого везира, сопровождавшего Абдул Азиза в его поездке, оказались напрасными: Абдул Азиз вернулся в Стамбул с такой же ненавистью к европейцам и их порядкам, как и до поездки[32].

Однако наиболее крупные неудачи потерпел Фуад-паша в своих попытках упорядочить государственные финансы — прежде всего изъять из обращения совершенно потерявшие свою ценность бумажные деньги (каймэ), стабилизировать турецкую валюту, восстановить к ней доверие, повысить доходы государства и привести в соответствие с ними расходы правительства, а также султанского двора.

Когда Фуад-паша приступил к своим обязанностям великого везира, он сразу же убедился в том, что империя находится на грани финансового банкротства. Он установил, что за время с 1855 до 1861 г. расходы казны превысили ее доходы на 334 тыс. кесе[33] (денежная единица, равная 500 пиастрам). Для изъятия каймэ из обращения требовалось 200 млн. пиастров, столько же было необходимо для погашения внутренних долгов. Между прочим, сам Фуад-паша, который перед этим «наводил порядок» в Сирии, на свою карательную экспедицию там истратил тоже 200 млн. пиастров[34]. Таким образом, для удовлетворения срочных финансовых нужд государства требовалась огромная сумма — 600 млн. пиастров.

Фуад-паша взял в свои руки руководство финансами. Однако он был совершенно несведущ в этой области и, следуя по пути, протоpенному его предшественниками, узрел якорь спасения в первую очередь в займах у крупных западных банкиров.

В докладе, представленном султану после ознакомления с состоянием финансов, Фуад-паша предложил срочно принять следующие меры: ежегодно составлять и публиковать бюджет государства, осуществлять экономию в государственных расходах, выявить новые источники доходов, изъять каймэ из обращения, для урегулирования чрезвычайных долгов заключить внутренние и внешние займы, а также изыскивать и рекомендовать другие средства, необходимые для осуществления финансовой реформы.

Особенно настойчиво требовали регулярно составлять государственный бюджет европейские кредиторы Порты. Опасаясь за свои деньги, предоставленные ей в кредит, они требовали навести устойчивый порядок в государственных финансах.

Однако осуществить это на деле оказалось невозможным. Хотя и начали публиковать ежегодные таблицы доходов и расходов, они, по существу, ничего общего не имели с действительностью: бюджет, например, показывал даже превышение доходов над расходами. В значительной степени такое положение объяснялось хаотическим состоянием учета доходов и расходов, так как единого центрального финансового органа в стране не существовало; каждое министерство и ведомство само учитывало свои доходы и расходы, и Порта даже не знала их общей суммы по всей империи. Вообще статистический учет не был в чести ни в государственном аппарате в центре, ни в провинциях, так что правительство, например, не имело представления о размерах площадей обрабатываемых земель [35].

Фуад-паша попытался превратить министерство финансов в центральный орган, ведающий доходами и расходами всех министерств, которым, кстати, было запрещено самостоятельно заключать займы, выпускать облигации. Он создал также Центральную счетную палату [36]. Но практически все эти меры дали очень мало. Осведомленный Мордтман через несколько лет констатировал: «Бюджет ныне давно похоронен, остались лишь одни долги. Мы очень хорошо знаем, что при нынешнем беспорядке в государственных расходах еще долгие годы нельзя будет и говорить о бюджете» [37].

Полным провалом закончились попытки Фуад-паши навести экономию в расходовании государственных средств. Он прибег к массовому изъятию в пользу казны серебряной и золотой посуды и утвари, намереваясь переплавить их в монеты; он даже получил на это фетву шейх уль-ислама. Однако Абдул Азиз потребовал от Фуад-паши, чтобы эта мера не распространялась на двор. «Как это возможно,— сказал он, обращаясь к паше,— забрать домашнюю посуду у султанов? К примеру, в местах их прогулок

хранятся серебряные чаши на случай, если им захочется напиться воды; что же, и они будут изъяты?»[38].

Фуад-паша значительно, уменьшил жалованье государственным чиновникам. Даже сумму месячных расходов самого султана он сократил до 5 тыс. кесе; снижены ассигнования и на содержание принцев. Некоторые должности были упразднены. Были увеличены требования к провинциальным администраторам, начиная с вали и ниже, касавшиеся размера отчислений в пользу казны[39]. Однако все эти меры экономии саботировались верхами турецкого общества и чиновниками.

В то же время Фуад-паша, подобно своим предшественникам, ввел новые налоги, которые всей своей тяжестью пали на широкие массы налогоплательщиков, прежде и больше всего на крестьянство. Курьезно, что в правительстве господствовало убеждение, что население Османской империи платит меньше налогов, чем в Англии и Франции: там считали, что на каждого жителя империи приходилось 45 курушей (пиастров) налогов в год, в Англии — 300, а во Франции — 250. Огромную же разницу в доходах налогоплательщиков в Турции и в упомянутых странах Фуад-паша и его единомышленники по финансовому ведомству совершенно игнорировали.

Считая, что турецкие подданные обложены ниже своих возможностей, Фуад-паша ввел новые налоги — на табак, соль, производство шелка, оливкового масла и других сельскохозяйственных продуктов[40].

Эти налоги принесли огромный ущерб сельскому хозяйству и связанным с ним ремеслам и торговле. Так, налог на табак привел к прекращению табаководства в нескольких областях, где оно ранее процветало; налог на шелк вызвал упадок шелководства; налог на соль причинил большой ущерб животноводству, приведя к сокращению поступления шерсти и других продуктов животноводства на рынок и т. д. Особенно пострадали от новых налогов крестьяне, которые были недовольны заменой натуральных налогов (например, десятины) денежными.

В то же время новые налоги не оправдали надежд правительства как источник увеличения доходов казны. Между тем сама Порта в первую очередь была виновата в финансовом кризисе, так как огромные суммы, в том числе полученные по займам от западных банкиров, тратились на войны против народов, добивавшихся избавления от османского ига. Наблюдая гибельную для страны финансовую политику Фуад-паши, Мордтман пришел к такому выводу: «О введении устойчивого порядка в финансах под его, Фуад-паши, управлением нечего было и думать»[41].

Фуад-паша был убежденным сторонником широкого привлечения в страну иностранного капитала и предоставления тому концессий на эксплуатацию недр, строительство дорог, учреждение банков (в их числе Оттоманского банка). Он полагал, что приток

в Турцию западного капитала будет содействовать ее экономическому росту.

Разумеется, здесь следует учитывать такой существенный фактор, как давление правительств западных держав, преимущественно Англии и Франции. Вместе с тем Фуад-паша явно опасался, что растущая экономическая зависимость от западных держав когда-нибудь приведет его страну к банкротству. Рассказывали, что французский посол однажды выразил великому везиру недовольство запустением, царившим в дорожном строительстве, а также беспорядком в государственных финансах. Остроумный паша, прибегнув к игре слов, ответил послу по-французски: «Attendez un peu, Exellence, nous aurons l'un et l'autre, des banques et des routes, enfin la banqueroute!» («Подождите немного, ваше превосходительство, будут у нас и то и другое, и банки и дороги, а в конце концов и банкротство!») [42].

В то время как Порта задыхалась в тисках финансового кризиса и вынуждена была выпрашивать у западных банкиров займы на крайне невыгодных и унизительных условиях, в стране имелись обильные источники дохода — вакуфы, но собранными благодаря им огромными богатствами распоряжалось не правительство, а высшее мусульманское духовенство. Попытки предыдущих султанов прибрать, хотя бы частично, эти доходы к рукам встречали не только со стороны улемов, но и широких масс мусульман упорное сопротивление, и власти в конце концов были вынуждены отступить.

Так произошло и в правление дуумвирата, который сделал было попытку обратить часть доходов вакуфов в пользу государственной казны. Так, в 1867 г. великим везиром был издан указ, изменивший порядок наследования вакуфов. До этого право владения вакуфами могло переходить по наследству лишь по прямой линии от отца или матери к детям, но уже внуки таким правом не пользовались. Если не было детей, завещанное имущество вакуфа переходило к тому религиозному учреждению, в ведении которого оно находилось. Новый указ продлил право наследования вакуфа до седьмого колена включительно. В случае снижения государственных доходов указ разрешал обложить владельцев вакуфов единовременным налогом в размере 15% их доходов, с рассрочкой его уплаты на пять лет.

Но этот указ, как и ряд других, изданных дуумвиратом, перестал действовать после смерти обоих реформаторов — Фуад-паши (1869 г.) и Али-паши (1871 г.) [43]. А еще раньше, в 1869 г., когда перед Портой из-за острой нехватки средств возникла дилемма: либо объявить себя банкротом, либо вновь прибегнуть к займу. Она избрала второе [44]. Острая нужда в деньгах была вызвана огромными расходами, связанными с подавлением восстания критян, взявшихся за оружие, чтобы освободиться от ига султанской Турции.

Расходы на содержание армии и флота превышали действительные потребности. Это было вызвано безудержной коррупцией, которая охватила весь командный состав сверху донизу. «От низших чиновников, которые из доверенных им денег урывают несколько пиастров, до военного министра, который на протяжении ряда лет кладет в свой карман или делит со своими чиновниками суммы, предназначенные на выплату жалованья или экипировку целых батальонов (причем эти батальоны существуют лишь на бумаге), господствует всеобщий грабеж»,— писал Мордтман [45].

Но такое же казнокрадство царило во всем государственном аппарате, в особенности в тех его звеньях, которые были связаны с финансами, в частности с обменом каймэ. Так, одному иностранному банку, который был уполномочен производить операции по погашению каймэ, предъявлялись к обмену непронумерованные каймэ. Проверить такие бумажные деньги было невозможно, и банк отказался принимать их в качестве средства платежа, а затем и к обмену. Последовали длительные переговоры в министерстве финансов Турции, после которых банк согласился признать эти, несомненно фальшивые деньги. Разумеется, все это делалось с ведома и при участии самого министерства [46].

Все неудачи и промахи политики правительства использовались реакционерами для того, чтобы дискредитировать дуумвират и устранить обоих реформаторов от власти. Интриги близких к Абдул Азизу лиц, обострение отношений между капризным султаном и его великим везиром Фуад-пашой привели, наконец, к отставке последнего в июне 1866 г. Правда, под давлением послов западных держав султан оказался вынужденным летом 1867 г. вернуть Фуад-пашу в правительство, но уже в качестве только министра иностранных дел.

Деятельность дуумвирата подвергалась резкой критике со стороны не только консерваторов и реакционеров, но и радикальных групп, представленных тогда «новыми османами» и другими лицами из постепенно формировавшейся турецкой интеллигенции, среди которых преобладали писатели и журналисты. Тон в этой критике задавали руководители «новых османов» во главе с Намыком Кемалем. Во многих статьях, опубликованных в их органе «Хюрийет» («Свобода») в 1868 г., Намык Кемаль и его единомышленники высказывали мнение, что Али-паша и Фуад-паша проводят в жизнь поверхностные и ограниченные реформы, неспособные устранить царящие в стране хаос и произвол. Реформаторов упрекали в том, что они саботируют проведение в жизнь принципов Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г., выработанных их учителем идеологом Танзимата Мустафой Решид-пашой, и заботятся главным образом о личных интересах.

Дуумвирату вменялось, в частности, в вину хаотическое состояние экономики: кризис государственных финансов, плачевное по-

ложение сельского хозяйства и упадок промышленности, вызванный, по мнению «новых османов», свободным доступом на турецкий рынок товаров из развитых промышленных стран.

Особый акцент критики делали на внешней политике дуумвирата. Они обвиняли Али-пашу и Фуад-пашу в уступчивости иностранным державам, а также христианским подданным Турции; в результате, по их мнению, послушно исполняя указания этих держав, паши довели Османскую империю до того, что она утратила свою независимость и стабильность.

Намык Кемаль и другие видные «новые османы» требовали проведения радикальных реформ, направленных против султанского абсолютизма, гарантирующих проведение в жизнь принципов, провозглашенных Гюльханейским хаттом, хатт-и хумаюном 1856 г. и другими правовыми актами о реформах. Среди радикальных реформ, которых требовали «новые османы», на первое место они выдвигали изменение государственного строя путем превращения Турции из страны, где господствует султанский абсолютизм, в конституционную монархию с парламентом западного типа [47].

В критике «новых османов» государственной деятельности Али-паши и Фуад-паши было много верного и справедливого. Однако при этом следует иметь в виду, что в стране еще крайне слабы были классовые и политические силы, которые могли бы служить опорой в борьбе за радикальные реформы. Что касается требования установить в империи строй конституционной монархии, то такой строй был установлен в стране уже через восемь лет конституцией 1876 г., а через несколько месяцев, 19 марта 1877 г., состоялось открытие первого в истории Турции парламента. Но уже менее чем через год (в феврале 1878 г.) парламент был разогнан султаном Абдул Хамидом, а конституция положена под сукно. Она была восстановлена лишь через 30 лет младотурецкой революцией.

Таким образом, в то время когда «новые османы» выдвигали радикальное требование о замене в Турции строя султанского абсолютизма конституционно-монархическим, абсолютисты были еще сильнее небольшой группы конституционалистов, идеи которых не имели сильной классовой опоры в турецкой среде, и, что особенно важно, в армии.

Как было сказано выше, Фуад-паша проявил себя как крупный турецкий дипломат своего времени. Пять раз он был министром иностранных дел и в течение пяти лет великим везиром. Вместе с Али-пашой он осуществлял внешнюю политику Порты, представлял свою страну на международных конференциях, возглавлял ряд дипломатических миссий в европейские страны, был послом в Англии и Франции. В качестве дипломата он пользовался признанием и авторитетом среди своих иностранных коллег.

Фуад-паша умер в Ницце 12 февраля 1869 г. Похоронен в Стамбуле[48].

[1] А. Д. Новичев. История Турции. Т. III. Л., 1973; т. IV, 1978; он же. Али-паша — лидер движения за реформы в Турции (Танзимата) в 50—70 гг. XIX в.— «Вестник ЛГУ». 1977, № 8, с. 56—64.

[2] I. Danişmend. Izahlı osmanlı tarih kronolojisi. T. IV. İstanbul, 1961, c. 129.

[3] M. K. Inal. Osmanlı devrinde son sadriazamlar. İstanbul, 1956, c. 170, 171, 174.

[4] R. H. Davison. Reform in the Ottoman Empire 1856—1876. Princeton, 1963, c. 87.

[5] [A. D. Mordtmann]. Stambul und das Moderne Türkenthum. T. 2. Lpz., 1878, c. 159—160.

[6] R. H. Davison. Reform in the Ottoman Empire..., c. 87.

[7] F. Millingen (Osman Seify Bey). La Turquie sous la règne d'Abdul Aziz. 1862—1867. P., 1868, c. 373.

[8] Cevdet Paşa. Tezakir, № 17. İstanbul, 1953, c. 85.

[9] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. T. VII. İstanbul, 1956, c. 129.

[10] Там же.

[11] Там же, с. 128; M. K. Inal. Osmanlı devrinde son sadriazamlar, c. 129.

[12] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, c. 128.

[13] R. H. Davison. Reform in the Ottoman Empire, c. 90.

[14] [A. D. Mordtmann]. Stambul und das Moderne Türkenthum, c. 161.

[15] O. F. Köprülü. Fuad-Paşa.— İslâm ansiklopedisi. T. 2, c. 675.

[16] Там же, с. 676.

[17] [L. Thouvenel]. Trois années de la Question d'Orient, 1856—1859. D'aprés les papiers inédits de M. Thouvenel par L. Thouvenel. P., 1897, c. 262—267.

[18] «Русская мысль». 1896. Кн. XI, с. 188—197.

[19] Подробно об этом см. в статье: R. H. Davison. The Question of Fuad Paşa's «Political Testament».— «Belleten». Ankara, 1959, № 89, c. 119—136.

[20] Здесь и ниже: «Русская мысль». 1896. Кн. XI, с. 188—197.

[21] Записки графа Н. П. Игнатьева (1864—1874).— «Известия Министерства иностранных дел». 1914. Кн. III. Отдел VII, с. 98.

[22] Там же, с. 98.

[23] В. И. Ленин. Как не следует писать резолюций.— Полное собрание сочинений. Т. 15, с. 107.

[24] Наши обобщенные выводы об итогах Танзимата см. в кн.: История Турции. Т. IV, с. 257—260.

[24а] Записки графа Н. П. Игнатьева, с. 95.

[25] А. Д. Новичев. История Турции. Т. IV, с. 106.

[26] [A. D. Mordtmann]. Stambul und das Moderne Türkenthum, c. 159.

[27] Там же.

[28] Весной 1862 г. Порта обрушилась войной на Черногорию за военную поддержку восстанию в Герцеговине. Пользуясь многократным превосходством в численности и вооружении своих войск, Турция одержала победу, но вынуждена была уступить коллективному давлению держав и заключить с Черногорией мир (в августе 1862 г., когда великим везиром был Фуад-паша).

[29] [A. D. Mordtmann]. Stambul und das Moderne Türkenthum, c. 161.

[30] Там же, с. 169; F. Millingen. La Turquie sous la règne d'Abdul Aziz, c. 329.

[31] Orhan Aldıkactı. Anayasa hukumuzun gelişmesi ve 1961 Anayasasi. T. I. İstanbul, 1968, c. 81—84.

[32] [A. D. Mordtmann]. Stambul und Moderne Türkenthum, c. 173.

[33] O. F. Köprülü. Fuad Paşa, c. 677.

[34] F. Millingen. La Turquie sous la règne d'Abdul Aziz, c. 284.

[35] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, c. 225—226.
[36] Там же, с. 226.
[37] [A. D. Mordtmann]. Stambul und das Moderne Türkenthum. c. 163.
[38] Там же.
[39] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, c. 227.
[40] [A. D. Mordtmann]. Stambul und das Moderne Türkenthum, c. 163.
[41] Там же.
[42] Там же, с. 161.
[43] Там же, с. 170, 195—196.
[44] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, c. 236.
[45] [A. D. Mohdtmann]. Stambul und das Moderne Türkenthum, c. 188.
[46] Там же, с. 192.
[47] Kenan Akyüz. Les jeunes turcs et les reformes dites du Tanzimat.— Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. II. М., 1963, с. 486—489; Ihsan Sungu. Tanzimat ve Yeni Osmanlılar.— «Tanzimat». Istanbul, 1940, c. 119—197.
[48] O. F. Köprülü. Fuad Paşa, c. 678.

И. Е. Петросян

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ЯНЫЧАРСКОГО КОРПУСА

История становления Османской империи теснейшим образом связана с развитием военной организации турок-османов. Длительное время эта организация составляла важный фактор их успешной завоевательной политики, однако история ее изучена еще крайне слабо.

Историков Турции, как у нас в стране, так и за рубежом, издавна привлекали вопросы, связанные с развитием военно-ленной системы, при этом главное внимание уделялось проблемам, имеющим отношение к организации ленного землевладения и землепользования, их эволюции, вопросам земельной собственности. Эта сторона проблемы, тесно связанная с общими вопросами особенностей генезиса и развития феодализма в Турции, привлекает историков-туркологов и поныне. В меньшей степени освещен в советской и зарубежной историографии вопрос о военной организации держателей ленов, сипахи. И почти совсем не изучены проблемы, связанные с историей и организацией войск на жалованьи, так называемых капыкулу, в частности янычарского корпуса.

Создателям Османского государства, которые одерживали свои первые победы с помощью военной силы родо-племенных образований, удалось с течением времени создать весьма совершенную военную организацию, длительное время не имевшую себе равных в Европе. Одним из самых специфических элементов этой организации, возникшим на самых ранних этапах становления Османского государства, явился янычарский корпус, или «новое войско» («ени чери»). Солдаты «ени чери», широко известные под именем янычар [1], долгое время являлись непременным атрибутом и даже символом государства турецких султанов.

Несмотря, однако, на столь широкую известность этого турецкого военного института, почти нет работ, специально посвященных истории создания, развития и организации янычарского корпуса [2]. Необходимость же такой работы, на наш взгляд, существует, ибо в истории Османского государства янычарский корпус с самого момента его создания являлся не только военным, но и важным политическим институтом, оказавшим большое влияние на процессы развития государства.

Настоящая статья ставит своей целью освещение ряда вопросов, связанных с созданием янычарского корпуса и его ролью в процессе становления Османского государства (XIV—XV вв.).

Непосредственным предшественником пехотного войска янычар явилось войско яя, созданное в годы правления Орхана (1324—1359) при активном участии Чандарлы Халиля. При султане Орхане Чандарлы Халиль, выходец из семьи улемов, связанных с религиозным братством ахи, занимал должности кадия в Биледжике, Изнике и Брусе[3]. Его деятельность представляет собой характерное явление в истории раннего Османского государства. Вместе с военными отрядами тюркской племенной конницы, составлявшей основную военную силу первых османских правителей, шли мусульманские проповедники, освящавшие грабительские набеги именем ислама. Те же представители духовенства играли немаловажную роль и в процессе организации первых институтов Османского государства, будучи главными советниками и помощниками первых османских правителей в вопросах организации управления завоеванных земель[4]. Среди них был и Чандарлы Халиль. Одна из самых ранних османских исторических хроник, история Ашыкпашазаде, составленная в конце XV в. на основе недошедших до нас других исторических произведений, сообщает, что по совету Чандарлы Халиля, а также одного из последователей шейха Эдебалы было создано пехотное войско яя из числа тюркского населения османского бейлика. Тюрки, если верить рассказу Ашыкпашазаде, охотно записывались в число солдат яя и даже давали взятки кадию, чтобы быть записанными[5].

О статусе солдат яя ранние османские хроники ничего не сообщают; сохранились лишь сведения об этом более поздних авторов. Так, османский историк XVI в. Саадеддин приводит рассказ, согласно которому солдаты для пехоты яя были набраны среди молодых тюрков. Во время военных походов они получали жалованье, составлявшее 1 акче в день, а в свободное от походов время обрабатывали предоставленные им земельные наделы[6].

Скорее всего, о том же войске яя говорится и в сочинении серба Константина из Островицы, плененного турками к середине XV в. и, по-видимому, служившего в одном из подразделений янычарского корпуса. В составленных им «Записках янычара» хорошо информированный Константин сообщает о том, что при Орхане было создано пехотное войско, получавшее жалованье, продовольствие и оружие. Солдаты этого войска не платили никаких налогов и по первому приказу были готовы «идти пешими ко двору». В то время когда Константин писал свои записки, т. е. к концу XV в., это войско, по его словам, насчитывало две тысячи человек[7]. Сообщение Константина о том, что солдаты яя были освобождены от уплаты налогов, подтверждается и османскими авторами, которые отмечают, что в качестве земледельцев солдаты яя освобождались от уплаты ашара и других налогов[8].

Войско яя, а также конница мюселлем, созданная примерно в то же самое время и имевшая тот же статус, что и яя, представляли собой первые воинские образования в Османском государстве, отличные от военных сил родо-племенной организации. Со временем, в процессе усложнения и совершенствования военной организации турков-османов, войска яя и мюселлем утратили свое первоначальное значение и очень скоро стали использоваться как вспомогательные воинские единицы, которым поручались дорожно-ремонтные и транспортные работы. Они были частично упразднены в конце XVI в.[9].

Османские исторические сочинения второй половины XV в.— хроники Ашыкпашазаде, Оруджа, Нешри[10] — сохранили рассказ о создании другого пехотного войска, корпуса янычар; они относят его появление ко времени правления султана Мурада I (1359—1389). Рассказы названных авторов о возникновении «нового войска», по сути мало отличающиеся друг от друга, явились источником для последующих турецких авторов. Историки Османской династии Ашыкпашазаде, Оруджа и Нешри связывают создание янычарского корпуса с именем данышменда Кара Рустема и упомянутого Чандарлы Халиля.

Кара Рустем, явившийся на службу к Мураду из бейлика Караман, предложил Чандарлы Халилю, который к тому времени занимал пост кадиаскера, отбирать в пользу Мурада одну пятую часть захваченной добычи, и в частности пленных, причем у тех воинов, добыча которых не составляла пяти пленных, было решено взимать пятую часть стоимости каждого пленного. Одному из видных военачальников Мурада, Эвреноз-бею, был отдан приказ совершить набег на земли «гяуров» и пятую часть живой добычи отдать Мураду[11]. Захваченных пленников, которых, как сообщает Ашыкпашазаде, оказалось очень много, Чандарлы Халиль предложил передать анатолийским тюркам для обучения их турецкому языку, с тем чтобы затем составить из них пехотное войско. Пленников этих обращали в ислам и заставляли работать на тех, кому их передавали. Только после этого отправляли их Мураду[12].

Несколько отличается от этого рассказа Ашыкпашазаде версия более позднего периода — середины XVI в., принадлежащая перу одного из великих везиров Сулеймана Великолепного, Рустем-паши. В своем сочинении «Тарих-и Ал-и Осман»[13], составленном не позднее 1560—1561 гг., он, описывая создание при Мураде I янычарского войска и системы пенчик, как называлось взимание одной пятой добычи в пользу султана, довольно точно следует рассказам ранних османских хроник, за одним исключением. Так, Рустем-паша пишет, что Кара Рустему, о котором упоминалось выше, было поручено взимать с возвращавшихся из походов воинов по 25 акче за каждого захваченного ими пленного. Однако взимание указанного сбора оказалось невозможным, так как воины старались миновать пункт переправы через пролив, где находился сбор-

щик, и переправлялись на азиатский берег в других местах. Это вынудило Мурада ввести иную форму взимания пятой части добычи. Был отдан приказ взимать с возвращавшихся из похода воинов не установленный денежный сбор, а одного из пяти захваченных ими пленных. Именно набранные в результате этого мероприятия Мурада пленные, по словам Рустем-паши, после обращения их в ислам и тюркизации в среде анатолийских тюрков были доставлены ко двору Мурада и стали ядром «нового войска», т. е. янычарского корпуса [14].

В целом описание истории создания корпуса, принадлежащее перу Рустем-паши, восходит к рассказам указанных османских хроник, отличается от них лишь в незначительных деталях. Сам Рустем-паша сообщает, что в качестве источника пользовался «Избранными сочинениями» («Таварих-и мухтар») [15].

С иными подробностями описывает историю создания янычарского корпуса анонимный автор еще более позднего трактата, специально посвященного истории, организации и установлениям янычарского корпуса. Этот трактат, называющийся «Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи» (название не авторское, сам автор обозначает свое сочинение лишь термином «рисале») [16], был написан в 1606 г. для султана Ахмеда I (1603—1617). Автор его, не называя своего имени, говорит лишь о том, что прослужил 21 год в войске, занимаясь составлением янычарских дефтеров. Он не указывает письменных источников, которыми пользовался при написании сочинения, говоря лишь о том, что источником для написания трактата послужили рассказы, слышанные им от дедов, а также собственные наблюдения. По замечанию автора, его предки из поколения в поколение со времен Мехмеда Фатиха служили в янычарском корпусе [17].

Несмотря на то, что автор трактата ссылается лишь на устную информацию и на свои знания положения дел в янычарском корпусе, описание истории создания войска янычар, которое он приводит, свидетельствует о его знакомстве с более ранними османскими историческими сочинениями. Так, обстоятельства, повлекшие за собой учреждение янычарского войска, описываются им почти теми же словами, что и Саадеддином. Так же, как последний, он сообщает, что очень скоро после создания войска яя обнаружилась его крайняя недисциплинированность, и это вынудило Мурада I сформировать новое пехотное войско, но уже не из тюрок, а из сыновей «гяуров», т. е. немусульман. Согласно автору, всем кадиям были посланы указы, предписывающие произвести набор юношей среди немусульман. Таким образом была набрана тысяча человек. Все они были зачислены на жалованье, составлявшее 2 акче в день. А поскольку, пишет автор, они были «новыми слугами», их называли «ени чери», т. е. «новое войско». К каждой сотне янычар командиром был назначен яябаши (пехотный командир) [18].

Саадеддин же не сообщает о том, что набор юношей для нового пехотного войска был поручен именно кадиям; он пишет, что для его формирования были назначены специально для этого уполномоченные лица, которые в течение нескольких лет набрали тысячу человек[19].

Таким образом, мы имеем две версии относительно истории создания янычарского корпуса: раннюю, представленную хрониками Ашыкпашазаде, Оруджа и Нешри (эту же версию в основном повторяет в середине XVI в. Рустем-паша) и более позднюю, представленную сочинением Саадеддина и трактатом о янычарском корпусе анонимного автора. Внимательный анализ этих двух версий показывает, что первая из них связывает создание янычарского корпуса с более древней формой его комплектования — системой пенчик; вторая же — с системой набора — девширме (от «девширмек» — набирать), которая ко времени появления сочинений Саадеддина и анонимного автора полностью вытеснила систему пенчик.

Первоначально единственным источником комплектования пехотного войска янычар явилось внимание одной пятой добычи, захваченной во время завоевательных походов, т. е. система пенчик. Сохранилось описание взимания живой добычи, захваченной турками во время сражения под Никополем в сентябре 1396 г. Согласно рассказу баварца Шильтбергера, участвовавшего в сражении в составе войска крестоносцев во главе с венгерским королем Сигизмундом, султан Баязид I, выигравший сражение под Никополем с большими для себя потерями, отдал приказ привести к себе всех захваченных пленных, в числе которых оказался и Шильтбергер. На глазах у Баязида по его приказанию было убито большое число привезенных пленных, и лишь заступничество сына Баязида спасло Шильтбергеру жизнь. Его отвели к группе молодых людей, которым также была сохранена жизнь, ибо, пишет баварец, «не убивали тех, кто не имел двадцати лет от роду»[20]. Только после этого кровопролития, которое, очевидно, носило чрезвычайный характер, так как, по свидетельству Шильтбергера, не встретило никакого сочувствия у самих воинов и окружения султана, Баязид отдал приказ отчислить для себя полагавшуюся ему часть оставшихся в живых пленных[21].

Взятых по системе пенчик пленных использовали по-разному. Шильтбергер, например, сообщает, что часть пленников, доставшихся Баязиду под Никополем, была подарена им египетскому султану и другим правителям. Сам Шильтбергер после того как долгое время исполнял роль слуги Баязида, был включен в состав его конной свиты. В этом качестве он получал от султана жалованье[22]. Судя по всему, Шильтбергер был зачислен в разряд султанского придворного войска на жалованье, ставшего впоследствии известным как «улюфели сипахи» («всадники на жалованье»).

Таким образом, часть пленников, достававшихся султану в качестве пятой части добычи, поступала в число личных слуг-рабов султана и составляла его постоянную вооруженную свиту, часть же, по свидетельству упомянутых выше османских историков, включалась в число янычар. По словам Константина из Островицы, янычары из военнопленных не имели права завещать свое имущество по своему желанию, и оно полностью переходило султану после их смерти [23]. В этом их положение отличалось от статуса тех янычар, которые набирались по системе девширме.

Практика девширме, начало которой, по мнению некоторых авторов, прослеживается с конца XIV в.[24], сформировалась в своем окончательном виде лишь в XVI в. Она отличалась от практики пенчик тем, что набору подлежали не плененные христианские юноши, а сыновья христиан, проживавших на землях, прочно вошедших в состав Османского государства. В середине — второй половины XV в. практика девширме имела место лишь в том случае, если во время походов туркам доставалось незначительное количество пленных и специальные сборщики, обязанные набирать пленных христиан, не могли обеспечить потребности в пополнении янычарского корпуса. Любопытно, что сборщики иногда покупали захваченных турками пленных для нужд янычарского корпуса [25]. Что касается системы девширме, то Константин описывает набор следующим образом: «Тогда он (сборщик) в своей земле у тех христиан, которые имеют юношей, берет их в каждой деревне, определив, какая деревня может дать больше, но так, чтобы общее число было набрано сполна» [26].

Из этого описания явствует, что к середине XV в. набор-девширме производился еще нерегулярно и зависел от возможностей пополнения янычарского корпуса за счет системы пенчик. Он имел место среди покоренных турками христианских народов — среди крестьян, уже считавшихся подданными Османского государства. Численность набираемых зависела целиком от потребностей янычарского корпуса и устанавливалась до проведения набора.

Набранные по системе девширме христианские мальчики, став янычарами, свободно распоряжались своим имуществом, завещая его по своему желанию. Вопреки сложившемуся в туркологической литературе мнению очень рано, к середине XV в., янычары добились права жениться. Дети их могли быть зачислены на янычарскую службу [27]. «Мебде-и канун-и еничери оджагы тарихи» также упоминает о древнем праве янычар жениться, но только после ухода их с действительной службы и с разрешения султана [28].

Так же как и османские историки раннего периода, Константин пишет о том, что предназначенные в янычары мальчики препоручались заботам анатолийских тюрок («за морем»), которые должны были «их оберегать и потом отвезти, куда будет приказано. Затем их сажают в лодки, пригодные для этого, и возят на

них и обучают боевым действиям»[29]. С этого времени им назначалось жалованье, а выслужившихся из их числа посылали на службу ко двору султана[30]. Постепенно набор-девширме почти полностью вытеснил практику пенчик в качестве источника пополнения янычарского корпуса.

Численность янычарского войска в период его создания была сравнительно невелика. В одном из сохранившихся османском источнике, «Фетхнаме», появившемся вслед за битвой на Косовом поле в 1389 г., указывается число янычар, принявших участие в сражении: «Мехмед, ага янычар, со своими двумя тысячами лучников занял место в авангарде»[31]. Во второй половине XV в. при дворе насчитывалось около четырех тысяч янычар[32].

Янычарский корпус был создан как боевое военное подразделение и служил эффективной военной силой особенно при осаде крепостей. Однако для того, чтобы определить боевую значимость войска янычар в ранний период истории Османского государства, следует сравнить его численность с другим военным образованием турок-османов — азебами, которые появились примерно в то же время, что и янычары. Согласно османскому историку Нешри, азебы тоже принимали участие в битве на Косовом поле. Подобно янычарам, во главе их стоял ага[33]. В захвате турками Константинополя участвовало 20 тыс. азебов[34]. Во время борьбы османов с Узун Хасаном под началом румелийского бейлербея находилось 20 тыс. азебов и столько же под командованием анатолийского бейлербея[35].

Ранние османские источники ничего не сообщают об истории создания пехотного войска азебов. Тем ценнее представляются сведения об этом Константина из Островицы. Он пишет, что «пешее войско» азебов было учреждено при султане Мураде I и использовалось при осаде и взятии крепостей. Азебы рекрутировались в случае объявления похода по указу султана, в котором местным властям сообщалось, сколько азебов должно выставить местное население[36]. В военных кампаниях османских султанов принимали участие 20 тыс. азебов из Анатолии и 20 тыс. из Румелии. Во время сражения они стояли с правого и левого флангов от придворного войска султана[37]. Что же касается янычар, то их численность при султане Сулеймане (1520—1566) достигала лишь 12 тыс.[38].

Уже одно только это сопоставление численности янычар и азебов заставляет думать, что не янычары, а азебы составляли основную силу пехоты турок-османов в процессе их первоначальных завоеваний. Это предположение уже было высказано рядом турецких и европейских историков Турции[39].

В отличие от янычар азебы не являлись профессиональным пехотным войском и набирались лишь на время военных действий среди крестьянского населения Румелии и Анатолии. По существу, азебы были ополчением, набираемым местными властями по указу

султана в случае войны. В военное время они, правда, получали жалованье, однако по окончании похода распускались по домам[40]. Согласно кодексу, относящемуся ко времени правления султана Баязида II (1481—1512), от каждых 20 крестьянских семей в османскую армию рекрутировался один азеб, для которого крестьяне были обязаны собрать 300 акче[41]. Несомненно, азебы составляли значительную часть пехоты османского войска.

Что касается янычар, то учреждение их войска при первых османских правителях вызывалось не одними лишь военными потребностями. Янычарский корпус, состоявший на первых порах из личных рабов султана, полностью от него зависящих (а потому, как считалось, и более верных), явился военной силой, постоянно находившейся в распоряжении верховного османского правителя. В первую очередь он призван был защищать власть формирующейся Османской династии. Другое дело, что очень рано янычары стали проявлять себя как не слишком надежные ее защитники. Так, янычары во главе со своим агой Хасаном изменили султану Баязиду во время его сражения с войском Тимура в 1402 г.[42]. В междоусобной борьбе сыновей Баязида за османский престол каждый из них использовал в борьбе против соперников верных ему янычар, которые, однако, и в этом случае оказывались далеко не всегда надежной опорой[43].

Во время этой междоусобной борьбы янычары впервые выступили как военно-политическая сила. Именно они поддержали будущего султана Мурада II против его брата Мустафы, за которого стояли пограничные беи[44]. С этого времени, как верно отмечает турецкий историк Х. Иналджик, поддержка янычар становится главным фактором в наследовании османского престола[45]. В этом смысле показателен эпизод отречения от престола Мурада II в период 1444—1445 гг., иллюстрирующий ту роль, которую начали играть янычары при первых султанах Османской династии. После отказа в 1445 г. от власти Мурада II в пользу Мехмеда II в Эдирне разразился бунт янычар, причиной которого, как полагают, явилась порча монеты[46]. По некоторым сведениям, янычары разгромили дома наиболее знатных и богатых семейств в Эдирне[47]. Это один из самых ранних случаев бунта янычар из-за жалованья. Тогда же янычары, по-видимому, отказались признать султаном Мехмеда[48]. Во всяком случае, известно, что Мурад II был тайно возвращен в Эдирне для занятия османского престола после консультаций великого везира Мехмеда, Халиль-паши, с рядом сановников, в частности с агой янычар Курджу Доганом[49].

Наконец, очень рано янычары начинают исполнять еще одну важную для формирующегося Османского государства функцию — нести гарнизонную службу. В каждой завоеванной турками крепости янычары составляли ядро ее гарнизона и подчинялись непосредственно султану; бейлербеи, управители провинций, не имели над ними никакой власти[50]. В данном случае можно говорить о

том, что янычары являлись важным инструментом в руках султанов, с помощью которого те достигали цели сохранения и укрепления своей власти на завоеванных территориях.

* * *

Обзор основных фактов истории возникновения янычарского корпуса свидетельствует о том, что он явился важным военно-политическим инструментом укрепления могущества Османского государства. Изложение свидетельств источников показывает, что янычарский корпус наряду с подразделениями войск яя, мюсселем и азебов стал одним из значительных элементов созданной османскими султанами новой военной системы, не зависящей от традиций родо-племенной военной организации. Вместе с тем в отличие от других воинских подразделений янычарский корпус очень скоро стал не только воинской силой, но и профессиональной военной организацией, все более и более приобретавшей реальное политическое влияние. Это определялось тем, что янычары не только были постоянным профессиональным войском на жалованьи у султана, но и довольно скоро начали играть роль придворной гвардии султана. Факты свидетельствуют, что во время боевых действий в период, о котором идет речь в настоящей статье, янычары не являлись основной силой турецкой пехоты. Этой силой было войско азебов.

Особое положение янычар как придворной гвардии очень быстро предопределило частую зависимость решения государственных дел, в том числе смены султанов, от позиции, которую занимали янычары. Изучение истории янычарского корпуса представляет интерес для историков Турции на всех этапах его существования, вплоть до его ликвидации в XIX в. Но особенно интересен начальный его период, ибо создание войска янычар связано с весьма важными факторами формирования османской государственности.

[1] Главным образом благодаря непременному описанию янычарского войска в работах европейских путешественников, посещавших Османскую империю.

[2] Исключения составляют в советской историографии диссертация Г. А. Клейнман, в турецкой — монографии И. Х. Узунчаршылы (см.: Г. А. Клейнман. Кризис военной системы феодальной Турции. К истории уничтожения янычарского корпуса. Автореф. канд. дис. М., 1949; I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti teşkilâtından. Kapikulu ocakları. T. 1. Ankara, 1943).

[3] Aşıkpaşazade. Tevarih-i Al-i Osman. Istanbul, 1332 (1913/14), c. 40, 42; I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi. T. I. Ankara, 1947, c. 291.

[4] H. Inalcık. L'Empire Ottoman.— Actes du premier Congrès International des études balkaniques et Sud-Est Europennes. T. III, Histoire. Sofia, 1969, c. 77.

[5] Aşıkpaşazade. Tevarih-i Al-i Osman, c. 40.

[6] Saad ed-Din. Tac at-tevarih. T. I, л. 21a—21б. Рукопись из коллекции ИВ АН СССР, шифр. С 535; M. Akdağ. Osmanlı Imparatorluğunun yükselişi devrinde esas düzen.— «Tarih Araştırmaları dergisi 1965». Ankara, 1967. T. III. № 4—5, c. 151.

[7] Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы. М., 1978, с. 46.

[8] См.: Saad ed-Din. Tac at-tevarih. T. I, л. 21б; Хюсейн. Беда' и 'ул-века' и' (Удивительные события). Ч. I. М., 1961, л. 44б.

[9] Хюсейн. Беда' и 'ул-века' и', лл. 44б—45а.

[10] Подробно об источниках для хроник Ашыкпашазаде, Оруджа и Нешри см.: H. Inalcık. The Rise of Ottoman Historiography.— Historians of the Middle East. L., 1962, с. 152—167.

[11] Aşıkpaşazade. Tevarih-i Al-i Osman, с. 54.

[12] Там же, с. 54—55.

[13] Rüstem paşa. Tarih-i Al-i Osman. Рукопись из коллекции ИВ АН СССР, шифр С 1889.

[14] Там же, л. 36а—36б.

[15] Там же, л. 3б, 10а.

[16] Mebde-i kanun-i yeniçeri ocağı tarihi. Рукопись из коллекции ИВ АН СССР, шифр А 249.

[17] Там же, л. 1б—2а.

[18] Там же, л. 34б, 35а—35б. Ср. Saad ed-Din. Tac at-tevarih. T. I, л. 22а.

[19] Saad ed-Din. Tac at-tavarih. T. I, л. 22а.

[20] Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год.— «Записки Императорского Новороссийского университета». Год первый. Вып. 1—2. Одесса. 1867, с. 5—6.

[21] Там же, с. 6.

[22] Там же, с. 7—8, 13.

[23] Записки янычара, с. 98.

[24] H. Inalcik. The Ottoman Empire. The Classical Age, 1300—1600. L., 1973, с. 78. См. также: S. Vryonis. Isidore Glabus and the Turkish Devshirme.— «Speculum». Cambridge, Mass., 1956, № 3.

[25] Записки янычара, с. 98.

[26] Там же.

[27] Там же, с. 99.

[28] Mebde-i kanun-i yeniçeri ocaği tarihi. Fol. л. 25б—26а, 38б.

[29] Записки янычара, с. 98.

[30] Там же.

[31] Gy. Káldy-Nagy. The First Centuries of the Ottoman Military Organizaton.— «Acta Orientalia». T. XXXI, fasc. 2, Budapest, 1977, с. 165.

[32] Записки янычара, с. 99, 101.

[33] Gy. Káldy-Nagy. The First Centuries of..., с. 162.

[34] Там же, с. 162—163.

[35] Там же, с. 163.

[36] Записки янычара, с. 46.

[37] Там же, с. 101—102.

[38] M. Akdağ. Osmanlı İmparatorluğunun..., с. 155.

[39] Там же, с. 151; Gy. Káldy-Nagy. The First Centuries..., с. 163.

[40] Записки янычара, с. 46.

[41] Gy. Káldy-Nagy. The First Centuries..., с. 163.

[42] Там же, с. 165.

[43] В. Д. Смирнов. Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XVI в. Calepinus Cyriscelebes. (К вопросу о происхождении и значении слова چلبی — челеби).— «Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического Общества». Т. XVIII, 1907—1908. СПб., 1908, с. 2—3.

[44] H. Inalcik. The Ottoman Empire..., с. 19.

[45] Там же, с. 59.

[46] Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi (2-е изд.). T. I. Ankara, 1961, с. 440.

[47] Записки янычара, с. 62.

[48] Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi (2-е изд.), с. 440; Записки янычара, с. 63.

[49] Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi (2-е изд.), с. 440.

[50] H. Inalcik. The Ottoman Empire..., с. 118.

Ю. А. Петросян

МЕХМЕД САБАХЕДДИН И ЕГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Среди общественно-политических деятелей Турции начала XX в. заметно выделяется лидер одного из значительных идейных течений в младотурецком движении принц Мехмед Сабахеддин, воззрения которого определили направленность политической деятельности крупной организации младотурок.

Человек, сыгравший немалую роль в руководстве борьбой против тирании султана Абдул Хамида II, был отпрыском одного из наиболее знатных турецких феодально-бюрократических родов, племянником «кровавого» султана. Мать Мехмеда Сабахеддина Сениха Султан была дочерью султана Абдул Меджида и сестрой Абдул Хамида II. Отец Сабахеддина Дамад Махмуд Джелаледдин-паша (род. в 1853 г.) — крупный сановник и видный государственный деятель Порты, человек для своей среды весьма образованный. В 24 года он имел уже ранг везира, в 25 занял пост министра юстиции. Увлекался литературой и даже сам писал стихи, хотя и не оставил следа в литературной жизни страны.

Дамад Махмуд-паша был сторонником конституционно-монархического режима. То ли по этой причине, а возможно и в результате дворцовых интриг, он был постепенно отстранен от участия в решении государственных дел. После нескольких неудачных попыток склонить Абдул Хамида к восстановлению конституции 1876 г. он принял решение эмигрировать в Европу и в декабре 1899 г. тайно бежал во Францию, взяв с собой двух сыновей — Мехмеда Сабахеддина и Ахмеда Лютфуллаха. В эмиграции Дамад Махмуд-паша примкнул к младотурецкому движению, активно содействовал созыву первого конгресса младотурок в 1902 г. Умер в 1903 г. в местечке под Брюсселем [1].

Когда Мехмед Сабахеддин окунулся в активную политическую деятельность в среде политических эмигрантов-младотурок, ему было 22 года (род. в 1877 г.). Юноша получил отличное по тем временам образование, свободно владел арабским, персидским и французским языками, интересовался самыми различными областями человеческого знания. В 20 лет он увлекался переводом на

турецкий язык произведений Ламартина, а в 22 года, накануне эмиграции, его занимали радиографические лабораторные опыты. Крупный турецкий писатель Халид Зия Ушаклыгиль, говоря о впечатлениях, вынесенных из посещения дома Дамада Махмуд-паши, выражал удивление по поводу образованности и широты взглядов Сабахеддин и его брата[2]. В эмиграции Мехмед Сабахеддин много занимался самообразованием. Он изучал труды французских социологов того времени и вскоре стал приверженцем и активным проповедником идей видного французского социолога Фредерика Ле Пле (1806—1882), инженера, экономиста и социолога, основателя новой социологической школы, известной под названием «Социальная наука». Главным принципом его теории было положение о том, что основой прогресса может быть только моральное и социальное совершенствование личности. В своих социологических трудах Ле Пле сформулировал идеалистическую «теорию социального отбора», согласно которой общественный прогресс и счастье человека обеспечиваются не совершенствованием форм общественного управления, а путем всестороннего развития индивидуума.

Книга наиболее крупного последователя Ле Пле видного французского историка и социолога Эдмонда Демолена (1852—1907) «В чем кроется причина превосходства англо-саксов?» произвела глубокое впечатление на принца Сабахеддина; турецкий исследователь М. Дж. Тютенгиль даже утверждает, что этот труд Э. Демолена «определил его жизненную цель»[3]. Сабахеддин находился в весьма дружественных отношениях с Э. Демоленом, а также с другим видным деятелем того же социологического течения — П. Декампом. На формирование взглядов Сабахеддина также оказали определенное влияние известный французский ученый и популяризатор Элизе Реклю, а также видный французский политический деятель Делансон, занимавший посты морского министра и губернатора Индокитая[4].

Принц Мехмед Сабахеддин с 1900 по 1908 г. был одним из активных деятелей младотурецкой эмиграции. После раскола младотурок на съезде в 1902 г. он создал свою организацию — Общество частной инициативы и децентрализации с центром в Париже. Тайные отделения общества имелись в ряде крупных городов Османской империи (Измире, Эрзеруме, Трабзоне, Дамаске), а также в Каире. В 1906—1908 гг. Сабахеддин издавал в Париже в качестве органа общества газету «Тераккы» («Прогресс»).

В начальный период своей политической деятельности Сабахеддин выступал с довольно общей идеей борьбы с деспотическим режимом Абдул Хамида и призывал к объединению всех народов Османской империи в этой борьбе. Именно эта мысль была лейтмотивом его первого политического выступления в печати, относящегося к 1900—1901 гг. Речь идет о бывшей весьма популярной в кругах младотурок до конгресса 1902 г. брошюре «Всеобщая де-

кларация», изданной в Каире либо в конце 1900, либо в начале 1901 г.[5] и перепечатанной полностью в № 81 газеты младотурок «Османлы» («Османец») в апреле 1901 г. Брошюра была написана от имени Мехмеда Сабахеддина и его брата Ахмеда Лютфуллаха, однако, поскольку последний ничем более не проявил себя в общественно-политической жизни, можно вполне предположить, что содержание «Всеобщей декларации» отражало, в сущности, политические воззрения Мехмеда Сабахеддина в этот период.

Брошюра имела ярко выраженную антидеспотическую направленность. В первых же строках ее авторы утверждают, что «родина стала ареной решительной схватки между свободой и тиранией». При этом они подчеркивают, что свобода и тирания являются двумя основными движущими силами в событиях истории человечества [6].

Весь пафос брошюры концентрируется в обличении тиранического режима Абдул Хамида II. Авторы пишет о том, что подданные султана буквально «изнемогают в когтях деспотизма», что абдул-хамидовский режим — главное препятствие на пути к установлению в Османской империи свободы и справедливости [7]. Вся брошюра пронизана непримиримостью к господствовавшему в стране режиму «зюлюма» и призывом к борьбе за его ниспровержение. Авторы брошюры с гневом и возмущением пишут, что позор, которым обесчестил себя за последние 25 лет правитель, представляющий Османскую династию, может быть смыт только его кровью [8].

Однако в этом первом политическом выступлении принца еще нет практически никакой политической программы. Что будет представлять собой обновленная, освобожденная от тирании Абдул Хамида Османская империя? На этот вопрос брошюра не дает сколь-нибудь определенного ответа. Очевидно, Мехмед Сабахеддин имел в виду восстановление конституции 1876 г., ибо к моменту его включения в деятельность младотурок этот лозунг был бесспорно всеобщим. Но в самом тексте брошюры будущее страны чаще всего образно характеризовалось как «завтрашний справедливый образ правления» [9].

Такая туманность формулировок могла быть вызвана не только незрелостью политических взглядов авторов, но и в не меньшей степени целевой направленностью «Всеобщей декларации». В 1901 г. главной проблемой для лидеров младотурок была задача объединения антидеспотических сил народов Османской империи, создание единого фронта их эмигрантских политических групп и организаций. Дамад Махмуд-паша и его сын Мехмед Сабахеддин были активными пропагандистами идеи созыва конгресса младотурок. Этим фактом определялось и основное политическое содержание «Всеобщей декларации». Не случайно она начиналась обращением «ко всем соотечественникам-османам». Ее авторы доказывали, что необходимо объединение свободолюбивых сил

всех народов империи, подчеркивали, что разрозненные действия различных партий и групп на руку только деспотическому режиму, от гнета которого страдают все народы страны [10].

В момент, когда писалась «Всеобщая декларация», большинство идеологов младотурок настойчиво пропагандировали сформулированную лидерами турецких конституционалистов 60—70-х годов доктрину османизма. Ее суть сводилась к теоретическому обоснованию возможности слияния всех народов Османской империи в некую единую «османскую общину», «османскую нацию», все члены которой будут иметь в реформированном на конституционный лад государстве равные права и обязанности. При этом идеологи османизма отвергали право нетурецких народов Османской империи на национальную самобытность и самостоятельность и, как следствие этого, на национально-освободительную борьбу [11].

В своем первом политическом заявлении принц Сабахеддин выступает в качестве активного приверженца османистской концепции. «Всеобщая декларация» не только содержала призывы к объединению турок, арабов, армян, курдов и других населяющих империю народов в качестве «соотечественников-османов». Ее авторы довольно настойчиво доказывали, что со всех точек зрения — экономической, внешнеполитической, военной и с любой другой — нетурецкие народы империи должны стремиться не к независимости, а к жизни в составе Османской империи в атмосфере «справедливого равенства» [12].

Брошюра «Всеобщая декларация» отражает период в формировании общественно-политических взглядов Сабахеддина, когда он в целом еще не вышел за рамки традиционных для турецких буржуазных реформаторов и конституционалистов второй половины XIX в. представлений о характере общественного прогресса. В это время Сабахеддин не шел дальше пропаганды общих идей борьбы с феодально-абсолютистическим режимом и никак не касался вопросов социальной жизни Османской империи.

Для Сабахеддина было тогда характерно стремление выступать в печати со статьями, в которых опровергались довольно обычные для европейской прессы на рубеже столетий утверждения о том, что турки якобы вообще неспособны к прогрессу. В частности, он опубликовал в одной из французских газет статью под названием «Турки и прогресс», в которой доказывал, что его соотечественники обладают всеми исторически необходимыми для прогрессивного развития чертами. Сабахеддин даже утверждал, что «чуждый их обычаям абсолютный деспотизм» был будто бы результатом персидского влияния на развитие турецкой государственности [13].

До 1906 г. Мехмед Сабахеддин не публиковал работ программного характера, хотя основные идеи его будущей политической доктрины были довольно четко сформулированы в самом названии созданного им Общества личной инициативы и децентрализации.

В 1906 г. Сабехеддин открыто заявил о своей приверженности идеям социологической школы Ле Пле. Его газета «Тераккы» объявила себя «органом сторонников „Социальной науки“ и децентрализации». В дальнейшем из этого девиза были убраны «сторонники „Социальной науки“», которые, вероятно, показались самим издателям газеты слишком уж непонятными для турецкого читателя. Но главная идея социологов — последователей Ле Пле — «развитие личной инициативы» — постоянно присутствовала на титуле газеты: она называла себя органом «сторонников личной инициативы, конституции и децентрализации», а несколько позже — органом «сторонников личной инициативы, конституционной монархии и децентрализации» [14].

В первом же номере «Тераккы» изложение целей Общества личной инициативы и децентрализации было начато словами о том, что это Общество стремится к «популяризации среди соотечественников „Социальной науки“, которая учит свободе личности и общественному счастью» [15]. Здесь же было сказано, что Общество ставит своей целью перевод на турецкий язык наиболее важных трудов, содержащих изложение принципов «Социальной школы».

Сабахеддин неоднократно выступал в «Тераккы» со статьями теоретического характера, в которых он излагал свои взгляды на перспективы прогресса Османской империи. Лейтмотивом его рассуждений была мысль о том, что конституционная реформа сама по себе не спасет страну, не сможет обеспечить ее общественный прогресс. Он утверждал, что одно ниспровержение режима Абдул Хамида и провозглашение конституционной монархии не принесет положительных результатов до тех пор, пока не произойдут принципиальные изменения в характере жизни общества — в «образе нашей жизни», как часто повторял он. Уже в первом номере «Тераккы» Сабахеддин вступил в полемику с деятелями и идеологами организации младотурок «Единение и прогресс», которые доказывали, что достаточно свергнуть ненавистного всем султана, ликвидировать деспотический образ правления и заменить его конституционной монархией, как «все исправится». Сабахеддин говорил, что он не разделяет такой уверенности [16]. В одном из писем, направленных Сабахеддином в этот период его единомышленникам в Турции, он писал: «Мы никогда не сумеем обеспечить свободу и независимость личности простым свержением Абдул Хамида. Если мы не выявим и не устраним коренные причины нашей нищеты, место сегодняшнего Абдул Хамида никогда не будет пустовать: уйдет он — на его место придут другие» [17].

В чем же видел Сабахеддин коренные причины отсталости своей страны? Подробный ответ на этот вопрос дают его работы, опубликованные уже после 1908 г., хотя впервые взгляды Сабахеддина на этот счет были сформулированы на страницах «Тераккы».

Интересна сама история появления трех работ Сабахеддина, известны под общим условным названием «Разъяснения Сабахеддина». Принц вернулся в Стамбул вскоре после младотурецкой революции, 2 сентября 1908 г., когда у власти уже находились деятели иттихадистского крыла младотурецкого движения, с которым Сабахеддин вел в эмиграции постоянную полемику. Младотурки-иттихадисты начали кампанию против Сабахеддина, обвиняя его в попустительстве центробежным тенденциям нетурецких народов Османской империи, пропаганде чуждых турецким общественным нравам и традициям взглядов и т. д. В ответ на это появились статьи Сабахеддина в газете «Икдам» («Прогресс») от 5 и 6 октября 1908 г., которые немедленно были напечатаны отдельной брошюрой под названием «Разъяснение относительно личной инициативы и расширения прав»[18]. Изложенные в ней принципы Сабахеддин несколько ранее публично отстаивал на конференции, устроенной его сторонниками в Стамбуле 3 сентября[19].

В октябре 1908 г. в атмосфере предвыборной борьбы за места в палате депутатов децентралистские идеи Сабахеддина вновь оказались в центре внимания общественности в печати. В частности, его взгляды по вопросу о децентрализации управления империей рассматривались в статье Хюсейна Джахида (Ялчина), опубликованной 26 ноября 1908 г. в газете «Танин». В результате новой дискуссии появилась еще одна брошюра Сабахеддина, под названием «Второе разъяснение относительно личной инициативы и децентрализации»[20].

После подавления контрреволюционного мятежа 31 марта 1909 г. иттихадисты арестовали Сабахеддина. Однако, поскольку не были обнаружены какие-либо доказательства его причастности к мятежу, он через несколько дней был освобожден. Вскоре после этих событий Сабахеддин уехал в Париж[21]. В 1910—1911 гг. он написал там ряд статей в защиту своей доктрины, которые составили книгу под названием «Открытые письма обществу „Единение и прогресс“. Третье и последнее разъяснение относительно нашей доктрины»[22]. В этой работе наиболее полно изложены взгляды Сабахеддина. Последняя из известных нам работ Сабахеддина, в которых излагались его идейные воззрения, была написана примерно в 1913 г., но издана в самом конце первой мировой войны под названием «Как спасти Турцию? Общественная доктрина и программа»[23].

Сабахеддин утверждал в своих работах, что для понимания подлинных причин того или иного состояния общественного организма и для определения путей общественного прогресса необходимо прежде всего выяснение общественной структуры страны. Он писал, что, не разобравшись в структуре общества, не выяснив разницы между структурой анализируемого общества и другими социальными структурами, невозможно реформировать общество на научных основах. «Не сделав этого,— писал Сабахеддин в кни-

ге „как спасти Турцию“,— решиться определять программу реформ, равнозначно тому, чтобы пуститься в плавание на корабле, не имеющем руля»[24]. Подчеркивая, что определяющим фактором общественного прогресса является не форма государственного устройства, а принадлежность общества к тому или иному типу общественной структуры, Сабахеддин писал: «Конституционная форма правления существует и в Испании, и в Англии. Законы республики существуют как на севере Америки, так и в центре и на юге этой страны. Между тем огромные различия между этими обществами, конечно же, проистекают не из сходства их государственных форм; они являются результатом того, что их социальные структуры различны»[25]. Сабахеддин утверждал во всех своих работах, что если не изменится социальная структура общества, то никакие реформы государственного устройства не смогут обеспечить общественный прогресс.

Следуя принципам социологической школы Ле Пле, Сабахеддин утверждал, что существуют два основных типа общественной структуры — «структура партикуляризма» (formation particulá-riste) и «общинная структура» (formation communautaire). Он считал, что народы, жизнь которых протекает в рамках «общинной структуры», лишаются потенции общественного прогресса, поскольку люди, живущие в условиях такой структуры, уповают не на свои силы, а рассчитывают на государство во всем, что касается экономического и культурного развития. «Народы, принадлежащие к „общинной структуре“» (Азия, Африка, Южная Америка, часть Европы, особенно население юга, включая Турцию и Россию и т. д.), не могут найти в себе точку собственной опоры. В зависимости от класса, к которому они принадлежат [те или иные лица], ищут ее в семье, общине, партии или правительстве»[26]. Характеризуя же общие черты «структуры партикуляризма», Сабахеддин писал, что «народы, принадлежащие к структуре партикуляризма, в соответствии с достижениями этой структуры ищут в себе точку опоры, создают общества, которые отличают высокие производительные возможности, инициатива и независимость»[27]. И далее Сабахеддин утверждал, что в условиях «общинной структуры» люди, даже при наличии самых свободных законов, не используют свободу личности, тогда как в условиях «структуры партикуляризма» они упрочивают эту свободу развитием личной инициативы[28].

В другой своей работе Сабахеддин писал, что в условиях «общинной структуры» не развиваются индивидуальные способности людей, личность парализуется, тогда как «структура партикуляризма» дает простор развитию личной инициативы. Он считал, что «структура партикуляризма» типична в целом для «западной цивилизации». Наиболее характерным продуктивным примером развития общества в условиях этой структуры Сабахеддин считал Англию[29].

Однако Сабахеддин, как типичный социолог-идеалист, не отвечает на вопрос, какова связь рассматриваемых «общественных структур» с экономической основой общественной жизни. Он, собственно, и не задавал себе такой вопрос, не понимая, что общественные отношения находятся в прямой зависимости от способа общественого производства. Для него не существовало проблемы изменений в способе производства в качестве основы общественного прогресса; перспективу последнего он видел только в обеспечении простора для развития человеческой личности.

Сабахеддин считал, что исторический общественный прогресс обеспечивается только в условиях, способствующих максимальному развитию личной инициативы. Мысль о том, что развитие личной инициативы и предприимчивости индивидуумов является важнейшей гарантией экономического и культурного прогресса человеческого общества, красной нитью проходит через все его социологические работы. «Если мы не умножим производительные силы своими личными усилиями,— говорил Сабахеддин на конференции в Стамбуле 3 сентября 1908 г.,— то мы снова станем рабами, каким бы большим благом ни была конституция... Нас спасут не законы, не государственные деятели... а только наша собственная работа» [30].

В своих теоретических работах Сабахеддин весьма подробно рассматривал вопрос о роли и месте личной инициативы в жизни общества. Он утверждал, ссылаясь на соответствующий стих Корана, что для того, чтобы жить, человек должен везде — в семье и в обществе — полагаться на себя, искать в самом себе силы для успешного решения любых задач. Сабахеддин подчеркивал, что отсутствие способности к такому подходу определяется отсутствием соответствующего воспитания личности. В результате складывается ситуация, при которой «мы хотим жить, не зарабатывая, богатеть, не работая, и, естественно, обращаемся к правительственной службе...» [31]. Резко критикуя систему правительственной службы, где всякое продвижение определяется не личными качествами человека, а только протекцией, он пишет, что «наша нынешняя бедность в полном смысле слова проистекает от скверного состояния нашего нынешнего образования» [32].

Сабахеддин постоянно подчеркивал в своих работах, что, если семья и школа — эти, по его словам, два основных фактора воспитания — не будут должным образом выполнять свои функции, невозможно будет рассчитывать на прогресс общественного развития; что без решительного оздоровления всей системы «национального образования» невозможен экономический и социальный прогресс. Говоря о воспитании в людях личной инициативы в рамках «структуры партикуляризма», он призывал брать пример с организации школьного дела во Франции, Англии и США [33].

В качестве образца Сабахеддин приводит опыт школы, созданной Э. Демоленом. Он дважды посещал эту школу и описывал в

своих работах систему обучения в ней, организацию быта учащихся, подчеркивал при этом, что в основе деятельности школы было стремление ее организаторов и педагогов в процессе обучения и жизни в школе воспитывать в учащихся чувство личной ответственности за дело, инициативности и самостоятельности. При школе существовало свое хозяйство, где все работы выполнялись учащимися. Сабахеддин обращал внимание на тот факт, что воспитанники школы «очень хорошо подготовлены к жизни» и многие из них быстро достигли значительных успехов [34].

Таким образом, Сабахеддин и в вопросах развития школьного дела был далек от чисто просветительской позиции других младотурецких лидеров. В его представлении, важно было не просто улучшить школьное дело, сделав его инструментом распространения знаний, а превратить школы в центры формирования инициативной, готовой к жизненным испытаниям и борьбе человеческой личности.

Большие дискуссии в среде младотурок как до революции, так и вскоре после нее вызывал принцип децентрализации, ставший лейтмотивом деятельности Сабахеддина и его сторонников. Они считали, что конституционные принципы будут с успехом применены на практике только в том случае, если в основу управления будет положен принцип децентрализации административного управления.

Еще на страницах «Тераккы» Сабахеддин выступил со статьей, в которой проявил себя активным противником централизации. В этой статье он привел пример Франции, которая, по его мнению, пришла в упадок из-за централизации управления. Сабахеддин писал, что принцип централизации независимо от того, опирается ли он на абсолютизм, конституционализм или республиканизм, все равно ведет к упадку [35].

Поскольку в конкретных условиях на рубеже XX столетия в Османской империи принцип децентрализации воспринимался как готовность пойти на расширение местных прав нетурецких народов, оппоненты Сабахеддина из числа иттихадистов-централистов резко нападали на принца и его сторонников. Защищаясь, Сабахеддин подробно изложил свое отношение к принципу децентрализации. Он писал, что османское политическое единение нужно не только стараться защищать, но и укреплять. Если принять во внимание это наше положение, писал Сабахеддин, то «выясняется, что мы не являемся сторонниками автономии под флагом программы децентрализации» [36]. Расматривая суть идеи децентрализации, выдвигаемый им и его единомышленниками, Сабахеддин напоминает о том, что он на страницах «Тераккы» пояснял, что «если парламент означает в центре контроль за соблюдением прав силами депутатов, то децентрализация управления, без сомнения, означает распространение такого контроля на вилайеты силами общественных советов» [37].

Далее Сабахеддин писал, что в «нашей стране невозможно развитие интеллектуальной инициативы при сохранении принципа централизации»[38]. Он утверждал, что для общего развития страны необходимо такое положение, чтобы вилайеты получили расширенные права и, в частности, был увеличен круг полномочий губернатора и других чиновников; кроме того, необходимо создать общественные советы, с тем чтобы народ был бы причастен к контролю над местными доходами и расходами. При этом Сабахеддин подчеркивал, что его предложения вытекают из статьи 108 конституции 1876 г.

Сабахеддин пояснял, что выдвигаемый им принцип децентрализации нельзя рассматривать как некую автономию того или иного района страны. «Некоторые наши соотечественники рассматривают децентрализацию как автономию. Это неправильно»[39]. Децентрализация, по его мнению, может быть двоякой — децентрализацией политической и децентрализацией управления; пример политической децентрализации — отношения между Англией и Канадой. Сабахеддин заявил, что он стремится лишь к расширению прав вилайетов, т. е. децентрализации управления. «Расширение прав, по его словам,— по существу, не что иное, как децентрализация»[40].

Все эти разъяснения Сабахеддин давал на упомянутой выше специальной конференции, которую он провел в помещении театра «Варьете» 3 сентября 1908 г. Сказав о необходимости общественных советов (меджлисов) в вилайетах, он, в частности, сослался на Мидхат-пашу: «Человек, который думал о децентрализации гораздо раньше нас, в своих литературных произведениях требовал осуществления этого принципа. Мы хотим продолжить его дело... То, что называется децентрализацией, не означает автономии управления, отнюдь нет»[41]. Далее он заявил о себе как о стороннике децентрализации на основе доктрины османизма. «В настоящее время,— сказал принц,— у нас в стране живут представители самых разных национальностей — турки, арабы, албанцы, курды, греки, армяне. Их общая выгода — не принести вреда нашему политическому единству»[42]. Из всех этих народов может быть создана, утверждал Сабахеддин, «великая общность» под знаменем османов.

Так Сабахеддин отвечал на упреки своих оппонентов в том, что предлагаемая им децентрализация означает лишь подготовку к предоставлению автономии ряду районов Османской империи, в которых преобладает нетурецкое население.

Принц Сабахеддин в своих работах касается такой важной проблемы, как развитие экономики страны. В упомянутых «Открытых письмах обществу» он, размышляя о нуждах экономического развития Османской империи, особо подчеркивает необходимость развития сельского хозяйства[43]. При этом он отмечал, что турецкий крестьянин, несмотря на то, что именно его труд кормит

страну, угнетается больше всех. Он говорит также о молодой интеллигенции, которой предстоит выполнить ответственную роль налаживания связей между беззащитным крестьянством и городской молодежью, страдающей, в свою очередь, от стесненности своего экономического положения[44]. Таким образом, у Сабахеддина вырисовывается понимание значения объединения усилий крестьянства и городских слоев в борьбе за лучшее будущее.

В своих работах Сабахеддин касается и вопросов внешней политики страны. Он считал, что залогом успешной внешней политики Османской империи является укрепление дружбы с Францией и Англией. И тут же подчеркивает, что в Лондоне и Париже могут быть получены займы, необходимые для экономического развития страны[45]. Таким образом, и здесь Сабахеддин выступал отнюдь не как философ-идеалист, а как политик, готовый к компромиссу с западными державами.

В наиболее обобщенном виде взгляды Сабахеддина изложены в его посмертной работе под названием «Как спасти Турцию». Она, по существу, представляет собой изложение всей системы взглядов Сабахеддина как социолога и политика. С самого начала он подчеркивает, что прежде чем реформировать общество, нужно проанализировать его структуру; турецкие же политические деятели совершенно не придают значения такому анализу: «С периода Танзимата все увеличивающееся число реформаторов лелеяло искреннюю надежду возрождения, но каким образом осуществится это возрождение, они, безусловно, предугать не могут. Они лишь выдвигают в качестве условия прогресса необходимость свободы, конституции, просвещения, морали и, наконец, вестернизации. Они придерживаются того же и поныне. Однако все эти заявления ни на пядь не смогут сдвинуть ни общества, ни образ мыслей, направляющий его на путь реформ, так как эти желаемые вещи не создают социальной структуры — напротив, социальные структуры создают их в положительном либо отрицательном значении...»[46]. Далее Сабахеддин излагает описанные выше «структуру общины» и «структуру партикуляризма».

Стремлением доказать преимущества второй структуры над первой пронизана и эта, последняя его работа. В очередной раз он пытался доказать своим читателям, что «структура партикуляризма» даст простор для всестороннего развития человеческой личности. Подчеркивая еще раз, что дело не в форме государственного устройства, Сабахеддин писал, что демократия, развивающаяся в западных странах, республиканский строй не приводят в каждом обществе к одинаковым результатам. Характерная особенность западной цивилизации — «структура партикуляризма», которая дает, по его мнению, простор развитию личности. Что же касается восточных обществ, то в них наблюдается, как считает Сабахеддин, противоположная структура — «структура общины», т. е. такой образ жизни, при котором общественная жизнь определяет жизнь

отдельной личности. «Поэтому,— писал он,— еще за многие годы, предшествовавшие Конституции (восстановлению конституции 1876 г.— *Ю. П.*), мы говорили о том, что невозможно добиться действительной независимости лишь путем смены правительства или законов. Эти выводы, бывшие результатом исследования нашей социальной структуры, были целиком подтверждены событиями. Как это было и при абсолютизме, мы не смогли освободиться от гнета, деспотизма и анархии и в период конституции» [47].

Сабахеддин утверждал в этой, последней своей работе, что возрождение общества зависит лишь от суммы людей, у которых развита личная инициатива. «Для осуществления этой цели необходимо,— вновь подчеркивает он,— чтобы были мобилизованы все социальные возможности, семья, школа, т. е. все области индивидуального воспитания. Приобретение каждой личностью инициативы — качества, на которое можно положиться в жизни, даст возможность изменить все институты общества» [48].

В развитии общественно-политической мысли Турции периода подготовки и проведения младотурецкой революции 1908 г. идеи Сабахеддина занимают особое место. В отличие от главных идеологов младотурок — иттихадистов, по существу пользовавшихся в своей политической борьбе идейным арсеналом своих предшественников — «новых османов», Мехмед Сабахеддин предложил новые для турецкой общественной мысли методы социально-экономической трансформации современного ему полуфеодального общества. Он не пропагандировал абстрактные идеи просветительства, а боролся за коренную перестройку методов обучения, ставя во главу угла воспитание духа личной инициативы и практические задачи экономического и культурного прогресса.

Взгляды Сабахеддина стали важным фактором идейной жизни не только части младотурок, но и определенного слоя молодой турецкой интеллигенции. Особо стоит выделить то обстоятельство, что Сабахеддин был едва ли не первым турецким общественно-политическим деятелем, который вышел в пропаганде западнических идей за рамки просветительства. Его деятельность привела к распространению в просвещенной части турецкого общества той поры принципиально новых для него идей и концепций.

Вместе с тем, оценивая его взгляды, необходимо постоянно помнить, что базой для пропаганды его идей Сабахеддину служила реакционная доктрина османизма, явно несовместимая с его собственными «партикуляристскими» рассуждениями. В целом Сабахеддина следует характеризовать как социолога-эклектика. Собственной теории он и не пытался создать.

Охарактеризованные выше взгляды и суждения Сабахеддина свидетельствуют о том, что он был одним из первых в своей стране идеологов свободного капиталистического предпринимательства. Как отмечает О. Г. Инджикян, достоин внимания и его интерес к социально-экономическим проблемам, которые были связаны с

положением крестьянства и буржуазии его страны. Говоря в своей газете «Тераккы» о революционных событиях 1906—1907 гг. в различных районах империи, Сабахеддин открыто приветствовал народные выступления в Кастомону и Эрзуруме, писал о пробуждении турецкой деревни. «Эти явно народнические нотки,— пишет Ю. Г. Инджикян,— на наш взгляд, свидетельствуют о демократическом характере его программы»[49].

И если такую оценку нельзя считать окончательной, то следует все же признать, что подход Сабахеддина ко многим проблемам страны был значительно прогрессивнее и демократичнее, чем у лидеров младотурок — иттихадистов.

Взгляды и программа Сабахеддина были весьма популярны в среде младотурок в эмиграции. Один из турецких исследователей даже считает, что более половины организаций и групп младотурок поддерживало принципы созданного Сабахеддином Общества[50]. В дальнейшем, однако, особенно после революции 1908 г., стал очевидным идейный перевес иттихадистов, что во многом определялось пребыванием их у власти в стране. Их программа и идеологическая доктрина больше импонировали молодой турецкой буржуазии и буржуазной интеллигенции, стремившихся непременно сохранить империю и власть над нетурецкими народами.

Тем не менее взгляды и деятельность Сабахеддина стали заметной страницей в истории общественно-политической и философской мысли Турции. Его идеи свидетельствуют о том, что он и его сторонники представляли собой достаточно своеобразное и самостоятельное направление в этой истории.

[1] Подробнее о деятельности Махмуда-паши в эмиграции см.: Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение. М., 1971, с. 202 и след.

[2] M. C. Tütengil. Prens Sabahaddin (1877—1948).— «Sosyoloji dergisi». İstanbul, 1949, № 4—5, с. 187.

[3] Там же.

[4] Там же, с. 188.

[5] Беянname-и умуми, [б. м., б. г.] (араб. шрифт).

[6] Там же, с. 3.

[7] Там же, с. 4—5.

[8] Там же, с. 14.

[9] Там же, с. 14.

[10] Там же, с. 5, 14.

[11] См. об этом: Ю. А. Петросян. К изучению идеологии младотурецкого движения.— Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 221—227.

[12] Беянname-и умуми, с. 11.

[13] M. C. Tütengil. Prens Sabahaddin, с. 192.

[14] Там же, с. 192—193.

[15] Цит. по: Y. H. Bayur. Türk inkilabı tarihi. T. I. Ч. 1. Ankara, 1963, с. 273.

[16] Излагается по: М. Сабахеддин. Меслекимиз хаккында учюнджю ве сон бир изах. [Истанбул], 1328/1910 (араб. шрифт).

[17] Там же, с. 3.

[18] М. Сабахеддин. Тешеббюсю шахси ве тевси-и мезуниет... Дерисаадет, [1324/1908] (араб. шрифт).

[19] АВПР, ф. Канцелярия, 1908, д. 39, лл. 260—261; М. С. Tütengil. Prens Sabahaddin, с. 197—198.

[20] М. Сабахеддин. Тешеббюсю шахси ве адем-и меркезиет... Истанбул, 1324/1908 (араб. шрифт).

[21] М. С. Tütengil. Prens Sabahaddin, с. 204.

[22] М. Сабахеддин. Меслекимиз хаккында учюнджю...

[23] Это единственная теоретическая работа Сабахеддина, оказавшаяся нам недоступной. Весьма подробный разбор ее содержится в статье Дж. Танёла, опубликованной в «Социологическом журнале» Стамбульского университета (С. Тапуоl. Prens Sabahattin. İctimai monografi.— «Sosyoloji dergisi». 1949. № 4—5, с. 145—175).

[24] Цит. по: там же, с. 155.

[25] Там же.

[26] М. Сабахеддин. Меслекимиз хаккында учюнджю..., с. 70—71.

[27] Там же, с. 71.

[28] Там же.

[29] С. Тапуоl. Prens Sabahattin. İçtimai monografi, с. 156.

[30] Цит. по: М. С. Tütengil. Prens Sabahaddin, с. 198.

[31] М. Сабахеддин. Тешеббюсю шахси ве тевси-и мезуниет..., с. 15.

[32] Там же, с. 17.

[33] М. Сабахеддин. Меслекимиз хаккында учюнджю..., с. 83, 99.

[34] Там же, с. 83—88.

[35] М. С. Tütengil. Prens Sabahaddin, с. 193.

[36] Цит. по: там же, с. 200.

[37] Там же.

[38] Там же, с. 201.

[39] Там же, с. 197.

[40] Там же, с. 198.

[41] Там же.

[42] Там же.

[43] М. Сабахеддин. Меслекимиз хаккында учюнджю..., с. 81.

[44] Там же.

[45] Там же, с. 120—121.

[46] Türkiye nasıl kurtarilabilir, с. 28, цит. по: С. Тапуоl. Prens Sabahattin, с. 155, 156.

[47] Там же, с. 156.

[48] Там же, с. 157.

[49] О. Г. Инджикян. Буржуазия Османской империи. Ер., 1977, с. 234—235.

[50] Там же, с. 232.

Ю. А. Петросян

НЕКОТОРЫЕ УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Исследование истории Османской империи в эпоху нового времени имеет в нашей стране не столь уж долгую традицию. Достаточно напомнить, что первые марксистские (а по сути дела, вообще первые) работы по новой истории Турции появились у нас в 30-х годах, когда были изданы труды А. А. Алимова, Х. И. Муратова, Х. А. Цовикяна. Они были посвящены преимущественно проблемам общественно-политических движений в Турции накануне младотурецкой революции, характеру этой первой турецкой буржуазной революции, а также влиянию на события в Турции русской революции 1905 г. Важным вкладом в изучение социально-политической истории Турции эпохи нового времени стали широко известные книги А. Д. Новичева об экономике Турции в XIX — начале XX в.[1], в которых представлен значительный материал и важные выводы для изучения экономической истории Турции эпохи нового времени.

Но особенно интенсивно развернулись работы по изучению новой истории Турции в послевоенные годы. Начало им было положено фундаментальной работой А. Ф. Миллера о деятельности Мустафа-паши Байрактара[2], в которой рассмотрены многие аспекты социально-экономического и политического положения Османской империи в начале XIX в. К числу значительных работ по истории Турции эпохи нового времени следует отнести изданный ЛГУ труд А. Д. Новичева «История Турции» (т. II—IV)[3], в котором рассмотрение внутри- и внешнеполитических событий доводится до 1875 г. Высоко оценивая эту работу А. Д. Новичева, в целом нельзя не сказать, что издание этой очеркового характера книги не только не снимает, но, наоборот, подчеркивает необходимость монографического исследования ряда узловых проблем новой истории Османской империи в эпоху нового времени, о которых речь пойдет ниже.

Оценивая то, что уже сделано, следует сказать, что советскими историками-туркологами продолжено изучение социально-экономической истории Османской империи рассматриваемого перио-

да. Хорошо известна книга О. Г. Инджикяна о буржуазии Османской империи [4]. Эта работа — значительный вклад в создание столь всем нам необходимой экономической истории Турции в эпоху нового времени. В упомянутых выше книгах А. Н. Новичева по истории Турции уже много сделано для раскрытия содержания танзиматских реформ и их места в истории Турции. В сочетании с книгой Ф. Ш. Шабанова о правовой системе Турции в эпоху Танзимата [5] проделанная А. Д. Новичевым работа создает хорошие предпосылки для углубленного исследования танзиматских реформ во всех аспектах.

Проведена работа по изучению прогрессивных общественных движений в Османской империи второй половины XIX — начала XX в. Опубликованы книги о «новых османах» и конституции 1876 г., младотурецком движении конца XIX — начала XX в.[6]. Издана работа о крупном турецком государственном деятеле второй половины XIX в. Мидхат-паше [7]. Написаны солидные работы о младотурецкой революции [8] и о Турции эпохи правления младотурок [9].

Советские туркологи, таким образом, уделили уже значительное внимание исследованию внутриполитических проблем Турции нового времени; немало сделано и для изучения ее внешнеполитической истории. Хорошо известны работы советских историков о Крымской войне и ее международном значении. Вместе с тем нельзя не сказать, что мы испытываем потребность в книге «Турция в Крымской войне».

Из работ последних лет отметим книгу В. И. Шеремета «Турция и Адрианопольский мир 1829 г.» [10] и коллективную монографию «Восточный вопрос во внешней политике России» [11]. Эти труды — существенный вклад в подготовку будущей обобщающей работы о внешнеполитической истории Турции конца XVIII — начала XX в. Большое значение для понимания внутриполитического и международного положения Османской империи конца XIX — начала XX вв. имеет интересная книга Е. К. Саркисяна «Политика Османского правительства в Западной Армении и державы в последней четверти XIX — начала XX вв.» [12]. Издана полезная работа Н. А. Дулиной об османской дипломатии эпохи Танзимата [13].

Если проблемы политической и социальной истории Османской империи эпохи нового времени хотя бы частично изучены — опубликован, как было сказано, ряд значительных работ,— то этого, к сожалению, почти совсем нельзя сказать об истории культуры страны этого периода. До настоящего времени мы имеем только работу об основных этапах развития просвещения [14] и еще одну о печати и ее роли в общественно-политической и культурной жизни страны [15]. Эти книги намечают пути исследования других, наиболее значительных проблем истории культуры Турции эпохи нового времени. Еще меньше сделано нашими историками для исследования истории общественно-политической мысли Турции в XIX—нача-

ле XX в.— период принципиально важный как время становления и развития важнейших идейных концепций, сыгравших большую роль в политическом и социальном развитии страны. Единственным, хотя и весьма существенным вкладом в изучение общественно-политической мысли Турции рассматриваемого периода является книга Э. Ю. Гасановой о становлении идеологии буржуазного национализма в период младотурок [16].

Сказав кратко о проделанной советскими турκологами работе в указанной области, сделаем попытку сформулировать те проблемы, решение которых, на наш взгляд, возможно и необходимо.

Прежде всего, мы остро нуждаемся в хорошо документированном, основанном на глубоком изучении всего доступного круга источников труде по экономической истории Османской империи эпохи нового времени. Думается, что коллективными усилиями советских турκологов такая книга, которую следовало бы назвать «Экономическая история Османской империи в эпоху нового времени», могла бы быть подготовлена. В ней, видимо, будет необходим солидный вводный раздел, характеризующий основные черты развития экономики средневековой Турции; без этого, пожалуй, трудно понять и объяснить многие особенности экономического развития Турции в XIX — начале XX в. Большой вклад в создание такой работы, как это показала книга О. Г. Инджикяна, могли бы внести армянские и грузинские исследователи, располагающие ценнейшим архивным документальным материалом. Важными для темы будут, конечно, и труды и публикации болгарских туркологов. Наконец, необходимо широко использовать работы турецких историков, в особенности их публикации документальных материалов по средневековому периоду, которые могут дать ключ к пониманию проблем социального и экономического развития страны в XIX в.

Представляется, что в будущей «Экономической истории Османской империи в эпоху нового времени» важное место заняло бы освещение особенностей социального развития турецкой деревни, характера производительных отношений в сельском хозяйстве империи, особенностей этих отношений в различных регионах страны. В книге необходимо будет дать полный ответ на такие вопросы, как причины экономической отсталости Османской империи в XIX в., объяснить ту легкость, с которой некогда могущественная империя превратилась в полуколонию иностранного капитала. Наконец, книга об экономической истории Турции в рассматриваемый период могла бы стать ключом к пониманию особенностей социального развития турецкого государства и общества в эпоху нового времени. Только тщательный анализ экономики страны позволит ответить на вопрос о значимости, причинах успеха или неудач реформ первой половины XIX в. и общественных движений второй половины XIX — начала XX в.[17].

Другая важная тема, ожидающая своего исследователя,— реформы Селима III и Махмуда II. Это настолько значительные события в истории Турции эпохи нового времени, что без их глубокого анализа невозможно понять и оценить положение страны и его особенности в первые десятилетия XIX в. Между тем до настоящего времени мы знаем об этих реформах крайне мало. Не исследованы все документальные источники, содержащие данные о реформах и их претворении в жизнь. Мы очень плохо представляем себе действие механизма этих реформ вне столицы, в обширных провинциях Османской империи. Недостаточно изучен вопрос об идейном влиянии Запада на возникновение и развитие реформаторских идей и т. п. Очевидно одно: для правильной оценки социального и политического развития Турции первой половины XIX в. нужна специальная монография о реформаторских движениях и идеях этого периода, их вдохновителях и идеологах, конечных результатах.

К этой книге непосредственно должна была бы, как нам представляется, примыкать монография на тему «Османская империя эпохи танзиматских реформ». Как отмечалось выше, работы А. Д. Новичева, Ф. Ш. Шабанова и Н. А. Дулиной подводят нас к созданию такой книги. Но на пути ее будущих авторов много трудностей. Необходимо, прежде всего, исследовать весь свод турецких законов эпохи Танзимата, выявить источники (обычно европейские) нового законодательства, исследовать характер применения нового законодательства на практике. Нужно, короче говоря, на конкретных фактах показать, к каким социальным и экономическим переменам привели Турцию танзиматские реформы. Это задача не простая, но до тех пор, пока мы ее не решим, невозможно дать прямой ответ на принципиальный вопрос: принес Танзимат Турции какие-либо серьезные сдвиги в экономике и культуре или ограничился внешней «модернизацией» государства? Книга о Танзимате — одна из актуальнейших задач советских историков Турции.

Существует необходимость исследования всего комплекса государственных учреждений и правовых институтов Турции эпохи нового времени. Книга Ф. Ш. Шабанова лишь первый шаг в этой области. Между тем было бы весьма полезно располагать работой, показывающей в динамике их развития не только центральные, но и провинциальные органы власти, роль и значение религиозных установлений и ряда сложившихся традиций в процессе функционирования государственных и правовых институтов. Наконец, такая работа, которую, вероятно, надо создавать усилиями туркологов, арабистов и балканистов, должна показать специфику административного развития различных провинций Османской империи.

Поскольку мы коснулись этой темы, хотелось бы сказать, что крайне мало внимания уделяется вопросу о роли и месте нацио-

нальных меньшинств в жизни Османской империи этого периода. Мы хорошо исследуем национально-освободительное движение нетурецких народов Османской империи, но очень плохо изучаем механизм, с помощью которого правительство сохраняло свою власть над оставшимися в составе империи народами. В частности, заслуживает внимания и изучения правовой статут общин — миллетов, создававший до определенной поры иллюзию культурной автономии в рамках империи.

Вообще была бы, по-видимому, полезна работа, рассказывающая о правовом и социальном положении нетурецких народов империи. Здесь, конечно, может идти речь не об одной, а о серии книг, подготовленных туркологами, балканистами, специалистами по истории Закавказья и т. д. Армянские историки уже внесли большой вклад в освещение этой темы, издав ряд работ о национально-освободительной борьбе армянского народа против турецкого ига. Широко известны публикации документов, в особенности книга «Геноцид армян в Османской империи»[18]. Исследования армянских историков разоблачают жестокий и ассимиляторский характер деятельности османского правительства на территории Западной Армении. Касаясь этой темы в целом, хотелось бы высказать мысль о возможности создания работы обобщающего характера «Национальный вопрос в Османской империи в эпоху нового времени». Такой труд — вероятнее всего коллективный — мог бы принести большую пользу при создании в будущем обобщающего марксистского исследования по всему комплексу проблем новой истории Турции.

Одна из актуальных задач историков-турокологов — изучение процесса становления и развития тех социальных сил, которые послужили опорой реформаторских и революционных общественных движений второй половины XIX — начала XX в. Действительно, мы до сего дня крайне плохо представляем себе социальную базу конституционного движения 60—70-х годов и младотурецкого движения конца XIX — начала XX в. Дальнейший поиск источников, анализ новых документальных материалов должны дать ответы на вопросы о социальном характере «новых османов» и младотурок.

Необходим вместе с тем более углубленный анализ идейно-политических воззрений деятелей этих движений, и в особенности влияния западных идей и концепций на их развитие. Во всяком случае, со временем, очевидно, следует ожидать появления книги «Идеология младотурецкого движения». Такая книга была бы важным вкладом в изучение истории общественно-политической мысли Турции в рассматриваемый нами период. Но подобная работа — лишь начало изучения общественно-политической мысли Турции на разных этапах ее развития. Нам нужны книги о различных идейных течениях — о так называемых «западниках», исламистах, пантюркистах и других группировках, отражавших

различные тенденции развития развивающейся турецкой национальной буржуазии.

Крайне необходима нам книга очерков о культурном развитии Османской империи в XIX в., в период, когда здесь происходила ломка средневековых, традиционных представлений о нормах жизни человека и общества. В этой книге, вероятно, значительное место займет вопрос о влиянии Европы на культурное развитие Турции в этот период. Однако при этом должное место следует уделить вопросу о культурном взаимодействии различных народов Османской империи, в частности тому, что на развитие турецкой культуры этого периода большое влияние оказали нетурецкие народы империи, находившиеся на более высокой стадии культурного развития. В будущей книге «Очерки истории культуры Османской империи в эпоху нового времени» должны будут найти отражение не только наука, культура и быт, но и различные стороны идейно-политической жизни турецкого общества конца XVIII — начала XX в. Значительное место, в частности, в такой книге должно быть уделено острому противоборству старого и нового в развитии турецкой культуры, показу того, как новые культурные институты пробивали себе дорогу в борьбе с очень сильными и влиятельными во всех сферах жизни средневековыми религиозными нормами и традициями.

Вообще надо заметить, что мы все еще очень плохо — во всяком случае недостаточно предметно — представляем себе реальное влияние ислама на социальную и общественную жизнь Османской империи в период нового времени, мало знаем о роли духовенства в политической и общественной жизни страны. Более того, мы в общем поверхностно представляем себе роль религии и религиозных институтов в средневековой Турции. Несколько выходя за рамки темы статьи, посвященной новой истории Турции, хотелось бы отметить, что необходимо готовить кадры специалистов-исламоведов, способных изучить особенности развития мусульманских религиозных институтов на турецкой почве. Без специальной подготовки эту тему не осилишь. А нам очень была бы полезна такая книга, какую подготовил на материале Ирана И. П. Петрушевский. Речь идет о всем хорошо известной книге «Ислам в Иране в VII—XV вв.» [19]. Будем надеяться, что со временем туркологи подготовят книгу «Ислам в Османской империи». Такая работа несомненно помогла бы глубже проанализировать социальные, культурные и правовые институты империи, понять их специфику, причины той или иной трансформации.

Заслуживает внимания и такая область, как историческая этнография народов Османской империи. Как реально выглядела этнографическая карта страны в эпоху нового времени, каков был социальный уровень развития и правовой статут различных народов империи, чем характеризовался быт этих народов, каковы были их культурные традиции? Все эти вопросы, возможно, и не могут

стать предметом одной монографии. Но они должны быть в поле зрения туркологов и балканистов, специалистов по истории народов Закавказья.

Хорошо было бы привлечь к этой проблеме и внимание наших медиевистов, ибо целесообразнее всего было бы начать этот цикл работ с изучения вопросов исторической этнографии средневековой Османской империи. Что же касается этого круга проблем применительно к эпохе нового времени, то их изучение особенно важно для всестороннего раскрытия затронутой выше темы национального вопроса, особенно обострившегося в Османской империи с начала XIX в.

Говоря об изучении узловых проблем новой истории Турции, хотелось бы высказать мысль о целесообразности углубленного исследования ряда вопросов военно-политического характера. Заслуживает специального изучения такая тема, как турецкая армия после ликвидации янычарского корпуса. Развитие военного дела, организация армии, уровень военной техники — все эти вопросы представляются малоизученными, хотя русско-турецким войнам XIX в. посвящено немало значительных работ. Было бы весьма важно так построить исследование о турецкой армии нового времени, чтобы глубже можно было бы оценить роль армии в политической жизни страны, в частности в младотурецкой революции 1908 г.

Специального исследования заслуживают проблемы международного положения Турции в эпоху нового времени. Казалось бы, много книг и статей посвящено различным аспектам отношений Турции с другими державами того времени. Между тем почти не изучена роль турецкой дипломатии в этих отношениях. Исключение — упомянутая работа Н. А. Дулиной об османской дипломатии эпохи Танзимата. На протяжении всего XIX и начала XX в. Турция, несмотря на ее постепенное превращение в полуколонию, продолжала оставаться достаточно самостоятельным участником дипломатической игры на Ближнем Востоке. Поэтому представляется целесообразным изучение деятельности турецкой дипломатии на всем протяжении этого периода. Такая работа способствовала бы всестороннему освещению всего комплекса международных отношений, в которых участвовала Османская империя, более точному анализу борьбы великих держав на Ближнем Востоке в эпоху нового времени.

Наряду со специальной работой о роли османской дипломатии в рассматриваемый период хотелось бы иметь капитальное исследование о роли и месте Османской империи в системе международных отношений в XIX в. Эта тема затронута и освещена в ряде работ, однако нужно специальное обобщающее исследование всего круга вопросов, относящихся к этой проблематике. Нужна, короче говоря, добротная, основанная на анализе источников, в особенности турецких, сводная работа о внешнеполитическом по-

ложении Османской империи в конце XVIII — начале XX в. Такая работа, конечно, не под силу одному исследователю. Речь идет поэтому о возможности объединения ряда историков, быть может о кооперации со специалистами по истории России и Западной Европы. Дело это не простое, но если думать о задачах туркологов широко, то эту тему надо включить в круг наших задач.

Говоря о всем комплексе проблем, связанных с изучением новой истории Турции, необходимо ясно отдавать себе отчет в том, что дальнейшее успешное продвижение вперед, реализация любых творческих программ зависит прежде всего от углубления и расширения нашей источниковедческой базы. Необходима систематическая работа по выявлению новых источников. Все еще недостаточно изучены архивы нашей страны. Несомненно, что фонды АВПР и ЦГВИА в Москве, архивные фонды Еревана и Ленинграда, Баку и Тбилиси еще дадут исследователям богатейший материал для освещения тех проблем новой истории Турции, которые были затронуты выше. Вместе с тем круг источников необходимо значительно расширить за счет турецких изданий.

Совершенно необходим историографический анализ того, что уже сделано советскими исследователями по изучению новой истории Турции. Речь идет о расширении рамок нашей историографической работы. Полезны и нужны обзоры источников и литературы по узловым проблемам новой истории Турции. Более дальней, но реальной перспективой историографической работы должна быть специальная книга «Историография Турции эпохи нового времени». В ней следовало бы рассмотреть весь опыт советской и зарубежной историографии Турции этого периода.

Многие события истории Турции рассматриваемого периода заслуживают изложения в рамках популярных очерков, рассчитанных на самого широкого читателя. В таких книгах можно было бы рассказать — живо и увлекательно — о национально-освободительной борьбе угнетенных народов Османской империи, ее социальных и правовых институтах и их трансформации в XIX в., о таких значительных политических событиях, как борьба за конституцию 1876 г. или младотурецкая революция 1908 г. Быть может, необходима просто книга очерков под названием «Османская империя в эпоху нового времени».

В заключение следует подчеркнуть, что все сказанное выше отнюдь не претендует на исчерпывающее освещение темы. Автор лишь старался, исходя из собственного опыта, очертить круг проблем, которые заслуживают внимания историков, занимающихся новой и частично средневековой историей Турции.

[1] А. Д. Новичев Очерк экономики Турции до мировой войны. М.—Л., 1937; он же. Экономика Турции в период мировой войны. Л.—М., 1935.

[2] А. Ф. Миллер. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. М.—Л., 1947.

[3] А. Д. Новичев. История Турции. Т. II. Новое время. Ч. I (1792—1839). Л., 1968; Т. III. Новое время. Ч. II (1839—1853), 1973; т. IV. Новое время. Ч. III (1853—1875). 1978.

[4] О. Г. Инджикян. Буржуазия Османской империи. Ер., 1977.

[5] Ф. Ш. Шабанов. Государственный строй и правовая система Турции в периода Танзимата. Баку, 1967.

[6] Ю. А. Петросян. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958; он же. Младотурецкое движение (вторая половина XIX— начало XX в.). М., 1971.

[7] И. Е. Фадеева. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977.

[8] В. И. Шпилькова. Младотурецкая революция 1908—1909 гг. М., 1977.

[9] Г. З. Алиев. Турция в период правления младотурок. М., 1972.

[10] В. И. Шеремет. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории восточного вопроса. М., 1975.

[11] Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII— начало XX вв.). М., 1978.

[12] Е. К. Саркисян. Политика османского правительства в Западной Армении и державы в последней четверти XIX— начале XX в. Ер., 1972.

[13] Н. А. Дулина. Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.). М., 1980.

[14] А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX вв.). М., 1965.

[15] А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972.

[16] Э. Ю. Гасанова. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908—1914). Баку, 1966.

[17] В период, когда данная статья готовилась к печати, работа над этой темой началась. В ней участвуют ученые Москвы, Ленинграда, Еревана, Тбилиси и Баку.

[18] Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов под ред. М. Т. Нерсисяна. Ер., 1966.

[19] И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII—XV вв. Л., 1966.

И. Л. Фадеева

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИКЕ ПОРТЫ НАЧАЛА 70-х годов XIX в.

В середине XIX в., особенно после Крымской войны 1853—1856 гг., вмешательство европейских держав в дела Османской империи постепенно приобретает характер полуколониальной экспансии. Наибольшим влиянием в Стамбуле в эти годы пользовалась Англия, предоставлявшая Порте кредиты, занимавшая первое место во внешней торговле империи и получившая здесь первые концессии. Британский кабинет более полувека активно поддерживал целостность Османского государства, причем его политика имела ярко выраженную антирусскую направленность.

Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. в Англии впервые обратили пристальное внимание на политику Османского государства и проявили озабоченность по поводу его будущего. Премьер-министр Великобритании Вильям Питт Младший, видя неоспоримое военное превосходство России над Турцией, одержавшей в двух войнах блестящие победы, усмотрел опасность ее соперничества. Усиление России, рост ее политического престижа в Европе и стремление к выходу из Черного моря в Средиземное представлялись угрозой прежде всего для английского пути в Индию. В Лондоне образовалась враждебная России группа политиков во главе с Питтом. Хотя в те годы Питт и его немногочисленные сторонники не имели в парламенте поддержки, необходимой для открытого противоборства с Россией, уже с этого времени английское правительство важной целью своей внешней политики начинает считать сохранение целостности Османского государства в противовес России, а Порта, в свою очередь, почти столетие ориентировалась на западноевропейские государства, главным образом на Англию (хотя имели место и отступления от этого курса). Когда Наполеон вторгся в Египет, Порта заключила в 1799 г. оборонительный союз с Россией, продленный затем в 1805 г. После русско-турецкой войны 1806—1812 гг., в немалой мере спровоцированной наполеоновской дипломатией, наступает период ухудшения русско-турецких отношений вплоть до начала 30-х годов XIX в. Восстание египетского паши Мухаммеда Али (1831—1841),

отказ Англии оказать вооруженную помощь султану и предложенная поддержка России побудили турецкое правительство подписать с последней в 1833 г. Ункияр-Искелессийский договор. Однако со второй половины 30-х годов наибольшее влияние в Османской империи постепенно приобретает Англия. После Крымской войны русско-турецкие отношения оставались натянутыми и вследствие прозападной ориентации Порты, а также поддержки, которую Россия продолжала оказывать борьбе балканских народов за национальную независимость.

В начале 70-х годов многолетняя ориентация Порты на западноевропейские государства (Англию и Францию) претерпевает изменения. С 1870 г. снова появляется тенденция к сближению Турции с Россией. Инициатива в этом принадлежала русскому послу в Стамбуле генералу Н. П. Игнатьеву, который, хотя и учитывал возможность военного конфликта с Турцией, тем не менее в эти годы пытался добиться политического влияния России мирным путем, с тем чтобы использовать его для поддержки балканских народов. Характеризуя этапы русской политики в Османской империи во время своего пребывания в Стамбуле, Н. П. Игнатьев писал о периоде 1869—1871 гг.: «Все усилия направлены на мирное урегулирование положения христиан и отмену Парижского договора без чрезмерных жертв. Этот период завершился Лондонской конференцией 1871 г.»[1].

После заключения Парижского мирного договора 1856 г. Россия выжидала удобного момента для пересмотра унизительных для ее престижа статей договора, касавшихся нейтрализации Черного моря, т. е. запрета для России и Турции иметь в Черном море военный флот и военно-морские арсеналы[2]. Отмена принципа нейтрализации во многом зависела от Турции как непосредственно заинтересованной державы.

Новая расстановка сил в Европе после поражения Франции в войне с Пруссией 1870—1871 гг. благоприятствовала этим планам России. Обескровленная и капитулировавшая Франция не могла ей противодействовать; что же касается Англии, то она с конца 60-х годов по ряду причин временно отходит от активной политики в Стамбуле[3]. Не рассчитывая больше на прежних союзников, Турция начинает искать другие ориентиры во внешней политике. В этой ситуации она опасалась обострить отношения с Россией, поэтому правительство, возглавляемое великим везиром Мехмедом Аали-пашой, крупным государственным деятелем и лидером второго периода Танзимата (1856—1871), выразило готовность пойти навстречу усилиям русской дипломатии. В последние годы жизни, исходя из реалий новой международной ситуации, Аали-паша начал пересматривать свою многолетнюю и последовательную позицию сторонника европейской ориентации.

На Лондонской конференции по вопросам режима Черного моря и Проливов (5/17 января — 1/13 марта 1871 г.) Порта, несмот-

15 Зак. 737

ря на давление Англии и Австрии, выступила независимо, и ее посол в Лондоне Константин Мусурус-паша не согласился с формулировкой одной из важных статей протокола, предложенной Англией. В инструкции из Стамбула ему предписывалось энергично бороться против предложения открыть Проливы, так как Порта не могла допустить беспрепятственный проход военных судов мимо Стамбула. Вместо этого Мусурус-паше предлагалось отстаивать право Турции закрывать и открывать Проливы по своему усмотрению, причем это не должно было служить поводом к каким-либо представлениям со стороны держав [4].

В конце концов была принята компромиссная формулировка, которая и была положена в основу конвенции о Проливах 1871 г. В ней говорилось: «Закрытие Дарданелльского и Босфорского проливов, как оно было установлено сепаратной конвенцией 30 марта 1856 г., сохраняет свою силу, с правом, предоставленным Е. И. В. султану, открывать указанные проливы в мирное время для военных судов дружественных и союзных держав в том случае, когда Блистательная Порта найдет это необходимым для обеспечения исполнения постановлений Парижского трактата 30 Марта 1856 г.» [5].

Такая формулировка удовлетворяла русскую дипломатию, потому что новая редакция заменила явно направленный против России английский проект; удовлетворяла она и Турцию, так как давала султану право открывать Проливы для своей обороны, и Запад, поскольку в договоре была ссылка на созданный усилиями западных держав Парижский трактат.

Более существенные изменения во внешней и внутренней политике Порты произошли в 1871 г. после смерти Аали-паши и с приходом к власти правительства Махмуда Недим-паши, человека, по выражению Н. П. Игнатьева, второстепенной значимости в сравнении с Аали-пашой. Последовавшие перемены были отмечены всеми иностранными дипломатами. В отчете за 1871 г. российский канцлер А. М. Горчаков писал: «Султан стремится к личному управлению делами, и такое намерение заставляет предполагать много неожиданностей и фантазий в будущей деятельности турецкого правительства» [6]. По свидетельству современников, характер правления Абдул Азиза был в целом авторитарным [7], однако прежде, в силу компетентности и большого авторитета Аали-паши и Фуад-паши в турецкой администрации и кругах европейских дипломатов, султан считался с ними и доверял им управление страной. «Если в течение некоторого времени Европа привыкла видеть установившийся в Турции в период правительства Али и Фуада менее ненадежный порядок вещей,— сообщал в одном из донесений Н. П. Игнатьев,— то это проистекало из потрясающего превосходства этих двух государственных деятелей, которым следует приписать этот эффект их продолжительной и почти исключительной администрации» [8]. Теперь же, после смерти Аали-паши не ос-

талось достойного преемника, что также было отмечено русским послом в Стамбуле[9].

Абдул Азиз считал, что самодержавная власть русского царя достойна восхищения и может служить примером. По его мнению, каждый министр должен был отчитываться непосредственно перед султаном, что возвысило бы авторитет последнего в глазах высших сановников и чиновничества[10]. Во время его поездки в Европу в 1867 г. на Абдул Азиза большое впечатление произвела политическая система и армейская структура Пруссии. Для него победа этой страны над Францией в 1871 г. была неоспоримым аргументом в пользу монархического режима сильной личной власти. В этот период усилились преследования турецких сторонников конституции, парламента («новых османов»), которые вынуждены были эмигрировать в Европу[11]. Махмуд Недим-паша, ни в чем не противоречивший султану, представлялся ему подходящим и прилежным исполнителем его воли.

Об относительной стабильности Порты и ее политического курса в 50—60-х годах и неурядицах, начавшихся в 1871 г., писал Н. П. Игнатьев. Несмотря на враждебное в целом отношение лидеров Танзимата к России, он отдавал должное их талантам и значению: «Благодаря сильной личности, своему престижу и влиянию во дворце покойному Аали-паше удавалось в течение своей жизни преобладать и над консерваторами, доходившими до крайности, и над теми, кто хотел возродить Турцию в западном смысле, радикально порвав с прошлым. После смерти Аали-паша эти две партии столкнулись»[12].

Резкий поворот в политике Порты и отход ее от принципов Танзимата после 1871 г. отмечает и Э. З. Карал: «...со смертью Аали-паши в 1871 г. закрылась школа Рашид-паши и нарушилось установившееся в 1839 г. равновесие между Портой и султанатом»[13]. Американский исследователь Танзимата Родерик Дэвисон особо выделяет 1871—1875 гг. как «период хаоса», считая, что в эти годы имел место заметный регресс по сравнению с эпохой Танзимата и что теперь «полезным мероприятиям скорее мешали, нежели способствовали»[14].

Реформы 50—60-х годов в экономике, законодательстве и административной сфере, по замыслу их инициаторов, представителей высшей османской бюрократии, должны были приостановить начавшийся распад империи, укрепить государство, приобщив его к достижениям европейской цивилизации. И хотя в годы Танзимата для этого было сделано немало, конечные результаты оказались ниже ожидаемых. Преодолеть значительное отставание Османской империи в предполагавшиеся сроки и теми методами, которые были доступны правительству, оказалось делом невозможным. Более того, те мероприятия, которые удалось осуществить, обострили национальные и социальные противоречия в османском обществе, т. е. ускорили объективный процесс становле-

ния национального самосознания и роста национально-освободительного движения народов Османской империи, единство которой в течение нескольких веков поддерживалось лишь военной силой. Вот почему реформы Танзимата вызвали разочарование в самых различных кругах османского общества, а последовавший отход от его принципов был своеобразной реакцией на неудачи реформ. На некоторое время в Порте возобладали консервативно настроенные сановники, считавшие, что все беды проистекают от «европеизации» и что следует вернуться к традиционным, старым методам управления.

К числу таких политических деятелей принадлежал и великий везир Махмуд Недим-паша, который в отличие от своих предшественников Аали-паши и Фуад-паши обладал крупным личным состоянием и пользовался авторитетом среди «старых турок» (так Н. П. Игнатьев называет консервативных сановников). Новый великий везир был убежден, что ориентация на Запад оказалась пагубной для Османского государства, а инспирированные им реформы не принесли пользы [15]. При нем существенно возросло влияние русского посла, за что турки прозвали великого везира «Недимовым». Как известно, Россия с самого начала без энтузиазма отнеслась к предполагавшимся в Турции реформам, не верила в возможность их осуществления и заметная внешнеполитическая переориентация Порты также косвенно свидетельствовала об отходе от принципов Танзимата.

Но расположение султана и великого везира к русскому послу объяснялось не только политическими соображениями, ситуацией в Европе и личными убеждениями. Имела значение и позиция Н. П. Игнатьева в вопросе о престолонаследии в Турции. Вопрос этот на протяжении веков был поводом для дворцовых интриг и борьбы членов Османской династии за трон, нередко завершавшейся истреблением претендентов, а также находившихся у власти султанов. По установленной диваном традиции, начиная с 1617 г. (года прихода к власти султана Ахмеда I) престол переходил к старшему члену династии Османов, что часто приводило к наследованию власти представителями не прямой, а боковой линии. Согласно этой традиции после смерти Абдул Азиза должен был править его племянник Мурад, сын покойного султана Абдул Меджида (1823—1861). Абдул Азиз же намеревался оставить престол своему сыну Юсуфу Иззетдину [16]. Династические планы султана поддерживал русский посол, тогда как англичане отнеслись к этой идее весьма прохладно, опасаясь в случае ее осуществления гражданской войны и вероятного расчленения империи [17].

Вследствие новой ориентации Порты ее отношения с Англией несколько обострились. Многие англичане были уволены с турецкой службы. Была прекращена выплата жалованья инженерам английской пароходной компании «Азизие Стимшип Компани».

Задолженность правительства английским компаниям была в конце концов выплачена под угрозой конфискации англичанами одного из турецких судов, стоявших в Золотом Роге [18].

Во внутренней политике Порты также последовали заметные перемены. Недим-паша удалил из столицы наиболее способных сановников Хуссейна Авни, Рюштю-пашу, Эмин-бея и др., сотрудничавших с Аали-пашой в проведении реформ. Привилегии немусульманам, объявленные актами 1839 и 1856 гг., теперь ущемлялись. В 1873 г. Порта издала несколько постановлений, ограничивавших права христиан в деле народного образования в Боснии и Герцеговине. Согласно султанскому указу, городские училища, содержавшиеся на средства православных общин, были переданы в ведение министерства просвещения, а общинам было оставлено право управлять лишь сельскими школами. Это постановление, урезывавшее права христиан Боснии и Герцеговины, вызвало недовольство населения этих провинций. В результате начались аресты христиан по обвинению в заговоре. Часть населения Боснии вынуждена была бежать в Австрию, что позволило турецким властям обвинить многих босняков в подстрекательстве к мятежу. В конце концов, боясь расширения масштабов волнений, Порта согласилась на амнистию бежавших. Но это восстановило порядок в областях только на время [19].

Турецкое правительство инспирировало в 1873 г. ряд судебных процессов против священников, учителей и торговцев в Боснии, что было прямым нарушением статей Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г. и хатт-и хумайюна 1856 г.[20]. В 1872—1875 гг. имели место притеснения боснийских торговцев, часть которых также вынуждена была бежать в Австрию [21]. Волну возмущения на Балканах вызвал инцидент в Подгорице (Босния) — убийство 28 христиан, в котором были непосредственно замешаны турецкие власти, что дало новый повод для дипломатического вмешательства европейских держав, потребовавших расследования этого случая и наказания виновных [22].

В 1874—1875 гг. турецкое правительство, несмотря на голод в результате неурожая, подняло десятинный налог на сельскохозяйственные продукты в балканских провинциях. Сборщики податей грозили арестом тем жителям Боснии и Герцеговины, которые отказывались платить налоги в требуемом размере. Несогласные, боясь расправы, ушли в горы. Стремясь к локализации движения, правительство назначило в эти провинции новых вали. Но перемещения должностных лиц не внесли существенного изменения. Движение распространялось на новые территории [23].

В 1872 г. была проведена новая административная реорганизация — разукрупнение вилайетов, что, по существу, свело на нет результаты административных реформ 50—60-х годов, направленных на централизацию империи и укрепление центральной власти. Столь частые изменения, которым подвергалось административно-

территориальное устройство Османского государства за сравнительно короткое время, происходили из-за отсутствия надлежащего учета экономических, национальных и других особенностей тех или иных местностей, что не могло не сказаться на внутренней стабильности. Недим-паша полагал, что легче управлять небольшими вилайетами.

Стремясь изыскать финансовые ресурсы, великий везир значительно сократил число чиновников, оставшимся урезал жалованье, уменьшил содержание и вали. Были отстранены от службы иностранные инструкторы. Бесконечные перемещения в администрации сделались нормой. За 11 месяцев пребывания у власти Махмуда Недим-паши сменилось пять военных министров, четыре министра морского флота, четыре министра юстиции, пять министров финансов и др.[24]. В то же время Недим-паша никак не пытался ограничить безудержные траты султана и его двора. Внутренний заем, сделанный Портой, равнялся 22 млн. ф. ст.[25].

Дефицит бюджета, обнаруженный в 1872 г. преемником Махмуда Недим-паши Мидхат-пашой, составил 3 млн. лир, тогда как в реестре, представленном Недим-пашой секретарю султана, указывалось, что доходы государства превышают расходы на сумму 500 тыс. лир. Далее было установлено, что бывший великий везир сознательно запутывал финансовые дела, чтобы получать все новые деньги для двора. На личные расходы султана им было передано 10 млн. лир. Кроме того, в соответствии с нравами своей эпохи он и сам расхищал государственные средства: как выяснилось, им было присвоено не менее 100 тыс. лир, в чем Недим-паша под тяжестью улик был вынужден сознаться[26].

В сфере идеологии начало 70-х годов также характеризуется отступлением от принципов Танзимата. Официально господствовавшая в те годы доктрина «османизма» возникла примерно в 30-х годах XIX в., в период правления Махмуда II, но широкое распространение получила в середине века. Она была создана в противовес идеям национальной независимости и самостоятельного существования нетурецких народов. Сами лидеры Танзимата считали себя не сторонниками турецкого государства (эта идея тогда не нашла еще полного и осознанного выражения), а «османами, которые служат... Османскому государству и исламу»[27]. Более того, они боролись с любыми проявлениями национализма нетурецкого населения, очевидно, не понимая его сущности и чувствуя в нем угрозу единству империи, которое они отстаивали. Народные выступления в различных частях Османского государства они считали лишь проявлением недовольства местными условиями, деятельностью тех или иных чиновников или мятежами, спровоцированными иностранными государствами. В соответствии с этим и строилась политика Порты, направленная на сохранение целостности империи.

В годы правления Махмуда II и позже, в период Танзимата

были отменены различия в одежде мусульман и народов других вероисповеданий, заложены основы европейской гражданской и правовой системы, распространявшейся на всех подданных; немусульмане стали привлекаться на государственную службу. Порта пошла на расширение прав и привилегий немусульманских общин, согласилась на создание новых миллетов (религиозных общин) — армяно-католического, греко-униатского, болгарского экзархата, что объективно способствовало укреплению национального самосознания и стремлению к независимости немусульманских народов и тем самым подрывало основы доктрины османизма[28].

В начале 70-х годов в официальной идеологии Порты наметились черты нового направления — «исламизма», отрицавшего необходимость «европеизации» страны, полагавшего, что она как путь развития неприемлема для османского общества[29]. Вкратце концепция исламизма сводилась к следующему. Главная причина упадка Османской империи кроется в отходе от основ ислама, причем не позднейших его установлений, принятых улемами суннитского толка, а первоначальных и подлинных принципов, искаженных впоследствии. Поскольку в первоначальном исламе заложено все необходимое для развития османского общества, то нет нужды обращаться к Западу. В свое время западная цивилизация воспользовалась достижениями мусульманских народов; теперь последними возможно усвоение западной науки и технологии, чему ислам никоим образом не препятствует. Однако, что касается государственного управления, права, воспитания и общественных традиций, то они должны остаться в сфере ислама[30].

Сторонники исламизма утверждали, что отсталость мусульманского общества со всей очевидностью обнаружилась после того, как оно оказалось в зависимости от иностранных государств. Прежде всего она была замечена европейскими нациями и совершенно ошибочно истолкована ими как следствие религии, т. е. заблуждений шариата. Такой подход, по мнению исламистов, с одной стороны, объяснялся традиционной подсознательной ненавистью христиан к мусульманам и исламу, а с другой — наличием больших расхождений в истолковании ислама, закрывающих его подлинную и первоначальную сущность. Далее, говорили они, «всеобщая болезнь» мусульманского мира укрепила такое убеждение, хотя положение Востока европейцы в состоянии объяснить лишь с позиций своего собственного мировоззрения, чего явно недостаточно. Самым же печальным, по их мнению, было то, что часть мусульман поверила подобным утверждениям[31].

Одним из теоретиков доктрины исламизма был Джемаледдин-аль-Афгани, прибывший в 1870 г. в Стамбул по приглашению великого везира Аали-паши для чтения проповедей в мечетях Айя-София и Ахмедие. Обвиненный в ереси шейх-уль-исламом Хасаном Фехми, он уже вскоре, в марте 1871 г. уехал в Каир. Однако его выступления имели большое воздействие на население Стам-

була, оживили религиозные настроения и способствовали активизации антиевропейской пропаганды [32].

Полуофициальный орган газета на французском языке «Ля Тюрки» в 1871 г. печатала материалы о необходимости связать разрозненные мусульманские элементы империи, включая Египет и Тунис. «Ислам — не только религия, но и национальность... Арабы, как и турки, признают султана в Стамбуле законным сувереном и халифом»,— утверждала она [33].

Ярким примером такой пропаганды была публикация в газете от 17 июня 1871 г. статьи, озаглавленной «Мусульманское единство», которое провозглашалось единственным средством для решения Восточного вопроса в соответствии с современным принципом многонациональных государств. В качестве конкретной меры в этом направлении предлагалось решительно пресечь поползновения к независимости египетского хедива Исмаил-паши. Автор статьи считал необходимым разделить Египет на четыре эйялета, которые управлялись бы обычными губернаторами, разместить там турецкие войска, а египетские отослать в другие провинции империи [34]. По свидетельству Н. П. Игнатьева, тогда этот проект отражал мнение меньшинства государственных деятелей Турции. Великий везир Аали-паша отмежевался от всякой причастности к нему и выразил сожаление по поводу «абсурдных преувеличений прессы» [35].

Но вскоре настроения в Порте заметно изменились, что стало очевидным из следующих ее политических и военных мер. Обширная территория Аравийского полуострова, лишь номинально зависевшая от Порты, управлялась местными вождями, которые даже не несли никаких повинностей. Туда был направлен экспедиционный корпус, который должен был подчинить местное население Порте, реорганизовать Йемен и соседние с ним территории в эйялет по примеру других османских территорий. Командующего корпусом Эссад-пашу, который был назначен генерал-губернатором Йемена, сопровождали четыре мутессарифа и целая армия чиновников, число которых достигло пятисот. Комментируя новые политические шаги Порты, временный поверенный в делах России в Стамбуле Кумани писал: «Турки едва ли сумеют заставить арабов оценить преимущества оккупации мусульман. Напротив, можно предвидеть, что если туча чиновников-турок с их всем известными инстинктами грабежа и продажности свалится на эту страну, то можно предвидеть, что арабы восстанут и создадут большие трудности для османского правительства. Однако Порту не страшит эта опасность. Султан в особенности уже давно грезит лишь Аравией. Говорят, он хочет найти во владении отдаленными арабскими территориями компенсацию за потери своих предшественников в Европейской Турции» [36].

Воспользовавшись идеей мусульманского единства в качестве основания своей политики на Арабском Востоке, Порта в те годы

все еще сохраняла иллюзии османизма о возможности удержать оставшиеся в пределах империи балканские земли. Она согласилась на создание в 1872 г. болгарского экзархата, т. е. на отделение болгарской церкви от греческой, имея в виду предупредить грозившее образование независимой Болгарии. Все еще имели место проекты расширения прав Порты на вассальных балканских территориях.

Один из таких проектов известного турецкого политического деятеля Мидхат-паши и министра иностранных дел Халиль Шериф-паши серьезно обсуждался не только в Порте, но и в кругу иностранных дипломатов в Стамбуле. Проект этот предлагал, взяв за образец объединение Германии и Италии, включить воинские формирования лишь номинально зависевших от Порты Сербии и Румынии в османскую армию на условиях некоторых политических и территориальных уступок этим странам. Проект был горячо поддержан английским послом Генри Эллиотом, однако он не был реализован, так как ни Сербия, ни Румыния не решились принять в качестве командующих своими войсками турецких пашей, даже если бы они, как обещал Халиль-паша, умели говорить по-сербски и по-румынски [37].

Неудача подобных проектов придавала большую привлекательность в глазах султана и его окружения идеям мусульманской солидарности, тем более что инициатива их исходила не только от Порты. Как сообщал в 1873 г. Н. П. Игнатьев: «Стамбул становится местом паломничества для единоверцев султана из различных стран Азии... Туда прибыли посланцы из Бухары, Коканда, Аче (Суматра), Кашгара. Частота этих миссий доказывает, что идея мусульманского единства насчитывает приверженцев в наиболее отдаленных странах, что подогревает в Порте надежды распространить влияние султана на все мусульманские государства...» При этом следует заметить, что эти посланцы приезжали просить поддержки или посредничества султана в конфликтах с другими государствами. Например, такой поддержки добивался посланец Аче в конфликте с голландцами. Однако в силу глубокого политического и экономического кризиса Османской империи оказать какую-либо помощь Порта не могла, а поэтому ограничивалась советами „жить в добром согласии со всеми соседями"» [38].

Очень важным для Порты вопросом, под который также подводилась идея мусульманского единства, был обсуждавшийся в 1872—1873 гг. вопрос о привлечении в османскую армию курдов-мусульман. Необходимость такой меры была вызвана значительным уменьшением численности мусульманского населения во всех провинциях империи вследствие почти беспрерывных войн на протяжении нескольких столетий [39]. Обескровленная османская армия нуждалась в пополнении, однако христиан в нее так и не решились допустить, несмотря на многолетние дебаты в правительстве по этому вопросу. Как говорилось выше, неудача постигла и про-

ект о привлечении контингентов войск номинально зависевших от Порты балканских государств. В распространении и укреплении исламской идеологии Порта видела средство поддержать сильно пошатнувшийся престиж империи. Содержавшиеся и в программе «новых османов» идеи исламизма были притягательны тем, что как будто бы давали возможность сдержать возраставшую политическую и экономическую экспансию европейских держав на Ближнем Востоке [40].

Представители крайнего направления в исламизме считали, что упадок мусульманских народов и возрастающая власть европейцев — это гнев и наказание аллаха за отступничество от догматов шариата. Идеи реформ и конституции они не принимали ни в каком виде. Представители же умеренного направления аргументировали свое отрицательное отношение к новым веяниям тем, что конституционная форма правления никогда не была свойственна мусульманским государствам. Помимо того, заявляли они, если конституционная форма правления и годится для европейских народов, то в условиях Османской империи, где основная масса мусульман неграмотна и необразованна, пользу от подобных перемен получат только христиане [41].

Распространение подобной идеологии в 70-х годах было проявлением недовольства неудачами танзиматских реформ и, что не менее важно, реакцией на возросшее вмешательство европейских держав во внутренние дела Османского государства. В течение всего XIX века ислам был барьером, сдерживавшим и проникновение в империю этих держав, и тенденции к «европеизации» внутри османского общества. В борьбе с другими идеологическими течениями в ходе исторического развития исламизм постепенно трансформировался в панисламизм, который господствующим и официальным идейным течением стал лишь в годы правления султана Абдул Хамида II (1876—1909) [42].

Характеризуя идейную борьбу в правящих кругах Османской империи начала 70-х годов XIX в., турецкий историк Ниязи Беркес писал, что «из трех тенденций, определяемых как исламизм, европеизм, национализм [43] в коротком и кризисном периоде 1871—1876 гг., последовавшим за Танзиматом, возобладала первая. В это время были прекращены усилия, которые около полустолетия прилагались в направлении западной цивилизации. Показателем конца Танзимата явилась смерть Аали-паши в сентябре 1871 г., подвергавшегося резкой критике „новых османов". Теперь направление этой критики изменилось, так как новый период оказался хуже Танзимата, поддерживавшегося Аали-пашой...» [44].

Как уже говорилось, 31 июля 1872 г. Недим-пашу сменил на посту великого везира Мидхат-паша. Не последнюю роль в этом назначении сыграла английская дипломатия, обеспокоенная усилением русского влияния в Порте (Мидхат-паша был известен своими проанглийскими симпатиями). Его пребывание у власти было,

однако, непродолжительным[45]; после него на посту великого везира за три года, с 1872 по 1875 г., сменилось пять человек (всего было шесть назначений)[46].

Весь этот период был отмечен борьбой внутри Порты, интригами, вмешательством послов великих держав, что, хотя имело место и в прошлом, теперь значительно усилилось. Каждый новый великий везир окружал себя «своими людьми», удалял противников, отменял распоряжения предшественника и занимался укреплением своих собственных позиций.

Внутренняя нестабильность в стране, неумение султана Абдул Азиза справиться с возраставшими политическими и экономическими трудностями, кроме того, и неотвратимый процесс развития национально-освободительного движения народов Османской империи и попытки правящих кругов жестоко подавить его привели к военному конфликту с Россией в 1877—1878 гг. Все это, вместе взятое, ускорило дальнейший распад Османского государства.

[1] Записки графа Н. П. Игнатьева (1864—1874 гг.).— «Известия Министерства иностранных дел». Кн. 1—3. Пг., 1914, с. 100—101.

[2] Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952, с. 23—24.

[3] И. Д. Фадеева. Английская экспансия в Турции после Крымской войны в 50—60-е годы XIX в.— Тюркологический сборник 1976. М., 1978, с. 172—176.

[4] Б. Э. Нольде. Внешняя политика. Исторические очерки. Пг., 1915, с. 93—94.

[5] Там же, с. 96.

[6] АВПР. Отчет министра иностранных дел за 1871 г., л. 101.

[7] Записки графа Н. П. Игнатьева. Кн. I, с. 145.

[8] АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, 1873, д. 24, л. 26—26 об.

[9] Записки графа Н. П. Игнатьева. Кн. I, с. 145.

[10] R. Davison. Reform in the Ottoman Empire 1856—1876. Princeton, 1963, с. 279.

[11] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi. T. VII. Ankara, 1956. с. 68—69.

Согласно периодизации деятельности «новых османов», предложенной советским историком Ю. А. Петросяном, конец 1870— начало 1873 гг. составляют третий и последний этап, когда практическая деятельность их ограничивалась в основном Стамбулом. В начале 1873 г. правительству удалось формально ликвидировать деятельность «новых османов». Руководители движения были сосланы в отдаленные провинции (Ю. А. Петросян. «„Новые османы" и борьба за конституцию 1876 г. в Турции». М., 1958, с. 69—70).

[12] Записки графа Н. П. Игнатьева. Кн. I. 1915, с. 146.

[13] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, с. 68.

[14] R. Davison. Reform in the Ottoman Empire, с. 244.

[15] Записки графа Н. П. Игнатьева. Кн. I, с. 146.

[16] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1865, д. 38, Н. П. Игнатьев — А. М. Горчакову, 1/13 февраля, л. 34—36 об.

[17] J. L. Farley. The Decline of Turkey. L., 1875, с. 5.

[18] Там же, с. 7—9.

[19] Е. В. Елисеева. Начало восстания в Герцеговине в 1875 г.— Труды Томского государственного университета. 1960. Т. 150, с. 10.

[20] История Югославии. Т. I. М., 1963, с. 609; Н. П. Данилова. Церковная борьба в Боснии в 70-х гг. XIX в. (по донесениям русского консула в Са-

раеве).— Вопросы первоначального накопления капитала и национальных движений в славянских странах. М., 1972. с. 237.

[21] С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-х гг. XIX в. М., 1970, с. 298.

[22] Н. И. Хитрова. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М., 1979, с. 302—303.

[23] Там же, с. 300—301.

[24] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, c. 70.

[25] Записки графа Н. П. Игнатьева. Кн. IV, с. 148.

[26] И. Е. Фадеева. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977, с. 61—62.

[27] R. Davison. Nationalism as an Ottoman Problem and the Ottoman Response.— Nationalism in a Non-national State: The Dissolution of the Ottoman Empire. Wash., 1977, c. 35.

[28] Часть правящей верхушки продолжала придерживаться концепции османизма до полного краха империи в 1918 г.

[29] Said Halim paşa. Buhranlarımız. İstanbul, [1973], c. 31—32.

[30] Там же, с. 32.

[31] Там же, с. 171—173.

[32] R. Davison. Reform in the Ottoman Empire, c. 271.

[33] Цит. по: M. Sabry. L'empire égyptien sous Ismail. P., 1933, c. 126.

[34] «La Turquie», 17/29.VI.1871.

[35] АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, 1871, д. 32, л. 143 об.

[36] АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, 1871, д. 32, л. 355 об.

[37] АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, 1872, д. 28, л. 284 об.—304.

[38] АВПР, ф. Канцелярия, Константинополь, 1873, д. 25, л. 237—238, 240 об.

[39] Там же, л. 367.

[40] Ю. А. Петросян. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, с. 58.

[41] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, c. 315—316.

[42] В годы Танзимата и в последующий период (1871—1876 гг.) большое распространение в среде турецкой интеллигенции получают идеи «новых османов», в которых наряду с идеями османизма и исламизма содержались элементы сформировавшейся позднее идеологии турецкого национализма. В целом приобщение Турции к европейской цивилизации было неизбежным и необратимым историческим процессом. Временные отступления могли затормозить его, но ненадолго.

[43] По-видимому, имеется в виду пантюркизм, начавший распространяться в конце XIX в., поскольку турецкий национализм, как идеологическое течение, оформился позднее.

[44] N. Berkes. Türkiyede çağdaşlaşma. Ankara, 1973, c. 27.

[45] И. Е. Фадеева. Мидхат-паша..., с. 60—65.

[46] E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, c. 72.

Н. Н. Шенгелия

ИЗ ИСТОРИИ ГРУЗИНО-СЕЛЬДЖУКСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

Вторая половина XIII в.— важный период в истории народов Закавказья и всего Ближнего Востока. В эту эпоху произошло вторжение монголов и началось их длительное господство на указанных землях. Гнет монгольских правителей был в равной степени обременителен и неприемлем как для грузинского народа, так и для народов Ближнего Востока, в том числе и для государства Сельджукидов Малой Азии. Вероятно, именно монгольское господство было причиной тому, что в это время ослабли тесные разносторонние взаимоотношения, которые уже давно связывали Грузию с Сельджукидами. Однако грузино-сельджукские связи, в том числе и политические, окончательно не были прерваны. Они продолжали существовать, хотя и определялись монголами, от которых зависели оба государства.

Надо отметить, что в нашей историографии вопросы политической истории Сельджукидов Малой Азии не изучены. Не существует труда, где были бы последовательно изложены их история во время монгольского господства, взаимоотношения сельджукских султанов с монгольскими правителями, их связь с грузинами, армянами, греками.

Несмотря на то что политические связи и взаимоотношения сельджукских султанов с Грузинским царством в период монгольского господства в значительной мере сократились, мы постараемся проследить за отдельными, эпизодического характера моментами этих взаимоотношений во второй половине XIII в.

Немногочисленные, но весьма интересные сведения, касающиеся взаимоотношений Грузии с Сельджукидами Малой Азии, наряду с восточными источниками, дает и грузинский летописец XIV в.— Жамтаагмцерели, который хорошо разбирался в сложившейся на Ближнем Востоке в этот период международной обстановке.

После разгрома сельджуков в Кеседагской битве в 1243 г. в Малой Азии начинается эпоха монгольского господства. Правда, сельджуки сумели сохранить внутреннюю самостоятельность, но

они были обязаны выплачивать завоевателям дань в размере 360 тыс. динаров и поставлять им 10 тыс. овец, тысячу коней, а также верблюдов, ослов, охотничьих собак, ткани, золотые изделия и пр.[1].

После поражения у Кеседага султан Гияс ад-Дин Кейхусрев (1236—1245) прожил недолго. По сообщению анонимного автора, во время похода на Киликию он заболел от солнечного удара и, вернувшись в Конью, умер в середине раджаба 643 г. (начало декабря 1245 г.) [2].

После смерти Гияс ад-Дина Сельджукский султанат фактически распался вследствие раздела между его сыновьями. У Гияс ад-Дина остались три сына и три дочери. Сыновей звали: Из ад-Дин Кейкавус II (1246—1259), Рукн ад-Дин Кылыч-Арслан IV (1248—1264) и Ала ад-Дин Кейкубад II (1249—1257); дочерей — Фелек ад-Дин, Гурджи-Хатун и Сельджук-Хатун. По сообщению Керим ад-Дина Аксараи, младший сын Ала ад-Дин Кейкубад II был рожден абхазской царицей Русудан-Гурджи-Хатун, и таким образом, происходил от царского рода. Он полюбился Гияс ад-Дину больше остальных сыновей и был назначен им наследником престола [3].

Однако Керим ад-Дин Аксараи ошибается, когда пишет, что Ала ад-Дин Кейкубад был сыном Русудан. Он, видимо, путает царицу Русудан с ее дочерью Тамар, которая, по сведениям грузинских источников, и была женой Гияс ад-Дина Кейхусрева.

Вот что писал по этому поводу упомянутый грузинский историк Жамтаагмцерели: «И когда подросла их дочь Тамар, узнал султан Рума, сын Нукардина, Гияс ад-Дин о достоинствах царевны. Прислав много даров и подношений, просил он (Русудан) отдать в жены ему дочь ее Тамар и поклялся оставить ее христианкой. Царица Русудан вняла его просьбам. Выдала она дочь свою замуж за Гияс ад-Дина... и дала в приданое Ацкуери» [4].

Таким образом, видно, что султан Гияс ад-Дин Кейхусрев был мужем Тамар, а не самой Русудан. Султанша Тамар, прозванная сельджуками Гурджи-Хатун, была широко известна на Ближнем Востоке. В современном ей мусульманском мире она представлялась в образе святой и снискала всеобщее признание у поэтов. О деятельности и авторитете Гурджи-Хатун среди одного из течений суфизма — ордена Мевлеви хорошо известно, и мы не будем на этом останавливаться [5].

После смерти Гияс ад-Дина Кейхусрева Иконийский султанат распался на несколько самостоятельных политических единиц во главе с принцами династии Сельджукидов. Этому разделению в значительной мере способствовали и монголы, справедливо считавшие, что ослабление власти сельджукских султанов приведет к еще большему подчинению их власти Малой Азии.

С ослаблением и последующим распадом государства Сельджукидов Малой Азии в условиях политического, социального и

экономического кризиса, вызванного тяжелым монгольским гнетом, в Анатолии усилилась активность воинственных туркменских племен, кочевавших по стране в поисках новых пастбищ. Весьма часто это кочевье сопровождалось грабежом и разорением оседлого населения.

Пограничные районы Грузинского царства уже с середины XIII в. стали подвергаться набегам этих полунезависимых кочевников из Малой Азии, Северной Сирии, Ирана и т. д.[6]. По сообщению Жамтаагмцерели, воспользовавшись внутренними и внешнеполитическими затруднениями Грузии периода междуцарствия (1245—1247), жившие в Сирии туркменские племена во главе с неким Караханом напали на входящие в состав Грузинского царства армянские области и опустошили земли к югу от Аракса[7], в то время когда значительная часть грузинских войск вместе с монголами осаждали исмаилитскую крепость Аламут. Против кочевников выступил крупный грузинский феодал Шамше Мандатуртухуцеси, которому принадлежали подвергшиеся нападению территории[8]. Он с помощью своего двоюродного брата Авага собрал 30 тыс. воинов и в Валашкерте сразился с шестидесятитысячной ордой Карахана. По сообщению летописца, в происшедшей битве погибло множество людей. Туркмены были разбиты и бежали. Грузины преследовали врага до г. Хлата, а затем возвратились обратно с добычей и пленными[9]. Из сведений Жамтаагмцерели (в других источниках об этом набеге сообщений нет) можно заключить, что столкновение грузин с кочевниками Карахана имело место в 1246—1247 гг.[10].

Однако нападение кочевых племен на южные границы Грузии отнюдь не прекратились после этого события; они систематически разоряли пограничные области страны, пользуясь тем глубоким политическим и социальным кризисом, который охватил Грузию в результате подчинения монгольским завоевателям.

Один из таких набегов был устроен анатолийскими кочевниками, которых грузинский летописец называет румскими туркменами. В набеге участвовали, кроме того, эрзинкский султан и другие сельджукские эмиры, а также отряд греков[11].

Воспользовавшись неожиданностью удара, туркменские отряды захватили г. Олти и Бугатакурскую крепость. Они наводнили почти всю Юго-Западную Грузию — Тао, Шавшети, Кларджети, Кола, Артаани, сея всюду смерть и разорение. Местные правители, не имея сил для отражения врага, обратились за помощью к самцхийскому атабегу Кваркваре Джакели-Цихисджварели, который поспешил им на помощь во главе десятитысячного отряда. Встреча противников произошла в долине под названием Ванис Ваке[12]. По сообщению Жамтаагмцерели, «с обеих сторон пали многие. Греки и турки, потерпев поражение, обратились в бегство. [Грузины] захватили много пленных и добычи»[13]. Разгромив врага, Кваркваре поручил своим внукам Иване и Саргису очистить Тао

от их остатков. Те успешно выполнили задание деда, изгнав захватчиков из Олты и Бугатакурской крепости»[14].

Таким образом, Грузия за короткое время отразила два крупных нашествия тюрок. Правда, источник не указывает дату второго набега, но видно, что он имел место вскоре после первого. Летописец, говоря о втором набеге, пишет: «Зная, что Грузия не имеет царя, все народы двинулись против нее»[15]. Отсюда видно, что и это нашествие произошло в период междуцарствия, т. е. в 1246—1247 гг.

Последующие годы заполнены борьбой между сельджукскими принцами за султанский трон. В этой борьбе противники пытались опираться то на монголов, то на Византию, а также на различные группировки анатолийских феодалов. Страну разоряли междоусобные войны и хозяйничанье монголов.

Источники ничего не сообщают о том, какими были грузино-сельджукские взаимоотношения в эти годы. Такие сообщения появляются лишь в связи с обострением отношений между иконийскими султанами и египетскими мамлюками. В последней четверти XIII в. известны несколько объединенных походов монголо-сельджуко-грузино-армянских войск против Египетского султаната. Принимая участие в этих походах, грузины, так же как армяне и сельджуки, выполняли определенную военную повинность по отношению к монголам. Грузины активно принимали участие во всех походах, всегда находясь в авангарде.

Весной 1277 г. мелик Дамаска Захир с большим войском вторгся в Анатолию. По сообщению Керим ад-Дина Аксараи, в период господства монголов султан Египта Захир ад-Дин Бейбарс с огромным войском напал на государство Сельджукидов. Ибн Биби и Бар Эбрей подробно описывают эту войну. По словам Ибн Биби, монголо-сельджукские войска Туду-нойона и Тако-аги выступили из Кайсери по Эльбистанской дороге и стали лагерем на одной равнине. Здесь произошла битва с мамлюками, которая окончилась поражением монголо-сельджукского войска. Оба полководца были убиты.

Сельджуки, страдавшие от ига монголов, всячески способствовали поражению монгольских военных сил: они в решающий момент перешли на сторону противника[16].

Интересно, что, по словам Бар Эбрея, на стороне сельджуков сражались три тысячи грузин (иверийцев). Они нанесли большой урон египетскому войску, хотя и сами потеряли две тысячи воинов. Число же убитых монголов достигало пяти тысяч[17]. Участие столь значительного грузинского отряда в этом сражении было вызвано зависимым положением грузин и их обязанностью участвовать в монгольских походах.

Об этой кампании повествует и Жамтаагмцерели, хорошо осведомленный о политических взаимоотношениях ближневосточных государств того времени. «В те годы,— пишет он,— Каан Абага

начал враждовать с владетелем египтян и султаном Мысра Бундукадаром. Послал он сильное войско и вместе с ним войско грузин, и назначил командующим некоего Тонду из рода Салдуха из Бадуров, вельмож Гарташ, и направил их греческим (малоазиатским.— *Н. Ш.*) путем в Сирию. [Абага] послал вестника также султану Рума, которого звали Парман. Ибо великий сельджукский султан Гияс ад-Дин был уже мертв и троном завладел его раб Парман. Женился он и на жене его [Гияс ад-Дина] Гурджи-Хатун, дочери Русудан. И владел [Парман] Понтом, Асией и Каппадокией. Ему и предписал Каан оказать помощь войсками» [18].

Из приведенных слов видно, насколько хорошо был осведомлен Жамтаагмцерели об обстановке в Малой Азии. Однако и он допускает ошибку: вместо Гияс ад-Дина надо подразумевать, видимо, Рукн ад-Дина Кылыч-Арслана IV (1248—1266), который действительно скончался за несколько лет до описываемых событий. На трон был возведен его двухлетний сын Гияс ад-Дин Кейхусрев III (1266—1283), при котором фактическим правителем страны стал Муин ад-Дин Перване. Последний обладал настолько большой властью, что грузинский летописец называет его султаном. В то время его женой и была вдова Гияс ад-Дина — Гурджи-Хатун, дочь царицы Русудан. Возможно,. потому и путает Жамтаагмцерели Гияс ад-Дина с Кылыч-Арсланом, что женою Перване стала вдова Гияс ад-Дина. О силе и влиянии Перване свидетельствует и тот факт, что именно к нему обратился монгольский хан с требованием выставить войско сельджукидов.

В союзной армии находились также и армяне [19]; вместе с грузинами они составляли авангард монгольского войска [20]. О битве на Эльбистанской равнине определенные сведения сообщает и Жамтаагмцерели: «Выступили войска Абаги, и присоединился к ним Парман, и встал у Евхаита, что в Асурастане. Султан Бундукадар, узнав о приходе татар, напал на них на рассвете с египетским войском, и началась ожесточенная сеча. В тот день грузины своей храбростью удивили татар» [21].

Как видно, грузины действительно отличились в сражении, но поражение союзников в битве, как считают, было предопределено изменой сельджуков. Часть их войска во время битвы перешла на сторону мамлюков, другая часть сдалась в плен. Среди перешедших на сторону Бейбарса были сын Перване Мухеззибуддин Али, племянник Перване, вали Эрзинджана и другие сельджукские вельможи [22].

Недовольная монгольским владычеством сельджукская знать, видимо, хотела с помощью мамлюков разбить монголов и избавиться от их ига. Рашид ад-Дин прямо указывает, что еще до начала войны сельджукские вельможи в лето 674 года (1275/76) Зия ад-Дин, сын Хатира, и сын Перване с сотней людей из Румской области отправились в Сирию к Рукн ад-Дину Бундукдару и побудили его к походу на Рум» [23].

16 Зак. 737

После победы, одержанной Бейбарсом, Перване направился в Кайсери, где находился малолетний султан, и, спасая его от монголов, отправил султана, а также свою семью и семьи сельджукских вельмож в Токат[24].

Окрыленный победой, Бейбарс двинулся в Кайсери и захватил его.

Возможно, в описанной выше кампании принимал участие и молодой грузинский царь Деметре II (1273—1289), который неоднократно принимал участие в походах монголов. В составе монгольских войск находился и самцхийский владетель Бека Джакели, так же как и другие грузинские феодалы, которым приходилось поневоле участвовать в завоевательных войнах монголов.

Жамтаагмцерели хорошо осведомлен о последствиях столкновения с мамлюками. По его словам, «как узнал Абага об истреблении войска и гибели большей части грузин, весьма опечалился. И донесли ему, что приход султана Бундукадара был вызван кознями султана Рума Пармана. Поэтому Парман был схвачен, но так как Ка'ан Абага не хотел его смерти, Пармана убили нойоны, захватившие все его богатства. Над Румом был поставлен великий и славный... нойон по имени Эриндж. Он правил Румом, а Ацкури, в Самцхе, который Парман получил от жены, пожаловал Саргису Джакели и сыну его Бека»[25].

Из приведенного отрывка видно, что монголы причиной своего поражения сочли измену Муин ад-Дина Перване и жестоко расправились с ним. На место Перване был поставлен монгол Эриндж. Ацкури, которым Перване владел как приданым своей жены Гурджи-Хатун, был передан самцхийским атабегам, видимо в награду за военную помощь против мамлюков. Таким образом, Ацкури, которым в качестве приданого грузинской царевны Тамар Гурджи-Хатун владел сначала султан Гияс ад-Дин, а затем ее второй муж, Муин ад-Дин Перване, вновь оказался в пределах грузинского государства. Монголам была безразлична его государственная принадлежность, поскольку они одинаково властвовали и в Грузии и в государстве Сельджукидов Малой Азии.

Перване в течение пятнадцати лет был единоличным правителем Сельджукского государства, однако, как писал акад. В. А. Гордлевский, «в конце концов, беззакония временника и двуличная его политика — наружно он поддерживал монголов, а втайне направлял на них Бейбарса — превысили меру, и Муин ад-Дин Перване был казнен Абага-ханом в 1278 г.»[26].

После убийства Перване в Сельджукском государстве воцарилась анархия. Государственный аппарат развалился, в провинциях вспыхивали восстания. Появился некий Джимри, объявивший себя сыном султана Из ад-Дина Кейкавуса (1246—1259) и домогавшийся на этом основании конийского престола.

Спустя несколько лет армяно-грузинские и сельджукские войска опять вынуждены были принимать участие в новом походе

монголов против мамлюков; в частности, к 1282 г. царевич Мэнгу-Тимур с их помощью воевал в Сирии. Причиной этого похода были бесконечные набеги мамлюков на границы Анатолии и Диарбекира.

Керим ад-Дин Аксараи писал, что в пятидесятитысячное войско монголов входили отряды Анатолии и других вилайетов[27]. А по сообщению Бар Эбрея, в многотысячной монгольской армии среди вассальных войск было немало грузинских и армянских отрядов.

Эти сведения подкрепляются грузинскими и армянскими источниками. Так, по словам Жамтаагмцерели, «решил Ка'ан Абага отправиться в Египет для того, чтобы или завоевать его, или сделать своим данником. Велел он всем войскам своим и царю Деметре с его войском отправиться на войну с египетским султаном... и призвал брата своего младшего, и назначил его командующим, дав ему все свои войска, и приказал сразиться с султаном»[28].

Кроме царя Деметре в походе участвовал и самцхийский атабег (князь) Бека Джакели. По словам летописи, «призвал Менгу-Тимур князя Самцхе Бека, чтобы выступил тот вместе с ним»[29]. Прежде чем дать согласие на это, Бека потребовал от монголов заверений в своей безопасности. Менгу-Тимур с готовностью «обещал безопасность и послал печать... в знак подтверждения данного слова»[30]. Атабек удовлетворился этим и, «быстро созвав всех месхов, отправился к Менгу-Тимуру и предстал пред ним. Монголы очень обрадовались, пожаловали ему множество даров... и они направились в Египет»[31].

Как писал Жамтаагмцерели, первое крупное сражение с мамлюками произошло у г. Дарбузак, где отличилось самцхийское войско: «Бека и бывшие с ним месхи сильно постарались, больше чем татары и остальные грузины. Месхи первыми ворвались в город»[32]. Такой самоотверженностью грузинские феодалы хотели доказать свою верность монголам, что и было отмечено теми: Бека, его дидебулы и азнауры получили богатые подарки в награду за храбрость.

После первого успеха монгольское войско, численность которого вместе с вассальными отрядами достигала 80 тыс. человек, подступило к г. Амасия близ Химса[33]. Египетский султан выступил навстречу со своими главными силами численностью в 50 тыс. Среди них тоже было немало отрядов его вассалов — сирийских, туркменских и арабских эмиров. Каждому воину перед битвой было выдано 500 дирхемов, а эмирам — по 1000 динаров[34].

Грузинское войско по просьбе царя Деметре было поставлено в авангарде[35] сил монголов. Интересно, что подтверждение этого факта содержится в найденном в Лондонском архиве проф. И. М. Табагуа письме, где сказано, что «царь грузин и армян со своим войском вторгся глубже в землю неверных»[36]. По словам Жамтаагмцерели, египетский султан, хорошо зная отвагу грузин, вы-

делил из своего войска специально для действий против них 12 тыс. отборных всадников.

Как было отмечено выше, и в этом походе совместно с грузинами и армянами принимали участие и сельджуки. В грузинских документальных источниках прямо указано, что в монгольском войске находились «царь армян со своим преемником, несколько тысяч татар (т. е. монголов.— *Н. Ш.*), тысяча грузин и один турок по имени Самагар. Он считал себя татарином, при нем находилось трехтысячное турецкое войско» [37].

Упомянутый Самагар — предводитель сельджукского войска — широко известная личность в государстве Сельджукидов Малой Азии монгольского периода. Мы находим сведения о нем во всех восточных источниках, его деятельность также широко освещена в современной турецкой историографии.

В ожесточенном сражении у стен Амасии, где обе стороны понесли большие потери, победу одержали египтяне. «Обратились в бегство нойоны... и сам Мангу-Тимур был вынужден спасаться бегством» [38],— пишет грузинский летописец. Бóльшая часть грузинских воинов полегла на поле боя. Под Деметре был убит конь, и сам царь еле избежал плена. Из сопровождавшей его свиты, состоящей из двухсот отборных воинов, спаслось лишь четыре. А всего из пяти тысяч грузин, участвовавших в сражении, было убито по крайней мере три-четыре тысячи.

Война тяжело отразилась на положении Сельджукского государства. Страна была разорена. Недовольство населения вылилось в открытое восстание, направленное в первую очередь против султана Гияс ад-Дина и сельджукских феодалов. Будучи не в силах справиться с восставшими, султан обратился за помощью к монголам. Монгольские войска жестоко подавили восстание, не пощадив при этом и Гияс ад-Дина, который был убит по приказу Ильхана. На трон был возведен Месуд (1284 г.).

За годы правления султана Месуда положение Сельджукского государства еще более ухудшилось. В стране хозяйничали монгольские ставленники. Султанат сотрясали мятежи феодалов и народные восстания. Выплата тяжелой дани монголам довершала разрушение экономики.

Источники молчат о событиях последних лет правления Месуда. Только Керим ад-Дин Аксараи сообщает о его кончине в 1308 г. Вместе с ним прекратило существование и государство Сельджукидов Малой Азии.

При последних Сельджукидах упрочилось господство монголов в Анатолии, стали укореняться монгольские порядки и обычаи. В результате длительного гнета монголов султанат постепенно распался на ряд независимых владений, из которых впоследствии выдвинулся Османский бейлик. Дольше всех других сельджукских государств просуществовал Иконийский султанат, который в течение двух веков граничил с Грузией.

Монголы заставляли находящихся под их господством сельджуков, грузин и армян не только совместно выступать в походах, но иногда и воевать между собой. Покоренные монголами народы неоднократно пытались освободиться от ига поработителей. Так, по сведениям грузинского историка, в правление Кейгату Каэне против монголов восстал г. Тунгузлу (совр. Денизли). Кейгату немедленно выступил против восставшего города, призвав на помощь также сына Деметре царя Давида и феодалов Картли[39]. Направляясь против восставших сельджуков, Кейгату был вынужден оставить в Мугани часть своих сил, чтобы защититься от возможного нашествия других нойонов, так как и у самих монголов усилились тенденции к независимости. Грузинский летописец прекрасно информирован в вопросах взаимоотношений между монголами.

Лишь после пятимесячной осады монголо-грузинскому войску удалось овладеть городом.

И. А. Джавахишвили, исследовавший данные Жамтаагмцерели о монголо-грузинском походе против восставшего Тунгузлу, касается этимологии названия этого сельджукского города, уточняет дату похода: по его мнению, город был взят в январе 1292 г.[40].

Как было сказано выше, в последней четверти XIII в. государство Сельджукидов Малой Азии переживало социально-политический и экономический кризис. Особенно большой вред наносили туркменские кочевые племена, которые систематически осуществляли набеги из стран Ближнего и Среднего Востока или же кочуя по самой Малой Азии.

Правители сельджуков всячески старались вытеснить кочевников из центральных районов Малой Азии, стремясь направить их в сторону Византии и Закавказья. Еще во второй половине XI в. Низам аль-Мульк внес специальный пункт в «Сиасет-наме», по которому правители должны были вытеснить кочевников к границам Грузии и к другим крайним провинциям страны[41]. Кроме того, они пытались, хотя и тщетно, перевести кочевников на оседлую жизнь.

В конце XIII в. особенно усилились набеги туркменских кочевников на Южную Грузию, которая была тогда единственным сравнительно процветающим районом страны. По словам Жамтаагмцерели, «в тот период больше других возвысился правитель Самцхе Бека»[42]; он смог отразить натиск внешних врагов и установить мир и покой внутри своего княжества.

Именно в такое время огромное войско туркменских кочевников появилось у границ Самцхе. Как писал Жамтаагмцерели, «появились тюрки из Рума... числом 60 тысяч, во главе с Азат-Мосе, человеком храбрым и сильным. Этот Азат-Мосе прошел по опустошенной им Грузии вплоть до Басиани, жестоко разоряя, убивая и истребляя»[43].

Последствия набега туркменов на Южную Грузию были ужасны. Вторжение кочевников оказалось неожиданным, люди не ус-

пели укрыться в лесах. Таоский эристав Така Панаскертели, не имея достаточно войск для отражения врага, заперся в Тортумской крепости. Полчища кочевников заполнили южногрузинские провинции, сея всюду смерть и разорение. Правда, когда их передовые отряды проникли в районы Муркули и Нигалисхеви, они были уничтожены местным ополчением во главе с азнаурами Херхемелисдзе [44]. Однако, несмотря на отдельные неудачи, кочевники не уходили из Тао, а лишь еще сильнее опустошали его.

Столь сильного натиска туркменских кочевников Южная Грузия не знала со времени 80-х годов XI в. («Великого засилья турок»). Туркмены рассеялись по всей Грузии, угрожая царской власти. Правда, на этот раз они ограничились разгромом лишь Южной Грузии. Возможно, это связано с тем, что во время «Великого засилья турок» за спиной кочевников стояли султаны Великих Сельджуков; теперь же малоазиатские султаны, потерявшие в результате монгольского господства независимость, не могли оказать кочевникам поддержки.

Когда атабег Бека узнал о вторжении туркмен, он немедленно стал собирать войско, включая отряды союзников из числа других грузинских феодалов. Как видно, Бека полностью оценил угрозу, нависшую над страной. К своим воинам он обратился с речью, которая характеризует его как одного из передовых и политически правильно мыслящих людей своей эпохи. По словам Бека, тюрки не появлялись в Грузии с тех пор, как царь Давид Строитель изгнал их оттуда. Теперь же они вновь вторглись в страну, разоряют ее и грозят еще большим разорением в будущем. Причиной этого он считал монгольское иго и центробежные устремления грузинских феодалов, их нежелание бороться с врагом сообща [45].

Собрав под свои знамена около 12 тыс. воинов, Бека повел решительное наступление на кочевников, которые вскоре были полностью разбиты и рассеяны, причем в руки грузин попала большая добыча [46]. Серьезный набег туркмен на Южную Грузию имел место также в 1298—1299 гг. [47].

Вторжение анатолийских кочевников в Южную Грузию было началом тех длительных и опустошительных войн, которые впоследствии не раз пришлось перенести этому краю. Туркмены в этом отношении оказались предшественниками османских захватчиков, агрессия которых в последующие столетия имела роковые последствия для Самцхе. Однако тогда, как справедливо отмечает И. А. Джавахишвили, «ни самцхийские правители, ни грузинские цари еще не предполагали, что усиление турецких племен таило такую опасность для Грузии» [48].

Таким образом, несмотря на социальный, экономический и политический кризисы, в которые из-за монгольского владычества впали и Грузия и государство Сельджукидов Малой Азии, политические и иные связи между ними, хотя и ослабели, не были прер-

ваны совсем. Оказавшись на долгое время в вассальной зависимости от монгольских завоевателей, эти соседние страны были вынуждены участвовать почти во всех их военно-политических акциях, в том числе в походах против египетских мамлюков. Кроме того, во второй половине XIII в. произошли довольно крупные военные столкновения между Грузией и кочевыми туркменскими племенами из Малой Азии.

[1] Anadolu Selçukı Devleti Tarihi ibni Bibi'nin Farsça Muhtasar Selçuknamesinden Türkçeye Çeviren M. Nuri Gencosman. Ankara, 1941, с. 222; Osman Turan. Keyhusrev II.— İslâm Ansiklopedisi. T. 62. 1954, с. 627; Х. М. Мусаев. Сочинение Ибн-Биби «Аль-Авамир Аль-Алайия филумур Аль Алайия» как источник по истории Анатолийских Сельджуков. Автореф. канд. дис., Баку, с. 22.

[2] Anadolu Selçukluları Devleti Tarihi. T. III. Ankara, 1952, с. 55.

[3] Selçukı Devletleri Tarihi, Aksaraylı Kerimeddin Mahmud'un Müsamerat-al-ahyar adlı Farsça Tarihinin Tercümesi. Ankara, 1943, с. 133.

[4] Жамтаагмцерели. Картлис Цховреба (История Грузии). Т. II. Тб., 1959, с. 172 (на груз. яз.). Далее — Жамтаагмцерели.

[5] Ак. Гацерелия. Царица Тамар (Гурджи-хатун) и поэт Джелал ад-Дин Руми.— «Литературули газети». 1960, № 41—42, (на груз. яз.); Е. Джавелидзе. Из истории взаимоотношений Гурджи-Хатун (царица Тамар) и Джелал ад-Дина Руми.— «Цискари». 1970, № 1, с. 106—117 (на груз. яз.).

[6] В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 5. М., 1968, с. 580; И. П. Петрушевский. Ислам в Иране. Л., 1966, с. 265.

[7] Жамтаагмцерели, с. 212.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] М. Шадури. Сведения о тюркских племенах и народах в сочинениях Жамтаагмцерели.— «Дживан Мард». 1976, № 1, с. 35, (на груз. яз.).

[11] Жамтаагмцерели, с. 213.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Anadolu Selçukı Devleti Tarihi, с. 286—287; Gregory Abu'l Farac (Bar Hebraeus). Abu'l-Farac Tarihi. T. II. Ankara, 1950, с. 599.

[17] Gregory Abu'l Farac (Bar Hebraeus). Abu'l-Farac Tarihi, с. 599.

[18] Жамтаагмцерели, с. 270.

[19] Osman Turan. Selçuklular Zamanında Türkiye. İstanbul, 1971, с. 545.

[20] Там же.

[21] Жамтаагмцерели, 270.

[22] Osman Turan. Selçuklular Zamanında Türkiye, с. 545—546.

[23] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.— Л., 1946, с. 88.

[24] Osman Turan. Selçuklular Zamanında Türkiye, с. 546.

[25] Жамтаагмцерели, с. 271.

[26] В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии.— Избранные сочинения. Т. I. М., 1960, с. 67.

[27] Selçukı Devletleri Tarihi..., с. 213.

[28] Жамтаагмцерели, с. 279. Ср. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. М., 1962, с. 29.

[29] Жамтаагмцерели, с. 279.

[30] Там же.

[31] Там же.

[32] Там же.

[33] Osman Turan. Selçuklular Zamanında Türkiye, с. 575.

[34] Там же.
[35] Жамтаагмцерели, с. 280.
[36] Public Record Office. London. Ancient Correspondence. T. 55, № 18. Цитируется по статье И. М. Табагуа (см.: И. М. Табагуа. Участие грузин в битве при Химсе.— Проблемы истории стран Европы. Т. I. Тб., 1975, с. 180 (на груз. яз.).
[37] Там же. с. 172.
[38] Жамтаагмцерели, с. 280—281.
[39] Там же, с. 296.
[40] И. А. Джавахишвили. История грузинского народа. Кн. III. Тб., 1966, с. 218 (на груз. яз.).
[41] Сиасет-наме. Книга о правлении везира XI столетия Низам ал-Мулька. М.— Л., 1949, с. 109.
[42] Жамтаагмцерели, с. 310.
[43] Там же, с. 310—311.
[44] Там же. с. 311.
[45] Там же, с. 311—312.
[46] Там же, с. 312—313.
[47] М. Шадури. Сведения о тюркских племенах..., с. 38.
[48] И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, с. 390.

Н. Н. Шенгелия

ОСМАНСКИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ О КРЕПОСТЯХ БАТУМИ И ГОНИО

В архиве Восточного отдела Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии хранится большое число османо-турецких документов, вывезенных из Стамбульского центрального архива в 30-е годы текущего столетия. Документы отражают историю османского господства не только на Балканах, но и на Кавказе, в Крыму и других регионах СССР периода XVI—XIX вв.[1].

Здесь хранятся многочисленные османские документы — фирманы, бераты, арзухалы, дефтеры и др., являющиеся ценными источниками для изучения истории русско-турецких взаимоотношений, социально-экономической и политической истории Крыма, Кавказа и стран Балканского полуострова и т. п.[2].

Здесь же имеется множество документов, выданных султаном, великим везиром, башдефтердаром и другими государственными лицами военачальникам османских вооруженных сил, а также правителям Кавказа, Крыма и других регионов. В документах конкретно излагается расположение османских войск на Кавказе, в Крыму и других местах. В архивном материале можно найти также сведения о финансировании этих войск центральной властью, о формах землевладения и землепользования и др., дается подробное описание отдельных провинций. В архиве содержатся также письма местных феодалов к османским правителям, из которых становится понятным форма зависимости и конкретная обстановка в регионах в определенные годы.

Изучение, расшифровка, перевод, комментирование и публикация упомянутых источников, касающихся исторического прошлого отдельных районов Советского Союза, соответствующими научными коллективами — неотложная и почетная задача отечественной османистики.

В предлагаемой статье мы публикуем отдельные типы документов из фондов этого архива, касающихся финансового и экономического обеспечения османского войска в крепостях Батуми и Гонио (арзухал, Руус-и хумаюн — так называемые кючук берат, хазине-и тезкере и иджмал дефтер).

Крепости Батуми и Гонио[3] занимали важное стратегическое

положение на юго-восточном побережье Черного моря. Сведения об этих укрепленных пунктах встречаются уже в древнейших источниках. В конце XIII — начале XIV вв. Батуми входил в состав владения одишских князей. После распада Грузии на отдельные политические единицы Батуми и Гонио перешли в собственность князей Гуриели, а в 1547 г. ими овладели османы, хотя грузинские князья всячески старались восстановить свою власть в упомянутых крепостях и иногда добивались успеха. В 1712 г. по приказу султана вся батумская сторона с крепостью Гонио была присоединена к Трапезундскому (Трабзонскому) эялету, что и было зафиксировано в государственном реестре. Батуми и Гонио стали центрами османских санджаков.

По сведениям грузинских источников, в XVIII в. Батуми был небольшим городком с превосходной крепостью. По Берлинскому трактату в 1878 г. Батуми вошел в состав Российской империи, а в 1878—1886 гг. Батумский порт был объявлен порто-франко.

Недалеко от Батуми, на побережье Черного моря, у устья р. Чорох находилась крепость Гонио. С 1547 по 1876 г. она была во владении Османской империи, а после Сан-Стефанского мирного договора, как и вся Аджария, передана Российской империи.

История обеих крепостей в период османского владычества малоизвестна, так как основными источниками о них являются османские документы, хранящиеся в архивах Турции. Данная публикация является, таким образом, первым шагом в исследовании истории этого стратегически и политически важного региона в XVI—XVIII вв. по документальным материалам.

Сведения османских документов дают представление о количестве и статусе османского гарнизонного войска в крепостях Батуми и Гонио. Названные крепости представляли собой плацдарм, с которого осуществлялся контроль над юго-западным побережьем Кавказа, а также нападения на отдельные княжества Западной Грузии. Именно по этой причине османское правительство придавало огромное значение этим крепостям.

Ниже приводятся переводы документов различного типа (хазинеи тезкере, арзухал, сурет-и тахвил, иджмал) из названного собрания. Комментарии к встречающимся терминам даны в примечаниях. Анализ документов мы планируем осуществить позднее, после перевода всех имеющихся в нашем распоряжении источников. (Оригиналы см. Приложение).

I. Один лист, дата: 2 июля 1692 года. Хазине-и тезкере. Размер: 11,6×16,8 см. Чернила черные, бумага белая, сиякат. Шифр: НБКМ, фонд 307^{А}, арх. ед. 67^{А}, Л-1.

По милости Аллаха!

Пусть будет дополнено суммой от финансов, полученных [в виде] соответствующих доходов от владетелей зиаметов и (тимаров) Трабзонского еялета 1100 года[4]. Уплата от суммы остатков, для

содержания бешлуянов[5], мустафазов[6] и азабов[7], [охраняющих] крепость Гонио, с масара[8] 1099 года[9] до конца лезези[10] того же года[11]: (назначено) солдат — 238; дней — 1574; выделенная для них сумма — 521 034 акче, которая составляет по гуруш еседи[12] — 4341,5 и накдие[13] 54 акче.

Эта сумма для уплаты была выделена из доходов хассов[14] Рилы[15] и его подчиненных воеводе упомянутых хассов — Авни-аге, от 15 зил-кааде 1099 года[16], как это было записано в копии приходно-расходной книги государственного рузнамче[17]. Но из указанной суммы было выплачено упомянутым Авни-агой (только) 2000 гуруш, что по накдие составляет 240 тыс. акче. Сумму принял Омер-ага — один из ага мустафазов и азабов упомянутой крепости.

В настоящее время (имеется) 281034 акче, подсчитанные по еседи — 1756 и накдие — 74 акче.

Причиной невнесения остальной суммы является то, что реая, принадлежащая хассам, разбежалась и государственная сумма не была собрана. В настоящее время нижеуказанная сумма, которая не была получена на содержание для азабов, мустафазов и бешлуянов крепости Гонио, осталась в качестве долга, согласно копии высочайшего фирмана, [вместе с] приписанным на обратной стороне худжетом. В настоящее время, согласно священному фирману, было приказано выписать от счетного отдела двух священных городов платежный ордер с датой 18 рамазана 1103 года[18].

281034

Подсчитано по гуруш еседи — 1756; каждый (гуруш еседи) составляет — 160 (акче) и 74 накдие.

Написано упомянутого числа.

Отправлено!

Счет составлен 27 рамазана 1103 года[19].

Акче — 210794.

Подсчитано по гуруш — 1756 (и) накдие — 74.

Принятый в 1100 году кетхудой[20] мустафазов Гонио Мустафа-агой от владетелей зиаметов и тимаров, откуп взамен акче.

Остаток казны — 70 240 акче.

Население обложено данью.

На обороте[21]: Откуп 1100 г. зиамета и тимара Трабзона:

Подсчитан:

210794 акче	1756
казна: 070240	16
281034	10536
	1756
	28096
	74
	181034

II. Один лист, дата: 26 июля 1708 года. Арзухал. Размер: 16,8×24,5 см. Чернила черные, бумага белая; диван и сиякат. Шифр: НБКМ, фонд 307А арх. ед. 72А.

По милости Аллаха!

Соответственное место:

Выделена оплата за масар 1120 года[22] для некоторых джамаатов янычар Высочайшего Двора, охраняющих Батумскую крепость.

Солдат — 334

В соответствии с указанным, в дефтере отмечено и зарегистрировано, что в данный момент лишь 334 джамаата янычар Высочайшего Двора находятся для охраны Батумской крепости.

Провести годовой подсчет! Выдать тезкере!

Сумма на мясо и продукты для янычар Высочайшего Двора, защищающих Батумскую крепость, определена с начала реджеба 1119 года до конца зил-хидже того же года[23]. Тезкере выдан 9 шеввала 1119 года[24].

Солдат — 378. В месяц пшеницы — 189 киле.
Акче — 112177. Месяцы — 6.
В день мяса — 75,5 ока[25]. Киле—1134; каждый киле по 40 акче.
Дни — 177. Акче — 45360.
Ока — 13363,5, каждый ока по 5 акче.
Акче — 66817.

Выделено с начала мухарема 1120 года до истечения джемизи ул-еввела того же года[26].

Солдат — 334.
В день мяса — 66,5 ока.
Дни — 352.
Ока — 23541; каждый ока по 5 акче.
Акче — 117705.
В месяц пшеницы — 167 киле.
В год 2004 киле; каждый киле по 40 акче.
Акче — 80160.
Всего — 197865 акче.

В счет службы (I) 119 года[27] янычар Высочайшего Двора, охраняющих Батумскую крепость, выдан тезкере цен на мясо и продукты. В данный момент, согласно переписи кятиба янычар, когда было подсчитано, он составил лишь 197865 акче. Приказ за Султаном.

7 джемази ул-еввела 1120 года[28].

Мой счастливый и высокопочитаемый Султан, пусть будет долговечной Ваша Величественная жизнь. Определены цены законной платы на пшеницу и мясо для янычар Высочайшего Двора, охраняющих Батумскую крепость.

Приказ и фирман о салиане[29] есть воля Султана.

Вышеупомянутый (Ваш покорный) раб.

Тезкере казны выдан 8 джемази ул-еввела 1120 года.
Писарь[30].
На обороте[31]:

334	5—334	354
5	66,5.	66,5
167,5		1770
12		2124
334		2124
167		23541,5
2004		117705
4		080160
80160.		197865.

III. Один лист, дата: 5 декабря 1718 года, Руус-и хумаюн (кючук берат). Размер: 16×24 см. Чернила черные, бумага белая. Индже дивани. Шифр: НБКМ, фонд $307^{А}$, арх. ед. $27^{А}$.

По милости Аллаха!

Катибат солдат бешлуянов, азабов, мустафазов, джебеджи и топчи[32] Батумской крепости.

Катиб вышеупомянутых пяти очагов по имени Хуссейн Мустаменди за 25 акче в день стал кади Атинской казы[33], расположенной на расстоянии четырех конаков от упомянутой крепости. Поскольку должность катиба свободна и заброшена и поэтому в действительности является вакантной, а Мехмед Мустафа из катибов — заслуженный и справедливый, Осман Эфенди — кади Гонио, расположенной вблизи Батуми, представил арзу на основании арзы и ходатайств солдат упомянутых очагов о вакантном месте. Вследствие этого свободное место [тому] пожаловали и был выдан берат.

12 мухарема 1131 года[34]. Приказ.
Берат выдан 17 мухарама 1131[35].
Писарь.

IV. Один лист, дата: 2 января 1721 года. «Сурет-и тахвил». Размер 16×10,2 см. Чернила черные, бумага белая; сиякат шрифт. Шифр: НБКМ, фонд $307^{А}$, арх. ед. $80^{А}$, Л-2.

По милости Аллаха!

Копия счета 19 зил-кааде 1133[36] года.

В обязанность Мехмед-бега на 1132[37] год входит оплата сумм из акче доходов мукатаа[38] хассов ливы Батуми и Гонио на пшеницу с начала мухарема 1133[39] года до конца зил-хидже того же года[40], на продукты для гарнизона — джебеджи[41] Высочайшего Двора, охраняющих крепость Оз[42]. Сумма принята от чауша[43] джебеджи Высочайшего Двора Якуба.

Солдат — 6.
Пшеницы в месяц — 30 киле.

В год — 360 киле, каждый киле по 40 (акче)
Акче — 10800 — основная (сумма).
03600 — лишняя (сумма).
14400
Подсчитанные по гуруш — 90; каждый (гуруш) — 16 (акче).
Из вышеупомянутой акче — 10649
Тефавути хасанат [45] — 151
Тефавути лишь 90 гуруш еседи.
Вексель выдан 3 раби ул-еввела 1133 года [46].

Писарь.

V. Один лист, дата: 27 декабря 1724 года. Арзухал. Размер: 19×26,5 см. Чернила черные, бумага белая; несхи, дивани и сиякат. Шифр: НБКМ, фонд 307А, арх. ед. 85 А.

По милости Аллаха!

Мой счастливый, высокопочитаемый Султан, да будет долговечной Ваша Величественная жизнь. Приказ и фирман о пожаловании законной платы янычарам Высочайшего Двора, охраняющим Батумскую крепость,— в Ваших руках, мой счастливый Султан.

(Ваш покорный) раб.

Соответствующее место:

Некоторым джамаатам янычар Высочайшего Двора, охраняющим Батумскую крепость, выделена плата за масар 1137 года [47].

Согласно указанному, плата янычарам Высочайшего Двора, охраняющим Батумскую крепость, за масар 1137 года является законной.

Мое скромное предложение заключается в том, чтобы выдать арзухал о пожаловании платы за (11)37 год янычарам Высочайшего Двора, охраняющим Батумскую крепость.

Согласно переписи, вопрос о выдаче иджмала [48] за четыре квартала зависит от Вас, мой счастливый, почитаемый Султан.

Верно!

Согласно телхису [49], выдать иджмал.

Приказ. 10 раби ул-ахира (1)137 года [50].

Иджмал выдан 10 раби ул-ахира (1)137 года.

VI. Два листа, дата: 1724 года. Иджмал. Размер: 30,5×46 см. Чернила черные, бумага белая, сиякат. Шифр: НБКМ фонд 307А, арх. ед. 84А, Л-1—2.

По милости Аллаха!

Извлечение из счета приходов, платежей и взносов (в государственную казну) из указанных финансов 1135 года [51] благодаря стараниям правителя Батуми и Гонио Дабе-заде Мустафа-паши. Упомянутая сумма израсходована на ремонт и поправки Батумской крепости. Такая сумма выделена согласно платежному ордеру («себеби тахрири хукум» [52]). Обязательная выплата упомя-

нутого Мустафа-паши из прихода владетелей зиаметов и тимаров Батуми и Гонио с начала марта 1135 года[53]:

В год — 4500 гуруш еседи.

Для оджаклыка[54] солдат Гонио: 1333 гуруш еседи и 1 бениз[55].

Для доставки в государственную казну: 3167 гуруш еседи.

Из суммы, авариза и бедели нузули[56] с ливы Гонио в 1135 году выделено:

В год — 1000 гуруш			Гуруш:[58]
1136 год[57] — 1000			4500
2000.			1000
			2500
			0290
			8290
			4085
		остаток	4205
			8290.

Согласно «себеби тахрир-и хукума», из финансов джизье Трапзона для ремонта и приведения в порядок Батумской крепости выделено в 1136 году 2500 гуруш еседи.

Согласно высочайшему приказу, из определенной суммы Батумских селений на 1135 год выделено 500 гуруш еседи.

Сумма из наследства Исмаил-паши, владетеля Айдина[59], оставшаяся в качестве долга Мустафа-паше Дабе-заде, к 1110 году[60] составляла 290 гуруш еседи.

Всего гуруш еседи:

	9790		9790
	1500		4085
остаток	8290.	остаток	5705
			4743
		остаток	962
			5705.

От него. Согласно худжета[61] и векселей из нижеупомянутых расходов:

За наем отрядов вьючных животных, за погрузки товаров и коней, везущих воду подразделениям джебеджи и топчи Высочайшего Двора, охраняющих крепость Копру[62], согласно Высочайшему священному приказу, [приведенная ниже сумма] назначена и отправлена из столицы. Сумма взята из прихода Батуми в счет 1136 года, согласно худжета шариата Мевлана Омера, казы Гонио. Дата: 13 мухарема 1136 года[63].

Вьючных животных:

8 — для отряда джебеджи (назначить) Мустафа сер топчи.

5 — для отряда джебеджи (назначить) Хусейн сер топчи.

13

Гуруш еседи — 117; на каждого по 9 гуруш.

Гуруш — 0117 Один бениз
1333
2500
0135
4085

Согласно копии Высочайшего берата, худжета шариата Мевлана Омера, казы Гонио и гербового векселя ага солдат вышеуказанной крепости, в счет 1135 года из финансов прихода владетелей зиаметов и тимаров Батуми и Гонио, для оджаклыка солдат крепости Гонио выделено 1133 гуруш еседи и один бениз.

За продукты питания и напитки для солдат Сухумской крепости была послана (сумма) из столицы. Эта сумма была вручена от владетеля Гонио Мустафа-паши, эмину[64] строительства Сухумской крепости Юсуф-аге, согласно худжета шариата Мевлана Али, казы Гонио и печатного векселя Юсуф-аги, эмина строительства упомянутой крепости. Дата: 24 рамазана 1136 года[65].

Гуруш еседи — 650.

Согласно худжета шариата Мевлана Али, казы Гонио, была послана сумма для дорожных расходов, найма лошадей и корабля с целью сообщений между Гонио и Трабзоном. Дата: в начале рамазана 1136 года[66]. Гуруш еседи — 140.

Согласно Высочайшему приказу, жалованье Мустафа-паши, владетеля Гонио, определено из суммы с прихода владетелей зиаметов и тимаров ливы Гонио и Батуми за 1135 год.

Гуруш еседи — 2500.

Согласно худжета шариата Мевлана Омера, казы Батуми, [определены] дорожные расходы и наем лодки для мубашира от Батуми до Трабзона. [Специальный человек] назначен и отправлен для собирания джизье Трабзона. [Упомянутая сумма] израсходована на ремонт Батумской крепости. Дата: 6 мухарема 1136 года[67].

Гуруш еседи — 135.
Всего: гуруш еседи — 4875 (и) 40 акче
0790
Остаток — 4085

Остаток долга вышеупомянутого покойника:

гуруш еседи — 4915
790
0705.

Сдано в государственную казну — 4743 гуруш еседи.
Остаток долга — лишь 962 гуруш еседи.

Оригиналы текстов

I. بيك يوز طره بزون ايالتى زعما و ارباب بدليهسى مالندن دولته
بجهت ادا ثه قصور اقچه ثه مواجبات بشلويان و مسطحفظان و غزبان
قلع ثه كونيه عن واجب مصر سنه ١٠٩٩ الى غايه ث لذذ سنه ث منه نفرًا
٣٣٨ يوم ١٥٧٤ المقرر ٥٢١٠٣٤ اقچه كه بحساب غروش اسدى ١/٢ ٤٣٤١
نقديه ٥٤ اقچه حواله شده عن مال حصها ث ريله و توابعها در عهده
ث عوض اغا ويوده ثه حواض مزبوره الواقع فى ١٥ ذى القعده سنه
١٠٩٩ قيد شده به صورت روزنامچه ث همايون و لكن مبلغ مزبوره بسرا
به عوض اغا المزبور ٢٠٠٠ غروش بحساب نقديه ٢٤٠٠٠٠ اقچه ادا كرده
و عمر اغا عن اغايان عزبان و مستحفظان قلع ثه مزبوره اخذ و
قبض كرده و حالا ٢٨١٠٣٤ اقچه بحساب اسدى ١٧٥٦ نقديه ٧٤ اقچه
باقى مانده از ان سبب كه رعاياى خاص پراكنده و پريشان بوده و
مال ميرى تحصيل نشده و حالا اين قدر مبلغ قصور مواجبات
بشلويان و مستحفظان و عزبان قلع ث كونيه باقى مانده برموجب
صورت فرمان همايون مع ظهريه و حالا تذكره ث ادا عن جانب
محسبه ث حرمين الشريفين نوشته فرموده بافرمان شريف الواقع فى ١٨
رمضان سنه ١١٠٣

٢٨١٠٣٤

بحساب غروش اسدى

نقليات — عدد — فى ١٦٠

١٧٥٦ — نقديه ٧٤

تحريرًا فى التاريخ المزبوره

منه

محسوب فى ٢٧ رمضان سنه ١١٠٣
اقچه
٢١٠٧٩٤

الباقى حزينه مانده
اقچه
٧٠٢٤٠

17 Зак. 737

بحساب غروش

۱۷۵٦ نقدیه ۷٤ محلنده اداسی چالمقدر

عن اقچه بدلیه ٔ زعما و ارباب
تیمار سنه ۱۱۰۰ عن ید مصطفی اغا
کتخدا ٔ مستحفظان کونیه

II.

محلی
عن جماعت بعض یکیچریان درکاه عالی در محافظه ٔ قلعه ٔ باتوم
بوده اند واجب مصر سنه ۱۱۲۰

نفراً
۳۳٤

وجه مشروح اوزره باتوم قلعه‌سی محافظه‌سنده اولان درکاه عالـــی
یکیچریلری یالکز اوچ یوز اوتوز درت نفر اولدقلری حالا دفترده
مسطور و مقیددر

بر سنه‌لك حساب اولنه
تذکره‌سی ویریله
بجهت ضرور لحم و ذخیره بها ٔ یکیچریان درکاه عالی
در محافظه ٔ قلعه ٔ باتوم واجب عن غرهٔ ٔ رجب سنه ۱۱۱۹
الی غایه ٔ ذی‌الحجه سنه ٔ منه تذکره داده فی ۹ شوال

۱۱۱۹ نفراً

۳۷۸

اقچه

۱۱۲۱۷۷

في يوم كوشت	في شهر حنطه
قيه	كيل
٧٥ ١/٢	١٨٩
ايام	اشهر
١٧٧	٦
قيه	كيل في ٤٠
١٣٣٦١ ١/٢ في ٥	١١٣٤
اقچه	اقچه
٦٦٨١٧	٤٥٣٦٥

واجب عن غرّه ﺛ محرم سنه ١١٢٠ الى غايه ﺛ ذى‌الحجه سنه ﺛ منه

نفرًا

٣٣٤

في يوم كوشت	في شهر حنطه
قيه	كيل
٦٦ ١/٢	١٦٧
ايام	في سنه كيل
٣٥٢	٢١١٤ في ٤٠
قيه في ٥	اقچه
٢٣٥٤١	٨٠١٦٠
اقچه	
١١٧٧٠٥	

يكون اقچه ١٩٧٨٦٥

باتوم قلعه‌سى محافظه‌سنده اولان دركاه عالى يكيچريلرينك يوز اون طقوز سنه‌سى حتامنه دكين ضرور لحم و ذخيره بهالرينه تذكره ويريلوب

حالا یکیچری کاتبی درکنار موجبنجه حساب اولندقده یالکز یوز
طقسان یدی بیك سکز یوز التمش بش اقچه ایدر فرمان سلطانمکدر
قید شد فی ۷ جماذی الاوّل سنه ۱۱۲۰

دولتلو سعادتلو سلطانم حضرتلری صاغ اولسون
باتوم قلعه‌سی محافظسنده اولان درگاه عالی یکیچریلرینك مستحق
اولدقلری ضرو لحم و حنطه بهالری حواله و سالیانه اولمق بابنده
امر فرمان سلطانمکدر

بنده

تذکره داده فی ۸ جماذی الاوّل سنه ۱۱۲۰ مزبور

هو

کتابت نفرات بشلویان و عزبان و مستحفظان و جبه‌جیان و طوبچیان.III
قلعهٔ باتوم
یومی یکرمی بش اقچه علوفه ایله مزکور بش اوجاغك کاتب اولان
حسین مستمندی نام کمسنه قلعهٔ مزبوره‌دن درت قوناق مسافهٔ
تعیین اولان اتنه قضاسنه قاضی اولوب کتابت مزبوره خدمتی
خالی و معطّل و اولوجهله محلول اولمغله ارباب استحقاقدن محمد
مصطفی اهل قلم و محل و مستحق و کتابت مزبوره‌نك عهده‌سنده
کلمکله قدر اولدوغین ذکر اولنان اوجاقلرك نفراتی عرض و اعلام
اولنماسنی التماس ایتملریله واقع حالی کونهه مع باتوم قاضیسی
عثمان افندی عرض ایتمکله موجبنجه ترك خدمتدن توجیه و برات
اولنمق

فی ۱۲ محرم سنه احدی و ثلثین و مائه و الف
بیورلدی برات داده فی ۱۷ محرم سنه ۱۱۳۱ قید شد

IV. هو

صورت فی ۱۹ ذی القعده سنه ۱۱۳۳

عن تحویل محمد بك عن اقچه ٔ مقاطعه ٔ حصها ٔ لوا ٔ باتوم و کونیه واجب سنه ۱۱۳۲ بجهت بها ٔ خنطه برای ذخیره ٔ جبه جیان درگاه عالی در محافظه ٔ قلع ٔ اوز واجب عن غرّه ٔ محرم سنه ۱۱۳۳ الی غایه ٔ ذی الحجه سنه ٔ منه عن ید یعقوب چاوش جبه جیان درگاه عالی

نفر ۱۴

۶۰

فی شهر

خنطه

کیله

۳۰ فی ۴۰

ایام

۳۶۰

اقچه

۱۰۸۰۰ اصل

۰۳۶۰۰ فضله

۱۴۴۰۰

بحساب غروش فی ۱۶۰

۹۰

عن اقچه ٔ مزبورین — عن تفاوت حسنات

۱۰۶۴۹ — ۱۵۱

مع تفاوت یالکز طقسان غروش اسدی در تمسك داده فی ۳ ربیع الاخر سنه ۱۱۳۳

قید شد

17-3 737

V. هو

دولتلو سعادتلو سلطانم حضرتلری صاغ اولسون
باطوم قلعه‌سی محافظه سنده اولان درگاه عالی یکیچریلرینك مستحق
اولدقلری مواجبلری احسان بیورلمق بابنده امر و فرمان دولتلو
سعادتلو سلطانم حضرتلرینکدر
بنده
محلی
عن جماعت بعض یکیچریان درگاه عالی در محافظهٔ قلعهٔ باطوم
بوده‌اند در واجب مصر سنه ۱۱۳۷
وجه مشروح اوزره باطوم قلعه‌سی محافظه سنده اولان درگاه عالی
یکیچریلری بیك یوز اوتوز یدی مصر مواجبندن مستحقلردر
عرض بنده بودر که
باطوم قلعه‌سی محافظه سنده اولان درگاه عالی یکیچریلرینك اوتوز
یدی سنه سی مواجبلری ویرلمك ایچون عرضحالدر درکناری موجبنجه
درت قسط مواجبلرینك اجمالی ویرلمك بابنده فرمان دولتلو
سعادتلو سلطانم حضرتلرینکدر
صح
تلخیص موجبنجه اجمالی ویرلمك بیورلدی ۱۰ ربیع الاخر سنه ۱۳۷ / ۱ /
اجمال داده فی ۱۰ ربیع الاخر سنه ۱۳۷ / ۱ /

VI. هو

اجمال محاسبهٔ واردات و مقبوضات و تسلیمات عن مال مذکورین
بمعرفت دابه زاده
مصطفی پاشا متصرف باتوم و کونیه برای تعمیر و ترمیم قلعهٔ باتوم
این قدر مبلغ حواله شده برموجب حکم سبب تحریر الواقع در سنه
۱۱۳۵

غروش	مقاطعه زعما و ارباب تیمارها ڭ
٤٥٠٠	باتوم و کونیه واجب عن اول
١٠٠٠	مارت سنه ١١٣٥ در عهده ڭ مصطفی
٢٥٠٠	پاشا المزبور
٠٢٩٠	فی سنه
٨٢٩٠	غروش اسدی

باقی ٤٠٨٥ ٤٥٠٠

برای اوجقلق نفرات کونیه برای ارسالیه ڭ خزینه ڭ عامره

٤٢٠٥

٨٢٩٠	پنز غروش اسدی	غروش اسدی
	١ ١٣٣٣	٣١٦٧

عن مال عوارض و بدل نزل لوا ڭ کونیه واجب سنه ١١٣٥

فی سنه غروش

١٠٠٠

١٠٠٠ سنه ١١٣٦

٢٠٠٠

عن مال جزیه ڭ طربزون واجب سنه ١١٣٦ برای تعمیر و ترمیم
قلع ڭ باتوم برموجب حکم سبب تحریر عن حواله شده

غروش اسدی

٢٥٠٠

عن مال مقطوع ڭ قرا ڭ باتوم واجب سنه ١١٣٥ برموجب
امر شریف حواله شده

غروش اسدی

٥٠٠

برای بها ء اشیا ء محلفات اسمعیل پاشا متصرف ایدین در ذمت
مصطفی پاشا دابه زاده باقی مانده در سنه ۱۱۱۰

غروش اسدی

۳۹۰

یکون غروش اسدی

۹۷۹۰

۱۵۰۰

باقی

۹۷۹۰	۸۳۹۰
٤۰۸۵	
باقی	
۵۷۰۵	
٤۷٤۳	
باقی	
۹٦۲	
۵۷۰۵	

منها المصارفات مذکورین بر موجب حجت و تمسکات

برای اجرت بارکیران مکاری برای تحمیل اشیا و بارکیران سقا ء اورته ء جبه‌جیان و طوبجیان درگاه عالی برای محافظه ء قلع ء کوپری عن استانه تعیین و ارسال‌شده برموجب امر شریف عالیشان عن مال مقاطع ء باتوم واجب سنه ۱۱۳٦ برموجب حجت شرعیه ء مولانا عمر قاضی ء کونیه المورخ فی ۱۳ محرم سنه ۱۱۳٦

غروش	بارکیر
۰۱۱۷	روئس

۱۳۳۳	۸	برای اروته ڎ طوپجی باعث مصطفی سر طوپی
۲۵۰۰	۵	برای اروته ڎ جبهجی باعث حسین سر جبه
	۱۳	
۰۱۳۵		
٤۰۸۵		غروش اسدی فی بهر راتبه غروش ۹

۱۱۷

برای اوجـقـلق نفرات قلعه ڎ کونیه عن مال مقـاطـع ڎ زعمـــا و ارباب تیمارها ڎ باتوم و کونیه واجب سنه ۱۱۳۵ بر موجب صورت برات عالیشان و حجت شرعیه ڎ مولانا عمر قاضی ڎ کونیه و ممهور تمسکات اغایان نفرات قـلع ڎ مزبوره

پنز	غروش اسدی
۱	۱۳۳۳

برای مکولات و مشروبات عملها ڎ قـلع ڎ صوحوم که عن استانـــه ارسال شده و این قـدر مبلغ ماکولات عملها ڎ قـلع ڎ مزبوره عـن ید مـصـطفی پاشا متصرف کونیه به یوسف اغا امین بنا ڎ قـلـــع ڎ صوحوم تسلیم شده بر موجب حجت شرعیه ڎ مولانا علی قـاضی ڎ کونیه و ممهور تمسك یوسف اغا امین بنا ڎ قـلع ڎ مزبور المورخ فی ۲٤ رمـضان سنه ۱۱۳۶

غروش اسدی

٦۵۰

برای حرج راه و اجرت اولاق و نول سفینه که برای اخبار عمـل و دوننما ڎ همایون عن کونیه الی طربزون ارسال شده بر موجب حـجت شرعیه ڎ مولانا علی قـاضی ڎ کونیه المورخ فی غرّه ڎ رمضان سنه ۱۱۳۶
غروش اسدی

۱٤۰

برای مدار معیشت مصطفی پاشا متصرف کونیه بر موجب امر شریف عالیشان عن مال مقاطع ٔ زعما و ارباب تیمارها ٔ لوا ٔ باتوم و کونیه بروجه معیشت تعیین شده در سنه ۱۱۳۵

غروش اسدی

۲۵۰۰

برای حرج راه و اجرت قایق مباشر عن قلع ٔ باتوم الی طربزون تعیین و ارسال شده برای تحصیل جزیه ٔ طربزون که برای تعمیرات قلع ٔ باتوم بر موجب حجت شرعیه ٔ مولانا عمر قاضی ٔ باتوم المورخ فی ٦ محرم سنه ۱۱۳٦

غروش اسدی

۱۳۵

اقچه	یکون غروش اسدی
٤۰	٤۸۷۵
	۰۷۹۰
	باقی
	٤۰۷۵

الباقی در ذمت متوفا ٔ مومی الیه

غروش اسدی

٤۹۱۵

۷۹۰

۵۷۰۵

تسلیم به خزینه ٔ عامره	الباقی در ذمت حود
غروش اسدی	غروش اسدی
٤۷٤۳	۹٦۲

[1] См.: Ю. А. Петросян. Турецкие рукописи и документы в библиотеках и архивах Болгарии.—«Народы Азии и Африки». 1961, № 3, с. 244—247; К. Л. Мешвелиани. Османские документальные источники по истории Грузии в архивах Болгарии.— Труды Тбилисского гос. университета. Т. 127. 1968, с. 413—421 (на груз. яз.); Опис на тимарски регистри, запазени в Ориенталския отдел на Народната библиотека Кирил и Методий. София, 1970; Опис на турски документи за Русия, Полша и Чехия, запазени в Ориенталския отдел на Народната библиотека Кирил и Методий. Част първа. София, 1974; Н. Н. Шенгелия. Османские документальные источники истории Грузии в архиве Болгарии (краткий отчет научной командировки).— «Мацне». Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. 1979, № 1, с. 190—196 (на груз. яз.); Турски извори за Българската история. Т. I. Серия XV—XVI. София, 1964; Турски извори за Българската история. Т. II. Серия XV—XVI. София. 1966 и др.

[2] Большую помощь в подборе, изучении, чтении и расшифровке османских документов, касающихся отдельных регионов СССР, оказали нам османисты Института балканистики Болгарской Академии наук и Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия г. Софии, в связи с чем выражаем благодарность нашим болгарским коллегам: Н. Тодорову, В. Мутафчиевой, Б. Цветковой, Стр. Димитрову, М. Калицинoff, Асп. Велкову, Ст. Андрееву, П. Груевскому, Х. Махмудову, М. Васильевой, а также руководству народной библиотеки К. Каладжиевой.

[3] Основные сведения об истории Батуми и Гонио в средние века см.: В. Сичинава. Из истории Батуми (присоединение к России и социально-экономическое развитие 1878—1907 гг.). Батуми, 1958 (на груз. яз.); Ю. Сихарулидзе. Из прошлого Батуми.— Труды Батумского государственного педагогического института. Т. 5. Батуми, 1956 (на груз. яз.). Батум и его окрестности. Батум, 1906; А. Яшвили. К истории крепости Гонио.— Памятники материальной культуры в Аджарии. Батуми, 1955 (на груз. яз.); Ю. Сихарулидзе. Памятники материальной культуры Аджарии. Батуми, 1962 (на груз. яз.).

[4] 1100 год — 26.X.1688—14.X.1689 г.

[5] Бешлуяны — солдаты специальных войск или полиции, ежедневное жалованье которых составляло пять акче. В их обязанности входило следить за порядком и охранять некоторые крепости и укрепленные пункты (см.: M. Z. Pakalın. Osmanlı Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlüğü. I. Fasikül II. İstanbul, 1946, с. 211.

[6] Мустафазы — вооруженные отряды, учрежденные для соблюдения порядка и охраны укрепленного пункта, крепости.

[7] Азабы — род османского войска. Во время военных действий азабы были в первых рядах атакующих. В мирное время несли постоянную гарнизонную службу. См.: Ziya Karamursal. Osmanlı Malı Tarihi Hakkında Tetkikler. Ankara, 1940, с. 130.

[8] Масар — название одного из кварталов мусульманского года. Состоит из следующих месяцев: мухарем, сафар и реби ул-еввел.

[9] С масара 1099 г.— с 5.I.1688 г.

[10] Лезези — название другого квартала мусульманского года. Состоит из следующих месяцев: реби ул-ахира, джемази ул-еввела и джемази ул-ахира.

[11] До конца лезези того же (1099) года — до 25.X.1688.

[12] Гуруш еседи — турецкая монета, существовавшая еще во время сельджукидов. Стоимость — 70 акче (со временем менялась).

[13] Накдие — деньги (акче), имеющиеся налицо или уплачиваемые вперед (аванс).

[14] Хасс — участок земли выданный крупным государственным чиновникам — санджак-бегам, беглер-бегам, везирам — за несение военной и административной службы. Хасс выдавался и членам семьи султана; сам султан владел хассами. «Хасс — земельное владение, определяемое в пользование государственным сановникам взамен жалованья. С утратой должности сановники утрачивали и право владения хассом» (А. С. Тверитинова. Второй трактат Кочибея.— Ученые записки Института востоковедения. VI. М.— Л., 1953, с. 267).

[15] Рила (Рила-Планина) — горный массив в Юго-Западной Болгарии, самый высокий на Балканском полуострове.

[16] 15 зил-кааде 1099 года — 11.IX.1688 г.

[17] Рузнамче — заведующий приходно-расходной книгой, где ежедневно регистрировались государственные и дворцовые поступления и расходы.

[18] 18 рамазана 1103 года — 2.VI.1692 г.

[19] 27 рамазана 1103 года — 11.VI.1692 г.

[20] Кетхуда (или кяхья) — звание чиновника особых поручений военного и гражданского характера. См.: M. Z. Pakalın. Osmanlı Tarih Deyimleri..., с. 251.

[21] Цифровые данные, приписанные на обороте, не совсем ясны.

[22] Масар 1120 года — март, апрель, май 1708 г.

[23] С начала реджеба 1119 года до конца зил-хидже того же года с 28.IX.1707 по 22.III.1708 г.

[24] 9 шеввала 1119 года — 3.I.1708 г.

[25] Ока — мера сыпучих тел.

[26] С начала мухарема 1120 года до истечения джемази ул-еввела того же года — с 23.III.1708 по 15.IX.1708 г.

[27] (I) 119 год — с 4.IV.1704 по 22.III.1708 г.

[28] 7 джемази ул-еввела 1120 года—25.VII.1708 г.

[29] Салиане — годовой налог (фактически дань). Взимался с провинций, в которых значительная часть земель не была разделена на тимары и зиаметы. В некоторых провинциях салиане шел в казну бейлербея на содержание местных гарнизонов (ерли кулу), в других (например, Египта) — целиком отсылался в Стамбул. См.: А. С. Тверитинова. Второй трактат Кочибея, с. 266.

[30] 8 джемази ул-еввела 1120 года — 26.VII.1708 г.

[31] Цифры, приписанные на обороте, не ясны.

[32] Топчи — пушкари регулярного войска Османского государства (капыкулу), состоявшие на жалованье.

[33] Атинская каза — древнее название санджака Пазар, входившего в вилайет Ризе. Атина (Атен) — историческая гавань на юго-западном побережье Черного моря (современное название — г. Пазар).

[34] 12 мухарема 1131 года — 5.XII.1718 г.

[35] 17 мухарема 1131 года — 10.XII.1718 г.

[36] 19 зил-кааде 1133 года — 11.IX.1721 г.

[37] 1132 год — с 14.XI.1719 по 1.XI.1720 г.

[38] Мукатаа — участки земли и другие виды собственности султана и казны, налоги с которых выдавались на откуп.

[39] Начало мухарема 1133 года — 2.XI.1720 г.

[40] Конец зил-хидже (1133 года) — последняя декада октября 1721 г.

[41] Джебеджи — «кирасир или оружейник; категория султанского войска, состоящего на жалованье. На их обязанности лежала охрана арсенала и оружейных складов, транспортировка и охрана боевого снаряжения во время походов. Другая категория джебеджи, или чаще — джебели (джебель), представляла собой тех латников-воинов, которых содержали и выводили в поход владельцы ленных пожалований» (А. С. Тверитинова. Второй трактат Кочибея, с. 264).

[42] Крепость Оз находилась на северо-западной границе Османской империи.

[43] Чауш — офицерское звание у сипахи и янычар из личной гвардии султана.

[45] Тефавути хасанат — сумма налогов, которую выплачивали отдельные лица помимо обязательной дани из доходов арендованного участка земли. Эта добавочная сумма выплачивалась государству за разницу в 14 дней между мусульманским и христианским финансовыми годами.

[46] 3 раби ул-еввела 1133 года — 2.I.1721 г.

[47] Масар 1137 года — сентябрь, октябрь, ноябрь 1724 г.

[48] Иджмал — документ, в котором суммирован произведенный подсчет.

[49] Телхис — краткое резюме, письменное изложение, составленное великим везиром на имя Султана.

[50] 10 раби ул-ахира (I)137 года — 27.XII.1724 г.

[51] 1135 год — с 12.X.1722 по 30.IX.1723 г.

[52] Себеби тахрири хукум — вид документа, выданный османским финансовым ведомством. Использовался в основном в двух целях: 1) как налоговый ордер, в котором отмечалась определенная сумма — из дохода участка земли. Тут же указывалась сумма, выплачиваемая владельцем того или иного участка для военных или других назначений; 2) как обыкновенная расписка, выдаваемая финансовым ведомством. Документ подтверждал, что определенная сумма налога или дохода, поступившего с участков земель (мукатаа, маликане и др.), выданных государством под аренду, уплачена и владетель этого документа не имеет задолженности перед государством. Этот тип документа имеет на обороте приписку — заключение кади о том, в каком положении находится реально обязательство того или иного лица, рассчитался ли он с государством.

[53] Начало марта 1135 года — 9.III.1723 г.

[54] Оджаклык — земли в некоторых покоренных областях, оставленные в наследственное владение с условием несения пограничной службы, охраны крепости, содержания местного войска и т. п.

[55] Бениз — самая мелкая монета, употребляемая в обращении в Османской империи.

[56] Авариз и бедели нузули — чрезвычайный налог, который первоначально взимался нерегулярно, только по распоряжению султана; со временем его выплаты стали принимать систематическую форму.

[57] 1136 год — с 1.X.1723 по 19.IX.1724 г.

[58] Указанные цифровые данные не ясны.

[59] Айдин — центр Айдинского вилайета в современной Турции.

[60] 1110 год — с 10.VII.1698 по 28.VI.1699 г.

[61] Худжет — судебное постановление.

[62] Копру — название старинной крепости около Эскишехира. Долгое время была прочным укрепленным пунктом; в 1289 г. захвачена султаном Осман Хан Гази. См.: Dictionnaire universel d'histoire et de geographie par Ch. Samy Bey Fraschery. T. V. Constantinople, 1896, с. 3906.

[63] 13 мухарема 1136 года — 13.X.1723 г.

[64] Эмин — доверенное лицо, занимающее разные посты в государственных учреждениях (см.: Ziya Karamursal. Osmanlı Malı Tarihi Hakkında Tatkikler. Ankara, 1940, с. 132.

[65] 24 рамазана 1136 года — 16.VI.1724 г.

[66] Начало рамазана 1136 года — 24.V.1724 г.

[67] 6 мухарема 1136 года — 6.X.1723 г.

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК
1978

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Ю.О.Магидсон*
Младший редактор *Л.В.Яшина*
Художественный редактор *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *Г.А.Никитина*
Корректор *Р.Ш.Чемерис*

ИБ № 14926

Сдано в набор 06.10.83
Подписано к печати 29.03.84. А-05396
Формат 60х90 $^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 2
Гарнитура литературная. Усл. п.л. 17,0
Усл. кр.-отт. 17,13. Уч.-изд.л. 19,74
Тираж 1450 экз. Изд. № 5089. Зак. № 334
Цена 3 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства "Наука"
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАУКА"

Выйдет книга

Тюркологический сборник. 1979. 15 л.

Очередной "Тюркологический сборник" посвящен проблемам истории и историографии Османской империи в средние века и новое время. В статьях освещаются ключевые проблемы истории Османской империи и турецкого источниковедения средних веков, а также проблемы преобразования феодальных институтов Османской империи в новое время.

Заказы на книгу принимаются всеми магазинами книготоргов и "Академкнига", а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 ("Книга — почтой") "Академкнига".

3 р. 20 к.